Годъ 21-й. Кн. LXXXI—LXXXII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при московскомъ университетѣ.

1909, № 2—3.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла *В. Ѳ. Миллера*,

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука

и

Секретаря В. В. Богданова.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1910.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Брачные классы австралійцевъ.

За послѣднее время австралійцы занимаютъ въ этнографіи нѣсколько привилегированное положеніе. Выражается это не въ количествѣ книгъ и статей, посвященныхъ описанію ихъ быта; количественно литература объ американскихъ индѣйцахъ или объ африканскихъ племенахъ несравненно богаче литературы объ австралійцахъ, да и въ качественномъ отношеніи, напр., превосходныя работы Бюро американской этнологіи смѣло выдержатъ какое угодно сравненіе. Привилегированность австралійцевъ выражается въ томъ исключительномъ вниманіи, которое привлекаютъ къ себѣ нѣкоторыя отдѣльныя работы по австралійской этнографіи, и особенно въ нерѣдкихъ попыткахъ возстановить ходъ культурнаго развитія человѣчества на его болѣе раннихъ ступеняхъ, пользуясь для этой цѣли исключительно фактами австралійской этнографіи. Изъ всѣхъ новинокъ этнографической литературы, вышедшихъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, ни одна не вызвала столько толковъ, какъ книга Спенсера и Гиллена „The native tribes of Central Australia“, содержащая въ себѣ, въ сущности говоря, описаніе только одного племени Arunta или Aranda, Arinda, какъ ихъ называютъ другіе изслѣдователи. При общей численности племенъ земного шара, доходящей по скромному разсчету до 8,000, казалось бы, что факты, касающіеся всего только одного какого-нибудь племени, взятые въ отдѣльности, могутъ имѣть лишь второстепенное значеніе, совершенно не оправдывающее повышеннаго интереса къ нимъ. Но тѣмъ не менѣе сейчасъ названіе племени Arunta почти не сходитъ съ языка этнографовъ, и споры о томъ, вѣрно ли переданы Спенсеромъ и Гилленомъ описываемые ими факты, принадлежатъ ли сами Arunta къ наиболѣе отсталымъ или, наоборотъ, къ наиболѣе развитымъ австралійскимъ племенамъ и т. п.,—эти споры глубоко волнуютъ

даже ученыхъ, никогда не занимавшихся спеціально австралійской этнографіей. Объясненіе этому коренится въ томъ, что данные отдѣльные факты сейчасъ же используваются для болѣе широкихъ цѣлей, для рѣшенія болѣе общихъ и основныхъ вопросовъ исторіи первобытной культуры. Въ настоящее время ни одному ученому не придетъ въ голову мысль строить обобщенія, распространяющіяся на все человѣчество, исходя изъ фактовъ только американской или только африканской этнографіи, но по отношенію къ фактамъ австралійской этнографіи такое, такъ сказать, распространительное толкованіе ихъ все еще допускается, и если мы, напр., обратимся къ послѣднимъ книгамъ одного изъ наиболѣе видныхъ и интересныхъ историковъ первобытной культуры, Эндрью Лэнга, то увидимъ, что какъ въ „Social origins", такъ и въ „Secret of the totem" онъ оперируетъ исключительно фактами изъ жизни австралійцевъ, хотя рѣшаетъ проблемы, относящіяся ко всему человѣчеству.

Не трудно понять, какимъ образомъ изслѣдователи могли придти къ подобной постановкѣ вопроса. Имѣя передъ собой множество отдѣльныхъ племенъ, стоящихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ развитія, подавляемые массой разрозненныхъ фактовъ, историки первобытной культуры легко могли увлечься мыслью о томъ, чтобы ограничить рамки своего изслѣдованія только нѣкоторыми, но зато наиболѣе первобытными племенами, съ тѣмъ чтобы, заложивъ такимъ образомъ фундаментъ, уяснивъ себѣ культуру племенъ, наиболѣе низкихъ по своему развитію, приступить къ изученію племенъ болѣе высшихъ. Пріемъ этотъ, казалось бы, тѣмъ болѣе правиленъ, что у болѣе развитыхъ племенъ мы сплошь и рядомъ наталкиваемся на факты, при данной культурной обстановкѣ совершенно непонятные и объяснимые лишь какъ переживанія прошлаго; для того чтобы понять ихъ, приходится поэтому спуститься на нѣсколько ступеней ниже и обратиться къ болѣе первобытнымъ племенамъ. А если ограничивать свою задачу, хотя бы только предварительно, лишь наиболѣе первобытными племенами, австралійцы легко могутъ претендовать на исключительное вниманіе къ нимъ. Чрезвычайно низкая матеріальная культура, почти полное отсутствіе политической организаціи легко могутъ оправдывать ихъ притязанія на первобытность. Правда, въ этомъ отношеніи у нихъ есть сопер-

ники въ лицѣ огнеземельцевъ, цейлонскихъ ведда, андаманцевъ, бушменовъ, но всѣ только-что названныя народности либо представляютъ каждая только одно небольшое племя, либо состоятъ изъ очень ограниченнаго числа племенъ, мало обособленныхъ одно отъ другого; факты ихъ культурной жизни остаются единичными фактами и поэтому самому одинаково легко могутъ быть истолкованы и какъ правило, и какъ исключеніе. Для того, чтобы видѣть въ нихъ явленіе типичное для первобытной жизни, имъ недостаетъ повторяемости, и какъ разъ именно этотъ весьма важный въ качествѣ доказательства признакъ можно было бы надѣяться найти у австралійцевъ. Вѣдь они представляютъ цѣлую расу, заселившую весь материкъ и разбившуюся на множество (вѣроятно около 1,000) самостоятельныхъ племенъ; тутъ уже есть просторъ для различнаго рода сопоставленій, есть возможность отдѣлять завѣдомо случайныя явленія отъ явленій, типичныхъ, по крайней мѣрѣ, для извѣстной среды; больше того, тутъ есть даже возможность намѣтить нѣкоторые этапные пункты совершающейся эволюціи, такъ какъ не всѣ австралійскія племена стоятъ на одинаковой ступени развитія.

Но апріорныя теоретическія предпосылки—одно, а факты—другое, и по мѣрѣ того, какъ изученіе австралійскихъ племенъ становится все болѣе и болѣе детальнымъ и точнымъ, все труднѣе становится поддерживать вѣру въ ихъ первобытность. Конечно, ихъ матеріальная культура въ общемъ очень низка, но въ то же время они обладаютъ такимъ высоко совершеннымъ въ своемъ родѣ орудіемъ, какъ бумерангъ; ихъ антропологическій типъ очень грубъ, но все же есть признаки, позволяющіе нѣкоторымъ ученымъ сближать ихъ чрезъ посредство дравидовъ съ кавказской расой. Но особенно плохо вяжется съ первобытностью общественная организація австралійцевъ; у нихъ, правда, нѣтъ ни постоянныхъ вождей, ни сословій, ни экономическихъ классовъ, ни института жрецовъ; ихъ понятія о собственности порою довольно шатки, а накопленіе имуществъ остановилось на самой низкой ступени,—и несмотря на все это каждое австралійское племя представляетъ такой сложный и запутанный клубокъ отношеній, къ которому не знаешь съ какой стороны подступиться. Внутри племени мы находимъ цѣлый рядъ дѣленій отчасти параллельныхъ, отчасти взаимно пересѣкающихся. очень многочисленныхъ и очень

дробныхъ; нѣкоторыя изъ этихъ дѣленій вполнѣ понятны и естественны, но зато другія до сихъ поръ представляютъ загадку, не поддающуюся пока разумному разрѣшенію.

Прежде всего каждое австралійское племя дѣлится на *орды* или территоріальныя группы, обладающія опредѣленными охотничьими участками, вмѣстѣ совершающія перекочевки, вмѣстѣ становящіяся лагеремъ и т. п.; однимъ словомъ это—группы, не всегда достаточно рѣзко обособленныя, связь между членами которыхъ устанавливается прежде всего общностью матеріальныхъ интересовъ. Далѣе слѣдуетъ дѣленіе на *возрастные классы*; это отнюдь не та естественная группировка по возрасту, которую мы наблюдаемъ въ нашемъ обществѣ; австралійскіе возрастные классы формально обособлены одинъ отъ другого, и принадлежность къ тому или другому классу опредѣляетъ права и привилегіи каждаго человѣка, его положеніе въ племени; для перехода изъ класса дѣтей въ классъ взрослыхъ требуется извѣстное „посвященіе", нуженъ сложный искусъ, необходимо подвергнуться цѣлому ряду церемоній, нѣкоторымъ довольно мучительнымъ операціямъ; человѣкъ, не выполнившій всего предписаннаго обычаемъ, не „посвященный", до старости остается юридически на положеніи ребенка. Слѣдующее дѣленіе—*тотемы*; это—группа лицъ, объединенныхъ тѣмъ, что у всѣхъ у нихъ имѣется какая-то таинственная связь съ однимъ и тѣмъ же животнымъ или растительнымъ видомъ или съ опредѣленной категоріей неживыхъ предметовъ; по отношенію къ этому виду они несутъ извѣстныя обязательства, не могутъ его, напр., ѣсть или убивать, отъ него нерѣдко ведутъ свое происхожденіе и т. д.; съ извѣстными оговорками тотемы можно назвать союзами преимущественно религіозно-культоваго характера. За тотемами слѣдуютъ *фратріи*, которыхъ обыкновенно бываетъ по двѣ; все племя дѣлится на двѣ экзогамныхъ половины, и соотвѣтственно этому и вся живая и неживая природа дѣлится тоже на двѣ половины, имѣющія какое-то отношеніе къ фратріямъ.

Какъ орды, такъ и возрастные классы, такъ и тотемы, а въ извѣстной степени и фратріи не представляютъ исключительной особенности австралійцевъ; ихъ мы находимъ и въ другихъ частяхъ свѣта, но далѣе слѣдуютъ уже спеціально австралійскія дѣленія племенъ. Здѣсь прежде всего приходится отмѣтить *брачные*

классы; все племя дѣлится на 4 или 8 классовъ, и мужчина одного класса долженъ брать жену въ другомъ опредѣленномъ классѣ, дѣти же причисляются не къ классу отца и не къ классу матери, а къ опредѣленному третьему классу. Нерѣдко эти классы бываютъ сгруппированы въ двѣ половины, совпадающія съ фратріями, и многіе изслѣдователи считаютъ фратріи и классы дѣленіями одного порядка, называя ихъ классами и подклассами но мы предпочитаемъ обособлять ихъ, и основанія для этого даны будутъ ниже. Сверхъ брачныхъ классовъ у нѣкоторыхъ племенъ имѣются еще недавно открытыя Мэтьюсомъ и до сихъ поръ очень плохо изученныя дѣленія на *крови* (вялая кровь и живая кровь) и *тѣни* (тѣнь отъ верхушки дерева, тѣнь отъ средины дерева, тѣнь отъ основанія дерева): эти дѣленія носятъ экзогамный характеръ: нельзя, какъ общее правило, жениться въ своей „тѣни" или въ своей „крови"; отчасти же эти дѣленія связаны также и съ тѣмъ или другимъ расположеніемъ членовъ племени или орды на лагерныхъ стоянкахъ.

Ко всѣмъ этимъ дѣленіямъ, такъ сказать, естественнаго характера, при которыхъ принадлежность ребенка къ той или другой группѣ опредѣляется его рожденіемъ отъ данныхъ родителей или въ случаѣ ненаслѣдственныхъ тотемовъ, какъ у Arunta, фактомъ зачатія его въ той или другой мѣстности,—можно было бы прибавить соединенія искусственнаго характера, какъ тайныя общества или ордена, но и безъ нихъ картина получается достаточно сложная. Вѣдь всѣ перечисленныя дѣленія существуютъ въ племени одновременно, какъ общее правило они не совпадаютъ одно съ другимъ, и въ результатѣ племя, а австралійскія племена очень немноголюдны, оказывается раздѣленнымъ цѣлымъ рядомъ перегородокъ горизонтальныхъ, вертикальныхъ, продольныхъ, поперечныхъ, косыхъ на множество клѣтокъ, изъ которыхъ въ каждой остается мѣсто для одного-двухъ жильцовъ. Далеко не всякому австралійцу можно найти себѣ полнаго товарища, т.-е. человѣка, съ которымъ у него были бы общими всѣ дѣленія и соотвѣтствующія имъ права и обязанности. Насколько дробны бываютъ эти дѣленія, можно судить, напр., потому, что въ племени Murawarri [1]), живущемъ на границѣ Новаго Южнаго Уэльса и

[1]) *R. H. Mathews*, Divisions of australian tribes. Proceed. Amer. Philosoph. Soc., vol. XXXVII, p. 154.

Квинслэнда, число тотемовъ доходитъ до 129 и, можетъ быть, это число не максимальное. У племени Chingalee (Сѣверная территорія) внутри каждаго изъ 8 брачныхъ классовъ отличаются особыми названіями мужчины и женщины, взрослые и дѣти, такъ что тутъ имѣется уже 32 классовыхъ названія [1]). А какія разнообразныя сочетанія могутъ быть между различными дѣленіями, показываютъ такіе факты: у сѣвернаго отдѣла племени Wiradjuri (Новый Южный Уэльсъ) тотемы распредѣлены по фратріямъ и слѣдовательно передаются отъ матери ребенку [2]), у южной же вѣтви того же племени они распредѣлены не по фратріямъ, а по классамъ и передаются отъ бабушки внуку [3]), у третьихъ племенъ они совершенно независимы отъ фратрій или классовъ и, наконецъ, у четвертыхъ, какъ, напр., у Arunta, они даже не наслѣдственны, а опредѣляются мѣстомъ зачатія ребенка, вслѣдствіе чего нерѣдко бываетъ такъ, что въ семьѣ отецъ принадлежитъ къ одному тотему, мать къ другому, а каждый изъ дѣтей еще къ новому третьему, четвертому и пятому [4]).

Трудность изученія и правильнаго пониманія всѣхъ этихъ дѣленій увеличивается вслѣдствіе шаткости научной терминологіи и невыясненности содержанія, вкладываемаго различными авторами въ употребляемые ими термины. Такъ, напр., у Гаунтта мы находимъ рядомъ (pp. 130—131) описаніе двухъ племенъ Narrang-ga и Narrinyeri; дѣленія перваго онъ называетъ классами, дѣленія второго кланами, подразумѣвая подъ этимъ послѣднимъ терминомъ „первичное географическое дѣленіе племени съ филіацiей по мужской линіи“; но и дѣленія Narrang-ga тоже локализированы, и у нихъ тоже происхожденіе считается по мужской линіи, разница только та, что Narrang-ga дѣлятся на 4 класса, у Narrinyeri же клановъ 18, а цифры 2, 4, 8 для классовъ и подклас-

[1]) *R. H. Mathews*, Notes on the aborigines of the Northern territory, Western Australia and Queensland. Queensland Geographical Journal, vol. XXII pp. 74—75.

[2]) *A. W. Howitt*, The native tribes of south-east Australia, pp. 208—209.

[3]) *R. H. Mathews*, The totemic divisions of australian tribes. Journ. and Proceed. Roy. Soc. of N. S. W., vol. XXXI pp. 171—174.

[4]) *B. Spencer* and *F. J. Gillen*. The native tribes of central Australia, pp. 115—116.

совъ играютъ у Гауитта [1]), какъ увидимъ, весьма важную роль. У племени Wotjabaluk тотъ же авторъ констатируетъ кромѣ тотемовъ еще подтотемы, не пытаясь дать отвѣта, не будутъ ли „тотемы" въ данномъ случаѣ соотвѣтствовать „классамъ" или „подклассамъ" нѣкоторыхъ другихъ описываемыхъ имъ племенъ. Были, правда, попытки ввести болѣе точную терминологію, но онѣ не привились по своей искусственности; у Рота, напр., мы находимъ группы „патронимическія" (племя), „гамоматронимическія" (фратрія), „педоматронимическія" (классъ), „гетеронимы" (термины классифицирующей системы родства), „генеанимы" (родственныя названія, зависящія отъ дѣйствительныхъ семейныхъ связей индивида), „автонимы" (личныя имена), „климанимы" (прозвища человѣка, зависящія отъ его соціальнаго положенія, отъ прохожденія имъ различныхъ степеней „посвященія") и т. д.

Немало вредитъ въ данномъ случаѣ и неполнота фактическихъ свѣдѣній. Различныя части Австраліи изучены далеко не одинаково. Относительно болѣе полными свѣдѣніями мы располагаемъ для восточныхъ колоній Викторіи, Новаго Южнаго Уэльса и Квинслэнда, но и тутъ есть весьма крупные пробѣлы, отчасти уже незаполнимые вслѣдствіе угасанія соотвѣтственныхъ племенъ. Въ Южной Австраліи съ Сѣверной территоріей сколько-нибудь изученныя племена представляютъ уже меньшинство, и притомъ большинство ихъ сгруппировано въ одной довольно узкой полосѣ, прилегающей къ телеграфной линіи, пересѣкающей Австралію въ юго-сѣверномъ направленіи. Наконецъ, Западная Австралія представляетъ для этнографа область почти совсѣмъ не изслѣдованную. Сверхъ того свѣдѣнія о многихъ племенахъ разсѣяны зачастую въ мелкихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ трудно доступныхъ изданіяхъ; сводныхъ работъ очень мало, а враждебныя отношенія между австралійскими этнографами зачастую дѣлаютъ труднымъ даже простое собираніе литературныхъ указаній. Авторами, наиболѣе потрудившимися для австралійской этнографіи за два послѣднихъ десятилѣтія, являются Гауиттъ, Спенсеръ и Гилленъ, Ротъ и Мэтьюсъ. Къ Роту прочіе авторы относятся всѣ одинаково довольно почтительно и не прочь отъ того, чтобы сослаться въ

[1]) Гауиттъ принадлежитъ къ числу авторовъ, не употребляющихъ термина „фратрія", а говорящихъ лишь о „классахъ" и „подклассахъ".

случаѣ надобности на его сочиненія. Мирныя отношенія существуютъ также между Спенсеромъ и Гилленомъ съ одной стороны и Гауиттомъ—съ другой, потому что области изслѣдованія ихъ не соприкасаются, но зато всѣ эти три автора питаютъ нескрываемую вражду къ Мэтьюсу, охватившему своими изслѣдованіями почти весь материкъ, и онъ имъ платитъ тѣмъ же. Отношенія между этими авторами доходятъ до курьеза: Гауиттъ, напр., ни разу не упоминаетъ въ своей книгѣ имени Мэтьюса; ставя своей задачей описать всѣ племена данной мѣстности (юго-восточная четверть Австраліи), онъ пропускаетъ многія племена (пропускаетъ въ текстѣ, пропускаетъ на картахъ), которыя были описаны раньше Мэтьюсомъ и относительно которыхъ Гауиттъ не располагалъ своими собственными наблюденіями или показаніями своихъ собственныхъ корреспондентовъ. Больше того, онъ иногда категорически заявляетъ, что про племена такого то района ничего неизвѣстно, или приводитъ отрывочныя и разрозненныя показанія старыхъ путешественниковъ и умалчиваетъ про очень точныя описанія Мэтьюса. Такой же политики полнаго умалчиванія придерживаются по отношенію къ послѣднему Спенсеръ и Гилленъ. Мэтьюсъ платитъ своимъ противникамъ приблизительно той же монетой: въ его статьяхъ имена Гауитта, Спенсера и Гиллена, правда, фигурируютъ нерѣдко, но исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ можно поймать на какой-нибудь ошибкѣ или неточности; это Мэтьюсъ всегда дѣлаетъ съ удовольствіемъ: когда же ошибки онъ не находитъ, и онъ придерживается системы замалчиванія. Такія отношенія, осложняемыя разнообразіемъ въ транскрипціи собственныхъ именъ, неизбѣжно вносятъ большую путаницу; иногда они затрудняютъ отождествленіе племенъ, описываемыхъ различными авторами, не даютъ возможности согласовать противорѣчія двухъ показаній и т. д. Въ частности работамъ Мэтьюса, которому въ концѣ-концовъ удалось собрать наиболѣе обширный матеріалъ по интересующему насъ вопросу, сильно вредитъ еще ихъ дробность. Въ составленномъ самимъ Мэтьюсомъ лѣтъ пять тому назадъ спискѣ его статей названо 95 его статей, разсѣянныхъ въ 14 различныхъ изданіяхъ. За послѣдніе годы онъ писалъ, пожалуй, наиболѣе продуктивно, и теперь число его статей вѣроятно приближается къ 150 и разсѣяны онѣ по австралійскимъ, американскимъ и европейскимъ журна-

ламъ, на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Собрать ихъ чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что оттиски ихъ, правда, можно получать отъ автора, но по чрезмѣрно дорогой цѣнѣ.

Наибольшее вниманіе изслѣдователей привлекали до сихъ поръ брачные классы австралійцевъ, и къ нимъ мы перейдемъ теперь, при чемъ впредь выраженіе „классъ", „классовый" будетъ употребляться нами исключительно въ смыслѣ брачныхъ классовъ, отнюдь не возрастныхъ. Большинство авторовъ говоритъ обыкновенно о двухклассовыхъ племенахъ, четырехклассовыхъ и восьмиклассовыхъ, но мы не будемъ слѣдовать этому примѣру и оставимъ пока въ сторонѣ тѣ племена, которыя дѣлятся всего на два экзогамныхъ класса или фратріи. Какъ увидимъ ниже, отождествленіе такихъ двухъ классовъ или фратрій съ четырьмя или восемью не только не доказано, но даже вызываетъ противъ себя серьезныя возраженія.

Самымъ общеизвѣстнымъ примѣромъ четырехклассоваго племени являются Kamilaroi. Ихъ брачные классы представлены на слѣдующей табличкѣ, гдѣ въ первомъ столбцѣ приведено классовое имя мужа, во второмъ классовое имя жены, въ третьемъ имя сыновей, въ четвертомъ имя дочерей:

№ 1.	Ipai (A)	Kubbitha (D)	Murri (C)	Matha (C)
	Kumbo (B)	Matha (C)	Kubbi (D)	Kubbitha (D)
	Murri (C)	Butha (B)	Ipai (A)	Ipatha (A)
	Kubbi (D)	Ipatha (A)	Kumbo (B)	Butha (B)

Если мы прослѣдимъ смѣну поколѣній, то увидимъ, что по мужской линіи названія классовъ чередуются въ двухъ рядахъ: Ipai—Murri—Ipai—Murri—Ipai и т. д., и Kumbo—Kubbi—Kumbo—Kubbi—Kumbo и т. д. По женской линіи чередованіе будетъ нѣсколько иное, но опять таки всѣ четыре класса распредѣляются по двумъ послѣдовательнымъ рядамъ: Ipatha—Butha—Ipatha—Butha—Ipatha и т. д., и Matha—Kubbitha—Matha—Kubbitha—Matha и т. д.. Подставивъ вмѣсто классовыхъ названій буквенныя обозначенія, приведенныя въ таблицѣ въ скобкахъ, получимъ такіе ряды: по мужской линіи. A—C—A—C—A и B—D—B—D—B и по женской линіи A—B—A—B—A и C—D—C—D—C. Во

всякомъ случаѣ ребенокъ всегда принадлежитъ одновременно къ классу дѣда по отцу и бабки по матери.

Относительно многихъ четырехклассовыхъ племенъ приходится сталкиваться съ противорѣчивыми показаніями двухъ различныхъ авторовъ: одинъ утверждаетъ, что филіація въ племени материнская, другой, что, наоборотъ, отцовская. Такія противорѣчія вполнѣ понятны, потому что, если мы соединимъ классы А и С въ одну пару, а В и D въ другую, то получимъ отцовскую филіацію, а если сгруппируемъ классы въ пары иначе, т. е. соединимъ А съ В и С съ D, тогда получится филіація материнская. Графически это можно представить еще въ видѣ такого чертежа:

A B

C D

Если мы раздѣлимъ все племя на двѣ половины волнистой горизонтальной линіей, тогда получится, что ребенокъ всегда принадлежитъ къ той же половинѣ, какъ и его мать, т.-е. филіація будетъ материнская; если же раздѣлить племя на двѣ половины прямой вертикальной линіи, что ребенокъ всегда принадлежитъ къ отцовской половинѣ племени, т. е. филіація уже будетъ отцовская.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выходъ изъ затрудненія даетъ наличность въ племени двухъ фратрій, въ каждую изъ которыхъ входитъ по два класса, такъ что тутъ уже даны парныя соединенія классовъ и не приходится строить догадокъ по этому поводу. Такъ у тѣхъ же Kamilaroi мы имѣемъ фратріи Kupathin и Dilbi: къ первой принадлежатъ классы Ipai и Kumbo, ко второй Murri и Kubbi; здѣсь слѣдовательно классъ А соединенъ съ классомъ В, а С съ D и ребенокъ всегда принадлежитъ къ фратріи матери.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда фратрій въ племени нѣтъ, нѣкоторыя указанія на филіацію могутъ дать сопоставленія двухъ различныхъ племенъ, имѣющихъ одинаковыя классовыя названія. Такъ у австралійцевъ, занимающихъ область потока Jondaryan, имѣются слѣдующіе классы: A) Djerwine, B) Bunda, C) Barrang, D)

Baudjoor, а у живущаго нѣсколько къ югу племени Kittabool[1]) имѣются классы: A) Terrawine, B) Bunda, C) Barrang, D) Banjoor. Въ тождественности классовыхъ названій этихъ двухъ племенъ не можетъ быть сомнѣній, но брачныя отношенія между одноименными классами у двухъ этихъ племенъ не одинаковы и различія видны изъ двухъ слѣдующихъ таблицъ:

№ 2 Jondaryan

Классъ мужа.	Классъ жены.	Классъ дѣтей.
A	D	C
B	C	D
C	B	A
D	A	B

№ 3. Kittabool

Классъ мужа.	Классъ жены.	Классъ дѣтей.
A	C	D
B	D	C
C	A	B
D	B	A

Въ первомъ племени смѣна поколѣній будетъ имѣть слѣдующій видъ:

№ 4. по мужеской линіи

A—C—A—C—A
B—D—B—D—B

по женской линіи

A—B—A—B—A
C—D—C—D—C

Во второмъ племени поколѣнія будутъ уже чередоваться нѣсколько иначе:

№ 5. по мужеской линіи

A—D—A—D—A
B—C—B—C—B

по женской линіи

A—B—A—B—A
C—D—C—D—C

Сопоставляя эти племена и исходя изъ предположенія, что ихъ брачныя системы развились изъ одной общей, мы приходимъ къ двумъ выводамъ: 1) мужчина класса A можетъ взять жену либо въ классѣ C, либо въ классѣ D, но не въ классѣ B; отсюда можно думать, что классъ B принадлежитъ къ той же половинѣ племени, что и классъ A, а классы C и D—къ другой противоположной половинѣ; при такомъ попарномъ соединеніи классовъ получается материнская филіація, такъ какъ ребенокъ всегда будетъ принадлежать къ той же половинѣ племени, какъ и его мать; 2) (и это самое главное) при различіи у двухъ племенъ смѣны поколѣній по мужской линіи, мы видимъ полное тождество ихъ по женской линіи; это говоритъ за то, что рѣшающее значеніе для классоваго имени ребенка имѣетъ принадлежность къ тому

---

[1]) *R. H. Mathews*, Australian divisional systems. Journ. and Proceed. Roy. Soc. of N. S. W, vol. XXXII. p. 82.

или иному классу его матери, а не отца; ребенокъ женщины изъ класса А всегда будетъ принадлежать къ классу В, все равно принадлежитъ ли ея мужъ къ классу С или къ классу D, ребенокъ же мужчины класса А будетъ въ одномъ случаѣ принадлежать къ классу С, въ другомъ къ классу D.

Оба эти вывода, изъ которыхъ особенно важнымъ является второй, говорятъ въ пользу признанія материнской филіаціи у данныхъ племенъ. Подобному заключенію противорѣчатъ однако категорическія утвержденія Гаунтта. Онъ описываетъ племя Kaiabara и племена округа г. Maryborough, не тождественныя съ вышеупомянутыми, но близкія къ нимъ и имѣющія классовыя названія Kaiabara: Turowain, Bunda, Baring, Bulkoin; у племенъ округа Maryborough: Theirwain, Bunda, Parang и Balgoin. Все это названія, которыя нетрудно отождествить съ приводимыми Мэтьюсомъ; брачныя отношенія классовъ и у Kaiabara и у племенъ округа Maryborough одинаковы съ брачными отношеніями перваго изъ описанныхъ Мэтьюсомъ племенъ, т.-е. мужчина класса А женится на женщинѣ класса D, и ихъ дѣти принадлежатъ къ классу С и т. д. Дальше однако слѣдуютъ уже нѣкоторыя особенности, именно Гауиттъ указываетъ на существованіе у описываемыхъ имъ племенъ фратрій, приводитъ изъ названія Dilebi и Kubatine и относитъ къ первой фратріи классы Turowain и Baring (А и С), а ко второй—Bunda и Bulkoin (В и D), что уже даетъ отцовскую филіацію, такъ какъ при такой системѣ ребенокъ будетъ принадлежать къ той же фратріи или половинѣ племени, какъ и его отецъ[1]). Этимъ однако сдѣланныя выше заключенія не опровергаются, такъ какъ категорическимъ указаніямъ Гауитта можно противопоставить не менѣе категорическія указанія Мэтьюса. А именно въ болѣе поздней, чѣмъ цитированная выше, статьѣ онъ говоритъ о цѣлой группѣ племенъ, объединенной имъ подъ общимъ именемъ Dippil nation и охватывающей не только племена по Joudaryan и племя Kittabool, но и описываемыхъ Гауиттомъ Kaiabara, и племена округа Maryborough. Про всю эту „націю" Мэтьюсъ опредѣленно говоритъ, что четыре класса сгруппированы здѣсь въ двѣ половины Deeajee и Karpeun, при чемъ къ первой принадлежатъ классы Derwine и Bunda (А и В), а ко второй

[1]) *A. W. Howitt*, Native tribes. pp. 116, 229—231.

классы Barrang и Banjoor (C и D); это уже даетъ материнскую филіацію, о которой Мэтьюсъ опредѣленно и говоритъ[1]). Намъ такимъ образомъ приходится сдѣлать выборъ между двумя противорѣчивыми показаніями; этотъ выборъ не труденъ. Мэтьюсъ въ своихъ утвержденіяхъ основывался, по крайней мѣрѣ, для племени Kittabool на личныхъ наблюденіяхъ, Гауиттъ же исключительно на письменныхъ сообщеніяхъ своихъ корреспондентовъ, при чемъ для племенъ округа Maryborough самъ онъ называетъ показанія своего корреспондента Ольдриджа противорѣчивыми и говоритъ, что выбралъ изъ нихъ то, что было въ нихъ согласнаго съ системами другихъ племенъ, въ частности Kaiabara. Относительно же послѣднихъ Гауиттъ признаетъ, что при наличности отцовской филіаціи по отношенію къ фратріи у нихъ имѣется материнская филіація по отношенію къ тотемамъ. Рѣшающее же значеніе въ этомъ спорѣ имѣетъ одна деталь, сообщенная Мэтьюсомъ въ его третьей позднѣйшей статьѣ, которая вышла уже послѣ появленія въ свѣтъ книги Гауитта и въ которой онъ вновь подтверждаетъ всѣ свои прежнія сообщенія[2]). Именно у племени Kittabool мужчина можетъ взять жену не только изъ одного даннаго, нормальнаго, такъ сказать, для него класса, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и изъ другихъ, даже изъ своего собственнаго. Такъ мужчина класса A можетъ взять жену изъ класса C, изъ класса D, изъ класса A и изъ класса B, дѣти его въ первомъ случаѣ будутъ принадлежать къ классу D, во второмъ—къ классу C, въ третьемъ—къ классу B и въ четвертомъ—къ классу A, т.-е. къ тому всякій разъ классу, къ которому долженъ былъ бы принадлежать ребенокъ, если бы мужъ матери принадлежалъ къ нормальному для нея классу. Женщина можетъ тоже имѣть мужьями мужчинъ различныхъ классовъ, но, къ какому бы классу ни принадлежалъ мужъ, потомство женщины зачисляется все равно въ одинъ и тотъ же разъ навсегда опредѣленный классъ. Дѣти женщины изъ класса A всегда принадлежатъ къ классу B, все рав-

---

[1]) *R. H. Mathews*, Divisions of Queensland aborigines. Proceed. Amer. Phil Soc., vol. XXVII pp. 328—329. Статья эта появилась въ печати раньше, чѣмъ цитированныя выше, но написана позднѣе.

[2]) *R. H. Mathews*, Note on the social organisation of the Turrbul and adjacent tribes. Man. 1907. № 97.

но будетъ ли ихъ отецъ принадлежать къ классу C, или къ классу D, или къ классу A, или къ классу B. Для зачисленія ребенка въ тотъ или другой классъ рѣшающее, даже исключительное значеніе имѣетъ происхожденіе его отъ той или другой матери, происхожденіе же отъ опредѣленнаго отца не имѣетъ въ данномъ случаѣ ровно никакого значенія: филіація, слѣдовательно, здѣсь материнская.

Еще болѣе сложную организацію представляетъ восьмиклассовая система, какъ показываетъ примѣръ сѣверныхъ Arunta; брачныя отношенія восьми классовъ видны изъ слѣдующей таблицы:

№ 6.	Классъ мужа.	Классъ жены.	Классъ дѣтей.
	Panunga (A)	Purula (C)	Appungerta (B′)
	Uknaria (A′)	Ungalla (C′)	Bulthara (B)
	Bulthara (B)	Kumara (D)	Uknaria (A′)
	Appungerta (B′)	Umbitchana (D′)	Panuga (A)
	Purula (C′)	Panunga (A)	Kumara (D)
	Ungalla (C′)	Uknaria (A′)	Umbitchana (D′)
	Kumara (D)	Bulthara (B)	Purula (C)
	Umbitchana (D′)	Appungerta (B′)	Ungalla (C′).

Чередованіе классовыхъ названій по поколѣніямъ представляетъ въ данномъ случаѣ любопытныя особенности. По мужской линіи мы будемъ имѣть четыре параллельныхъ ряда, въ которыхъ классовыя названія чередуются черезъ поколѣніе, а именно: 1) Panunga—Appungerta—Panunga—Appungerta—Panunga и т. д. 2) Uknaria—Bulthara—Uknaria; 3) Purula—Kumara—Purula; 4) Ungalla—Umbitchana—Ungalla. По женской же линіи будетъ не четыре, а только два параллельныхъ ряда, но за то въ каждомъ изъ нихъ одно и то же классовое названіе повторяется не черезъ поколѣніе, а черезъ три поколѣнія. Именно: 1) Panunga—Kumara—Uknaria—Umbitchana—Panunga и 2) Bulthara—Purula—Appungerta—Ungalla—Bulthara. При буквенномъ обозначеніи получатся слѣдующіе ряды.

№ 7	по мужской линіи	по женской линіи
	1) A—B′—A	1) A—D—A′—D′—A
	2) A′—B—A′	2) B—C—B′—C′—B
	3) C—D—C	
	4) C′—D′—C′	

Разсматривая эти таблицы и присматриваясь къ буквеннымъ обозначеніямъ, мы увидимъ въ нихъ нѣкоторую несимметричность. По мужской линіи въ первыхъ двухъ рядахъ чередуются буквы со значкомъ ′ и буквы безъ этого значка, а въ двухъ послѣднихъ этого нѣтъ. Это не простая случайность: буквенныя обозначенія наши произвольны, и мы могли бы измѣнить ихъ такъ, что по мужской линіи получались бы симметричные ряды, но тогда получится несимметрія по женской линіи; измѣнимъ буквы такъ, чтобы по мужской линіи получились ряды: A—B—A, A′—B′—A′, C—D—C, C′—D′—C′, тогда по женской линіи получатся ряды несимметричные A—D—A′—D′—A и B—C′—B′—C—B; тутъ несимметричность будетъ выражаться въ томъ, что въ первомъ ряду изъ двухъ рядомъ стоящихъ буквъ одинаково безъ значка или одинаково со значкомъ впереди будетъ стоять высшая по алфавиту, во второмъ ряду наоборотъ низшая. Той или иной несимметричности при буквенномъ изображеніи избѣжать нельзя, и эта несимметричность связана съ тѣмъ фактомъ, что по мужской линіи мы имѣемъ четыре ряда перемежающихся классовыхъ названій, по женской—только два. Такое неодинаковое чередованіе классовыхъ названій по мужской и по женской линіи не представляетъ особенности Arunta, а встрѣчается у *всѣхъ* восьмиклассовыхъ племенъ, по крайней мѣрѣ извѣстныхъ мнѣ: у описанныхъ Спенсеромъ и Гилленомъ Ilpirra, Kaitish, Iliaura, Waagai, Warramunga, Walpari, Wulmala, Tjingilli, Umbaia, Gnanji, Bingongina, Worgaia[1]), у обслѣдованныхъ Мэтьюсомъ Lunga, Kityu, Charrau, Nining[2]), Wombya[3]), у племенъ при сліяніи рѣкъ Rankine и Georgina, у племенъ по рр. Victoria и Daly, на Stuart Creek, у Ulperra,[4]) у Yuckamurri, у Yanular, у Leanawa, у Yookala, у Kurrawar[5]), у Yungmunni[6]); вообще у нѣсколькихъ десят-

---

[1]) *B. Spencer* and *F. J. Gillen*, The native tribes of Central Australia, pp. 89—90.—The northern tribes of Central Australia, pp. 100—101.

[2]) *R. H. Mathews*, Sociology of the aborigines of Western Australia. Proceed. Amer. Philos. Soc, vol. XLIX p. 33.

[3]) *R. H. Mathews*, The origin, organization and ceremonies of the Australian aborigines, Proceed. Amer. Philos. Soc, vol XXXIX p. 568.

[4]) *R. H. Mathews*, Divisions of some aboriginal tribes Queensland. Journ. and Proceed. Roy. Soc. of N. S. W. pp. 111—113.

[5]) *R. H. Mathews* Divisions of north australian tribes. Proceed. Amer. Philos. Soc, vol. XXXVIII, pp. 76—77.

[6]) *R. H. Mathews*, Organisation sociale des tribus aborigènes de l'Australie. Bull. et Mem. Soc. de l' Anthr. de Paris. 1901. 4. p. 415.

ковъ племенъ. Правда, для одного изъ только-что названныхъ племенъ, для Warramunga, Мэтьюсъ въ одной изъ своихъ статей даетъ такую таблицу брачныхъ отношеній между классами, въ результатѣ которой получается не только по женской, но и по мужской линіи только два параллельныхъ ряда, охватывающихъ каждый по четыре класса [1]), но позднѣе онъ же самъ опубликовалъ „исправленную" таблицу, дающую чередованіе классовъ по мужской линіи совершенно такое же какъ у Arunta [2]).

Всѣ эти племена различаются между собою названіями классовъ, но у всѣхъ у нихъ отношенія между классами одинаковы, и тѣ таблицы, которыя мы дали для Arunta, безъ малѣйшихъ измѣненій приложимы и къ прочимъ племенамъ. Но у самихъ Arunta повидимому, не всегда такъ было и одинъ изъ болѣе раннихъ изслѣдователей, наблюдавшихъ ихъ, миссіонеръ Шульцэ даетъ нѣсколько иную таблицу отношеній между классами:

№ 8	классъ мужа	классъ жены	классъ дѣтей
	Panunga (A)	Purula (C)	Bulthara (B)
	Uknaria (A′)	Ungalla (C′)	Appungerta (B′)
	Bulthara (B)	Kumara (D)	Panunga (A)
	Appungerta (B′)	Umbitchana (D′)	Uknaria (A′)
	Purula (C)	Panunga (A)	Kumara (D)
	Ungalla (C′)	Uknaria (A′)	Umbitchana (D′)
	Kumara (D)	Bulthara (B)	Purula (C)
	Umbitchana (D′)	Appungerta (B′)	Ungalla (C′)

Сравнивая эту таблицу съ таблицей № 6, мы видимъ, что разница между ними не велика и сводится только къ тому, что первая пара (A и C) какъ бы помѣнялись дѣтьми со второй (A′ и C′), а третья (B и D) съ четвертой (B′ и D′). Этого однако оказалось достаточнымъ, чтобы внести существенное измѣненіе въ порядокъ чередованія классовъ по поколѣніямъ, а именно и по женской линіи получилось вмѣсто двухъ рядовъ четыре какъ по мужской:

1) *R. H. Mathews*, Australian divisional systems. Journ. Procced. Roy. Soc. of N. S. W. vol. XXXII p. 74.

2) *R. H. Mathews*, Divisions of north australian tribes. Proc. Amer Philos. Soc. vol. XXXVIII pp. 76—77.

№ 9

по мужской линіи	по женской линіи
1) A—B—A	1) A—D—A
2) A′—B′—A′	2) B—C—B
3) C—D—C	3) A′—D′—A′
4) C′—D′—C′	4) B′—C′—B′

Ряды получились симметричные.

Трудно сомнѣваться въ томъ, что таблица Шульце представляетъ болѣе раннюю форму, чѣмъ та таблица, которая показываетъ теперешнія отношенія между классами у Arunta. Въ пользу такого предположенія говоритъ не только болѣе ранняя хронологически дата наблюденій Шульце, но и тотъ фактъ, что его таблица очень близка къ таблицѣ четырехклассовыхъ племенъ. Классы, обозначенные одной и той же буквой, но различающіеся присутствіемъ или отсутствіемъ значка ′, можно считать подраздѣленіями одного первичнаго класса. У южныхъ Arunta до сихъ поръ имѣются только четыре класса A, B, C и D, но внутри каждаго изъ нихъ уже намѣчаются два подраздѣленія, которыя у сѣверныхъ Arunta уже обособлены спеціальными названіями. Такое обособленіе, создавшее восемь вмѣсто четырехъ классовъ, имѣло своимъ результатомъ установленіе четырехъ вмѣсто двухъ рядовъ, въ которыхъ чередуются классовыя названія по поколѣніямъ. Какимъ образомъ совершился переходъ отъ того, что наблюдалъ Шульце. къ тому, что мы видимъ теперь, или вѣрнѣе сказать, въ силу какихъ мотивовъ совершился этотъ переходъ?—это вопросъ, на который отвѣтить нелегко. Восьмиклассовая система у Arunta—явленіе сравнительно новое, и первыя указанія на нее, сдѣланныя Шульце, были заподозрѣны Стирлингомъ[1]), черпавшимъ свои свѣдѣнія между прочимъ у Гиллена, который къ тому времени уже имѣлъ за собой многолѣтнее знакомство и не замѣтилъ восьмиклассовой системы, описанной имъ самимъ въ сотрудничествѣ со Спенсеромъ въ книгѣ, вышедшей всего 3 года спустя послѣ появленія въ свѣтъ работы Стирлинга. У южныхъ же Arunta, какъ уже сказано, и до сихъ поръ сохранилась четырехклассовая система. Мнѣ думается, что на Arunta имѣли вліяніе ихъ сѣверные сосѣди; это вліяніе вызвало сперва

[1]) *E. C. Stirling*. Report on the work of the Horn scientific expedition to central Australia. Part IV. Anthropology (1896) pp. 47—18.

подраздѣленія внутри каждаго изъ четырехъ классовъ Arunta, затѣмъ превратило эти подраздѣленія въ самостоятельные классы, установивъ между ними чередованіе классовыхъ названій, которое наблюдалъ Шульце, и наконецъ измѣнило и это самое чередованіе, придавъ ему ту форму, которая является нормальной для всѣхъ восьмиклассовыхъ племенъ и которая содержитъ четыре ряда по мужской линіи и только два по женской.

Легко можно догадаться, что относительно восьмиклассовыхъ племенъ должно было возникнуть споровъ на тему, материнская филіація у нихъ или отцовская, еще больше, чѣмъ относительно четырехклассовыхъ. Спенсеръ и Гилленъ категорически утверждаютъ, что у всѣхъ изслѣдованныхъ ими племенъ филіація отцовская, Мэтьюсъ въ рядѣ статей не менѣе категорически оспариваетъ это утвержденіе и настаиваетъ на материнской филіаціи. Первые говорятъ опредѣленно о томъ, что въ каждомъ племени восемь классовъ сгруппированы въ двѣ „половины", указываютъ точныя названія этихъ „половинъ" у многихъ отдѣльныхъ племенъ и распредѣляютъ классы по „половинамъ" слѣдующимъ образомъ: въ первую—классы A, A', B и B', во вторую—классы C, C' D и D'. При такомъ распредѣленіи классовъ ребенокъ всегда будетъ принадлежать къ той же „половинѣ" какъ и его отецъ, но отнюдь не къ той, къ какой принадлежитъ его мать; слѣдовательно филіація дѣйствительно выходитъ отцовская. Особенно вѣскимъ при этомъ является то, что Спенсеръ и Гилленъ не просто сами распредѣляютъ классы по „половинамъ", а говорятъ о такомъ распредѣленіи какъ объ установленномъ самими туземцами и закрѣпленномъ особымъ для каждой половины названіемъ. Мэтьюсъ однако не безъ основаній придерживается своего противоположнаго мнѣнія и въ подтвержденіе его можетъ сослаться на весьма вѣскій фактъ. Въ этихъ племенахъ бракъ съ женщиной опредѣленнаго даннаго класса является нормальнымъ, господствующимъ, но не единственно возможнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мужчина можетъ взять жену не изъ нормальнаго класса, равно какъ женщина можетъ выйти замужъ за мужчину и не изъ предписаннаго ей класса. И вотъ оказывается, что, изъ какого бы класса ни былъ мужъ женщины, дѣти ея зачисляются все равно въ одинъ и тотъ же неизмѣнный классъ; дѣти женщины изъ класса A всегда попадутъ въ классъ D, все равно будетъ ли ея

мужъ изъ класса C, C', A' или A; наоборотъ, ребенокъ мужчины будетъ принадлежать къ тому или другому классу въ зависимости отъ того, къ какому классу принадлежитъ жена: дѣти одного и того же мужчины класса A принадлежатъ къ классу B', если жена взята изъ класса C, къ классу B, если жена изъ класса C', къ классу D', если жена изъ класса A', и къ классу D, если жена изъ класса A. Иными словами принадлежность ребенка къ тому или другому классу зависитъ исключительно отъ происхожденія его со стороны матери, происхожденіе же съ отцовской стороны не имѣетъ тутъ ровно никакого значенія; филіація слѣдовательно получается материнская.

Фактическая сторона аргументаціи Мэтьюса возраженію не подлежитъ, потому что Спенсеръ и Гилленъ, правда, мимоходомъ, но признаютъ возможность брака внѣ нормальнаго класса, при чемъ классъ дѣтей женщины отъ этого не мѣняется, а классъ дѣтей мужчины мѣняется[1]). Съ другой стороны самый вѣскій аргументъ, которымъ располагаютъ Спенсеръ и Гилленъ, туземныя названія „половинъ", приводятся ими не для Arunta и ихъ сосѣдей, а для болѣе сѣверныхъ племенъ, которыя описаны этими авторами во второй ихъ книгѣ[2]) и обслѣдованы ими въ такой короткій срокъ, что въ литературѣ уже высказывались сомнѣнія въ надежности собранныхъ при этомъ данныхъ[3]). При такихъ условіяхъ, если бы непремѣнно было обязательно стать цѣликомъ либо на точку зрѣнія Мэтьюса, либо на точку зрѣнія Спенсера и Гиллена, выборъ сдѣлать было бы нетрудно, и предпочтеніе пришлось бы отдать Мэтьюсу, но думается мнѣ, что такой альтернативы, можетъ быть, и можно избѣжать. Дѣло въ томъ, что критика Мэтьюса содержитъ въ себѣ нѣкоторые пробѣлы: онъ не утвер-

---

[1]) *B. Spencer* and *F. J. Gillen*. The northern tribes of central Australia, p. 117 note.

[2]) „Northern tribes".

[3]) H. *Klaatsch*, Schlussbericht über meine Reise nach Australien. Zeitschr. f. Ethn., 1907. IV—V. S. 637.: „Очень жаль, что Спенсеръ и Гилленъ не дѣлаютъ никакихъ указаній на внѣшнюю обстановку своего путешествія и такъ мало говорятъ о способѣ своихъ сношеній съ различными племенами. Зачастую рѣшительно не понимаешь, какимъ образомъ они могли собрать такую огромную массу детальныхъ показаній у многихъ племенъ, языка которыхъ они совсѣмъ не знали", и т. д.

ждаетъ, что приводимыя Спенсеромъ и Гилленомъ названія половинъ прямо ошибочны, т. е., что обозначаемыхъ подобными названіями дѣленій племени вовсе не существуетъ; не говоритъ онъ также и того, что Спенсеръ и Гилленъ, приведя вѣрныя названія половинъ племени, неправильно распредѣлили между ними классы; короче сказать, ни въ какой фактической ошибкѣ Спенсера и Гиллена Мэтьюсъ не изобличаетъ и не обвиняетъ и въ концѣ концовъ самъ выражается не съ достаточной полнотой и опредѣленностью: „каково бы ни было значеніе терминовъ Wiliuku и Liaraku (приводимыя Спенсеромъ и Гилленомъ названія „половинъ“ племени Bingonbina), вполнѣ ясно, что они не могутъ быть именами двухъ независимыхъ половинъ“. Точно также и въ вышеупомянутомъ спорѣ съ Гауиттомъ по поводу четырехклассовыхъ племенъ Мэтьюсъ не отрицалъ категорически существованія указываемыхъ Гауиттомъ названій фратрій съ опредѣленнымъ распредѣленіемъ между ними классовъ. Такое отсутствіе со стороны придирчиваго Мэтьюса указаній на конкретныя ошибки не позволяетъ и намъ предполагать со стороны Гауитта и Спенсера и Гиллена какого-нибудь сплошного недоразумѣнія, прямого искаженія фактической дѣйствительности. Быть можетъ, приводимыя Спенсеромъ и Гилленомъ „половины“ дѣйствительно существуютъ, но представляютъ дѣленія въ иной плоскости, чѣмъ классы; не имѣя внутренней связи съ послѣдними, каждая „половина“ не представляетъ единенія нѣсколькихъ классовъ, а независима отъ нихъ по сущности и пріурочена къ нимъ лишь по внѣшности; покрываетъ ли каждая такая „половина“ цѣликомъ четыре класса или нѣтъ, это совпаденіе все равно можетъ быть случайнымъ. Такимъ образомъ Спенсеръ и Гилленъ, съ одной стороны, Мэтьюсъ, съ другой, можетъ-быть, не столько противорѣчатъ другъ другу, сколько говорятъ о разныхъ вещахъ. Смутное указаніе на то, что у восьмиклассовыхъ племенъ есть какія-то дѣленія „на половины“, которыя не совпадаютъ съ естественнымъ соединеніемъ 8 классовъ въ двѣ группы или въ два ряда по женской линіи, есть и у самого Мэтьюса. Такъ для племенъ Lunga, Kityu, Charrau и Nining онъ даетъ такую картину отношеній между классами[1]):

———

[1]) *R. H. Mathews*, Sociology of the aborigenes of Western Australia. Pro-

№ 10	классъ отца	классъ матери	классъ дѣтей
Фратрія I.	Changura	Chingulla	Chabuldyi
	Chanima	Chulima	Chungarin
	Chungulla	Changura	Chambin
	Chulima	Chanima	Chakara
Фратрія II.	Chakara	Chabuldyi	Chulima
	Chambin	Chungarin	Chungulla
	Chungarin	Chambin	Chanima
	Chabuldyi	Chakara	Changura

Какъ видимъ, у этихъ племенъ нѣтъ для фратрій ни отцовской ни материнской филіаціи; дѣти мужчины Changura изъ фратріи I будутъ Cabuldyi изъ фратріи II, дѣти женщины Changura изъ фратріи I будутъ Chambin опять изъ фратріи II. Больше того, даже при аномальныхъ, такъ сказать, бракахъ, даже и тогда не можетъ хотя бы случайно ребенокъ принадлежать къ такой же фратріи, какъ и отецъ. Мужчина Changura кромѣ класса Chungulla можетъ взять жену изъ классовъ Chulima, Chanima и Changura. Такъ какъ принадлежность ребенка къ тому или другому классу опредѣляется исключительно происхожденіемъ его со стороны матери, то дѣти мужчины Changura будутъ либо Chabuldyi, либо Chungarin, либо Chakara, либо Chambin, т. е. всегда будутъ принадлежать ко второй фратріи, тогда какъ онъ самъ изъ первой. Такая вещь, т. е. отсутствіе и отцовской и материнской филіаціи, возможна лишь потому, что вмѣсто обычной экзогаміи мы имѣемъ здѣсь эндогамію фратріи. Мужъ и жена у этихъ племенъ принадлежатъ къ одной и той же фратріи, а дѣти зачисляются въ другую. Совершенно то же самое мы находимъ у одного четырехклассоваго племени Niol-Niol, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы[1]):

...ed. Americ. Philos. Soc., vol. XLIX p. 33. Какъ въ этомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ примѣрахъ мы для простоты оставляемъ въ сторонѣ ...ленія классовыхъ именъ для мужчинъ и для женщинъ.

[1]) *H. Klaatsch.* Slussbericht über meine Reise nach Australien.. Zeitschr. f. Ethnol. 1907. S. 656.

№ 11. Фратрія.	классъ мужа	классъ жены	классъ дѣтей
Paddjabor	Pardiara	Karimb	Panak
	Karimb	Pardiara	Borong
Waddibol	Borong	Panak	Karimb
	Panak	Borong	Pardiara

Тутъ мужъ беретъ жену изъ своей фратріи, дѣти же попадаютъ въ противоположную фратрію; нѣтъ ни отцовской филіаціи, ни материнской.

Другимъ примѣромъ можетъ служить племя Yungmunni, для котораго Мэтьюсъ даетъ слѣдующую таблицу:

№ 12.	Классъ мужа.	Классъ жены.	Классъ дѣтей.
Фратрія A	Eemitch	Yungalla	Uwallaree
	Uwannee	Urwalla	Uwangaree
	Unmarra	Uwallaree	Urwalla
	Tabachin	Uwangaree	Yungalla
Фратрія B	Yungalla	Eemitch	Tabachin
	Urwalla	Uwannee	Unmarra
	Uwangaree	Tabachin	Uwannee
	Uwallaree	Unmarra	Eemitch

Для фратрій тутъ получается материнская филіація, ребенокъ принадлежитъ къ той же фратріи, какъ и его мать. Но на ряду съ фратріями Мэтьюсъ констатируетъ здѣсь наличность двухъ „половинъ", объединяющихъ каждая по четыре класса, считающіеся болѣе близкими родственниками другъ друга: въ первую „половину" входятъ классы Eemitch, Uwannee, Uwangaree и Uwallaree, во вторую—классы Unmarra, Tabachin, Yungalla, Urwalla[1]); при такомъ распредѣленіи классовъ для „половинъ" получается отцовская филіація. Въ какомъ отношеніи стоятъ фратріи къ „половинамъ", какова роль тѣхъ и другихъ, объ этомъ Мэтьюсъ, къ сожалѣнію, умалчиваетъ.

---

[1]) *R. H. Mathews*, Organisation sociale des tribus de l'Australie. Bull. et Mém. de la Soc. d'Anthr. de Paris 1904 pp. 415—419.

Для объясненія этихъ сложныхъ и запутанныхъ системъ было построено не мало теорій, изъ которыхъ наиболѣе послѣдовательными являются двѣ; одну изъ нихъ, представляемую Гауиттомъ, можно назвать теоріей послѣдовательныхъ дѣленій, другую, наиболѣе отчетливо формулированную Мэтьюсомъ,—теоріей послѣдовательныхъ соединеній. Первая теорія сводится къ тому, что цѣлостное и однородное первоначально племя было раздѣлено на двѣ экзогамныхъ половины съ опредѣленною цѣлью воспретить браки между братьями и сестрами; затѣмъ въ цѣляхъ недопущенія браковъ между родителями и дѣтьми каждая половина была вновь раздѣлена на два класса, которыхъ всего стало четыре; наконецъ, ради дальнѣйшаго ограниченія возможности браковъ между родственниками каждый изъ этихъ четырехъ классовъ былъ вновь раздѣленъ на два и всего ихъ получилось восемь. Эта теорія неудовлетворительна уже потому, что связываетъ происхожденіе экзогамныхъ дѣленій съ сознательнымъ стремленіемъ къ ограниченію кровосмѣсительныхъ браковъ, каковое предположеніе совершенно не соотвѣтствуетъ фактамъ. Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ экзогаміи; и помимо того противъ теоріи Гауитта можно привести весьма вѣскія возраженія. Даваемыя имъ объясненія съ одной стороны недостаточны, съ другой излишни. Недостаточны они потому, что экзогамія классовъ отнюдь не носитъ исключительнаго характера: для мужчины класса A бракъ съ женщиной класса C наиболѣе приличный, нормальный, но какъ мы уже видѣли не единственно возможный. Такимъ образомъ указываемой Гауиттомъ цѣли установленіе классовъ не достигаетъ. Съ другой стороны у всѣхъ австралійскихъ племенъ есть выработанныя системы родства и въ извѣстныхъ степеняхъ родства, съ нашей точки зрѣнія иногда очень отдаленныхъ, почти фиктивныхъ, браки безусловно не допускаются. Этими системами родства и связанными съ ними ограниченіями браки между родственниками воспрещаются гораздо полнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ они могли бы ограничиваться классами, если бы послѣдніе даже носили безусловно экзогамный характеръ. Съ этой стороны указываемые Гауиттомъ мотивы возникновенія классовъ излишни, потому что цѣли, къ которымъ установленіе классовъ будто бы стремилось, уже достигнуты и притомъ гораздо полнѣе другимъ путемъ.

Есть еще одинъ фактъ, который говоритъ противъ теоріи Га-

уитта. Если бы четыре класса произошли изъ двухъ первоначальныхъ половинъ или фратрій путемъ ихъ дѣленія, если бы слѣдовательно классы были моложе, чѣмъ фратріи, то у племенъ, имѣющихъ одинаковыя названія классовъ, мы должны были бы ожидать встрѣтить и одинаковыя названія фратрій. Одинаковость названій классовъ позволяетъ заключать объ общемъ происхожденіи классовъ, а если два народа имѣютъ общими по происхожденію позднѣйшія явленія, то столь же общими должны быть и болѣе раннія институты, развившіе изъ себя болѣе позднія. Но то, что мы наблюдаемъ въ дѣйствительности, говоритъ въ этомъ отношеніи безусловно противъ теоріи Гаунтта. Возьмемъ, напр., племена имѣющія классы Ipai, Kumbo, Murri и Kubbi и посмотримъ, каковы у этихъ племенъ названія фратрій:

Плем.	Названія классовъ.	Названія фратрій.
Kamilaroi	Ipai Kumbo Murri Kubbi	Kupathin Dilbi
Baraba-baraba	Yipai Wumbi Murri Kubbi	нѣтъ
Bigambul	Hipai Kombo Murri Kobi	нѣтъ
Darkinung	Ippai Kumbo Bya Kubbi	нѣтъ
Murawarri	Ippai Kumbo Murri Kubbi	Merugali Girrara
Ngeumba	Ippai Kumbo Murri Kubbi	Ngurawan Mumbun
Unghi	Hipai Kombo Muri Kubi	нѣтъ
Wiradjuri (сѣверные)	Ippai Kumbo Murri Kubbi	Mukula Budtharung
Wiradjuri (южные)	Yibai Wambi Murri Kubbi	нѣтъ
Wollaroi	Ipai Kumbo Murri Kubbi	нѣтъ
Wonghibon	Ipai Kumbo Murri Kubbi	Ngielbumurra Mukumurra.

Изъ 11 племенъ, имѣющихъ одинаковыя названія классовъ, нѣтъ даже и двухъ, которыя имѣли бы одинаковыя названія фратрій. Что у большей части племенъ названія фратрій совсѣмъ отсутствуютъ, это еще можно было бы объяснить тѣмъ, что, утративъ послѣ возникновенія классовъ свое прежнее значеніе, фратріи утратили и имена. Но какъ объяснить такое разнообразіе названій фратрій тамъ, гдѣ онѣ сохранились? И это примѣръ отнюдь не единственный. Если мы обратимся къ многочисленнымъ племенамъ, имѣющимъ классовыя названія Wongo, Gubero. Banburi, Gurgilla, къ такъ-называемой Мэтьюсомъ Kogai-Yuipera nation, то увидимъ, что названіе одной фратріи Wuthera, Wuthero, Utheroo, Wootaroo и т. п., встрѣчается у многихъ племенъ, зато другая у тѣхъ же племенъ носитъ названіе Yungaru, Malera,

Multhuroo, Pakoota, а есть племена, у которыхъ и обѣ фратріи называются по иному: Kaka и Tunna, Chepa и Jonna и т. п.

Теорія Мэтьюса во всемъ противоположна теоріи Гаувтта. Для Мэтьюса теперешніе классы были первоначально самостоятельными племенами, и сліяніе двухъ такихъ племенъ въ одно цѣлое является основой дальнѣйшаго развитія. Сліяніе это могло быть мирнымъ, могло быть насильственнымъ, путемъ завоеванія, но въ обоихъ случаяхъ ради установленія большей прочности новаго союза вводилось обязательство для мужчины одного племени брать жену непремѣнно въ другомъ. Такимъ образомъ изъ двухъ племенъ получилось одно, состоящее изъ двухъ экзогамныхъ фратрій съ материнской филіаціей. Дальнѣйшимъ этапомъ развитія является сліяніе двухъ такихъ сложныхъ племенъ въ одно еще болѣе сложное. Опять-таки и тутъ въ цѣляхъ большаго сплоченія вводится правило, что мужчина одного племени непремѣнно долженъ брать жену въ другомъ, а такъ какъ въ обоихъ племенахъ по двѣ фратріи, то каждой фратріи одного племени указывается для браковъ опредѣленная фратрія другого: получилось племя, состоящее изъ четырехъ классовъ и заставляющее мужчину одного класса брать жену въ опредѣленномъ другомъ классѣ. Аналогичнымъ путемъ, путемъ сліянія въ одно цѣлое двухъ четырехклассовыхъ племенъ возникли, по мнѣнію Мэтьюса, восьмиклассовыя племена.

Съ перваго взгляда теорія Мэтьюса производитъ благопріятное впечатлѣніе. Выдвигаемый имъ на первый планъ фактъ сліянія отдѣльныхъ племенъ въ одно цѣлое вполнѣ реалистиченъ, и можно не колеблясь признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ именно такъ и образовывались племена съ экзогамными родовыми или иными дѣленіями. Далѣе въ пользу теоріи Мэтьюса говоритъ тотъ фактъ, что иногда какое-нибудь одно классовое названіе повторяется у различныхъ племенъ въ сочетаніи съ разнообразными названіями другихъ кассовъ, иногда же оно является названіемъ уже не класса, а фратріи или даже цѣлаго племени. Все это легко объяснимо предположеніемъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ отдѣльныя части одного и того же племени сливались съ различными другими племенами, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имя болѣе сильнаго изъ сливающихся двухъ племенъ становилось именемъ новаго сложнаго племени.

Но при всемъ томъ еще больше можно сказать противъ теоріи Мэтьюса. Прежде всего она совершенно не объясняетъ схематичности и симметричности даваемыхъ имъ соединеній. Почему мы имѣемъ племена только съ дѣленіями на два, на четыре, на восемь? Почему племена соединяются только попарно, и притомъ непремѣнно простое племя съ простымъ, двойное съ двойнымъ, четверное съ четвернымъ? Почему нѣтъ ни одного случая соединенія въ одно трехъ племенъ, или соединенія двойного племени съ простымъ, четвернаго съ двойнымъ или простымъ? На всѣ эти вопросы Мэтьюсъ не даетъ никакого отвѣта, а между тѣмъ не имѣя подобнаго отвѣта, не зная, чѣмъ объяснить такую искусственность получающихся соединеній, мы затрудняемся приписать ихъ возникновеніе исключительно естественному ходу вещей, органическому процессу слиянія разрозненныхъ племенъ въ одно цѣлое. Другое затрудненіе, препятствующее принять теорію Мэтьюса, состоитъ въ томъ, что трудно объяснить, почему ребенокъ зачисляется не въ классъ отца и не въ классъ матери, а въ опредѣленный третій классъ. Самъ Мэтьюсъ объясняетъ это тѣмъ, что одновременно съ переходомъ къ четырехклассовой системѣ совершился переходъ къ отцовскому праву или по крайней мѣрѣ къ болѣе предпочтительному вниманію къ происхожденію ребенка съ отцовской стороны. При наличности въ племени только двухъ экзогамныхъ дѣленій А и В и при наличности материнской филіаціи ребенокъ мужчины дѣленія А зачислялся въ дѣленію В. Когда къ двумъ первоначальнымъ дѣленіямъ присоединились еще два новыя С и Д, мужчина дѣленія А сталъ брать жену въ дѣленіи С, но вслѣдствіе перехода къ отцовскому праву ребенка уже не стали зачислять въ материнское дѣленіе С, а придавая главное значеніе его происхожденію по отцу и помня, что прежде ребенокъ всякого А принадлежалъ къ дѣленію В, и при новыхъ порядкахъ сохранили это обыкновеніе. Такое объясненіе въ высшей степени искусственно и въ то же время оно рѣзко противорѣчитъ подчеркиваемому неоднократно самимъ Мэтьюсомъ факту, что и у четырехклассовыхъ, и у восьмиклассовыхъ племенъ единственное основаніе для зачисленія ребенка въ тотъ или другой классъ, это—его происхожденіе со стороны матери; происхожденіе со стороны отца тутъ ровно ничего не значитъ.

Наконецъ, противъ теоріи Мэтьюса можно привести еще одно

возраженіе, аналогичное тому, которое было приведено противъ теоріи Гаутта. Если каждая фратрія есть соединеніе двухъ болѣе раннихъ по времени классовъ, то при наличности общихъ названій для фратрій слѣдовало бы ожидать и общихъ названій для классовъ, и однако это не всегда бываетъ, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра:

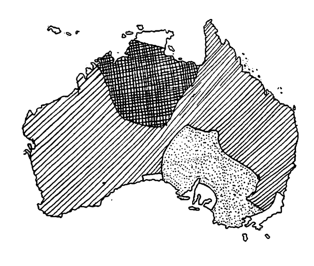
Племя.	Названія фратрій.		Названіе классовъ.			
Bathalibura	Wuthera	Yungaru	Wungo	Oba	Banbee	Kurgiila
Kongulu	Wutthura	Yungguro	Banjur	Kaigara	Bunya	Tarbala
Kuinmurbura	Wittera	Yungeru	Munal	Karilbura	Kuialla	Kurpal

Въ результатѣ всего этого теорію Мэтьюса приходится отвергнуть не менѣе рѣшительно, чѣмъ теорію Гаутта.

При всемъ своемъ различіи теоріи Мэтьюса и Гаутта имѣютъ то общее, что обѣ онѣ объединяютъ генетическою связью, ставятъ въ одинъ рядъ развитія теперешнія двуфратрійныя племена четырехклассовыя и восьмиклассовыя. А между тѣмъ для этого нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ. На отдѣльныхъ примѣрахъ мы уже видѣли, что одни и тѣ же классовыя названія сочетаются съ самыми разнообразными названіями фратрій и, наоборотъ, одинаковыя названія фратрій встрѣчаются у племенъ съ различными классовыми названіями. Въ болѣе широкомъ масштабѣ это показалъ Томасъ[1]): къ книгѣ его приложены двѣ карты; на одной нанесены границы областей, объединяющихъ племена съ одинаковыми названіями классовъ, на другой—границы областей съ племенами, объединенными общностью названій фратрій. Получившіяся на одной картѣ области не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ областями на другой картѣ. Затѣмъ изъ сравненія этихъ картъ мы видимъ, что фратріи вообще имѣются отнюдь не у всѣхъ четырехклассовыхъ племенъ, а сосредоточены преимущественно въ восточной части материка. Наконецъ, изъ примѣра племени Yungmunni мы видѣли возможность одновременно двойственнаго дѣленія одного и того же племени на двѣ половины въ двухъ различныхъ направленіяхъ, а у другихъ племенъ мы констатировали наличность такихъ дѣленій на двѣ половины, которыя не согласованы съ вось-

---

1) N. W. *Thomas*, Kinship organisatons and group marriage in Australia. Cambridge 1906.

племена восьмиклассовыя.

племена четырехклассовыя.

племена съ 2 фратріями безъ классовъ

племена съ иного рода общественною организаціей ([illegible]) или невѣдомыя ([illegible]).

миклассовой системой. Все это не только позволяетъ намъ присоединиться къ преобладающему среди изслѣдователей мнѣнію, что фратріи древнѣе классовъ, но и пойти дальше и высказать мнѣніе, что фратріи и классы совершенно различнаго происхожденія и выработаны не однимъ и тѣмъ же народомъ. Чрезвычайно важное значеніе имѣютъ здѣсь соображенія географическаго характера.

Приложенная къ настоящей статьѣ карта скомбирована на изъ картъ, составленныхъ Мэтьюсомъ и Томасомъ. Она вѣрна не во всѣхъ частяхъ [1]), но общее положеніе дѣлъ все же передаетъ. На этой картѣ мы видимъ рядъ наслоеній, опредѣленно указывающихъ на историческое движеніе системъ либо съ сѣвера на югъ, либо съ юга на сѣверъ. Что происходило именно первое движеніе съ сѣвера на югъ, на это помимо разнаго рода общихъ соображеній указываетъ и распространеніе восьмиклассовой системы вглубь материка по тому чуть ли не единственному пути, по которому можно пересѣчь австралійскій материкъ въ сѣверо-южномъ направленіи. Будь обратное движеніе съ юга на сѣверъ, т. е. если-бы четырехклассовая система тѣснила восьмиклассовую, то въ данномъ мѣстѣ (направленіе телеграфной линіи, пересѣкающей материкъ) мы имѣли бы въ границѣ, раздѣляющей эти двѣ системы, изгибъ къ сѣверу, а не къ югу. Такое географическое распредѣленіе различныхъ системъ вполнѣ согласуется съ предположеніемъ, что къ основной, по крайней мѣрѣ для большинства Австраліи, организаціи племени въ двѣ фратріи съ тотемами внутри каждой изъ нихъ позднѣе была привнесена извнѣ новая съ четырьмя брачными классами и еще позднѣе восьмиклассовая система. Это предположеніе о столкновеніи тутъ совершенно различныхъ по

---

[1]) Вслѣдствіе слишкомъ малаго масштаба карты на ней не могли быть отмѣчены въ юго-западномъ углу залива Карпентарія два племени Mara и Anula, которыя имѣютъ только по четыре класса. Впрочемъ внутри каждаго класса здѣсь уже есть по два подраздѣленія, что дѣлаетъ эти племена подобно южныхъ Arunta какъ бы переходной формой отъ четырехклассовыхъ племенъ къ восьмиклассовымъ. Далѣе относительно сравнительно узкой полосы четырехклассовыхъ племенъ въ самомъ центрѣ Австраліи надо помнить, что это какъ разъ именно область южныхъ Arunta, которые уже представляютъ переходную форму отъ четырехклассовой системы къ восьмиклассовой. Такимъ образомъ тутъ восьмиклассовыя племена уже готовы прорвать непрерывную полосу четырехклассовыхъ и подойти вплотную къ двуфратрійнымъ.

происхожденію общественныхъ системъ въ значительной степени можетъ дать объясненіе той запутанной организаціи австралійскихъ племенъ, которую мы наблюдаемъ нынѣ; эта организація продуктъ механическаго соединенія совершенно различныхъ системъ.

Такое предположеніе находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ лингвистическихъ данныхъ. Въ Австраліи различаютъ двѣ основныхъ лингвистическихъ группы: сѣверную и собственно австралійскую; границы первой изъ нихъ до нѣкоторой степени совпадаютъ съ границами восьмиклассовыхъ племенъ, включая въ ихъ число и Arunta. Отъ прочихъ австралійскихъ языковъ эта группа отличается весьма рѣзко, и большинство ея языковъ не знаетъ, напримѣръ, характерной для собственно австралійскихъ языковъ включительной и исключительной формы 1-го лица двойственнаго и множественнаго числа. Съ другой стороны и внутри себя сѣверная группа не представляетъ чего-нибудь однороднаго и цѣлостнаго; наоборотъ, здѣсь имѣется такое разнообразіе совершенно самостоятельныхъ языковъ, происхожденіе котораго при теперешней географической обстановкѣ, при отсутствіи естественныхъ преградъ между племенами необъяснимо и наводитъ на предположеніе, что это разнообразіе языковъ было выработано не на австралійской почвѣ и, можетъ быть, папуасскаго происхожденія. Собственно-австралійская группа распадается въ свою очередь на двѣ подгруппы, изъ которыхъ древнѣйшая охватываетъ племена Викторіи, т. е. какъ-разъ именно центръ племенъ, лишенныхъ брачныхъ классовъ.

Если мы отрѣшимся отъ идеи о генетической связи теперешнихъ австралійскихъ фратрій съ брачными классами, то объяснить возникновеніе послѣднихъ будетъ нетрудно, и это объясненіе уже намѣчено Дюркгеймомъ. Предположимъ двѣ территоріальныя и въ то же время родственныя группы A и B, все равно будутъ ли это самостоятельныя племена или нѣсколько обособившіяся части одного и того же племени; допустимъ далѣе, что обѣ эти группы придерживаются экзогаміи и материнской филіаціи, групповое имя передается ребенку отъ матери. До тѣхъ поръ пока мужъ, вступая въ бракъ, входитъ въ семью жены, каждая группа остается однородной, но разъ мужъ начинаетъ брать жену къ себѣ въ свою группу, какъ это и имѣетъ мѣсто у австралійцевъ,

однородность группы сразу нарушается. Пусть A будутъ мужчины первой группы, а *a* женщины ея, а B и b мужчины и женщины второй группы; такъ какъ филіація остается материнской то дѣти A и b, будутъ B и b, а дѣти B и a—A и a. Поэтому въ первой группѣ будутъ чередоваться названія A и B, во второй B и A; графически это можно представить такимъ путемъ (знакъ=означаетъ бракъ двухъ лицъ; подъ скобкой — помѣщается потомство соотвѣтствующей пары; въ скобкахъ лица, переходящія вслѣдствіе брака въ другую группу).

Первая группа.	Вторая группа.
b = A	B = a
(b) B = a	b = A (a)
b = A (a)	(b) B = a
(b) B	A (a)

Какъ видимъ, первоначальныя группы перестали быть однородными, и это при сохраненіи экзогаміи можетъ привести къ различнымъ послѣдствіямъ. Тѣ народы, которые видѣли въ первоначальныхъ группахъ прежде всего родственные союзы или по крайней мѣрѣ союзы лицъ, объединенныхъ общимъ именемъ, передающимся отъ матери дѣтямъ, эти народы въ виду наличности въ каждой группѣ лицъ разныхъ именъ могли перейти къ допущенію браковъ внутри новой группы съ тѣмъ условіемъ, чтобы мужъ и жена принадлежали къ разнымъ родственнымъ дѣленіямъ. Тутъ A можетъ жениться на всякой b все равно, происходитъ ли она изъ его собственной территоріальной группы или нѣтъ. Такимъ путемъ возникла экзогамія родовая или клановая, которую мы такъ часто встрѣчаемъ. Другіе народы могли, наоборотъ, видѣть въ первоначальныхъ союзахъ главнымъ образомъ территоріальные союзы и потому сохранить и впредь требованіе брать жену въ другой группѣ, невзирая на ея родовое прозвище. Тутъ A одинаково можетъ жениться на a или b, лишь бы онѣ происходили изъ другой группы. Это—экзогамія чисто территоріальная. Наконецъ, третьи народы, помня, что первоначальная группа была одновременно и территоріальной и родственной, предъявляютъ при новыхъ условіяхъ двойное требованіе: женщина, на которой можетъ жениться мужчина, должна имѣть иное, чѣмъ онъ, родовое прозви-

ще и должна принадлежать къ иной территоріальной группѣ. A можетъ жениться не на всякой b, а лишь на такой, которая родилась въ другой группѣ. Отмѣтимъ въ предыдущей таблицѣ значками ′ и ″ лицъ, родившихся въ первой и во второй группѣ, и тогда получимъ слѣдующее:

Первая группа.	Вторая группа.
$b'' = A'$	$B'' = a'$
$\overbrace{(b')\ \ B'} = a''$	$b' = \overbrace{A''\ \ (a'')}$
$b'' = \overbrace{A'\ \ (a')}$	$\overbrace{(b'')\ \ B''} = a'$
$\overbrace{(b')\ \ B'}$	$\overbrace{A''\ \ (a'')}$

Тутъ уже получилось всего четыре дѣленія A′, A″, B′, B″, и бракъ для лицъ одного дѣленія возможенъ только внутри опредѣленнаго другого дѣленія. Въ виду запрещенія брака внутри родственнаго союза A долженъ жениться на b, а въ виду запрещенія брака внутри территоріальной группы A′ не можетъ жениться на b′, а непремѣнно долженъ взять въ жены b″. Для того, чтобы видѣть, какъ чередуются эти дѣленія по поколѣніямъ, прослѣдимъ потомство какой нибудь пары.

$$\overbrace{A' = b''}$$

$$\overbrace{a'' = B'} \qquad\qquad \overbrace{b' = A''}$$

$$\overbrace{b'' = A'} \quad \overbrace{a' = B''} \qquad \overbrace{a' = B''} \quad \overbrace{b'' = A'}$$

$$\overbrace{B'\ \ b'} \quad \overbrace{A''\ \ a''} \qquad \overbrace{A''\ \ a'} \quad \overbrace{B'\ \ b'}$$

По мужской линіи мы имѣемъ чередованіе двухъ рядовъ: A′—B′—A′ и A″—B″—A″, по женской тоже два ряда: b″—b′—b″ и a″—a′—a″; получается именно то самое чередованіе, которое мы и имѣемъ у четырехклассовыхъ племенъ; ребенокъ одновременно принадлежитъ къ дѣленію дѣда по отцу и бабки по матери. Четыре класса уже существуютъ, и имъ остается только оформить свою обособленность спеціальными названіями для каждаго класса.

А. Максимовъ.

Къ пѣснямъ о взятіи Казани.

Въ описаніи своего пребыванія въ Московіи Олеарій, между прочимъ, сообщаетъ намъ интересное свѣдѣніе объ Иванѣ Грозномъ, дошедшее до него въ Москвѣ. „Когда бывало этотъ царь, говоритъ онъ, захочетъ повеселиться за пирушкой, то приказываетъ пѣть пѣсни, сложенныя о завоеваніи Казани и Астрахани [1]). При скудости документальныхъ свѣдѣній о старыхъ русскихъ пѣсняхъ это свѣдѣніе представляетъ нѣкоторый интересъ, но, къ сожалѣнію, оно слишкомъ кратко и, возбуждая наши вопросы, далеко ихъ не удовлетворяетъ. Намъ хотѣлось бы знать, кто могъ быть слагателемъ этихъ исполнявшихся при дворѣ пѣсенъ и кому приказывалъ ихъ исполнять Грозный царь, каково было ихъ содержаніе и дошли ли отголоски этихъ пѣсенъ въ извѣстныхъ намъ пѣсняхъ о взятіи Казани, древнѣйшій образчикъ которыхъ былъ занесенъ въ сборникъ Кирши Данилова. Мы можемъ только предположить, что эти придворныя пѣсни, слушавшіяся Иваномъ Грознымъ за веселой пирушкой, дѣйствительно развлекали его, щекотали его самолюбіе и тщеславіе, напоминая о самомъ славномъ событіи, въ которомъ онъ принималъ личное участіе, и что исполнителями этихъ веселыхъ пѣсенъ должны были быть „веселые люди“, скоморохи, которыхъ, по свидѣтельству Курбскаго, жаловалъ царь Иванъ. Послѣднее предположеніе— объ исполненіи пѣсенъ о Казани скоморохами, какъ будто подтверждается зачинами нѣкоторыхъ варіантовъ, дошедшихъ до насъ. Такъ варіантъ, доставленный Варламовымъ [2]), открывается обращеніемъ къ гостямъ (м. б. на пиру):

---

[1]) Олеарій перев. Барсова стр. 418.

[2]) Кирѣевскій В. VI стр. 1—2.

„Охъ вы гости, гости званые,
Гости званые, гости браные (sic)!
Сказать ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку:
Еще какъ государь царь Казань городъ бралъ [1]).

Другой, доставленный тѣмъ же лицомъ, варіантъ содержитъ обращеніе къ добрымъ людямъ и упоминаніе исполнителей пѣсни:

Добрые люди, послушайте,
А мы, малые ребята, станемъ сказывать
Про грозна царя Ивана Васильевича [2]).

Варіантъ, записанный въ Москвѣ отъ цыгана А. А. Григорьевымъ, однороденъ съ предыдущимъ:

Ужъ вы люди ли, вы люди стародавніе,
Молодые молодцы, доволь послушати,
Еще вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича [3]).

Болѣе старая запись, вошедшая въ Новиковскій пѣсенникъ (1780 г.), а также и Чулковскій (1770), измѣняетъ роли разсказчиковъ и слушателей.

Вы, молодые ребята, послушайте.
Что мы, стары старики, будемъ сказывати
Про грознаго царя Ивана про Васильевича [4])

Варіанты (2), записанные въ Казанской губерніи и напечатанные Магнитскимъ [5]), въ зачинѣ говорятъ объ этой пѣснѣ, какъ о новой:

---

[1]) Почти такое же обращеніе къ гостямъ въ варіантѣ Васнецова (Пѣсни сѣверо-вост. Россіи № 112).

[2]) Кирѣевскій В. VI стр. 2.

[3]) Тамъ же стр. 3. Срв. также начало саратовскаго варіанта, записаннаго А. Н. Пасхаловой. Тамъ же стр. 1.

[4]) Отмѣтимъ, что съ редакціей пѣсни о Казани въ пѣсенникахъ почти совпадаетъ варіантъ, записанный Гильфердингомъ въ Петербургѣ, и изданный имъ въ „Онежскихъ былинахъ" подъ № 160:

[5]) В. Магнитскій. Пѣсни крестьянъ С. Бѣловолжскаго Чебоксарскаго у. Казанской губерніи. Казань 1877 стр. 82—83.

Мы споемте, братцы, пѣсню нову,
Мы не сами споемъ про себя:
Мы про бѣлова споемъ царя.

Наконецъ и сказитель Щеголенокъ, слышшій эту пѣсню съ другимъ сюжетомъ о томъ же грозномъ царѣ (Покушеніе на убіеніе сына) и приплетшій къ началу былину о Вольгѣ, послѣ первыхъ пяти стиховъ, повидимому, припомнилъ обычный зачинъ пѣсни о Казани—обращеніе къ слушателямъ:

„Да вы слушайте, братцы, послушайте,
Я скажу старину стародавную,
Стародавную старинушку бывалую.
Какъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Снарядилъ ли войско подъ Казань-то городъ [1]).

Если, такимъ образомъ, большинство дошедшихъ до насъ записей пѣсни о Казани въ одной редакціи (см. ниже) открывается обращеніемъ къ слушателямъ, то слѣдуетъ думать, что это вступленіе, свойственное профессіональнымъ исполнителямъ, принадлежало старциннымъ изводамъ этой пѣсни и открывало ее, вѣроятно, и при исполненіи ея пѣтарями, которыхъ слушалъ царь Иванъ при своемъ дворѣ. Однако, сохранивъ слѣды зачина (или зачиновъ) старинной пѣсни, извѣстные намъ варіанты представляются крайне скомканными и сосредоточиваютъ все вниманіе почти исключительно на подкопахъ съ пороховыми бочками и на взрывѣ, рѣшившемъ судьбу Казани. Нельзя думать, чтобы пѣсня съ такимъ скуднымъ содержаніемъ могла быть допущена къ исполненію въ царскихъ хоромахъ и понравиться Грозному царю. Конечно, при дворѣ его нельзя было пѣть о томъ, что царь, заподозрѣвъ измѣну пушкарей, велитъ ихъ казнить и что эта казнь даже была совершена; нельзя было, отступая отъ исторіи, пѣть, что за гордость царя Симеона царь велѣлъ у него вынять очи косицами [2]), или снять у него голову [3]). Вѣдь современникамъ Ивана Грознаго было хорошо извѣстно, что казанскій царь Еди-

---

[1]) Гильфердингъ № 129.
[2]) Кирша Даниловъ.
[3]) Марковъ—Бѣломорск. былины стр. 293.

геръ, получившій при крещеніи имя Симеона, благополучно проживалъ въ Москвѣ, въ подаренномъ ему дворѣ, пользуясь царскими милостями.

Эти несообразности дошедшихъ до насъ пѣсенъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ были основательно передѣлываемы въ болѣе позднее время, вѣроятно уже въ XVII в., когда хранился въ народной памяти общій обликъ Грознаго царя, какъ впечатлѣніе всего его царствованія, а не его блестящаго начала, когда за нимъ уже прочно утвердился эпитетъ „Грознаго". Такимъ, дѣйствительно представляются царь Иванъ въ *большинствѣ* пѣсенъ о немъ. Спрашивается однако, не сохранилось ли въ дошедшихъ до насъ варіантахъ пѣсенъ о Казани какихъ-нибудь слѣдовъ болѣе ранняго и болѣе художественнаго извода, такого, который дѣйствительно могъ, исполняемый при дворѣ царя Ивана, увеселять его, льстить ему и соотвѣтствовать литературному вкусу его времени. Для возможнаго рѣшенія этого вопроса, разсмотримъ сначала нашъ устный матеріалъ.

Число дошедшихъ до насъ записей пѣсни о взятіи Казани далеко не соотвѣтствуетъ великому историческому значенію этого событія и глубокому впечатлѣнію, произведенному имъ на современниковъ. Изъ 15-ти извѣстныхъ намъ варіантовъ мы можемъ установить 2 извода этихъ пѣсенъ, значительно различающихся между собою. Къ первому изводу мы относимъ 2 варіанта: одинъ — наиболѣе старый по времени записи (вар. К. Данилова) [1], другой — наиболѣе поздній (вар. А. В. Маркова) [2]. Ко второй группѣ (или редакціи) относятся прочіе 13 варіантовъ [3]. Разсмотримъ

[1]) № 28).

[2]) Бѣломорск. былины № 58.

[3]) Два варіанта, доставленные г. Варламовымъ (мѣсто записи неизвѣстно). Кирѣевскій VI стр. 1—2); одинъ, записанный А. А. Григорьевымъ (мѣсто записи неизвѣстно. Кирѣевск. VI стр. 3); вар. записанный въ Саратов. г. А. Н. Пасхаловой (Кирѣев. VI стр. 4—5); вар. изъ Пермск. г. (Кирѣев. VI стр. 5—6); вар. изъ пѣсенниковъ XVIII в. (Тамъ же стр. 6—7); 2 вар. изъ Казанск. губ. (см. Магнитскій—Пѣсни крестьянъ с. Бѣловолжскаго, Чебоксарск. у. стр. 82—83); Гильфердингъ №№ 129 и 160 (начало); варіантъ изъ Вятской губ. у. Васнецова. (Пѣсни сѣверо-восточн. Россіи М. 1894 № 112); изъ Уфимской губ., Мензелин. у., с. Николаевки, въ сборн. Пальчикова—крестьянскія пѣсни № 89; изъ Вятск. губ. Елабужск. у. зап. А. В. Марковымъ (неизд.).

сначала оба варіанта *первой* группы. Варіантъ К. Данилова открывается вѣщимъ сномъ казанской царицы Елены, который она разсказываетъ царю Симеону. Ей приснилось:

> Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
> Кабы сизой орлище встрепенулся,
> Кабы грозная туча подымалась,
> Что на наше вѣдь царство понадвоно.

Слѣдующіе стихи служатъ объясненіемъ сну: отъ сна пѣсня переходитъ къ разсказу о событіи. Изъ Москвы подымался *великій князь* Иванъ Васильевичъ Прозритель съ пѣхотными полками и со старыми славными казаками. Далѣе поется о подкопахъ подъ Булатъ рѣку и Казанку рѣку, о постановкѣ бочекъ съ порохомъ и свѣчей—одной въ подкопѣ, другой на полѣ, о подозрѣніи канонеровъ въ измѣнѣ, о приказаніи Ивана Васильевича ихъ казнить и объ объясненіи молодого канонера в. князю, почему замедлился взрывъ, хотя поставленная на полѣ свѣча сгорѣла. Затѣмъ происходитъ взрывъ, поднявшій высокую гору и разбросавшій бѣлокаменныя палаты. Иванъ Васильевичъ спѣшитъ на гору, гдѣ стояли царскія палаты, жалуетъ царицу Елену, встрѣтившую его съ хлѣбомъ солью, и казнитъ царя Симеона за гордость, снявъ съ него царскую порфиру и корону. Иванъ Васильевичъ *князь* съ тѣхъ поръ воцарился и насѣлъ на Московское царство. И съ тѣхъ поръ великая слава.

Пѣсня, дошедшая до насъ съ пропусками, отличается стройностью плана: сначала вѣщій сонъ, предрекающій гибель царства Казанскаго, затѣмъ приступъ в. князя Ивана, не называемаго Грознымъ, а Прозрителемъ (?), его угроза пушкарямъ, взрывъ, судьба царицы и царя Симеона и пріобрѣтеніе царскихъ регалій, послѣ чего великій князь Московскій становится царемъ. Пѣсня кончается упоминаніемъ славы.

Тотъ же планъ и тѣ же подробности находимъ въ варіантѣ, записанномъ на Бѣломъ морѣ г. Марковымъ отъ Аграфены Крюковой, но съ тѣмъ отличіемъ, что сказательница на пересказъ наложила свой отпечатокъ. По замѣчанію г. Маркова, Аграфена Крюкова, по ея словамъ, слышала эту старинку однажды въ Золотицѣ, но отъ кого—не помнитъ. Память ея, какъ увидимъ, хорошо сохранила планъ старинки и многія подробности, но кое-

гдѣ сказательница, повидимому, внесла и свои объяснительныя дополненія.

Крюкова повела разсказъ съ того, что въ Казанскомъ городѣ въ царскихъ палатахъ спали царь Симеонъ съ царицей Еленой. Царь спитъ крѣпкимъ сномъ, Елена мало спала да видѣла страшный сонъ. (Такой обстоятельности нѣтъ въ варіантѣ Кирши Данилова и, быть можетъ, ее слѣдуетъ отнести на счетъ сказательницы). Сонъ царицы содержитъ бóльшія подробности: прилетѣвшій орелъ сѣлъ на царскую крышу и сталъ ее клювомъ долбить, затѣмъ, когда на улицу вышелъ царь Симеонъ, орелъ проклевалъ ему буйну голову. (Такимъ образомъ, сонъ въ устахъ сказательницы яснѣе указываетъ на гибель царя). Казанскій царь заявляетъ испуганной царицѣ, что не вѣруетъ въ сонъ. Затѣмъ слѣдуетъ исполненіе сна: приходъ Ивана Васильевича, называемаго, какъ и у К. Данилова, не царемъ, а княземъ, подъ Казань съ полками и (какъ у К. Данилова) „со *старыми* славными казаками". Князь Московскій спускаетъ въ подземелье бочки съ порохомъ и свѣчу. Въ дальнѣйшемъ чувствуется женскій взглядъ на такія страсти: „предводители" ужаснулись отъ такого поступка князя, и одинъ изъ нихъ „да онъ смѣлый же былъ" наивно и ласково спрашиваетъ князя:

„Ужъ ты *милой* ты князь *нашъ* Иванъ Васильевичъ!
Ты пошто спуститъ свѣшшу ту во̀ подземелью?
Розорвѣтъ-то всю вѣдь матушку сыру землю".

Далѣе довольно наивно описывается взрывъ, при чемъ отъ него „матушка сыра земли" захлопала и скопилась въ одну гору. Загорѣлись царскія полаты. Но царица была хитрѣе мужа, ея догадливость поясняется сказательницей тѣмъ, что

Она слыхала про матушку про святую Русь—
Нише какъ на Руси-тѣ до дѣло дѣлаютъ.

(Можетъ быть это поясненіе также слѣдуетъ отнести насчетъ обстоятельной сказательницы).

Царица Елена встрѣтила Ивана съ бѣлымъ хлѣбомъ, кланяется ему низёшенько и приноситъ „покорность съ благодарностью". (Вѣроятно также добавка Крюковой и не совсѣмъ удачная, такъ какъ мотивъ благодарности неясенъ). Это „*царю* понравилось, да пріятны слова въ цесь показалисе". Но на гордаго царя

Иванъ „разротивился, схватилъ его за желты кудри, выкололъ ему очи и снялъ буйну голову съ могучихъ плечъ". (Замѣтно вліяніе былиннаго стиля у сказательницы, знающей множество былинъ). Затѣмъ Иванъ окрестилъ царицу Елену и постригъ въ монастырь спасеный, а самъ взялъ „платье царское и *потфиру* государскую, уѣхалъ въ матушку Москву и съ той поры да сталъ царомъ царить".

При нѣкоторомъ различіи въ деталяхъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что варіантъ западно-сибирскій, записанный въ XVIII в., и бѣломорскій, записанный въ 1898 г,, восходятъ къ одному изводу. Измѣненія, замѣчаемыя въ пересказѣ А. Крюковой и объясняемыя позднѣйшимъ временемъ, могутъ быть легко выдѣлены. Такъ сказательница въ началѣ, какъ и въ варіантѣ Кирши Данилова, называетъ Ивана княземъ до завоеванія Казани, но еще до окончанія старины прибавляетъ ему некстати извѣстный ей обычный для Ивана эпитетъ *Грозный царь*:

> Стрѣцатъ она (Елена) князя-свѣта Московскаго,
> *Иџе грознаго царя Ивана Васильевича.*

Устраняя эту позднюю черту, мы можемъ установить, что въ изводѣ, лежащемъ въ основѣ бѣломорской и западносибирской старинки, Иванъ Васильевичъ не имѣлъ еще установившагося за нимъ въ народѣ эпитета *Грознаго* царя. Это говоритъ въ пользу относительно ранняго сложенія этой редакціи пѣсни о взятіи Казани.

Переходя къ варіантамъ второй группы, мы прежде всего замѣчаемъ въ ихъ складѣ яркій пѣсенный характеръ и присутствіе грубаго юмора. Вслѣдъ за запѣвомъ, содержащимъ обращеніе пѣвца къ гостямъ или добрымъ людямъ, идетъ сжатый разсказъ о подкопахъ и взрывѣ, иногда пересыпаемый шутливыми стихами вродѣ:

> Онъ (царь) въ овражкѣ простоялъ,—онъ и кашку расхлебалъ,
> Въ другомъ простоялъ, онъ другую расхлебалъ [1].

Послѣ подкатыванія бочекъ съ порохомъ поется о глумленьи татарокъ или татарченковъ на стѣнахъ надъ русскимъ царемъ:

---

[1]) Кирѣевскій VI стр. 1 (варіантъ Варламова).

„Татарки казанки на стѣнѣ онѣ стояли,
На стѣнѣ онѣ стояли, ж.... показали:
— Еще вотъ тѣ, государь царь, Казань городъ взять! [1])

Или: Что татары же по городу похаживали.
Что грозна царя Ивана Васильевича поддразнивали [2]).

Или: А злые татарыши по стѣночкѣ похаживают,
Нашего царя Бѣлаго Ивана Васильѣча поддразниваютъ:
Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ ж... показать!" [3])

Царь разсердился, приказалъ пушкарей, заподозривъ ихъ въ измѣнѣ, казнить-вѣшать. Одинъ пушкарь объясняетъ, почему взрывъ замедлился, и не успѣлъ онъ слово вымолвить, какъ послѣдовалъ взрывъ, разметавшій стѣны и побившій всѣхъ татаръ (или 43 тысячи татаръ). Въ этомъ сокращенномъ изводѣ пѣсни, какъ мы видимъ, нѣтъ упоминанія казанскихъ царя и царицы, вѣщаго сна царицы, овладѣнія царскими регаліями. Иванъ постоянно называется грознымъ царемъ. Число стиховъ въ варіантахъ колеблется между 18-ю и 30-ю, между тѣмъ какъ пересказъ Крюковой достигаетъ 95 стиховъ.

Такимъ образомъ, пересмотръ пѣсенъ о Казани обнаруживаетъ въ нихъ два извода неравнаго достоинства, различающихся по плану, по многимъ деталямъ и по складу. Варіанты первой группы выдержаны въ серіозномъ, эпическомъ тонѣ, представляютъ продуманный планъ и извѣстную идею, именно ту, что в. князь Иванъ Васильевичъ разрушеніемъ Казанскаго царства добылъ себѣ царскую порфиру и костыль, сталъ съ тѣхъ поръ истиннымъ царемъ и покрылъ себя славой. При всемъ несоотвѣтствіи съ исторіей т.-е. съ хронологіей принятія Иваномъ царскаго титула, эта народная идея имѣетъ свое логическое оправданіе. Торжественное вѣнчаніе молодого Ивана Васильевича на царство въ Успенскомъ Соборѣ не могло произвести на народныя массы такого сильнаго впечатлѣнія, какъ величайшее событіе—разгромъ Казанскаго царства. Народъ привыкъ титулъ царя связывать съ татарскими царями, и другого названія для нихъ не было. Теперь, уничтоживъ татарское царство и взявъ въ плѣнъ казанскаго

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же стр. 3.
[3]) Тамъ же стр. 4.

царя, московскій в. князь естественно получилъ его титулъ или, по выраженію пѣсни:

Взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру.
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.

Совершенно другимъ характеромъ отличаются краткія пѣсни о Казани какъ старой записи XVIII в. (въ Чулковскомъ и Новиковскомъ пѣсенникахъ), такъ и записанныя въ прошломъ столѣтіи въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ приволжскихъ губерніяхъ (Казанской, Симбирской, Саратовской). Великое событіе излагается въ шутливомъ тонѣ, слагатель пѣсни издѣвается надъ басурманами, изображаетъ подозрительность Грознаго царя и эффектъ взрыва, но никакого намека на значеніе событія, на возвеличеніе царя сокрушеніемъ татарскаго царства у него не проскальзываетъ. Это—пѣсня легкаго, скоморошья жанра.

Возвращаясь къ поставленному нами вопросу, не сохранилось ли въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ о взятіи Казани какихъ-нибудь слѣдовъ возможнаго литературнаго вліянія, мы естественно, (если вообще допустима эта мысль), должны искать такихъ слѣдовъ въ *первой* группѣ варіантовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ художественное произведеніе съ извѣстной идеей и продуманнымъ планомъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію литературныхъ отголосковъ завоеванія Казанскаго царства, самаго славнаго событія всего шумнаго и полнаго драматизма царствованія Ивана Грознаго. Среди такихъ памятниковъ наибольшій интересъ для нашей цѣли представляетъ т. наз. Исторія о Казанскомъ царствѣ (Казанскій лѣтописецъ), принадлежащая перу неизвѣстнаго автора, старавшагося, по мѣрѣ силъ, прославить царя Ивана и изложить событія, согласно вкусу того времени, въ высокомъ патріотическомъ духѣ, нерѣдко въ стилѣ воинскихъ повѣстей. Лѣтописецъ-патріотъ, переходя въ витію и проповѣдника, украшаетъ свое повѣствованіе всякими литературными пріемами, которые должны были сдѣлать его достойнымъ великаго историческаго событія описываемаго авторомъ. „Красныя убо новыя повести достоино намъ послушати, о христоименитіе людіе“, говоритъ авторъ во вступленіи, „яже содеяшася преславныя дѣла въ нашей земли“ и проч. Авторъ съ обычной скром-

ностью лѣтописца умоляетъ *боголюбцевъ* не позазрить его грубости, такъ какъ имѣетъ высокую цѣль познакомить потомковъ съ великими побѣдами Московскихъ самодержцевъ, „яко да прочетше братія наша, воины, отъ скорби своей применятся, а простые же возвысятся и прославятъ Бога“... ¹)

Горячій сторонникъ московскаго самодержавія авторъ при всякомъ удобномъ случаѣ поддерживаетъ высокое значеніе царской власти, могущества Московскаго государства и прославляетъ царя Ивана въ патетическихъ словахъ. Сообщивъ, напримѣръ, о вѣнчаніи его „святыми ѳармы и венцомъ Манамаховымъ, по древнему чину царскому, яко же и Римсти цари и Грѣчести православніи цари поставляхуся“, онъ награждаетъ молодого царя всѣми физическими и духовными совершенствами: „И бысть вельми мудръ и храбрѣсердъ и крѣпкорукъ, и силенъ тѣломъ, и легокъ ногами, аки пардусъ, подобенъ по всему дѣду своему великому князю Ивану“. По поводу принятія Иваномъ царскаго титула „великій салтанъ Турскій похвальная написа ему сице: Воистину ты еси самодержецъ и царь премудрый и вѣрны и волны Божіи слуга. Удивляетъ бо насъ и ужасаетъ превеликая твоя власть, и слава, и огненная твоя хоругвь прогоняетъ и попаляетъ воздвижющихся. Уже отъ нея вси боятся орды наши, на твои предѣлы наступати не смеютъ“ ²). Конечно, такое произведеніе, представляющее сплошное славословіе царя и русскихъ воиновъ, должно было доставить отрадное чтеніе поколѣнію, бывшему свидѣтелемъ завоеванія Казани. Согласно духу времени, а также литературнымъ вкусамъ, паденіе басурманскаго царства должно было быть подготовлено пророчествами, чудесами, вѣщими снами, и авторъ въ изобиліи ввелъ ихъ въ свое повѣствованіе. Такъ царь Иванъ въ вѣщемъ снѣ видитъ то мѣсто, гдѣ велитъ поставить городъ Свіяжскъ, „на устрашеніе Казанцамъ“ ³); такъ казанская больная царица Сиберка, когда казанскій царь принесъ ей вѣсть объ удачномъ набѣгѣ татаръ на Русь, „аки новая Сивилла“, предсказываетъ, что эта радость кратковременна и обратится въ нескончаемый плачъ и сѣтованіе, что въ Казани иско-

¹) Пол. собр. рус. лѣтописей т. XIX столб. 1.
²) П. С. Р. Л. XIX столб. 43—44.
³) Тамъ же столб. 61.

ренится вѣра мусульманская и что обладать ею будетъ русскій „сдержатель“ [1]); такъ другая казанская царица извѣстная Сююнбека, увозимая въ Москву, горько плакала и „зрящи очима на Казань“ прорицала: „Горе тебѣ, горе тебѣ, градъ кровавъ, граде унылый, что еще гордостью возносишься? Уже бо паде вѣнецъ зъ главы твоея, яко жена худая вдовал осиротѣвъ. Рабъ еси, а не господинъ. И прежде царская слава твоя и скончася, ты же изнемогше падеся, аки звѣрь неимущи главы“ и проч. [2]). Глава 62-я Казанской лѣтописи подробно излагаетъ сонъ, видѣнный казанскимъ царомъ въ первую ночь, послѣ того какъ русскія войска обложили Казань. Ему приснилось будто съ востока взошелъ надъ Казанью малый и темный мѣсяцъ, а другой мѣсяцъ, взошедшій съ запада, зѣло пресвѣтлый и великій, сталъ выше малаго мѣсяца. Малый мѣсяцъ, затрепетавъ, побѣжалъ отъ великаго, который, догнавъ, проглотилъ его, и тотъ въ немъ „просвѣтися“. Затѣмъ великій мѣсяцъ испустилъ изъ себя огненныя искры, которыя сожгли всѣхъ людей казанскихъ, послѣ чего великій мѣсяцъ сталъ еще свѣтлѣе, будто солнце. Въ ту же ночь сеидъ казанскій видѣлъ во снѣ, будто на поляхъ казанскихъ стеклись во множествѣ всякіе дикіе звѣри—львы, пардусы, медвѣди, волки, рыси и страшно ревѣли. Противъ нихъ изъ города вышли въ незначительномъ числѣ единошерстные звѣри—волки и въ одинъ часъ были съѣдены приступившими къ городу стаями звѣрей. Сеидъ разсказалъ свой сонъ царю, а царь ему свой. Собравшіеся волхвы разъяснили царю, что малый мѣсяцъ, поглощенный великимъ, это—онъ, а великій мѣсяцъ, возсіявшій какъ солнце,—русскій царь; что многоразличные звѣри—это русскія войска, единошерстные волки—татарскія [3]). Такимъ образомъ оба сна предрекали паденіе Казанскаго царства Быть можетъ, съ

[1]) Тамъ же столб. 67.

[2]) Тамъ же столб. 82.

[3]) Отмѣтимъ, что *Царственная книги* занесла предсказаніе о гибели Казани подъ 1542 г. Его принесли въ Москву послы казанскіе, пришедшіе молить о мирѣ. Предсказаніе приписывается казанской царевнѣ Ковгоршадъ: „Сія же Ковгоршадъ царевна, сестра Магмедъ Аминя царя, нѣко грамотѣ татарской научена бысть, и многому бѣсовскому волхованію изящне навыче; и та нѣкогда по волхованію своему сказываше въ Казани посланникамъ Великаго князя: вѣдыи будите, еже глаголю вамъ, яко отнынѣ почти на де-

этимъ излюбленнымъ литературнымъ пріемомъ—вводить въ повѣствованіе вѣщіе сны—можно сопоставить подобный же сонъ, внесенный въ оба варіанта пѣсни о взятіи Казани 1-й группы. Его видѣла казанская царица Елена.

Ото она тутъ царица пробуждалася,
(Пробуждалася) царица Елена,
Симеону царю она сонъ разсказала:
„А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
„Что почесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
„Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
„Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
„Кабы сизой орлище встрепенулся,
„Кабы грозная туча подымалась,
„Что на наше вѣдь царство нaплывала [1]).

Съ болѣе развитыми подробностями, какъ мы видѣли, находимъ тотъ же сонъ въ варіантѣ г. Маркова.

Это сходство между книжнымъ сказаньемъ и исторической пѣсней вызываетъ вопросъ объ ихъ взаимномъ отношеніи. Слѣдуетъ ли намъ думать, что вѣщій сонъ царицы казанской, предсказывающій гибель казанскаго царства, былъ внесенъ слагателемъ пѣсни самостоятельно, или въ немъ можно видѣть отголосокъ книжнаго повѣствованія, прибѣгающаго къ такимъ снамъ, какъ къ литературному пріему, соотвѣтствующему духу времени. Послѣднее предположеніе намъ кажется допустимымъ въ виду того, что *придворные* слагатели и исполнители пѣсенъ о взятіи Казани, которыми увеселялся царь Иванъ, могли быть не чужды литературныхъ пріемовъ своего времени. Какъ бы то ни было, едва ли мы ошибемся, предположивъ, что сонъ казанской царицы, сохраненный двумя наиболѣе полными варіантами пѣсни о Казани, входилъ въ старинный изводъ этой пѣсни, вѣроятно, какъ ея вступленіе. Однако предположеніе о литературномъ отголоскѣ во внесеніи сна царицы въ пѣсню можетъ представляться излишнимъ

сати лѣтѣхъ татарове незовестіи не возмогутъ противитися великому князю Ивану, и не токмо Казанскимъ царствомъ обладать, наипаче же иными странами; такожъ и сами татарово сказываху, яко многажды слышаху и видаху многа дивная знаменія, еще живу сущу царю ихъ Сафа-Кирею". Ск. Царств. книгу, изд. 1769 г. стр. 104.

[1]) Кирша Данииловъ.

въ виду того, что подобный же сонъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ былины о походѣ Вольги, откуда онъ могъ бы быть занесенъ и въ историческую пѣсню. Такое возраженіе, представляющееся съ перваго взгляда вполнѣ допустимымъ, побуждаетъ насъ нѣсколько остановиться на былинѣ о походѣ Вольги. Мы не будемъ касаться вновь вопросовъ, вызываемыхъ этой былиной, на которые въ нашей литературѣ по эпосу давались самые разнообразные отвѣты. Какова бы ни была ея первоначальная основа, мы обратимъ вниманіе лишь на тѣ слѣды, которые свидѣтельствуютъ о позднемъ происхожденіи дошедшихъ до насъ варіантовъ [1]). Послѣдніе могутъ быть разбиты на 2 группы по имени, носимомъ героемъ былины. Въ одну группу слѣдуетъ внести *два* варіанта—варіанты К. Данилова и А. В. Маркова,—въ которыхъ герой носитъ имя Волха Всеславьевича (у Маркова Светославьёвича), въ другую—остальные четыре, въ которыхъ находимъ имя Вольги (Буслаевича, Всеславьевича). Въ первой группѣ Волхъ завоевываетъ царство Индѣйское, во второй—либо Турецъ-землю, [2]), либо Золотую орду [3]), либо какой то Вольгу-городъ [4]). Просматривая обѣ былины первой группы (Киршевскую и Марковскую), мы легко убѣждаемся, что онѣ по полнотѣ разсказа стоятъ выше трехъ олонецкихъ записей, изъ которыхъ только одна (Рыбн. I № 1=Гильф. № 91), К. Романова, доведена до конца, да и то нѣсколько скомкана, а двѣ другія обрываются неожиданно [5]). Наибольшей сохранностью и *относительной* архаичностью отличается варіантъ К. Данилова: только въ немъ одномъ царь Индѣйскій носитъ личное имя изъ историческихъ

[1]) Кирша Даниловъ—изд. Шеффера стр. 18—22; Марковъ—Бѣломорскія былины № 51 стр. 255—261; Рыбниковъ I, 1—6 (=Гильфердингъ № 91), 7—11; Гильфердингъ № 15; Ончуковъ—Печорскія былины № 84 (только начало).

[2]) Рыбниковъ I, 1—6=Гильфердингъ № 91.

[3]) Рыбн. I, стр. 7—11.

[4]) Гильфердингъ № 15.

[5]) Когда Вольга подслушалъ, въ видѣ птицы, разговоръ царя Салтана съ царицей, онъ отлетѣлъ отъ царскаго окошечка къ своей дружинѣ

„А царь Салтанъ Бекетовичъ
По его Вольгину повелѣнію
Обрался скоро въ свою землю". (Рыбн. I стр. 11).

Вар. Гильфердинга № 15 обрывается сномъ царицы.

воспоминаній, повидимому, татарской поры—Салтыкъ (м. б. изъ Сартака) Ставрульевичъ Батыевичъ, при чемъ царица называется Еленой Александровной Азвяковной. Въ олонецкихъ варіантахъ находимъ имена, искаженныя изъ нарицательнаго: Салтанъ Бекетовичъ и Санталъ (послѣднее безъ отчества) и царица Панталовна (искаженіе изъ Салтановна?). Переходя къ интересующей насъ подробности, мы замѣчаемъ, что въ первой группѣ варіантовъ, признанной нами наиболѣе полной, мы не находимъ сна царицы. Въ варіантѣ Кирши Данилова, Волхъ, обернувшись яснымъ соколомъ, подслушиваетъ, сидя на окошкѣ косящатомъ, сообщеніе царицы о томъ, что на Руси родился ему супротивникъ, могучій богатырь Волхъ; въ варіантѣ А. В. Маркова также нѣтъ сна царицы, и Волхъ, въ видѣ яснаго сокола, подслушиваетъ разговоръ такого же содержанія. Нѣтъ эпизода—сна царицы—и въ олонецкомъ варіантѣ Рыбникова (стр. 7—11), гдѣ Вольга идетъ походомъ на Золотую орду. Такимъ образомъ сонъ царицы вставленъ только въ варіантъ К. Романова [1]), разсказывающій о походѣ въ Турецъ-землю, и въ очень плохой и недоконченный варіантъ Ѳоминой [2]), гдѣ Вольга представленъ ѣдущимъ въ Вольгу-городъ,

Нельзя не обратить вниманія и на нѣкоторыя другія черты, отличающія варіанты первой группы отъ варіантовъ второй. У К. Данилова мотивомъ похода Волха на Индѣйское царство выставленъ дошедшій до Волха слухъ, что

Индѣйской царь снаряжается
А хвалится, похваляется
Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь взять,
А божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить.

Словомъ мы имѣемъ здѣсь обычную въ нашихъ старыхъ былинахъ ситуацію: Индѣйскій царь напоминаетъ Батыгу, Бадана, Калина и проч.

Въ былинѣ А. В. Маркова разсказывается, что слава про Волха Святославьевича „докатилась до царя Индѣйскаго.

Говорилъ-то вѣдь тутъ да царь Индѣйскія:
„Намъ вѣдь надоть наладить оружьи-ти всѣ военныя.

[1]) Гильфердингъ № 91 (=Рыбн. I—6).
[2]) Гильфердингъ № 15.

Приготовить видоть вѣдь намъ всѣ стрѣлы каленыя,
Ай не подошолъ штобъ подъ насъ богатырь - отъ преспльнія,
Ище сильней - отъ, могучей Святославьѣвичъ".

Итакъ здѣсь царь индѣйскій занимаетъ только оборонительную позицію.

Въ двухъ олонецкихъ пересказахъ намѣренія царя Салтана или Сантала отступаютъ отъ обычной эпической формулы, и его предпріятіе скорѣе носитъ черты историческихъ набѣговъ татаръ (казанскихъ и крымскихъ) на Русь.

Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
„Ай же ты, царица Панталовна!
„А я думаю скоро ѣхать на Святую Русь.
„Возьму я девять городовъ
„И подарю своихъ девять сыновей,
„Привезу себѣ шубоньку дорогую" [1])

Въ третьемъ, сильно скомканномъ олонецкомъ пересказѣ совершенно не видно, почему

Поѣхалъ Вольга въ Вольгу-городъ. [2]).

Итакъ если сонъ царицы о битвѣ малой пташицы съ чорнымъ ворономъ или яснаго сокола съ ворономъ находится только въ меньшинствѣ пересказовъ и притомъ посредственныхъ, носящихъ черты поздняго времени (Турецъ-Санталъ) и говорящихъ о походѣ Вольги либо въ Турецъ-землю, либо въ Вольгу-городъ, то нѣтъ достаточнаго основанія предполагать, что этотъ эпизодъ принадлежалъ основной редакціи былины. Скорѣе можно думать, что онъ попалъ въ два варіанта подъ воздѣйствіемъ исторической пѣсни о взятіи Казани въ сравнительно позднее время, такъ какъ болѣе архаическіе пересказы—западно-сибирскій (К. Данилова) и бѣломорскій (А. П. Маркова)—его не знаютъ. Основное сходство сюжетовъ былины и исторической пѣсни—похода на востокъ противъ басурманскаго царства—конечно сознавалось отдѣльными сказителями, знакомыми и съ той и съ другой, и не мудрено, что обѣ „старинушки" могли вліять одна на другую. Такое взаимодѣйствіе особенно ярко въ варіантѣ старинушки о царѣ Иванѣ

---

[1]) Рыбниковъ I стр. 5. срв. тамъ же стр. 10. Сравн. пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ.

[2]) Гильфердингъ № 15.

Васильевичѣ. пропѣтомъ Гильфердингу извѣстнымъ Щеголенкомъ: въ его зачинѣ рожденіе Ивана Грознаго сопровождается обычными знаменіями рожденія Вольги:

> Когда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
> Тогда возсіяло на небѣ солнышко,
> *Тогда рыбы всѣ на глубь сошли,*
> *Тогда сбѣжали звѣри въ лѣси тёмныи* [1]).

Быть можетъ, такимъ взаимодѣйствіемъ объясняется то. что царица индѣйская въ пересказѣ К. Данилова носитъ имя Елены Александровны (а также царицы Азвяковны), и то же имя Елены дано ей въ пересказѣ А. В. Маркова. Въ пѣснѣ объ осадѣ Казани казанская царица называется въ варіантѣ Маркова Еленой безъ отчества, и такъ-же въ пересказѣ Кирши Данилова. Повліяла ли въ выборѣ имени царицы былина на пѣсню или наоборотъ не беремся рѣшить. Но, быть можетъ, порохъ въ боченкахъ, который, по одному варіанту Рыбникова [2]), перѣзалъ въ ружейной горницѣ Турецъ-Салтана Вольга Буслаевичъ, объясняется какъ реминисценція бочекъ съ порохомъ пѣсенъ о взятіи Казани. Это предположеніе кажется подкрѣпляется и тѣмъ, что въ томъ же варіантѣ можно указать и другое припоминаніе если не пѣсенъ, то слуховъ о необыкновенномъ обиліи татарскаго полона послѣ взятія города. „Въ полонъ же повелѣлъ, говоритъ Царственная книга, царь имати жены и дѣти малыя, а ратныхъ за ихъ измѣны, избивати всѣхъ; и толь множество взято полону татарскаго, яко же всѣмъ полкамъ русскимъ наполнитись; у всякаго человѣка полонъ татарскій бысть" [3]). „Казанскій лѣтописецъ подробо описываетъ необузданный грабежъ, происходившій на дворахъ Казани послѣ ея взятія приступомъ, въ особой главѣ „о сѣчѣ и о взятіи плѣна и богатства казанскаго" [4]). Все мужское населеніе было безпощадно убиваемо. а женъ татарскихъ и малыхъ дѣтей брали въ плѣнъ, и онѣ составляли добычу русскихъ воиновъ. „Вои же рустіи, избирающе великородныхъ казанцевъ малыя дѣти и отроки и красныя отроковицы и жены доброличныя

[1]) Гильфердингъ № 129.
[2]) Рыбниковъ I стр. 6.
[3]) Царств. книга изд. 1769 года стр. 308.
[4]) П. С. Р. Лѣт. XIX ст. 161—162.

богатыхъ и доброродныхъ мужей въ плѣнъ взяша многихъ и овехъ собѣ въ работу сведоша, овехъ же крестиша, въ жены себѣ пояша"...[1]) Изъ за богатаго полона, съ горестью отмѣчаетъ лѣтописецъ, русскіе бились между собой и другъ друга убивали. Нѣкоторые награбили столько, что „обогатилисъ до вѣка казанскимъ богатствомъ и наполнишася всякаго узорочія до воля своея, яко сыновомъ и внукомъ ихъ и по послѣднему роду ихъ остася то богатство"... Подсчетъ, по словамъ того же источника, показалъ, что убитыхъ казанцевъ обоихъ половъ было болѣе 190.000, „кромѣ плѣненныхъ: есть же тѣхъ число болѣ того" [2]). Если, быть можетъ, цифры здѣсь и преувеличены во славу русскаго оружія, то во всякомъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что по слухамъ того времени плѣнныхъ татарокъ было огромное число.

Нельзя ли предположить, что подобный слухъ отразился особенно ярко въ приведенномъ выше олонецкомъ варіантѣ былины о Вольгѣ (отъ К. Романова), въ которой походъ въ Турецъ-землю кончается дѣлежомъ полона?

„Что было надѣлу дорого,
И что было надѣлу дешево?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей;
А только надѣлу было дешево—женскій полъ:
Старушечки были по полушечкѣ,
А молодушки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ" [3]).

Замѣтимъ, что въ обоихъ лучшихъ варіантахъ (К. Данилова и А. В. Маркова) такой дешевизны женскаго пола и дѣлежа его нѣтъ. Въ нихъ говорится только, быть можетъ, въ зависимости отъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, какъ я предположилъ въ одной изъ моихъ раннихъ статей, что Волхъ самъ женился на Еленѣ Александровнѣ (Азвяковнѣ), сталъ царемъ въ индѣйскомъ царствѣ и переженилъ на мѣстныхъ дѣвицахъ свою дружину.—

[1]) Тамъ же столб. 162.
[2]) Тамъ же столб. 167.
[3]) Рыбниковъ I стр. 6.

На сходство между пѣснями о взятіи Казани и нѣкоторыми чертами исторіи о казанскомъ царствѣ было указано еще въ 1901 г. изслѣдователемъ послѣдней Г. З. Кунцевичемъ [1]). Помимо вѣщихъ сновъ, г. Кунцевичъ отмѣчаетъ нѣкоторыя другія соотношенія между пѣснями и книжнымъ сказаніемъ. Въ пѣснѣ Иванъ Грозный заподозрѣваетъ вслѣдствіе замедленія взрыва въ измѣнѣ пушкарей: въ „Исторіи“ (въ соловецкомъ спискѣ) указана, какъ одна изъ причинъ, замедлившихъ взятіе города, измѣна воеводы Юрія Булгакова „приставника дела того“ (подкопнаго). Сказаніе далѣе говоритъ, будто-бы Юрій этотъ, по взятіи Казани, былъ уличенъ собственноручными письмами къ царю казанскому и былъ казненъ [2]). Далѣе пѣсня (у Кирши Данилова) разсказываетъ о томъ, что в. князь взялъ у казанскамо царя Симеона царскую корону и снялъ царскую перфиду, онъ царскій костылъ въ руки принялъ и въ то время князь воцарился... Въ „Исторіи“ во главѣ: „О приведеніи предъ царя і великаго князя Казанскаго царя Едигеря“ говорится о распоряженіи Ивана относительно взятыхъ богатствъ слѣдующее: „Православный же царь не златолюбецъ, но елико бѣ избраннаго оружия, симъ подобная и царскихъ утвареи тако повелѣ взяти въ свою царскую ризницу; сокровища же царская, яже в Казани взято быша, *венецъ царьскіи и жезлъ, и знамя казанскихъ цареи, и прочая царьская орудия, въ руце благочестивому царю Богомъ предана быша*“ [3]).

Можно обратить вниманіе и на нѣкоторыя другія соотвѣтствія пѣсенныхъ подробностей съ книжными.

1) Мы отмѣтили общее сходство между пѣсней (въ полномъ изводѣ) и книжнымъ сказаніемъ въ мотивѣ вѣщихъ сновъ. Но въ пѣснѣ такой сонъ видитъ не казанскій царь (какъ въ „Исторіи“ о Каз. царствѣ), а казанская царица, которая затѣмъ была пощажена Иваномъ и увезена изъ города. Нельзя ли объяснить эту роль царицы и благожелательное отношеніе къ ней Ивана Грознаго глухимъ воспоминаніемъ объ извѣстной казанской царицѣ Сумбекѣ, которая, какъ мы видѣли, предсказывала взятіе

[1]) См. его замѣтку: „Взятіе Казанскаго царства“. Пѣсня и сказаніе. Въ извѣст. II отд. И. Ак.—Н. т. VI (1901) кн. 4. стр. 30—36.

[2]) Назв. статьи стр. 32.

[3]) Тамъ же стр. 35.

Казани и была отвезена со своею свитой въ Москву [1]), гдѣ содержалась въ почетѣ и была выдана замужъ за Шигалея?

2. Казнь царя Едигера=Симеона, противорѣчащая исторіи, упоминается только въ изводѣ Кирши Данилова (и Маркова) и мы выше предложили объясненіе этого неисторическаго факта. Во всѣхъ другихъ пѣсняхъ, упоминающихъ Симеона, ничего не говорится о его казни. Такъ въ томъ же сборникѣ Кирши въ пѣснѣ о покушеніи Грознаго на сына говорится только, что „взялъ онъ (Иванъ) царство Казанское, Симеона царя во полонъ полонилъ с царицею со Еленою“ [2]). То же находимъ въ варіантѣ Чулкова и Новикова [3]), въ вар. Симбирскомъ [4]) и Олонецкомъ [5]). Въ послѣднемъ про Симеона говорится:

Царя Симіона (Иванъ) съ мѣста спихъ,
Отнялъ блюду ли его царскую
И снялъ порфиру королевскую.

3. Въ пѣсня хъкраткаго, скоморошьяго извода, какъ мы видѣли, упоминаются татары или татарки, появляющіеся на стѣнахъ и издѣвающіеся надъ русскими, при чемъ прибѣгаютъ къ циничнымъ жестамъ. Эта пѣсенная подробность напоминаетъ то, что сообщаетъ кн. Курбскій о казанскихъ мужахъ и бабахъ, творившихъ чары надъ русскимъ войскомъ: „скоро по облежанію града, егда солнце начнетъ восходити, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочиннѣ“ [6]). Можетъ быть, слухи о подобныхъ появленіяхъ татаръ и татарокъ на стѣнахъ проникли въ народъ и отразились въ пѣснѣ.

4. Мы видѣли, что полный изводъ (варіанты Кирши Данилова и Маркова) упоминилъ участіе казаковъ въ войскахъ Ивана Грознаго, при чемъ называетъ ихъ „старыми“, т. е. вѣроятно признававшими власть московскаго правительства.

[1]) П. С. Р. Лѣтоп. XIX стр. 82. 218.
[2]) Изд. Шеффера стр. 138.
[3]) Кирѣев. VI стр. 84.
[4]) Тамъ же стр. 90.
[5]) Гильфердингъ № 244.
[6]) Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3-е Н. Устрялова стр. 24.

Эта память о казакахъ, участвовавшихъ въ осадѣ Казани, согласна съ исторіей. „Царственная книга“ во главѣ „о розрядствѣ воеводъ стати у города“ говоритъ, что государь приговорилъ стати самому государю и князю Володимеру Андреевичу на Царевѣ лугу, близь Отучевы мизгити; а царю Шигалею за Булакомъ подъ кладбищемъ; а итти Царю въ Большемъ полку; а на Арскомъ стати Большому полку, да Передовому, да князь Володимерову Андреевича боярину и воеводѣ князю Юрью, а правой рукѣ за Казанію за рѣкою *да казакомъ* съ ними многимъ [1]). Казаковъ въ своемъ полку упоминаетъ и кн. Курбскій: „И было въ нашемъ полку вящe, нежели дванадесять тысящей и пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ аки шесть тысячей [2]). По Морозовскому лѣтописцу казаки участвовали и въ конечномъ штурмѣ города вмѣстѣ со стрѣльцами и боярскими людьми [3]). Роль казаковъ во взятіи Казани, какъ извѣстно, значительно усилена въ пѣсняхъ, попавшихъ въ казацкую среду. Въ нихъ на помощь Ивану Грозному, стоящему подъ Казанью, является Ермакъ Тимоѳеевичъ со своими казаками и иногда совѣтуетъ взять городъ подкопомъ. Таковы пѣсни, записанныя въ приволжскихъ губерніяхъ (Симбирской и Саратовской) [4]).

Въ заключеніе резюмируемъ сдѣланныя нами наблюденія надъ народными пѣснями о взятіи Казани.

1. Пѣсни эти восходятъ къ двумъ основнымъ изводамъ: болѣе полному и художественно обдуманному и болѣе краткому скоморошьяго пошиба.

2. Болѣе полный изводъ, представленный варіантами К. Данилова и А. В. Маркова, начинающійся сномъ царицы казанской и проводящій идею о воцареніи в. князя Ивана съ разрушеніемъ Казанскаго царства, сложился въ средѣ не чуждой литературныхъ пріемовъ, въ которую могли доходить отголоски книжнаго сказанія, б. можетъ „Исторіи о казанскомъ царствѣ“. Исторія эта, какъ уяснено г. Кунцевичемъ, пользовалась громаднымъ распространеніемъ, жила съ конца XVI до половины XIX вѣка и, судя по сотнямъ списковъ и записямъ на нихъ, побывала рѣшительно

---

1) *Царств. кн.* изд. 1769 г. стр. 263. Срв. Никонов. лѣтоп. VII, 150.

2) Сказанія стр. 18 изд. 3-е.

3) *Кунцевичъ.* Исторія о казанскомъ царствѣ 1905, стр. 461.

4) См. *Кирѣевскаго* В. VI стр. 23—26.

между всѣми классами общества. Списки ея принадлежали духовнымъ лицамъ, отъ высшихъ іерарховъ до низшихъ служителей церкви, и князьямъ, и стольникамъ, и подьячимъ и вообще служилымъ людямъ, и купцамъ, и посадскимъ, и крестьянамъ [1]).

3. Въ судьбѣ казанской царицы Елены б. м. отразилось глухое воспоминаніе объ извѣстной царицѣ Сумбекѣ. Казнь Симеона можетъ быть объяснема вліяніемъ былинъ о Вольгѣ Всеславьевичѣ (казнь царя Сантала). Участіе казаковъ, — согласное съ исторіей, — объясняется переходомъ пѣсни въ казацкую среду, которая отразилась еще ярче въ варіантахъ о приходѣ Ермака подъ Казань.

4. Въ свою очередь слухи о необычайномъ множествѣ татарскаго полона, особенно женщинъ, доставшагося русскимъ послѣ взятія Казани, слухи, занесенные въ книжныя сказанія, б. м. отразились на одномъ варіантѣ Рыбникова, изображающемъ дешевизну женскаго пола, доставшагося дружинѣ Вольги.

Вс. Миллеръ.

[1]) Кунцевичъ—Исторія о казанскомъ царствѣ или Казанскій лѣтописецъ. Спб. 1905 г. стр. 594—596.

Оденвальдскій этнографическій музей д-ра Маурера въ Дармштатѣ.

Оденвальдъ—небольшая горная цѣпь въ Германіи, лежащая между герцогствомъ Гессенскимъ, Баденскимъ и сѣверо-западною частью Баваріи и занимающая весьма незначительное, съ точки зрѣнія русскаго, пространство. Крестьянское населеніе его мѣстами сохранило еще самобытную старину, но быстро идетъ къ новымъ формамъ культуры, оставляя прежніе промыслы и орудія производства, замѣняя ихъ новыми, не цѣня красоту старинныхъ деревенскихъ костюмовъ, старинной своеобразной гончарной посуды и пр. Нашелся одинъ человѣкъ, который задался цѣлью изучить народную жизнь этой мѣстности во всѣхъ ея проявленіяхъ, спасти исчезающее для любителей родной этнографіи, для изучающихъ бытъ и исторію родного народа. Dr. Мауреръ изъ Дармштата въ теченіе немногимъ болѣе двухъ лѣтъ собралъ быстро этнографическую коллекцію изъ Оденвальда и принесъ ее въ даръ своему городу. Врачъ по профессіи, онъ могъ отдавать собиранію своей коллекціи, ея систематизированію лишь немногіе часы отдыха и свободныя воскресенья, когда уѣзжалъ въ мѣстечки и деревни обслѣдуемой имъ мѣстности. Полныя довѣрія лица крестьянъ на снятыхъ имъ фотографіяхъ доказываютъ, что онъ сумѣлъ подойти къ народу, расположить крестьянъ къ себѣ. Трогательнымъ доказательствомъ этого служитъ и полученный имъ въ даръ одинъ изъ многочисленныхъ головныхъ уборовъ. Шить такіе уборы умѣла въ деревнѣ еще только одна старушка, снятая д-ръ Мауреромъ. Ей оставалось дожить до 100-лѣтняго возраста всего нѣсколько мѣсяцевъ; она скончалась—а дочь ея прислала д-ру Мауреру ея послѣднюю работу.

Коллекція д-ра Маурера уже обратила на себя вниманіе нѣмецкихъ этнографовъ. Она заслуживаетъ вниманія и этнографовъ русскихъ, не только какъ примѣръ успѣшнаго осуществленія намѣченной цѣли, достигнутаго при помощи энергіи и любви, неустанныхъ, иногда едва замѣтныхъ постороннему, трудовъ—но и какъ образецъ полноты собранія и удачной его систематизаціи. Позволю себѣ, поэтому, нѣсколько подробно остановиться на собраніи.

Коллекція помѣщается въ верхнемъ этажѣ зданія, отведеннаго подъ ново-устраиваемый Городской музей. Посѣтитель входитъ въ первую комнату—и попадаетъ въ крестьянскую кухню изъ Оденвальда. Тотчасъ начинаешь понимать разницу между такой постановкой собраннаго и многочисленными Bauerstuben, образцы которыхъ видишь напримѣръ въ Oesterreichisches Muzeum f. Volkskunde, въ Нюрнбергскомъ Germanisches Muzeum, въ Берлинскомъ Muzeum f. Volkskunde и пр. Между прочимъ, въ Дармштатѣ, въ Landesmuseum, также устроена крестьянская горница изъ Оберъ-Гессена. Въ этихъ Bauerstuben обстановка, такъ сказать, подкрашена, мебель отчищенная, блеститъ; видны орнаментъ, раскрасы, изразцы печи и стѣнъ—но не получается полнаго впечатлѣнія отъ крестьянскаго жилья. Др. Мауреръ задался, наоборотъ, цѣлью, дать настоящую обстановку такого жилья со всей его бѣдностью, скученностью, иногда внѣшней непригля̀дностью, но также и уютомъ насиженнаго мѣста. Тѣсная кухня, освѣщенная волоковымъ окномъ (Schiebefenster) съ шестиугольными стеклами въ оловянной оправѣ, занята большимъ прокопченнымъ очагомъ, въ правой половинѣ котораго вмазанъ котелъ, тогда какъ надъ лѣвой топкой виситъ на цѣпи черный отъ употребленія котелокъ. Въ прокопченномъ дымоходѣ висятъ коптящіяся колбасы. На деревянныхъ перекладинахъ, подвѣшенныхъ у очага, хозяйка держитъ обыкновенно большой хлѣбъ. На полкахъ посуда—характерная гессенская гончарная и цинковая; на лавкѣ—опять таки характерная корзина овальная и плосковатая, въ углу—большая корзина для сушки плодовъ. У окна—уже рѣдкое теперь деревянное приспособленіе, такъ называемое, Kartoffelquetscher. Въ деревянномъ брусѣ сдѣлано углубленіе съ отверстіемъ, въ углубленіе клали картофель и, нажимая деревянную ручку, вводили въ отверстіе деревянную же втулку, которая давила картофель; получа-

лось нѣчто въ видѣ тѣста, которое примѣшивалось при печеніи хлѣба къ мукѣ зерновой.

Еще уютнѣе горница; долгими годами, видно, обжилась здѣсь семья. Стѣны, какъ и стѣны кухни, раскрашены незатѣйливымъ узоромъ; окно также волоковое. Передъ окномъ лавка, передъ ней—большой, старый столъ. Только что всталъ изъ-за стола, повидимому, дѣдъ; его кресло отодвинуто, на столѣ передъ нимъ старая Библія, тутъ же его очки въ тяжелой оправѣ, старомодная коробка для табака, зеленая трубка, трутъ и огниво. На стѣнѣ у двери висятъ широкополая шляпа дѣда и его почтенныхъ размѣровъ зонтикъ съ обитой мѣдью ручкой. На лавкѣ оставлена самодѣльная, заигранная кукла; у лавки—зыбка-качалка. Пространная кровать достойна примѣчанія. На ней надпись—Maria Elisabeth Stephan. 1858; занавѣси пестрядиныя, а пуховики тоже изъ пестрядины. Кровать стоитъ около желѣзной печки,—какъ правило, стѣна за печью выкрашена всегда другимъ узоромъ, чѣмъ стѣны горницы. Печь—изъ фигурныхъ желѣзныхъ плитъ, съ топкой изъ сосѣдняго помѣщенія и желѣзною трубой. Надъ ней подъ потолкомъ устроены также деревянныя перекладины, на которыхъ сушатся чулки, одежда и маленькіе сыры, какіе до сихъ поръ продаютъ десятками и сотнями на рынкѣ въ Дармштатѣ. Характеренъ старый деревянный комодъ, надъ которымъ виситъ въ простой деревянной крашеной рамѣ зеркало. Опытный этнографъ не презрѣлъ старые бумажные цвѣты (boule de neige изъ папиросной бумаги), которыми украшено зеркало, и не постѣснился повѣсить среди этой старомодной обстановки болѣе новыя, незатѣйливыя, но яркія украшенія изъ красной бумаги съ налѣпленными на нихъ бумажными головками Рафаэлевскихъ ангеловъ и Сикстинской Мадонны. Эта черточка придаетъ жизненность обстановкѣ: видно—какъ это и бываетъ въ дѣйствительной жизни—какъ новизна входитъ въ деревню, уживаясь со стариною или вытѣсняя ее. Очень характеренъ въ углу — высокій ящикъ съ часами, къ которому привѣшенъ Landeskalender 1847 года и старыя лубочныя картины, между ними въ лубочномъ же стилѣ портретъ покойнаго Велик. Герцога Гессенскаго съ семьей.

Третья комната занята крестьянскою утварью изъ Оденвальда. Систематически представлены здѣсь способы освѣщенія, начиная отъ свѣтца съ лучиной (здѣсь же и приборъ для щепленія лучины), между прочимъ, металлическіе подсвѣчники и прими-

тинныя лампы, приспособленіе для отлива сальныхъ свѣчей. Здѣсь же весьма рѣдкій уже, глиняный опрокинутый сосудъ съ продолговатымъ прорѣзомъ, подъ который ставилась свѣча и который служилъ такимъ образомъ удобнымъ ночникомъ. Обращаетъ на себя вниманіе собраніе старинной гончарной посуды изъ Alt-Urberach, Alt-Michelstadt, Eppertshausen и Spachbrücken, съ преобладающими рыжеватыми, желтыми, зелеными и черными цвѣтами; интересны образцы цинковой посуды. Также старинныя пряничныя доски и доски для оттискиванія узора на Anisgebäck (печенье это до сихъ поръ въ большомъ ходу какъ въ деревняхъ, такъ и въ городѣ), очень хорошаго рисунка. Далѣе собраны здѣсь образцы узорчатаго тканья (Gebildweberei), имѣющаго опредѣленныя названія, напр. Gänseaugen, Gerstenkörner — и очень много образцовъ исчезающей уже набивки (Blaudruck) вмѣстѣ съ служившими для набивки досками.

Др. Мауреръ задался цѣлью представить всѣ производства и кустарные промыслы во всѣхъ ихъ видахъ, существующіе или уже отмирающіе въ Оденвальдѣ. Приходится удивляться настойчивости, съ какой онъ прослѣдилъ интересующій его вопросъ. Каждый промыселъ представленъ у него въ образцахъ (различныя стадіи изготовленія предмета), въ орудіяхъ производства, въ образцахъ матеріала. Кромѣ того, имъ сняты фотографіи, иллюстрирующія способы производства, и примѣрныя статистическія таблицы, по которымъ можно прослѣдить ростъ или упадокъ даннаго промысла на разстояніи 50 лѣтъ приблизительно до 1909 г. Нѣкоторые промыслы были имъ зарегистрированы въ самый моментъ угасанія—напр., производство бумажныхъ цвѣтовъ въ Langenthal-ѣ. Назовемъ лишь нѣкоторые изъ представленныхъ промысловъ: прядоніе и ткачество (собраны мялки, прялки разныхъ типовъ, моталки, ткацкій станокъ и пр.), добываніе угля, изготовленіе трута, спичечныхъ коробокъ и палочекъ для спичекъ, деревянныхъ черепицъ (Schindeln) для крышъ въ разныхъ типахъ, производство часовъ, гвоздей, игрушекъ, рѣзьба пряничныхъ досокъ, вязанье метелъ, гончарное карзиночное производство, изготовленіе обуви, сельскохозяйственныхъ орудій и пр. Наряду съ образцами умирающаго народнаго мастерства и искусства, д-ръ Мауреръ нашелъ необходимымъ представить и новонарождающіеся промыслы, напримѣръ, рѣзьбу по слоновой кости. Собраны имъ, напр., также новыя рѣзныя доски для Anisgebäck.

Хорошая коллекція костюмовъ довершаетъ собранія. Особенно много головныхъ уборовъ, такъ характерныхъ чепцовъ, которые скоро исчезаютъ изъ обихода. Между ними обращаютъ вниманіе черные шелковые чепчики, простроченные во всей плоскости настолько тонко, что гладкая шелковая матерія кажется испещренной мелкими точками; интересны также туго накрахмаленные и тонко нагофрированные чепцы, гофрировка которыхъ требовала особаго искусства. Есть тюлевые чепцы съ ручной вышивкой, на которые надѣвали другой тюлевый, но уже гладкій чепецъ такъ, чтобы вышивка только просвѣчивала.

Мы опускаемъ многое: напр. различные типы мышеловокъ, капканы, сельскохозяйственныя орудія (м. пр. исчезнувшій молотильный цѣпъ), ульи, сѣтки для пчеловодовъ, старинныя очень большія ножницы для разрѣзыванія кожи, исчезнувшую уже „вывѣску“ пекарей, которую вывѣшивали надъ пекарней съ образцами хлѣбовъ (м. п. такъ называемыя Bubenschenkel—родъ обрядоваго печенья) и т. д. Замѣтимъ, что стѣны музея украшены фотографіями, снятыми д-рмъ Мауреромъ, изображающими картины природы, типы крестьянъ изъ Odenwald'a и разнаго рода кустарныя производства. Фотографіи эти изданы имъ также отдѣльнымъ альбомомъ подъ названіемъ Von Land und Leuten im Odenwald. Darmstatt. Bergstraesser. 1907.

Насъ удивляетъ и восхищаетъ это собраніе—дѣло рукъ, любви и вниманія одного человѣка. Жизнь крестьянская на небольшомъ клочкѣ его родины изучена имъ и спасена для науки, для знанія родной страны. Невольно мечтается о томъ, что и у насъ встрѣтятся люди, которые найдутъ удовлетвореніе въ изученіи м. б. небольшой, но близкой имъ родной мѣстности. На такое детальное изученіе отдѣльныхъ мѣстностей Россіи слѣдуетъ теперь призывать вниманіе любителей этнографовъ. Можетъ быть, и у насъ, наряду съ крупными этнографическими музеями, возникнетъ сѣть областныхъ, типа нѣмецкихъ Landesmuseum. Надо помнить, какъ важно полное изученіе жизни народа одного, даже маленькаго, района, и какъ много могутъ для этого сдѣлать мѣстные жители. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они одни въ состояніи это сдѣлать.

В. Харузина.

Гоголь этнографъ.

(Интересы и занятія Н. В. Гоголя этнографіей) [1].

Предисловіе.

20—30-е годы XIX вѣка въ главныхъ своихъ литературныхъ теченіяхъ отмѣчены романтизмомъ, однимъ изъ основныхъ принциповъ котораго провозглашалась „народность“. Изъ романтической теоріи, борьбы литературныхъ теченій, изъ цѣлой цѣпи, м. б., слабыхъ, но всё же живыхъ предыдущихъ литературныхъ направленій, изъ многихъ другихъ смежныхъ причинъ, наряду съ непосредственнымъ стремленіемъ развивающагося общества, съ растущими запросами ума и сердца создался и развился нашъ реализмъ, наша народная, національная литература. Но какъ искали народность наши творцы реализма—Пушкинъ и Гоголь, гдѣ они старались найти опору и источникъ для проявленія своего художественнаго дарованія? Очень интересно и весьма характерно, что непосредственнымъ чутьемъ художественной правды и согласно основнымъ указаніямъ романтизма они поняли, что искать эту народность, сначала м. б. односторонне понимавшуюся, надо въ ея первоисточникахъ—въ народной поэзіи и народномъ

[1] Редакція „Этнографическаго Обозрѣнія“, печатая настоящую статью, имѣла цѣлью, съ одной стороны, внести полезный вкладъ въ юбилейную литературу о Гоголѣ, а съ другой—дать очеркъ знакомства съ этнографіей въ русской литературно-образованной средѣ временъ Гоголя. Этотъ очеркъ, исключая венкій анализъ произведеній Гоголя, основанъ преимущественно на біографическихъ и историческихъ матеріалахъ, а потому затронутые въ немъ сложные вопросы объ отношеніи Гоголя къ реализму, романтизму и мистицизму не играютъ въ данномъ случаѣ существенной роли. Поэтому редакція оставила всѣ немногочисленныя указанія о литературныхъ направленіяхъ безъ своихъ примѣчаній. *Ред.*

бытѣ. Надо было вѣрно понять её, надо было дѣйствительно, по выраженію Гоголя, надышаться русскимъ духомъ. Жуковскій, несмотря на все свое желаніе, этого не могъ достигнуть; такъ и остался нѣмцемъ-романтикомъ въ своихъ „народныхъ" произведеніяхъ. Но и Пушкину и Гоголю это далось не сразу; имъ нужно было употребить на это немало усерднаго труда и времени... Мы должны несомнѣнно учесть эти поиски за народностью, эту работу надъ изученіемъ народной поэзіи, языка и быта, эту работу надъ самимъ собой, надъ обработкой языка и стиля, надъ „народностью" своихъ произведеній. Эта работа получитъ еще большее значеніе въ нашихъ глазахъ и присоединитъ еще одну характерную и почетную черту къ личности нашихъ геніевъ, если мы примемъ во вниманіе слабость нашей этнографической литературы того времени.

Во всякомъ случаѣ, это одна изъ характерныхъ страницъ нашего романтизма, одно изъ звеньевъ и факторовъ эволюціи этого романтизма: отъ идеализма къ реализму.

Цѣлью настоящей статьи поставлено выяснить этнографическіе интересы Гоголя, прослѣдить исторію его этнографической дѣятельности, указать на степень ея интенсивности и на тѣ мотивы, которые въ разное время ею руководили.

Отнюдь не преувеличивая значенія этихъ интересовъ, тѣмъ неменѣе, намъ кажется необходимымъ поставить изученіе Гоголемъ народности въ органическую связь съ общимъ его міросозерцаніемъ и дѣятельностью и отвести ей во всякомъ случаѣ не послѣднее мѣсто среди другихъ интересовъ, которыми питались умъ и сердце Гоголя.

Однако мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи накопленныхъ Гоголемъ этнографическихъ познаній къ его художественнымъ произведеніямъ. Это дѣло особой работы, отчасти совершенной въ трудахъ, спеціально посвященныхъ этому вопросу. (См. труды Каманина, Чудакова, частью Шенрока, Сумцова и др.).

19 февр. 1909 г.

I.

Народность въ литературѣ и наукѣ во времена Гоголя.

Гоголь и по рожденію и по воспитанію всецѣло принадлежалъ Малороссіи. Поэтому уже естественно a priori предполагать, что на развитіе въ немъ интереса къ изученію народной жизни повліяли малорусскія общественныя и умственныя движенія. Факты оправдываютъ это.

Сама малорусская изящная литература носила уже въ то время многіе народные элементы, что объясняется непрерывавшейся литературной традиціей. Литература конца XVIII и н. XIX в. была связана съ предшествовавшей виршевой литературой, часто включавшей въ себя чисто народную струю и распространявшейся въ значительномъ количествѣ сборниковъ. Въ эти сборники попадали нерѣдко подлинныя малороссійскія пѣсни; говорить о роли этихъ сборниковъ въ дѣлѣ развитія изящной литературы тѣмъ болѣе возможно, что въ провинціальной жизни, а такой была малороссійская, пережитки сохраняются гораздо дольше. Энеида Котляревскаго ставится въ связь съ подобнаго рода виршами. Къ двадцатымъ годамъ—ко времени, болѣе или менѣе, сознательнаго чтенія и мышленія Гоголя—слава Котляревскаго очень велика; малороссійская литература даетъ также рядъ другихъ именъ. Такъ пишетъ Гулакъ-Артемовскій, появляется на горизонтѣ Квитка—Основьяненко [1]), вводящій не мало этнографическаго элемента. На русскомъ языкѣ выходитъ въ свѣтъ Бурсакъ Нарѣжнаго, писателя, не оцѣненнаго по достоинству своими современниками, и рядъ другихъ его произведеній, касающихся малороссійской жизни; пишетъ также свои повѣсти Погорѣльскій [2]). Изъ второстепенныхъ писателей назовемъ двухъ лицъ, близко стоявшихъ къ Гоголю—его отца Василія Аѳ. Гоголя, автора комедій изъ малороссійской жизни и одного изъ его учителей — И. Г. Кулжинскаго [3]), автора „Малороссійской Деревни" (1827) и „Ѳедюшки Мотовильскаго" (1833).

---

[1]) Объ немъ см. Н. И. Петрова. Очерки исторіи украинской литер. XIX ст. стр. 87.

[2]) А. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи русской литературы. Стр. 76.

[3]) Проф. М. Н. Сперанскій. Одинъ изъ учителей Гоголя (И. Г. Кулжинскій). Нѣжинъ 1906 г.

Такимъ образомъ создается уже не маленькая литература, нерѣдко на самомъ малороссійскомъ языкѣ, по содержанію связанная съ народной малороссійской жизнью. И эта литература несетъ призывъ къ изученію своего народа и пробуждаетъ національное самосознаніе. Къ 20-мъ годамъ мы имѣемъ уже первые проблески зарождающейся малорусской этнографіи: въ 1819 г. выходитъ въ свѣтъ первый преслѣдующій болѣе или менѣе научныя цѣли сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ князя Цертелева [1]), а черезъ 8 лѣтъ уже болѣе обстоятельный и умѣло составленный сборникъ Максимовича (1827), въ промежутокъ между ними вышеупомянутая „Малор. Деревня" Кулжинскаго, содержащая въ себѣ наряду съ другимъ этнографическимъ матеріаломъ рядъ малорусскихъ пѣсенъ. Наблюдаются также другіе признаки возбужденія общества къ этнографическому изученію Малороссіи— въ Харьковѣ сначала (въ 1816—19 г.) выходитъ „Украинскій Вѣстникъ", а позднѣе съ 1824 года „Украинскій Журналъ" [2]) подъ редакціей Склабовскаго, въ значительной степени преслѣдующій чисто этнографическія цѣли. Въ Великороссіи и Малороссіи развиваетъ свою энергичную дѣятельность этнографъ-археологъ, много выстрадавшій на своемъ вѣку, Доленга-Ходаковскій [3]).

Эти первые дѣятели малорусской этнографіи, естественно, вначалѣ изъ національныхъ чувствованій и идей, въ значительной степени проявляютъ романтическое воодушевленіе, столь свойственное этому времени, но наряду съ этимъ удивительно трезво судятъ о цѣляхъ и источникахъ этнографіи. Главное вниманіе обращается на обрядъ и особенно пѣсню, которую сначала опредѣляютъ съ эстетической стороны, но тутъ же ставятъ её въ связь съ исторіей своего народа и вообще его жизнью, отраженіемъ которой она является. У всѣхъ этихъ этнографовъ проводятся параллели между малор. и великор. пѣсней, соотвѣтственно съ исторіей и характеромъ этихъ народовъ. О важности и необходимости этнографическихъ изученій долго распространяться не пришлось—въ этомъ дѣлѣ помогали, видимо, непосредственное малорусское самосознаніе и малорусская живая литература, а также боль-

---

1) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. 3. стр. 12.

2) М. Н. Сперанскій у. с. стр. 10—11.

3) Пыпинъ у. с. стр. 38—87.

шая близость въ укладѣ жизни между разными классами малор. населенія, чѣмъ это было на сѣверѣ Россіи. Въ слѣдующій періодъ малор. этнографіи—съ 30 годовъ. она попадаетъ въ вполнѣ надежныя руки. Теперь дѣятельными этнографами являются настоящіе ученые—Максимовичъ, выпускающій въ 1834 году второй сборникъ пѣсенъ, Срезневскій. издающій Запорожскую Старину (1833—1838), Бодянскій, пишущій цѣлый рядъ статей по малор. этнографіи и въ частности о народной поэзіи („О народной поэзіи славянскихъ племенъ"). Съ рядомъ этихъ ученыхъ. малорусская этнографія вступила на вполнѣ должный научный путь. Характерно отмѣтить, что всѣ эти малор. этнографы были одновременно и славистами, и вообще зарожденіе и развитіе малорусской этнографіи стоитъ въ связи съ славянскими и панславянскими интересами того времени [1]). Этотъ послѣдній фактъ объясняетъ, почему въ каждомъ почти разсужденіи о малорусской народной поэзіи и обрядѣ дѣло всегда касается славянства. и малорус. этнографическія работы выводятся всегда на фонѣ обще-славянской старины.

Воспитавшись на этнографической литературѣ 20-хъ годовъ, Гоголь выступаетъ на литературное поприще, а въ дальнѣйшемъ —въ 30-е годы—идетъ рука объ руку съ только что названной группой этнографовъ ученыхъ. поддерживая со всѣми ними оживленныя дружескія сношенія. Весьма понятно, что у него должно быть много точекъ соприкосновенія съ ихъ взглядами и слѣдовъ ихъ вліянія. Т. о. въ своемъ народничествѣ, въ дѣлѣ этнографіи Гоголь вполнѣ примыкалъ къ своимъ современникамъ землякамъ какъ къ художественно-литературному движенію. такъ и къ научно-этнографическому.

Иначе дѣло обстояло въ Великороссіи. Если народническія идеи и мотивы мы наблюдаемъ уже въ XVIII вѣкѣ—со временъ Екатерины, то эти мотивы слишкомъ растворяются въ искусственной формѣ художественной литературы и теряютъ всю свою оригинальность. Таковы обработки народныхъ мотивовъ въ творчествѣ ложноклассиковъ—Державина, Екатерины II-й, Сумарокова. Хераскова и др. таковы размягченныя до приторности въ сенти-

---

[1]) Пыпинъ. 3. стр. 91—92.

ментальной поэзіи Карамзина и его подражателей [1]). Къ этому послѣднему примыкаетъ то возбужденное патріотическое направленіе, которое, исходя изъ исторіи Карамзина, проявляетъ себя въ такихъ тенденціозно хвалебныхъ романахъ, какъ Юрій Милославскій, Рославлевъ, Аскольдова Могила—Загоскина, романы Лажечникова и Булгарина. Въ 20-е годы идутъ въ литературѣ теоретическіе споры романтиковъ и ложноклассиковъ. Однимъ изъ самыхъ живыхъ и настоятельныхъ требованій романтизма выдвигается принципъ народности, мѣстнаго колорита и т. п. Само понятіе народности, о которомъ горячо спорятъ, однако очень неясно и расплывчато—поэтому потребовалось много времени и труда, чтобы романтическая народность уступила свое мѣсто трезвому и реалистичному ея пониманію. Нечего говорить о такихъ писателяхъ, какъ Полевой, Марлинскій; даже Жуковскій, несмотря на весь свой талантъ, не вложилъ въ свою поэзію подлинной народности—его поэзія, даже на народно-поэтич. сюжеты, оставалась чисто нѣмецкой полу-романтической, полу-сентиментальной [2]). Самъ Пушкинъ только благодаря своему исключительному дарованію и присущему ему художественному инстинкту побѣдоносно вывелъ русс. литературу на должный ей путь—реалистической—народной, въ широкомъ смыслѣ слова, поэзіи, которая весь XIX вѣкъ служила священной миссіи народничества. Но и онъ въ началѣ своей дѣятельности не избѣжалъ псевдо-народнаго вліянія, напр., написавъ звучную въ стихахъ, но ложную по содержанію поэму „Русланъ и Людмила“ [3]). Къ этой ходульности, на которую, волей судебъ, стала „народность“ въ художественной литературѣ, надо прибавить ту офиціальную народность, которая использовала животворящій и многообѣщавшій принципъ въ цѣляхъ реак-

---

[1]) Замотинъ. Романтизмъ 20 хъ годовъ XIX ст. въ русс. лит. Варшава. 1903. Глава I Литературная почва роматизма 20-хъ годовъ. Также Богумилъ, Начальный періодъ народничества въ русс. худ. лит. Кіев. Ун. Из. Кіев. 1908.

[2]) А. Н. Веселовскій въ своей книгѣ „В. А. Жуковскій Поэзія чувства и сердечнаго воображенія“ СПб. 1904, посвятилъ XV главу спеціально вопросу объ „народности и народной старинѣ въ поэзіи Жуковскаго“. „Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, говоритъ В—ій, Жуковскій остался въ преддверіи романтизма“. (Стр. 507).

[3]) Краткій очеркъ постепеннаго роста настоящаго пониманія народности у Пушкина данъ въ статьѣ проф. В. Ѳ. Миллера „Пушкинъ какъ поэтъ этнографъ“ М. 1899.

ціонно-охранительныхъ. Офиціальная народность была провозглашена гр. Уваровымъ въ 1833 году и имѣла значительное вліяніе на развитіе соотвѣтствующей литературы въ духѣ самодержавія, православія и народности, равнявшейся, съ ихъ точки зрѣнія, крѣпостному праву.

Таково же положеніе и этнографіи. Этнографія въ Россіи въ первое время идетъ значительно большимъ окольнымъ путемъ, чѣмъ это было въ Малороссіи. Къ чисто научному пониманію своей задачи наши этнографы пришли послѣ цѣлаго ряда условныхъ и тенденціозныхъ направленій. Начатки этнографическаго изученія находимъ мы еще въ XVIII в., въ вѣкѣ, когда ложноклассицизмъ презрительно смотрѣлъ на подлую народную словесность. Но тѣмъ не менѣе даже у самихъ ложноклассиковъ не разъ заходила рѣчь объ этой поэзіи, гл. о., въ теоретическихъ разсужденіяхъ по стихосложенію, какъ у Ломоносова, такъ и у Тредьяковскаго [1]). Но наряду съ ложноклассицизмомъ появляются кое какія другія вѣянія, между прочимъ, народническое, хотя опять таки искусственное. Въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка выходятъ труды Чулкова [2]). Собраніе разныхъ пѣсенъ (1770—1774), Русскія сказки (1780—1783) и „Абевега русскихъ суевѣрій“ (1786), въ которыхъ наряду съ поддѣланными подъ тонъ современныхъ западныхъ рыцарскихъ романовъ—русскими сказками и былинами гл. о. богатырскаго характера, попадаются нерѣдко настоящія подлинныя народныя произведенія. Издаются также сборники пѣсенъ и сказокъ другихъ лицъ, какъ М. Попова, Друковцова и др. съ тѣми же прикрашиваніями и измѣненіями. Наиболѣе удачнымъ и цѣннымъ является собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Ив. Прачемъ, гдѣ издатель старается сохранить неприкосновенной подлинность народнаго творчества. Начало XIX вѣка ознаменовывается изданіемъ въ 1800 году Слова о Полку Игоревѣ, черезъ 4 года былъ изданъ, хотя, надо сказать, весьма плохо, сборникъ пѣсенъ Кирши Данилова. Онъ былъ переизданъ въ 1818 г. Калайдовичемъ въ своихъ разсужденіяхъ допустившимъ немало странностей. Эти два памятника быстро двинули русскую историческую и этнографическую мысль,

[1]) Пыпинъ, у. с. т. I. Стр. 64.
[2]) Ibid. 65—69.

вызвавъ цѣлый рядъ изслѣдованій, не прекращающихся и до нашихъ дней. Но все же настоящей этнографической науки не создалось. Лишь съ начала 30-хъ годовъ на сцену выступаютъ Сахаровъ и Снегиревъ. Но ихъ дѣятельность, равно какъ въ сороковыхъ годахъ, (я говорю объ этнографическихъ трудахъ) Надеждина [1]), по времени и настроенію связана съ офиціальной народностью, что несомнѣнно кладетъ свою печать на ихъ работы. Но, какъ бы то ни было, въ лицѣ Сахарова и Снегирева мы имѣемъ первыхъ нашихъ этнографовъ, поставившихъ себѣ вполнѣ опредѣленныя цѣли. Если въ ихъ трудахъ мы находимъ много заблужденій, много тенденціозности, подчасъ наивности, то съ другой стороны Сказанія Русскаго Народа и Пѣсни Сахарова, а также Пословицы и Простонародные праздники Снегирева дали массу цѣннаго, ранѣе неизвѣстнаго матеріала, уже однимъ своимъ богатствомъ поразившаго современниковъ. Критическаго отношенія къ собранному матеріалу у послѣднихъ еще не могло быть и они не замѣчали ни диллетантизма въ разсужденіяхъ, ни даже прямыхъ поддѣлокъ (какъ у Сахарова) въ самыхъ текстахъ. Позднѣе немного, въ 40-хъ годахъ, выходитъ въ свѣтъ „Бытъ Русскаго Народа" Терещенки; въ области живого народнаго языка собираетъ матеріалы Даль, словарь котораго вышелъ лишь въ 60-хъ годахъ. Настоящая русская этнографія начинается лишь съ 50—60 годовъ, когда работниками на ея нивѣ выступаютъ европейски образованные ученые—Аѳанасьевъ, О. Миллеръ, Буслаевъ и А. Веселовскій—съ дѣятельности которыхъ уже можно начать исторію нашей этнографической науки.

Т. о. во времена Гоголя въ 30-е и 40-е годы мы видимъ лишь зарожденіе этнографіи, собираніе матеріаловъ и отсутствіе еще чисто научной мысли. Но если этнографія русская имѣла еще немного печатныхъ трудовъ, то во всякомъ случаѣ интересъ къ ней, жажда познаній изъ ея области были очень сильны—особенно въ Московскомъ кружкѣ—какъ разъ тамъ, гдѣ пришлось вращаться Гоголю и числившему въ своемъ составѣ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Погодина, Шевырева и др., равно какъ и въ средѣ такихъ писателей—друзей Гоголя, какъ Пушкинъ и Жуковскій, одинаково сильно интересовавшихся народностью и дѣлавшихъ

[1]) Ibid. Стр. 265 и слѣд.

попытки самостоятельнаго ея изученія и воспроизведенія [1]). Но все же главное вліяніе на Гоголя имѣла своя малорусская этнографія, какъ мы видѣли, опередившая свою сѣверную подругу и быстрѣе нашедшая подъ собой твердую почву. Подъ ея то вліяніемъ Гоголь выступилъ на литературное поприще.

II.

Дѣтскіе и ученическіе годы.

Дѣтство свое Гоголь провелъ въ такой обстановкѣ, которая болѣе всего могла способствовать развитію любви къ родной малороссійской пѣснѣ и быту. Гоголи, помѣщики небогатые, жившіе спокойной, скромной жизнью въ своей Васильевкѣ, постоянно соприкасались съ народомъ. Едва ли могъ Гоголь жить въ совершенномъ отдаленіи отъ простого народа—ему уже съ дѣтства открывалась его жизнь и его поэзія. Въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ, какъ мы увидимъ ниже, онъ вспоминаетъ объ отдѣльныхъ случаяхъ народной жизни, свидѣтелями которыхъ онъ былъ. Такъ онъ посѣщалъ народныя свадьбы, наблюдалъ за старинной одеждой крестьянъ.

Въ самой своей семьѣ, въ кругу близкихъ родныхъ, Гоголь имѣлъ такихъ лицъ, которыя могли обращать вниманіе Гоголя и еще болѣе роднить его съ малор. поэзіей. Отецъ Гоголя Василій Аѳанасьевичъ писалъ пьесы изъ малор. жизни, въ домѣ жила тетка Гоголя Ходаревская, которая отличалась удивительнымъ знаніемъ малор. пѣсенъ. Но главное значеніе имѣли родственныя, постоянно поддерживавшіяся, связи съ тогдашнимъ малороссійскимъ магнатомъ Трощинскимъ, бывшимъ меценатомъ и покровителемъ всего того, что касалось Малороссіи, ея исторіи и поэзіи. Этому Трощинскому, человѣку весьма просвѣщенному, посвящены были главные труды по этнографіи. Якубовичъ посвятилъ ему свое изданіе Кирши Данилова (1804). Цертелевъ первый малорусскій сборникъ пѣсенъ [2]). Въ Кибенцахъ, имѣніи Трощинскаго [3]),

[1]) См. указанныя сочиненія Ак. *А. Н. Веселовскаго* и *Проф. В. Ѳ Миллера*, а также Пыпинъ. Ист. Эт. т. I. стр. 221.

[2]) М. Н. Сперанскій. Кулжинскій. Стр. 20.

[3]) Шенрокъ. Біогр. мат. I. Стр. 47—48.

имѣлась богатая библіотека, собранія картинъ и древностей. Изъ этой сокровищницы родители Гоголя пользовались книгами, пользовался и самъ Гоголь [1]). Время болѣе или менѣе сознательнаго чтенія падаетъ на эти ученическіе годы Гоголя. Чтеніе играло большую роль для его развитія, гораздо бо́льшую, чѣмъ само ученіе [2]). Книгъ, находившихся въ гимназіи, видимо, не хватало для любознательнаго ума Гоголя, поэтому, судя по письмамъ, онъ постоянно обращается за ними въ Кибенцы [3]). Лѣтомъ, пріѣзжая домой, Гоголь ѣздилъ въ Кибенцы, гдѣ, естественно, пользовался библіотекой. По имѣющемуся у насъ каталогу этой библіотеки [4]) мы можемъ судить о тѣхъ богатствахъ, которыя она заключала, и въ частности о книгахъ, касавшихся Малороссіи. Въ библіотекѣ, видимо, было все, что послѣдней касалось: географическія, историческія, этнографическія сочиненія, путешествія и литературныя произведенія всѣхъ малор. писателей, также лѣтописи, рукописи и пр. Здѣсь-то Н. В. могъ находить богатый источникъ къ познанію своего края.

Въ Гимназіи Высшихъ Наукъ находились также лица, интересовавшіяся мѣстной этнографіей. Такъ, къ числу учителей Гоголя принадлежалъ вышеупомянутый Кулжинскій, авторъ Малороссійской Деревни, произведенія досмѣшного сентиментальнаго характера, однако имѣющаго по тому времени не малую цѣнность, благодаря внесенію живого этнографическаго элемента. Если Гоголь смѣялся надъ этимъ произведеніемъ и пародировалъ его [5]), называлъ его литературнымъ уродомъ, то съ другой стороны онъ же читалъ ее съ серьезною цѣлью—именно въ цѣляхъ этнографіи и дѣлалъ изъ нея выписки въ записной „Книгѣ Всякой Всячины или сподручной Энциклопедіи“. Эта книга имѣетъ большое значеніе для опредѣленія этнографическихъ интересовъ Гоголя для конца учебнаго періода (книга заведена въ 1826 г.).

Но такъ какъ имъ она продолжалась нѣсколько лѣтъ позже, а по

---

[1]) Ibid. Стр. 46.

[2]) М. Н. Сперанскій Гимназія высшихъ наукъ и нѣжинскій періодъ жизни Н. В. Гоголя. Стр. 75. („Памяти Гоголя“. Подъ ред. Посадскаго. Кіевъ. 1902).

[3]) Ср. письма (ред. Шенрока). Т. I, стр. 12, 13, 17, 19, 21, 25 и др.

[4]) Каталогъ антикв. библіотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, пріобрѣтенной послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго. Кіевъ 1874.

[5]) Письма I, стр. 65.

нашему мнѣнію, въ большинствѣ своего содержанія относится къ періоду созданія Вечеровъ на Хуторѣ, то о ней мы будемъ говорить подробнѣе немного дальше.

Во всякомъ случаѣ, въ этотъ начальный періодъ своей жизни, передъ выходомъ на самостоятельный путь, Гоголь пріобрѣлъ интересъ къ этнографіи, и немудрено: какъ мы видѣли, вся обстановка и рядъ вліяній могли лишь этому способствовать.

Ему иногда приходилось высказываться по этому поводу. Въ высшей степени интересны воспоминанія Стороженка изъ послѣднихъ студенческихъ лѣтъ Гоголя. Эти воспоминанія показываютъ намъ, какъ рано созрѣвалъ въ немъ талантъ мѣткаго наблюдателя. Гоголь, по словамъ Стороженка, очень хорошо угадывалъ характеръ посторонняго ему человѣка и въ частности крестьянъ, освѣдомлялся быстро съ нимъ и производилъ своего рода опыты. На удивленіе, выражаемое Гоголю товарищемъ, какъ онъ хорошо изучилъ характеръ поселянъ, Гоголь воскликнулъ: „Ахъ! если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ: тогда всю жизнь свою я посвятилъ бы любезной своей родинѣ, описывая ея природу, юморъ ея жителей, съ обычаями, повѣріями, изустными преданіями и легендами. Согласитесь: источникъ обильный, неисчерпаемый, рудникъ богатый и еще непочатый". Мы уже видѣли раньше, что Гоголь составляетъ себѣ книгу Всякой Всячины, въ которую вноситъ этнографическіе матеріалы. Въ приведенныхъ словахъ, если имъ вообще вѣрить, есть ясное указаніе на то, что въ эти годы интересъ къ народной жизни и словесности былъ довольно глубокъ, было также намѣреніе заняться ихъ изученіемъ—раскопать этотъ богатый и непочатый рудникъ....

Но вотъ онъ кончаетъ Гимназію Высшихъ Наукъ, стремится въ Петербургъ, занятъ мечтою о службѣ, какъ будто бы оставляетъ пока мысль объ изученіи и воспроизведеніи народной жизни, хотя увозитъ съ собою свою подручную энциклопедію.

III.

Собираніе этнографическихъ матеріаловъ для „Вечеровъ".

Однако эта мысль скоро приходитъ ему въ голову, быстро овладѣваетъ имъ и доставляетъ Гоголю первую литературную славу. Въ 1829 г. онъ серьезно задумываетъ повѣсти изъ народнаго быта,

которымъ подъ конецъ дается названіе Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Воспроизвести художественно природу и жизнь малороссовъ съ ихъ преданіями, повѣріями и легендами—вотъ цѣль, которую, видимо, поставилъ себѣ Гоголь. Въ этой задачѣ, какъ она ставится и какъ исполняется—слышны романтическія идеи. „Вечера“ связаны съ нѣкоторыми произведеніями западноевропейскаго романтизма не только по нѣкоторымъ общимъ взглядамъ, но и по болѣе близкой зависимости [1]) Но, съ другой стороны, всѣми доказано, что въ основныхъ сюжетахъ, въ бытовыхъ подробностяхъ Гоголь обнаружилъ большое знаніе помѣстной этнографіи [2]). Для написанія своихъ повѣстей Гоголю было мало своихъ прежнихъ наблюденій, поэтому онъ въ многочисленныхъ письмахъ на родину проситъ доставить ему нужное. Прослѣдимъ эти просьбы, т. к. по нимъ станетъ ясно, чѣмъ особенно интересовался Гоголь въ народной жизни, каковы его программы для собиранія этнографическаго матеріала, однимъ словомъ, выяснится кругъ его этнографическихъ интересовъ.

Первое пока извѣстное письмо къ матери, въ которомъ затрагивается вопросъ о собираніи этнограф. данныхъ, относится къ 30 апр. 1829 г. „Теперь вы, почтеннѣйшая маменька, пишетъ онъ, мой добрый ангелъ хранитель, теперь васъ прошу, въ свою очередь, сдѣлать для меня *величайшее* изъ одолженій. Вы имѣете *тонкій, наблюдательный умъ*, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и поэтому, я знаю, вы не откажетесь сообщить мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. *Это мнѣ очень нужно. Въ слѣдующемъ* письмѣ я ожидаю отъ Васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся крестьянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвицами, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ“. Далѣе проситъ при-

---

[1]) См. работы Н. Котляревскаго. Н. В. Гоголь; Чудакова. Отношеніе творчества Гоголя къ Зап. Евр. Лит. (Кіев. Ун. Изв. 1908 г.); Тихонравова примѣчанія къ Вечерамъ; Замотина. Три романт. мотива въ творч. Гоголя. 1902.

[2]) Ср. статьи Петрова (Въ Кіев. сборн. въ честь Гоголя. 1902) и Чудакова въ Кіев. Ун. Изв. 1906.

слать „обстоятельное описаніе свадьбы, не опуская малѣйшихъ подробностей", о колядкахъ, Иванѣ Купалѣ, русалкахъ. „Если есть кромѣ того какіе либо духи, или домовые, *то о нихъ подробные*, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, разныхъ анекдотовъ, *страшныхъ сказаній*, преданій и пр. и пр. и пр. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно". Такъ высказывается просьба оказать „величайшее изъ одолженій", сообщить нужныя и весьма занимательныя для него свѣдѣнія.

Значитъ, интересъ къ малорусской этнографіи жгучъ, проситъ сообщать ему скорѣе, но едва ли можно думать, что мысль о написаніи повѣстей изъ малороссійской жизни внезапно посѣтила Гоголя [1]). Есть намеки, что въ 1828 г. въ этой области у него уже были опыты: вѣроятно, былъ написанъ уничтоженный потомъ историческій романъ, начата повѣсть Страшный Кабанъ [2]) и т. д. В. И. Шенрокъ главнымъ побудительнымъ мотивомъ считаетъ матеріальную нужду Гоголя [3]), основываясь на собственныхъ словахъ Гоголя изъ только что приведеннаго письма: „Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папинькины малороссійскія комедіи. Здѣсь такъ всѣхъ занимаетъ малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За то, по крайней мѣрѣ, мнѣ достался бы небольшой сборъ; а по моему мнѣнію ничѣмъ не надо пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и такъ далѣе. Самая же малость иногда служитъ помощью". Конечно, была и экономическая причина [4]), лишь ускорившая занятія по воспроизведенію малор. жизни, но главное было то, что у Гоголя зрѣлъ интересъ къ жизни своего края, къ его этнографіи, особенно въ суровомъ далекомъ Петербургѣ. Подмѣченный имъ интересъ къ малороссій-

---

[1]) Шенрокъ. Біогр. мат. I. Стр. 250.

[2]) См. сочин. Гоголя, изд. X. Т. VII, стр. 952.

[3]) Шенрокъ. Біогр. мат. I, стр. 175—6.

[4]) Выставлять экономическіе мотивы передъ матерью м. б. заставляла Гоголя боязнь, какъ бы мать на это не посмотрѣла, какъ на баловство, подобно сосѣдямъ, о которыхъ Гоголь говоритъ въ письмѣ изъ СПБ. 1831 г. 17 и. (См. письма I, стр. 197).

ской жизни среди Петербургскаго общества[1]) поддерживаетъ и возбуждаетъ Гоголя заняться соотвѣтственнымъ трудомъ. Прежнія наблюденія вновь всплыли въ его головѣ. Ему припоминается, видимо, поразившій его въ дѣтствѣ старинный костюмъ одной дѣвицы, которую онъ видѣлъ у церкви; онъ вспоминаетъ Демьяна, „котораго *мы видѣли* учредителемъ свадебъ и который зналъ, повидимому, всевозможныя повѣрья и обычаи". Затѣмъ онъ указываетъ матери тѣхъ лицъ, которыя могутъ въ этомъ случаѣ оказать большую помощь—таковы старожилы—его бабушки Агаѳья Матвѣевна и Анна Матвѣевна и Ан. Ѳед. Тимченко, „смѣтливымъ замѣчаніямъ" которой Гоголь всегда удивлялся. Въ другомъ письмѣ[2]) онъ указываетъ на священника Савву Кирилловича, который, дѣйствительно, дѣлится затѣмъ съ Гоголемъ своими познаніями.

Для облегченія труда по собиранію матеріаловъ Гоголь совѣтуетъ матери имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ повѣта.

Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ Гоголь опять обращается къ матери[3]). Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ ея письма и увѣренъ, мать не забудетъ его просьбы постоянно извѣщать его объ о чаяхъ Малороссіи. Далѣе онъ проситъ прислать описаніе карт ныхъ и хороводныхъ игръ—У Панфиля, Пашокъ, семь лиско въ хрещика, въ журавля. „У насъ, продолжаетъ онъ, есть повѣр въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныя повѣсти, разсказываем простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. С лайте милость удружите которою нибудь изъ нихъ".

Вскорѣ онъ получаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія... Но іюнь и і мѣсяцъ нарушаютъ въ немъ душевное спокойствіе, столь необ димое для плодотворной работы. Изданный имъ „Ганцъ Кюхе гартенъ", плодъ его юношеской музы, неодобрительно и да прямо враждебно принимается печатью, и Гоголь, скупивъ всѣ земпляры, подвергаетъ ихъ сожженію. Подъ вліяніемъ такого успѣха, болѣзненно отозвавшагося на самочувствіи писателя, рѣшилъ покинуть во что бы то ни стало Россію. Подобравъ ра

[1]) Въ связи съ этимъ см. статью Вл. В. Каллаша. Изъ исторіи малор. 20-хъ и 30-хъ гг. XIX в. Кіевъ. 1900.

[2]) Письма I, стр. 129.

[3]) Письма I, стр. 122.

случайно пришедшихъ въ голову причинъ, Гоголь въ письмѣ отъ 24 іюня [1]) сообщаетъ о своемъ намѣреніи матери... Несмотря на такой упадокъ духа, Гоголь тѣмъ не менѣе не оставляетъ мысли о художественномъ воспроизведеніи малорос. жизни, для чего ему требовались этнографическіе матеріалы. Въ постъ-скриптумѣ этого письма онъ приноситъ „чувствительнѣйшую и невыразимую благодарность за драгоцѣнныя извѣстія о малороссіянахъ и убѣдительно проситъ „неоставлять и впредь таковыми письмами". „Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься поверхностно". Какъ и въ предыдущихъ письмахъ, онъ настаиваетъ на точности передачи. А для доказательства необходимости этого онъ, видимо, выдумываетъ убѣдительный мотивъ: „сочиненіе мое. если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ и тѣмъ болѣе нужна мнѣ точность, чтобы не исказить неправильными наименованіями существеннаго имени націи". Или это одна изъ многочисленныхъ выдумокъ Гоголя или, дѣйствительно, уму Гоголя рисовались какіе-то планы о сочиненіи на иностранномъ языкѣ, въ такомъ случаѣ здѣсь едва ли идетъ рѣчь о художественномъ произведеніи—для этого Гоголь не зналъ такъ иностранныхъ языковъ. Не задумывалъ ли онъ этнографическаго или историческаго очерка Малороссіи?

Какъ бы то ни было и передъ самымъ отъѣздомъ за границу, онъ не перестаетъ интересоваться этнографическими матеріалами. Наоборотъ, онъ извиняется передъ матерью, „что и теперь не оставляетъ безпокоить ее подобными просьбами". Благодаритъ также „чувствительно почтеннѣйшаго Савву Кирилловича—священника и проситъ его также дѣлать приписочки въ письма". Вскорѣ Гоголь уѣхалъ и пробылъ до 22 сентября [2]). Пока прекратились его собиранія матеріаловъ. Но и за это время ему сообщили немало! Къ сожалѣнію, письма съ родины, съ описаніемъ быта и словесности не сохранились, но за то мы имѣемъ изъ нихъ выдержки въ книгѣ Всякой Всячины. Такъ на стр. 135 этой книги находимъ извлеченіе изъ письма 4 мая [3])—о свадьбахъ малороссіянъ

[1]) Ibid. Стр. 123—9.

[2]) Кирпичниковъ А. И. Опытъ хронол. канвы къ біогр. Гоголя, стр. X.

[3]) Соч. Гоголя X изд., т. VII стр. 886.

на стр. 123 „изъ письма 2 іюня“—игра у ворона. Эти свѣдѣнія сообщены несомнѣнно Гоголю въ отвѣтъ на вышеприведенныя письма. Въ записной книжкѣ Р. А. № 2. (Пуб. и Рум. музеевъ), книжкѣ, принадлежащей къ этой же эпохѣ, также находится выдержка изъ письма матери[1]) „еще объ одномъ обрядѣ малороссіянъ: на масляной въ четвергъ всегда бываетъ женскій праздникъ, называемый Власьемъ, хотя и никогда тогда не бываетъ сего святого имени и жинки бьютъ своихъ человѣковъ днищами, чтобы они ихъ цѣлый годъ не били“.

Въ виду отсутствія подлинныхъ писемъ матери, разрѣшеніе вопроса „какую роль именно сообщенныя ею свѣдѣнія играютъ въ ряду другихъ источниковъ Вечеровъ“, Шенрокъ[2]) находитъ невозможнымъ. Тѣмъ больше должны имѣть значеніе вотъ эти отрывки изъ переписки, а также самыя записныя книги. Въ нихъ же мы имѣемъ богатый матеріалъ для сужденія объ этнографическихъ занятіяхъ Гоголя. По этому не лишне будетъ остановиться прежде всего на упомянутой нами не разъ Книгѣ Всякой Всячины. Заведенная еще въ 1826 г., она пополнялась, какъ сейчасъ увидимъ, гл. о. во время конца 1827 и 1828 года и даже, какъ сейчасъ было указано, 1829 г., т. о. объ ней удобнѣе всего говорить сейчасъ. Рукопись этой книги хранится въ библіотекѣ Румянц. музея. Выдержки изъ нея напечатаны Кулишемъ, а также описаніе ея сдѣлано В. И. Шенрокомъ въ VII т. Х-го изд. сочиненій Гоголя[3]). Но описаніе это составлено поспѣшно и не полно, что сразу обнаруживается по чтеніи самой рукописи[4]).

Полное заглавіе: „Книга Всякой Всячины или подручная энциклопедія, составл. Н. Г. Нѣжинъ 1826 г.“ И дѣйствительно, здѣсь всякая всячина: замѣтки по древ. греческой архитектурѣ, мѣры вѣса, музыкальные инструменты древнихъ грековъ, сравненіе са-

---

[1]) Ibid. стр. 903. Эта выдержка вклеена между 76 и 77 стр. рукописи.

[2]) Шенрокъ. Біогр. Мат. т. 1 стр. 266.

[3]) Стр. 873—891.

[4]) На стр. 891 VII т. Сочиненій Гоголя г. Шенрокъ по описаніи 401 страницы замѣчаетъ: всѣ остальныя страницы оставлены пустыми. На самомъ дѣлѣ и на 417, 435, 447 рукописи помѣщенъ лексиконъ малорусскій. Не приведены многочисленныя пословицы на стр. 247 рукописи. Не указаны совершенно выдержки, сдѣланныя Гоголемъ изъ Флетчера съ примѣчаніями Гоголя на стр. 299 и др.

дового года во Франціи и Россіи и т. д., но большинство записей имѣютъ историческій и этнографическій характеръ. По выпискамъ изъ этой книги, у Гоголя можно подмѣтить интересъ къ внѣшнему быту древней Руси. Такъ, онъ выписываетъ свѣдѣнія о др. русскомъ бытѣ изъ сочиненій иностранцевъ о Россіи: Одерборна, Мейерберга, Флетчера, Герберштейна, Олеарія. Онъ останавливается гл. о. на обычаѣ и внѣшнемъ бытѣ. Изъ Одерборна беретъ описаніе старинной русской масляницы[1]), изъ Олеарія[2]) объ одеждѣ и обычаѣ русскихъ, изъ Мейерберга объ этомъ же предметѣ и срисовываетъ иллюстраціи старинныхъ костюмовъ. На стр. 299 рукописи находимъ большую выписку изъ Флетчера: о старинныхъ русскихъ свадьбахъ[3]). Къ этой выпискѣ Гоголь приложилъ примѣчанія, въ которыхъ приводитъ свѣдѣнія о свадьбахъ же по Герберштейну и Одерборну. Между прочимъ дѣлаетъ и свое личное замѣчаніе: „Удивительно почему Флетчеръ и прочіе путешественники молчатъ объ обычаѣ осыпать молодыхъ хмѣлемъ и пшеницей на порогѣ дома, на возвратномъ пути изъ церкви, сей обычай до нынѣ сохранился въ нѣкоторыхъ губерніяхъ[4]). Откуда дѣлалъ эти выписки Гоголь не знаю. Въ подлинникѣ Флетчера онъ не могъ читать, не зная англійскаго языка[5]). Перевода же Флетчера на русскій языкъ не было. За попытку напечатать переводъ въ чтеніяхъ Общ. Ист. и др. Бодянскій въ сороковыхъ годахъ получилъ массу непріятностей и переводъ былъ вырѣзанъ изъ чтеній. Намъ понятно, почему Гоголь поспѣшилъ выразить горячее участіе Бодянскому, когда до него объ этомъ дошли слухи[6]). Этимъ, собственно, говоря и ограничиваются выписки по Русс. исторіи. По нимъ видно, что Гоголь обращалъ главное свое вниманіе на внѣшнюю бытовую жизнь Руси, что находится въ полномъ согласіи съ образнымъ мышленіемъ и творчествомъ Гоголя. Вѣдь и въ статьяхъ и занятіяхъ своихъ по исторіи Малороссіи и всеобщей исторіи—онъ больше любилъ рисо-

---

1) См. VII т. стр. 883.

2) Ibid. стр. 884.

3) Шенрокъ при описаніи рукописи въ VII т. соч. Гоголя это мѣсто совершенно пропустилъ.

4) Кн. Вс. Вс. 300-я стр. рукописи.

5) См. Шенрокъ біогр. Мат. т. 1.

6) Кирпичниковъ. Ук. соч. стр.

вать картины, ужъ не говоря про художественныя созданія изъ прошлаго Малороссіи—эти талантливѣйшія иллюстраціи къ малороссійской старинѣ. Весь остальной этнографическій матеріалъ уже всецѣло относится къ Малороссіи. Этотъ матеріалъ несомнѣнно составлялся изъ книжныхъ источниковъ и отчасти изъ собственныхъ и сообщаемыхъ другими наблюденій. Очень много мѣста удѣлено Малороссійскому Лексикону, составленному въ алфавитномъ порядкѣ. Источниками и пособіями для словаря послужили сочиненія Котляревскаго, пѣсни, собранныя Цертелевымъ (1819), Малороссійскія пѣсни, изданныя въ 1827 г. Максимовичемъ, Академическій словарь[1]). Эти источники указываются самимъ Гоголемъ въ скобкахъ при нѣкоторыхъ словахъ Малороссійскаго Лексикона. Изъ нихъ Гоголь бралъ объясненія словъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, словарь составлялся и по лично собраннымъ даннымъ. Составлять его Гоголь сталъ не раньше 1827 года (его конца), т. к. изданіе пѣсенъ Максимовича относится къ этому году (Цензурное разрѣшеніе 27 апр.) Значеніе занятій Гоголя этимъ словаремъ для пріобрѣтенія этнографическихъ знаній было также большое—изучая народный языкъ, онъ знакомился и съ бытовой и внутренней жизнью народа; мы встрѣчаемъ массу народныхъ прозваній, выраженій, названій предметовъ, степеней родства, обрядовъ и пр.

Остальной матеріалъ уже прямо касается народнаго быта и вѣрованій. Игры, увеселенія малороссіянъ, малорусскія блюда и кушанья, малорусс. преданія, обычаи и обряды, одѣянія малоссіянъ, о свадьбахъ малороссіянъ, пословицы, поговорки и фразы малороссійскія, загадки и пр. Многіе отдѣлы представлены очень подробно. Напр. описаніе одежды и блюдъ. Загадокъ приведено 15, а малор. пословицъ и поговорокъ 149[2]). Матеріалъ здѣсь составлялся изъ двухъ источниковъ. Немало дали ему книги Максимовича и Кулжинскаго. Такъ отдѣлъ „Малороссіи отдѣльныя замѣчанія“[3]), малор. преданія, обычаи и обряды составились почти цѣликомъ на основаніи примѣчаній къ пѣснямъ у Максимовича. Ср., напр., троицкія пѣсни, купальскія пѣсни, обжинки, неболь-

---

[1]) Ср. Соч. Гоголя т. VII стр. 886.

[2]) Ср. 247 стр. рукописи.

[3]) Ср. 183 и сл. стр. рукописи.

шое замѣчаніе о свадьбѣ съ соотвѣтствующими мѣстами изъ книги Максимовича на стр. 218—222. Обычаи Малороссіи, помѣщенные на стр. 224 рукописи, взяты изъ „Малор. Деревни“ Кулжинскаго. Рядъ другихъ матеріаловъ, какъ мы выше указали, составленъ изъ выписокъ изъ писемъ матери. Самое подробное сообщеніе трактуетъ объ малор. свадьбахъ. Оно, видимо, составлено со всей точностью и подробностью, о чемъ какъ мы видѣли, не разъ настойчиво просилъ Н. В. Гоголь. Другое касается нарядовъ, къ чему дѣлаетъ приписку о нарядахъ дьячка вышеупомянутый іерей отецъ Савва. Въ этомъ же письмѣ мать Гоголя сообщаетъ ему описаніе игры въ ворона. Нѣкоторыя этнографическія данныя въ книгѣ подобраны черезъ словари, какъ Академическій и приложенный къ пѣснямъ Максимовича. Ср. отдѣлъ одѣянія малороссовъ. Такъ приходилось Гоголю добывать интересующія его свѣдѣнія, за отсутствіемъ соотвѣтствующей этнографической литературы!

Таково въ общемъ содержаніе Книги Всякой Всячины. Изъ него мы видимъ, что, если книга и относится къ 1826 году, то по времени внесенія въ нее матеріаловъ несомнѣнно, что въ большинствѣ своего содержанія она относится ко времени послѣ 1827, однимъ словомъ—ко времени окончанія Гоголемъ Гимназіи Высшихъ Наукъ, и дополняется въ Петербургѣ, когда Гоголь приступилъ къ составленію повѣстей съ этнограф. и историкоэтнографическимъ содержаніемъ. Далѣе мы видимъ, что изученіе народнаго быта и жизни Гоголь начинаетъ съ изученія извѣстныхъ ему и, для того времени почти единственныхъ, трудовъ по малорусской этнографіи Максимовича, Цертелева, а также сочиненія Котляревскаго и Кулжинскаго. Занимается этнографіей древней Руси по свѣдѣніямъ иностранцевъ о Россіи, вписываетъ въ книгу сообщенные эти. матеріалы. Кромѣ показаній этнограф. занятій и интересовъ Гоголя, книга эта важна для опредѣленія народныхъ источниковъ, легшихъ въ основу „Вечеровъ“ и „Миргорода“. Зависимость произведеній Гоголя отъ матеріаловъ, собранныхъ въ этой книгѣ, становится вполнѣ очевидной, при самомъ бѣгломъ прочтеніи. Подробно этой работы еще не произведено......

Пробывъ въ заграничномъ путешествіи всего два мѣсяца, Гоголь въ концѣ сентября уже въ Петербургѣ. Пока идутъ разныя хлопоты денежныя и служебныя, но уже вскорѣ онъ приступаетъ

къ продолженію работы надъ „Вечерами". Съ этого времени опять начинаются запросы въ Васильевку, продолжающіеся въ теченіе всего 30 и 31 гг.—въ періодъ самой горячей дѣятельности надъ созданіемъ 1-й и 2-й чч. „Вечеровъ на хуторѣ". Уже въ ноябр. письмѣ 1829-го года [1]) Гоголь проситъ мать, продолжать доставлять ему свѣдѣнія о повѣрьяхъ, обычаяхъ малороссіянъ, сказкахъ, преданіяхъ, находящихся въ простонародьѣ, и надѣется, что и сестра его Марья Васильевна не откажется помочь ему.

Въ февральской и март. книжкахъ за 1830 г.—въ „Отечеств. Запискахъ" подъ ред. Свиньина, выходитъ „Басаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала". Гоголь, указывая матери, что теперь писаніе статеекъ въ журналѣ составляетъ его насущный хлѣбъ [2]), проситъ мать не сердиться, если онъ ее „часто безпокоитъ просьбою доставлять свѣдѣнія о Малороссіи или о чемъ подобномъ". Онъ проситъ записывать не только нравы, обычаи, повѣрья, но даже какой нибудь забавный анекдотъ между мужиками, если придется услышать. У старожиловъ проситъ отбирать свѣдѣнія „о старинѣ, одеждѣ, матеріяхъ, исторіи и анекдоты, которые случались въ ихъ время, смѣшные, забавные, печальные, ужасные". И все это „съ подробнѣйшей подробностью". Съ другой стороны, ему нужна вещественная старина, монеты и всякіе предметы, интересные въ археологическомъ отношеніи а также записки, веденныя предками к. н. старинной фамиліи, рукописи стародавнія про времена гетманщины и пр. Цѣль этого передъ матерью онъ объясняетъ будтобы необходимостью прислужиться одному вельможѣ, любителю отечеств. древностей.

Въ іюнѣ [3]) онъ сообщаетъ матери, что собираетъ только матеріалы и въ тишинѣ обдумываетъ свой обширный трудъ. Ему нужны этнограф. матеріалы. На родинѣ собираніе матеріаловъ шло, видимо, усиленнымъ темпомъ, т. к. Гоголь почти въ каждомъ письмѣ благодаритъ своихъ корреспондентовъ.

Въ концѣ лѣта 1831 года выходитъ въ свѣтъ 1-я часть „Вечеровъ". Успѣхъ Вечеровъ огромный. Интересъ къ нимъ великихъ поэтовъ Пушкина и Жуковскаго поддерживаетъ Гоголя въ

---

[1]) Письма I стр. 139.
[2]) Письма I стр. 144.
[1]) Ibid. Стр. 157.

дальнѣйшихъ занятіяхъ. Онъ продолжаетъ работу надъ второй частью Вечеровъ. Интересъ къ народности и ея художественному воплощенію у Гоголя увеличивается и благодаря аналогичнымъ занятіямъ въ то время Жуковскаго и Пушкина. И тотъ и другой заняты сказками. Это вызываетъ у Гоголя восторженное восклицаніе (въ письмѣ къ Жуковскому отъ 10 сент): „Осталось воспоминаніе и еще много кой чего достаточно усладить здѣшнее одиночество: это извѣстіе, что сказка ваша уже окончена и начата другая, которой уже одно прелестное начало чуть не свело меня съ ума. И Пушкинъ окончилъ свою сказку! Боже мой, что будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто русской поэзіи [1])... Когда то я пріобщусь этой божественной сказкѣ!! [2]) Такъ восторженно Гоголь привѣтствуетъ художест. произведенія великихъ поэтовъ изъ области народнаго преданія—въ этомъ ему чудится зданіе чисто русской поэзіи. Ничего благодѣтельственнѣе не могло быть для дѣятельности Гоголя, какъ сочувствіе и встрѣча интересовъ у великихъ поэтовъ. Они всѣ заняты однимъ дѣломъ. „О съ какимъ бы я восторгомъ, пишетъ Гоголь Жуковскому, ловилъ жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, приуготовленный самими богами изъ тьмочисленнаго количества *вѣдьмъ*, *чертей* и всего любезнаго нашему сердцу“. Изъ этого видно, что особенно любезно было романтическому сердцу Гоголя. Недаромъ онъ въ предыдущихъ письмахъ къ матери и послѣдующихъ особенно проситъ сообщать ему о страшныхъ сказаніяхъ, ужасныхъ исторіяхъ и повѣріяхъ и т. п..

—Ободренный въ своихъ трудахъ Гоголь засѣлъ за продолженіе повѣстей изъ малоросс. жизни. Опять пошли письма на родину. 19 сент. 1831 г. онъ пишетъ сестрѣ: „ты помнишь ли, милая, какъ хорошо было начала собирать малор. сказки и пѣсни и. к. съ сожалѣнію, прекратила. Нельзя ли возобновить это—мнѣ оно необходимо нужно“. Ему опять нужны старинные малор. костюмы. „Если увидите гдѣ нибудь у мужика старинную шапку и платье, отличающееся чѣмъ нибудь необыкновеннымъ, хотя бы даже бы-

---

[1]) Ср. аналогичное восклицаніе у Максимовича въ „Малор. Пѣсняхъ“ (1827) въ предисловіи.

[2]) По этому же поводу см. также письмо Гоголя Данилевскому 2 н 1831 г. Письма I. 196.

ло и изорвано—пріобрѣтайте". 17 н. 1831 онъ жалуется, что вокругъ Васильевки „мало старосвѣтскихъ людей—мнѣ и вамъ маминька не́ съ кѣмъ и слова завесть о старинѣ"... Къ январю 1831 г. была окончена 2-я часть „Вечеровъ", вышедшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ свѣтъ.

Этимъ кончается первый періодъ дѣятельности Гоголя, и съ этого времени измѣняются, нѣкоторымъ образомъ, занятія этнографіей. Если въ это время мы наблюдали у него какъ по письмамъ, такъ и по нѣкоторымъ повѣстямъ Вечеровъ интересы къ малор. старинѣ, то съ этого времени онъ весь предается прошлому Малороссіи, ея исторіи и древнему быту. Говоря словами Ганца Кюхельгартена „назадъ далёко онъ живётъ".

IV.

Малороссійскія пѣсни.

1832 годъ далъ Гоголю рядъ знакомствъ среди лицъ, интересующихся и занимающихся этнографіей и въ частности малороссійской. Въ концѣ іюня онъ знакомится съ извѣстнымъ историкомъ Погодинымъ; съ перваго же разу у нихъ начинается разговоръ про исторію Малороссіи. Къ концу этого же года онъ знакомится съ извѣстнымъ историкомъ, лингвистомъ и этнографомъ Максимовичемъ; и съ нимъ устанавливаются пріятельскія отношенія. Въ этомъ же году онъ познакомился съ Бодянскимъ, а также Аксаковыми и Кирѣевскими. Всѣ означенныя лица своимъ участіемъ и своей поддержкой могли только содѣйствовать и покровительствовать занятіямъ Гоголя исторіей и этнографіей родного края.

Объ историческихъ занятіяхъ его мы будемъ говорить лишь постольку, поскольку дѣло соприкасается съ этрографіей. Со времени знакомства Гоголя съ Максимовичемъ между ними происходитъ большая переписка относительно пѣсенъ. И тотъ и другой были любителями и знатоками Малорусской народной поэзіи. Если прежде Гоголь собиралъ матеріалъ по внѣшнему быту и преданіямъ Малороссіи, то средина 30-хъ годовъ проходитъ въ страстномъ увлеченіи и собираніи именно пѣсеннаго матеріала. Это увлеченіе малороссійской пѣсней весьма характерно для такого романтически настроеннаго человѣка, какимъ былъ Гоголь

и оно должно быть учтено въ изученіи процесса жизни и творчества Гоголя какъ одинъ изъ могущественныхъ факторовъ.

Малороссійская пѣсня съ дѣтскихъ лѣтъ была любима Гоголемъ. Любовь къ ней сохранилась до самыхъ послѣднихъ дней жизни; она всё время звучала въ его ушахъ и часто, по собственному его признанію, побуждала его къ художественной дѣятельности.

Недавно извлеченныя изъ-подъ спуда въ Румянцов. Музеѣ огромныя тетради съ собственноручно переписанными пѣснями даютъ полное представленіе о собираніи Гоголемъ пѣсеннаго матеріала. Письма Гоголя свидѣтельствуютъ о ходѣ работъ и развитіи интереса къ малороссійской пѣснѣ. Это же увлеченіе малороссійской пѣсней отражаетъ почти каждая статья историческаго, художественнаго или критическаго содержанія, вышедшая изъ-подъ пера Гоголя въ серединѣ 30-хъ годовъ.

„Моя радость, жизнь моя пѣсни! Какъ я васъ люблю!" восклицаетъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ. И дѣйствительно, имъ Гоголь удѣлилъ не мало мѣста въ своей жизни.

Раньше мы видѣли, что Гоголь былъ знакомъ съ бывшими тогда изданіями Малороссійскихъ пѣсенъ—Цертелева и Максимовича. Въ „Книгѣ всякой всячины" находится нѣсколько пѣсенъ; въ вышеприведенныхъ просьбахъ, обращенныхъ на родину, въ числѣ нужныхъ матеріаловъ иногда упоминаются также пѣсни. Спеціальный же интересъ къ малор. пѣснѣ зарождается въ концѣ 1832 и особенно разгорается въ теченіе 1833—34 гг.

Въ этомъ дѣлѣ ближе всего стоитъ къ нему Максимовичъ, съ которымъ идетъ въ эти и послѣдующіе годы по этому предмету оживленная переписка.

Лѣто и начало осени 1832 г. Гоголь провелъ у себя въ Васильевкѣ, гдѣ, несомнѣнно, самъ принималъ участіе въ записываніи пѣсенъ[1]). Вскорѣ послѣ его отъѣзда въ ноябрѣ ему присылаютъ пѣсни; изъ нихъ одна оказывается извѣстной, т. к. была раньше написана рукой Борисовны. Сообщенія этногр. и гл. о. пѣсеннаго характера поступали Гоголю втеченіе 1833 г. Ему нуж-

[1]) Гоголь любилъ бесѣдовать съ крестьянами и, по словамъ Эмиліи Коврыго, воспитанницы матери Гоголя, въ деревнѣ весь досугъ проводилъ въ бесѣдахъ съ крестьянами. („Русское Слово" 1909. 20 марта). Ср. также воспоминаніе Стороженка (приведено Шенрокомъ, т. I).

ны сказки, которыя онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ. Записываніе сказокъ Гоголь находитъ нѣсколько тягостнымъ дѣломъ и совѣтуетъ матери возложить этотъ трудъ на другихъ, какъ на сестру и тетку. Мать такъ и поступила. Она приказала списывать сказки какому-то Антошкѣ, за что Гоголь ее благодаритъ; только онъ опасается: какъ бы этотъ Антошка не умничалъ и не выбрасывалъ многаго[1]). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Гоголь получаетъ изъ дому большое количество пѣсенъ[2]), изъ которыхъ онъ находитъ одну, м. пр., очень характерной и хорошей. Это—„Що се братця, якъ барятця". Эта пѣсня такъ понравилась Гоголю, что онъ ее приложилъ къ ближайшему письму къ Максимовичу[3]). Но главное, что порадовало Гоголя—это присылка старинной тетради съ пѣснями, между которыми онъ находитъ многія замѣчательными. Видимо, Гоголь получилъ одинъ изъ очень распространенныхъ въ концѣ XVII и XVIII вв. рукописныхъ сборниковъ съ малороссійскими виршами и кантами и зачастую съ народными пѣснями. Въ письмѣ къ матери Гоголь совѣтуетъ поискать еще такихъ рукописей, которыя водятся, по его мнѣнію, въ старинныхъ сундукахъ, между старинными бумагами, у старинныхъ поповъ или потомковъ старинныхъ поповъ[4]).

Т. о., за эти годы у Гоголя понакопилось не мало этн., и въ частности, пѣсеннаго матеріала, собраннаго имъ во время лѣтняго пребыванія въ 1832 г. на родинѣ и черезъ своихъ корреспондентовъ. Гоголь подумываетъ объ изданіи пѣсенъ. Судьба свела его съ Максимовичемъ, который, какъ разъ послѣ перваго изданія своихъ пѣсенъ собиралъ матеріалъ для другого сборника, вышедшаго въ свѣтъ въ 1834 году. Гоголь соединился съ нимъ въ этомъ дѣлѣ, сталъ усердно помогать ему.

Онъ просмотрѣлъ, что у него было собрано въ прежніе годы, и кое-что послалъ Максимовичу; м. пр. посылаетъ виршу, говоренную запорожцами. Это, видимо, та вирша, которая давно была списана Гоголемъ въ Книгѣ всякой всячины[5]). Затѣмъ по мѣрѣ

---

[1]) См. письмо отъ 8 ф. 1833 г. т. I. Писемъ.

[2]) Письмо 22 н. 1833 стр. 264.

[3]) I. стр. 269.

[4]) I. стр. 264.

[5]) Вирша, говоренная Гетману Потемкину Запорожцами на свѣтлый праздникъ воскресенія. Стр. 41—43 ркп.

поступленіи онъ посылаетъ нѣкоторые новые матеріалы, такъ что въ 1834 г., по свидѣтельству самого Гоголя, онъ переслалъ Максимовичу до 150 пѣсенъ[1]). Въ началѣ Гоголь, видимо, думалъ о совмѣстномъ изданіи пѣсенъ. Такъ, еще въ декабрѣ 1832 года[2]) онъ занятъ заказами „національной" виньетки для изданія пѣсенъ Максимовича и выражаетъ сожалѣніе, что „наши" пѣсни будутъ безъ виньетки. Въ ноябрѣ 1833 года онъ сообщаетъ Максимовичу, что у него накопилось до двухъ сотъ пѣсенъ, и замѣчательно, что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытыми[3]). Однако эти пѣсни онъ намѣренъ прислать не раньше, пока Максимовичъ не пришлетъ ему и не дастъ вписать всѣ находящіяся у М-ча пѣсни, исключая печатныхъ и сообщенныхъ Гоголю раньше. Эта просьба обосновывается тѣмъ, что Гоголь не имѣетъ терпѣнія дождаться печатнаго изданія, а во вторыхъ, тѣмъ, чтобы не послать дублетовъ. Максимовичъ черезъ нѣкоторое время исполняетъ эту просьбу Гоголя. Въ слѣдующихъ своихъ письмахъ Гоголь не перестаетъ извѣщать своего друга о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Такъ, онъ пріобрѣлъ „много историческихъ пѣсенъ еще больше—прекрасныхъ", но выписываетъ только одну изъ нихъ, потому что не можетъ не утерпѣть отъ этого, въ то время какъ, упрекаетъ онъ, Максимовичъ не присылаетъ просимой тетради[4]). Въ мартѣ 1834 г., время, когда Гоголь страстно хлопоталъ о полученіи профессуры въ Кіевѣ, онъ пишетъ Максимовичу, что „пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ и къ осени уже засѣли работать"[5]). 20 апр.[6]) онъ опять обѣщаетъ прислать скоро кое-какія пѣсни, которыя должны войти въ послѣдній развѣ отдѣлъ перваго тома. Но, видимо, Гоголь пѣсенъ Максимовичу больше не посылалъ, хотя самъ лично пѣсни собиралъ и не только

---

[1]) Письмо къ Срезневскому. 6 м. 1834.
[2]) Письма I. стр. 230.
[3]) Письма I. Стр. 261.
[4]) Ср. также о пѣсняхъ февральское письмо Максимовичу.
[5]) Письма I стр. 282.
[6]) I. стр. 292.

въ этотъ годъ, но и въ 1835 году. (Ср. письма отъ 30 янв. и 22 сент. 1835 г. къ матери). Послѣ 1835 въ письмахъ мы не находимъ уже больше извѣстій. Гоголь занимался собираніемъ пѣсенъ, хотя интересъ къ самой пѣснѣ у него не уменьшался. (Издатель пѣсенъ собранныхъ Гоголемъ Г. П. Георгіевскій думаетъ, что Гоголь закончилъ процессъ собиранія малор. пѣсенъ ко времени своего отъѣзда за границу въ 1836 году[1],—и это едва-ли можетъ быть подвержено сомнѣнію). Ср. также свидѣтельство Максимовича (въ полемикѣ съ Кулишемъ[2]). Т. о., мы видимъ, что Гоголь явился дѣятельнымъ сотрудникомъ для изданія Максимовича, вышедшаго въ 1834 году. Онъ туда помѣстилъ по вышеприведенной цитатѣ до 150 №№. Но у него были, какъ онъ сообщилъ, м. б. выражаясь гипперболически, Максимовичу, до 1000 ему неизвѣстныхъ пѣсенъ. Съ другой стороны, онъ въ письмѣ къ Срезневскому отъ 6 марта 1834 г. исчисляетъ, помимо этихъ послѣднихъ, еще 150, накопившихся по отсылкѣ Максимовичу. Совсѣмъ недавно Г. П. Георгіевскій издалъ собраніе пѣсенъ Гоголя по рукописямъ, хранящимся въ Рум. Музеѣ. Это изданіе показываетъ, какой большой пѣсен. матеріалъ накопилъ Гоголь за эти годы. Всего въ 2-хъ тетрадяхъ мы находимъ 412 малор. пѣсенъ. Сюда не входятъ тѣ пѣсни, какія Гоголь отсылалъ другимъ лицамъ[3]). По наблюденіямъ, сдѣланнымъ издателемъ Гоголевскихъ записей, онѣ стоятъ внѣ всякой зависимотти отъ печатныхъ текстовъ пѣсенъ, появившихся въ свѣтъ до Гоголевскаго собранія. Пѣсни Гоголя имѣютъ значеніе и для науки, благодаря точной и полной записи текста. Припомнимъ, какъ Гоголь въ письмахъ къ матери не разъ указывалъ на необходимость сохраненія полной точности при записываніи этногр. данныхъ, какъ онъ боялся, чтобы записыватель не прибавлялъ своего. Это лишній разъ подчеркиваетъ серьезное отношеніе Гоголя къ своей задачѣ и показываетъ, что въ этомъ онъ опережалъ дѣятелей современной ему русской этнографіи (Ср. гг. Сахарова и даже Срезневскаго)... Помимо пѣсенъ, отосланныхъ Гоголемъ Максимовичу и оставленныхъ при себѣ (а нынѣ изданныхъ), Гоголь пополнялъ своими матеріалами изданія другихъ собирателей, какъ сборникъ Метлинскаго (напечат. лишь въ

---

[1]) Памяти Жуков. и Гоголя, в. II, стр. 10.

[2]) Пыпинъ. Ист. Этн. т. 3 стр. 209.

[3]) Ibid. стр. 11—12.

1854 г. въ Кіевѣ, Народ. южнорусскія пѣсни, изданіе Метлинскаго) и сборникъ Кирѣевскаго. На стр. 48 4-го выпуска „Калѣкъ перехожихъ“ Безсонова подъ №№ 270—274 находимъ рождественскіе духовные стихи, произносимые при колядованіи. По замѣчанію собирателя, эти стихи сообщены Н. В. Гоголемъ, будучи имъ записаны по памяти; нѣкогда ребенкомъ онъ самъ распѣвалъ ихъ. Стихи эти при всей неуклюжести формы, при смѣси малор. языка съ церковнославянскимъ, со стариннымъ стихосложеніемъ, однако очень исправны и едва ли можно заподозрить Гоголя въ въ какихъ-либо измѣненіяхъ. Приведенный фактъ свидѣтельствуетъ лишній разъ, что Гоголь самъ близко подходилъ въ дѣтствѣ къ народной традиціонной жизни Малороссіи, былъ знакомъ съ ея поэзіей и обрядами.

Помимо своего личнаго участія въ собраніяхъ пѣсенъ и изданіяхъ, Гоголь вообще очень сочувственно относился и слѣдилъ за этнографическими работами по родной ему Украйнѣ. Онъ помимо личныхъ сообщеній извѣстнаго ему матеріала горячо интересуется ходомъ печатанія самаго сборника Максимовича, слѣдитъ за пополненіемъ матеріала, радуется богатому присовокупленію пѣсенъ. „Какъ бы я желалъ, пишетъ онъ Максимовичу, теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы“. Онъ ужъ не имѣетъ терпѣнія дождаться печатнаго изданія и проситъ списать пѣсни поскорѣе и прислать ему. Однако его отношеніе къ этому нетерпѣливо ожидаемому сборнику не ограничивается только подобными привѣтствіями и восклицаніями. Онъ подаетъ также практическіе совѣты по изданію.

Максимовичъ, въ свою очередь, видимо, очень дорожилъ совѣтами Гоголя, т. к. Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ извиняется, что не толкуетъ ничего о пѣсняхъ. „Право, объясняетъ онъ, душа не въ такомъ состояніи“[1]). Надо замѣтить, что въ это время Гоголь сильно волновался изъ-за неполученія назначенія на каѳедру исторіи въ Кіев. Ун. Одинъ изъ совѣтовъ[2]) касается распредѣленія пѣсенъ по отдѣламъ. Гоголь недоволенъ системой

---

[1]) Письма I. 209.

[2]) Письма 286.

Максимовича, такъ какъ, по его мнѣнію, трудно напр., отдѣлить гулливую отъ любовной. „По мнѣ, разсуждаетъ онъ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ, чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую совершенно противнаго содержанія“. Въ этихъ словахъ мы слышимъ скорѣе поэта-художника, ищущаго въ пѣсняхъ настроенія и образовъ; но и какъ научный издатель пѣсенъ Гоголь былъ отчасти правъ—раздѣленіе пѣсенъ и въ наши дни вещь довольно произвольная. Другой совѣтъ, и, надо сказать, дѣльный, касался перевода Максимовичемъ малор. пѣсенъ на русскій языкъ. Гоголь указываетъ на трудность этого перевода: „Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ малороссіянамъ, кажется, будутъ очень понятны для русскихъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину смысла подлинника. Онъ совѣтуетъ прежде всего стараться вѣрно передать смыслъ и избѣгать для этого неупотребительныхъ на русскомъ выраженій. „Помни, продолжаетъ онъ, что твой переводъ для русскихъ и потому всѣ малорусскія обороты и конструкціи прочь“. Между прочимъ, Гоголь приводитъ примѣры такого неправильнаго выраженія, которое Максимовичъ долженъ „мотать на усъ“. (Еще въ Книгѣ всякой всячины находится примѣръ того, какъ надо передавать смыслъ народныхъ произведеній на другой языкъ: къ многочисленнымъ малор. пословицамъ присоединены соотвѣтствующія русскія выраженія). Получивъ первый печатный листъ сборника, Гоголь съ радостью держитъ его въ рукахъ и говоритъ словами Дельвига: „Вотъ все, что осталось отъ прежнихъ думъ отъ прежнихъ лѣтъ“!. Онъ хочетъ пойти съ этими пѣснями къ Жуковскому и похвастаться Пушкину, а мнѣнія ихъ сообщить издателю. Въ цѣломъ рядѣ другихъ писемъ мы можемъ видѣть, какъ продолжителенъ и глубокъ былъ интересъ Гоголя къ сборнику Максимовича. Такъ, въ письмѣ отъ 18 іюля онъ сообщаетъ Максимовичу, что „отнесъ присланные экземпляры пѣсенъ по принадлежности и что Жуковскій читалъ нѣкоторыя и онѣ произвели эффектъ. Многія понравились наслѣднику“. Далѣе онъ проситъ прислать ноты къ пѣснямъ[1]).

Но Гоголь слѣдилъ также и за другими сборниками, мы уже

---

[1]) I. Стр. 312—313.

говорили о сб. Метлинскаго. Его особенно интересовалъ также сборникъ галицкихъ пѣсенъ Вацлава Залѣсскаго[1]). „Очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ Малороссійскихъ, такъ хорошихъ и съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе“[2]). Важно отмѣтить и то, что Гоголь зналъ въ рукописи, пересланной ему Максимовичемъ, богатое собраніе (до 2000 №№) пѣсенъ Ходаковскаго и долго держалъ ихъ у себя. По свидѣтельству г. Науменко, только небольшая часть изъ этого собранія перешла въ сборникъ Максимовича[3]).

Въ эти же годы нашъ поэтъ-этнографъ съ нетерпѣніемъ ждетъ выхода въ свѣтъ „Запорожской Старины“ Изм. Ив. Срезневскаго, содержащей въ себѣ массу этнографическаго матеріала. Еще до знакомства своего со Срезневскимъ Гоголь въ письмѣ отъ 12 ф. 1834 года[4]) жалуется Максимовичу, что нигдѣ не можетъ достать Запорожской Старины. („Этотъ Срезневскій долженъ быть большой руки“... (дальше точки)! срывается съ его устъ замѣчаніе). Но вскорѣ же этотъ Срезневскій пишетъ большое письмо Гоголю по поводу Исторіи Малороссіи, и между ними начинается большая переписка. Гоголь указываетъ въ первомъ же къ нему письмѣ[5]), что Срезневскій оказалъ большую ему услугу изданіемъ Запорожской Старины. „Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ? Всѣ думы и особенно повѣсти бандуристовъ ослѣпительно хороши. Изъ нихъ только пять мнѣ были извѣстны прежде, прочія были всѣ для меня новость. Онъ подумывалъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній и оцѣнку Запорожской Старины“[6]) и къ этому дѣлу онъ приступилъ, уже написавъ извѣстную статью о „Малороссійскихъ пѣсняхъ“, хотя въ другомъ мѣстѣ[7]) онъ самъ сознавался, что,

[1]) Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Lipińskiego. Zebral y wydal Wacław z Oleska. We Lwowie 1833.

[2]) I. Стр. 272.

[3]) Пыпинъ. Ист. Р. Эт. т. III. стр. 86—87. Не мѣшало бы, въ виду такого продолжительнаго изученія Гоголемъ рукописей съ пѣснями Ходаковскаго, сровнять съ ними изданныя теперь пѣсни собранія самого Гоголя.

[4]) П. I. Стр. 270.

[5]) Ibid. Стр. 280.

[6]) Ibid. Стр. 1834 1 іюня.

[7]) Ibid. Стр. 299.

написавъ статью, позабылъ самое главное, что, собственно говоря, служило поводомъ для статьи—это позабылъ сдѣлать разборъ собраній пѣсенъ Максимовича, Срезневскаго и Цертелева. Онъ одобряетъ мысль Срезневскаго напечатать обрядовыя пѣсни. „Не дурно бы, совѣтуетъ онъ, помѣстить ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна за другой во время обрядовъ съ объясненіемъ—при какихъ обстоятельствахъ. Это была бы очень нужная вещь, и вѣрно бы всѣ понимающіе важность этого дѣла были бы вамъ благодарны". За выпусками „Запор. Стар". онъ слѣдитъ очень внимательно и черезъ годъ послѣ этого письма выражаетъ Срезневскому свою радость, что тотъ разомъ напечаталъ 4 книжки Старины, которыя онъ съ нетерпѣніемъ жаждетъ читать[1]).

Въ то время, когда Гоголь былъ полонъ надежды поступить въ Кіевъ, онъ самъ мечтаетъ о томъ, сколько соберетъ тамъ преданій, повѣрій и пѣсенъ (П. Г. I. Стр. 271. Пушкину). Въ Кіевѣ лично вмѣстѣ съ Максимовичемъ онъ будетъ заниматься собираніемъ матеріаловъ[2]). Онъ боится, какъ бы не исчезли словесные памятники старины, и торопитъ въ дѣлѣ собиранія[3]).

У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ утверждать, что Гоголь самолично занимался записываніемъ нар. поэтическ. творчества непосредственно изъ устъ народа. Но изъ того, что было сказано выше, изъ нѣкоторыхъ намековъ въ письмахъ, мы можемъ говорить объ этомъ съ значительной степенью вѣроятности. Значительно позднѣе въ авг. 1835 онъ вмѣстѣ съ Максимовичемъ въ Кіевѣ самъ записываетъ пѣсни (Кулишъ. Зап. о жиз. Гог. I. 175.)

Т. о., мы видимъ въ Гоголѣ ревностнаго этнографа собирателя и издателя пѣсенъ. Онъ хорошо освѣдомленъ во всей этнограф. литературѣ, касающейся Малороссіи, съ нимъ совѣтуются главные представители этнографіи. Если какъ художникъ поэтъ онъ исходитъ изъ общихъ романтическихъ, столь модныхъ въ то время идей, разыскиваетъ страшныхъ и ужасныхъ преданій, какъ романтикъ своей родины пытается возсоздать другія картины прошлой Малороссіи, если въ своихъ розыскахъ, за этнографическими матеріалами, онъ ищетъ образовъ, подробностей,

---

1) Ibid. Стр. 347.
2) I 282.
3) I. Стр. 331.

необходимыхъ ему для художественныхъ произведеній[1]), чтобы вѣрно выдержать тотъ couleur local, о которомъ такъ много говорилось въ то время, то, съ другой стороны, онъ обнаруживаетъ интересы серьезнаго этнографа въ своихъ разсужденіяхъ, не мало трезвыхъ взглядовъ по вопросу объ изданіяхъ этнографич. матеріала (а для того времени, для начала научной работы, это былъ вопросъ далеко не легкій).

Гоголь прослылъ знатокомъ малоросс. пѣсенъ и къ нему обратился министръ нар. пр. гр. Уваровъ съ просьбой написать свой отзывъ о вышедшихъ сборникахъ малор. пѣсенъ. Гоголь написалъ по этому поводу статью „О малороссійскихъ пѣсняхъ".

Мы должны выяснить, по какимъ причинамъ Гоголь такъ увлекался пѣснями, въ какой связи съ его воззрѣніями и дѣятельностью стоитъ этотъ частный, но весьма интересный и характерный фактъ.

Любовь къ малор. пѣснѣ объясняется прежде всего дѣтскими впечатлѣніями. Мотивы пѣсенъ, кот. онъ слышалъ въ дѣтствѣ, да и сами пѣсни запечатлѣлись на всю жизнь въ его поэтической душѣ, становясь еще болѣе плѣнительными, еще болѣе очаровательными въ продолжительныя времена разлуки съ родиной. Недаромъ онъ пишетъ изъ-за границы: „Малороссійскія пѣсни со мною! Запасаюсь и тщусь сколько-нибудь надышаться стариною" (Погодину I. Стр. 621).
Но его плѣняетъ также народная малороссійская пѣсня, какъ продуктъ самой настоящей поэзіи. Въ отраженіи въ пѣснѣ самаго наивнаго міросозерцанія, съ полной правдивостью—Гоголь видитъ „печать чистаго первоначальнаго младенчества, стало быть и высокой поэзіи". Онъ подробно анализируетъ пѣсню именно съ этой поэтической стороны; находитъ, что въ „ней разомъ соединяются самая яркая и вѣрная живопись и самая звонкая звучность словъ". Само созданіе пѣсенъ онъ считаетъ дѣломъ особаго вдохновенія, когда творецъ ихъ отдѣляется совершенно отъ прозаическаго міра. Въ такія минуты „прочь дума и бдѣніе! Весь таинственный составъ его требуетъ звуковъ, однихъ звуковъ! Оттого поэзія въ пѣсняхъ неуловима, очаровательна, граціозна, какъ музыка. По-

[1]) Овсянико-Куликовскій. Гоголь въ своихъ произведеніяхъ. 1909. стр. 11.

эзія мыслей болѣе доступна каждому, нежели поэзія звуковъ, или лучше сказать поэзія поэзіи. Ее одинъ только избранный, одинъ истинный въ душѣ поэтъ понимаетъ; и потому-то часто самая лучшая пѣсня остается незамѣченною, тогда какъ незавидная выигрываетъ своимъ содержаніемъ". И Гоголь думалъ, что онъ, какъ такой истинный поэтъ, понимаетъ народную поэзію. Поэтому понятно, что всякая пѣсня роитъ сразу въ немъ массу мыслей, создаетъ передъ нимъ цѣлую обстановку, всю жизнь и цѣлый рядъ образовъ, о чемъ лишь сама едва намекала. Намъ понятно, почему онъ въ изданіяхъ пѣсенъ стоялъ за поэтич. безпорядокъ лирическихъ пѣсенъ; понятно также, почему небольшія малороссійскія думы, какъ о Сагайдачномъ и Тетеренкѣ[1]), развивались у него въ цѣлую эпопею о Тарасѣ Бульбѣ. Естественно, что Гоголь большое значеніе придавалъ пѣснѣ при изученіяхъ старины. И это главное и важное для насъ при опредѣленіи личности и міровоззрѣнія Гоголя и въ своихъ на видъ какъ будто кабинетныхъ, сухихъ, логическихъ занятіяхъ исторіей Гоголь оставался „поэтомъ творящимъ".

Вотъ какъ онъ смотритъ на пѣсню въ ея значеніи, какъ историческаго документа: „Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсенъ. Эта народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь. Если его жизнь была дѣятельна разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Онѣ—надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краспорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью—ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи—все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила... Пѣсни малороссійскія могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что онѣ не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ и тогдашнему состоянію чувствъ. Вездѣ проникаетъ ихъ воля казацкой жизни". („Мал. Пѣсни".)

---

[1]) И. Каманинъ. Научныя и литерат. произведенія Гоголя по Исторіи Малороссіи. (Памяти Гоголя. Научно-Лит. Сборникъ, изданный Историч. Общ. Нест. Лѣтоп. Кіевъ. 1902). Стр. 116—117.

Съ этой точки зрѣнія, ему цѣнна всякая пѣсня, по которой онъ узнаетъ „вѣрный быть, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа“[1]). „Вы не можете себѣ представить, пишетъ онъ Максимовичу, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже (неприличныя); онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь и увы! прошедшихъ людей“. (т. I. стр. 264.) Вообще Гоголь пришелъ къ весьма опредѣленному выводу, что пѣсня есть самый цѣнный и вѣрный историч. источникъ, сравнительно съ другими, м. пр. лѣтописями. Когда Из. Ив. Срезневскій написалъ письмо[2]) Гоголю по поводу его занятій исторіей Малороссіи, и въ этомъ письмѣ, между прочимъ, указалъ, что въ своей Запорож. Старинѣ онъ намѣренъ представить 1) важность народной словесности запорожской въ смыслѣ историческомъ и этнографическомъ; 2) отношеніе, какое имѣетъ произведеніе народной словесности къ лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ. Гоголь въ отвѣтномъ письмѣ высказалъ опредѣленное мнѣніе по этому предмету. Онъ „охладѣлъ къ лѣтописямъ, напрасно силясь въ нихъ найти то, что хотѣлъ бы отыскать“. Лѣтописи слишкомъ кратки, безжизненны. А между тѣмъ, сколько подвиговъ, сколько дѣлъ оказалъ этотъ народъ, исторія котораго, по мнѣнію Гоголя, должна быть интереснѣе всѣхъ другихъ самостоятельныхъ народовъ[3]).

„И потому-то каждый звукъ пѣсни, пишетъ Гоголь, мнѣ говоритъ живѣе о прошедшемъ, нежели наши вялыя и короткія лѣтописи, если можно назвать лѣтописями не современныя записки, но позднія выписки, начавшіяся уже тогда, когда память уступила преданію. Эти лѣтописи похожи на хозяина, прибившаго замокъ къ своей конюшнѣ, когда кони были украдены“[4]). Гоголь такъ высоко ставитъ важность пѣсни, что увѣряетъ: „Если бы нашъ край не имѣлъ такого богатства пѣсенъ, я бы никогда не писалъ исторіи его, потому что я не постигнулъ бы и не имѣлъ

1) „О Малор. Пѣсняхъ“.

2) См. статью „Н. В. Гоголь въ перепискѣ съ Из. Ив. Срезневскимъ въ 1834—1855 г.„ Русс. Стар. 1892 г. т. III стр. 754.

3) I. Стр. 278.

4) I. 279.

понятія о прошедшемъ или бы моя исторія была совершенно не то, что я думаю съ нею сдѣлать теперь. Эти-то пѣсни заставили меня съ жадностью читать всѣ лѣтописи и лоскутки какого бы то ни было вздору"[1]). Черезъ пять лѣтъ Малороссійская пѣсня оказываетъ тоже воздѣйствіе на Гоголя, вотъ что онъ пишетъ Шевыреву: „Но что главное и что можетъ быть тебя заинтересуетъ (ибо ты любишь меня, какъ и я люблю тебя) это посѣщеніе, которое сдѣлало мнѣ вдохновеніе. Передо мною выясняются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена казачества, и если я ничего не сдѣлаю для этого, то я буду большой дуракъ. *Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою,* навѣяли ихъ, или на душу мою нашло ясновидѣніе прошедшаго, только чую много того, что намъ рѣдко случается. Благослови!"[2]) То почти отрицательное и во всякомъ случаѣ второстепенное значеніе, какое Гоголь отводилъ лѣтописямъ для своей исторіи, и предпочтеніе, даваемое пѣснямъ, объясняется прежде всего поэтическимъ, чисто романтическимъ настроеніемъ, съ которымъ Гоголь подступалъ къ труду по исторіи и которую такъ и не написалъ. Но съ другой стороны, какъ говоритъ г. Каманинъ[3]) „со мнѣніемъ Гоголя о малороссійскихъ лѣтописяхъ нельзя не соглашаться; онѣ дѣйствительно или противорѣчатъ или повторяютъ другъ друга. Установить ихъ большую или меньшую достовѣрность въ цѣломъ или въ частяхъ Гоголю трудно было, не имѣя опоры для своей исторической критики въ актовыхъ данныхъ".

Надо замѣтить, что при изученіи исторіи какого-нибудь народа Гоголь отводилъ большое мѣсто въ рядѣ источниковъ произведеніямъ народной словесности· Занимается ли онъ исторіей Малороссіи, онъ въ своемъ объявленіи „объ изданіи Исторіи Малороссійскихъ казаковъ" проситъ сообщать ему на ряду съ лѣтописями, записки пѣсенъ, повѣсти бандуристовъ. Изучаетъ ли Исторію Среднихъ вѣковъ (Соч. Гоголя изд. X, т. 276) онъ въ число источниковъ включаетъ „созданія поэтическія, выражающія вѣрно бытъ народный: историчес. баллады, народныя пѣсни, которыми, замѣчаетъ онъ, особенно богаты христіанская Испанія, Шотландія, народы славянскіе—народы терпѣвшіе большія по-

1) Ibid.
2) Письма I. Стр. 629.
3) Ук. Соч. Стр. 111.

трясенія и не имѣвшіе гражданскаго образованія". Знакомится ли онъ съ прошлымъ славянъ и, въ частности, Галиціи, онъ спрашиваетъ Погодина, нѣтъ ли гдѣ какого-нибудь описанія обрядовъ, обычаевъ ихъ и проч.[1]).

Если, по словамъ Гоголя, этнографическіе матеріалы имѣютъ большое значеніе для историческаго изслѣдованія, то намъ a priori становится яснымъ, какую большую роль они должны играть въ художественныхъ произведеніяхъ на историческія темы какъ Тарасъ Бульба, Вій, Пропавшая грамота, Заколдованное мѣсто и др. Это доказывается массою примѣровъ какъ въ примѣчаніяхъ Тихонравова къ X изданію сочиненій Гоголя, въ біографическихъ матеріалахъ Шенрока, такъ и въ спеціально посвященныхъ этому предмету статьяхъ, какъ Петрова, Сумцова, Каманина и Чудакова. Этотъ вопросъ очень важный и интересный, и онъ въ свою очередь даетъ многія данныя для сужденія о Гоголѣ, какъ этнографѣ. Одно можно сказать, что по этимъ изслѣдованіямъ опровергаются мнѣнія гг. Кулиша и Царыннаго, еще въ давніе годы укорявшихъ Гоголя въ недостаточныхъ этнографическихъ знаніяхъ, и подтверждаетъ за Гоголемъ какъ великолѣпное знаніе внѣшней, бытовой жизни Малороссіи и въ частности ея древнихъ временъ[2]), такъ и огромный запасъ свѣдѣній въ области народ. словесности[3]). Но этотъ вопросъ въ тему нашей статьи не входитъ.

V.

Изученіе великорусской народности.

Къ началу 1836 года Гоголь былъ отставленъ отъ должности профессора, къ этому же времени вышли въ свѣтъ его „Миргородъ" и „Арабески", закончились его занятія Исторіей Малороссіи и въ этомъ же году съ выходомъ въ свѣтъ его „Ревизора" Гоголь отдался всецѣло творчеству изъ обще-русской дѣйствительности. Съ этой перемѣной содержанія его литературныхъ трудовъ, измѣняются и спеціальныя занятія Гоголя этнографіей— его взоры устремлены теперь на бытъ и жизнь Великороссіи.

[1]) Письмо отъ 18 генв. 1836 г.

[2]) Указ. соч. Каманина.

[3]) Шенрокъ, Чудаковъ, Петровъ, Сумцовъ.

Конечно, интересъ къ родной Малороссіи не прекратился, моментами вспыхивалъ, но все же отошелъ на второй планъ.

Въ этомъ же 1836 году Гоголь покидаетъ Россію, ѣдетъ въ чужіе края, чтобы, смотря на Русь изъ „прекраснаго далека", заняться начатыми еще въ 1835 году „Мертвыми душами". „Мертвыя души" становятся отъ сихъ поръ главной заботой, главнымъ содержаніемъ его умственной и творческой дѣятельности, въ связи съ этимъ дѣломъ стоитъ и изученіе русской жизни.

Это изученіе, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, идетъ двумя путями: черезъ книги и черезъ свѣдѣнія, добываемыя Гоголемъ отъ свѣдущихъ лицъ. Изрѣдка, какъ и прежде, Гоголь прибѣгаетъ къ своимъ собственнымъ наблюденіямъ съ этнографической цѣлью Но послѣднее онъ могъ производить рѣдко, т. к. почти все время провелъ за границей. Недаромъ упрекали Гоголя, что живя въ чужихъ краяхъ, онъ позабылъ истинную дѣйствительность Россіи. Этого послѣдняго боялся и самъ Гоголь; потому онъ такъ энергично въ сороковые годы берется за этнографическое изученіе Россіи, поэтому онъ ищетъ и, какъ онъ выражается, погружается въ такія произведенія, въ которыхъ сквозитъ „истинно-русскій духъ", поэтому онъ ищетъ такихъ корреспондентовъ, какіе сообщали бы ему о Россіи. Но, отставъ отъ дѣйствительности русской жизни и обратившись въ сторону мистическихъ исканій, Гоголь переноситъ черты этого мистицизма и въ изученіе народности: онъ ищетъ коренныхъ устоевъ русскаго народа и въ пониманіи этихъ устоевъ онъ недалекъ отъ такъ называемой офиціальной народности.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько Гоголь зналъ и понималъ дѣйствительное положеніе Россіи въ соціальномъ, общественномъ и политическомъ отношеніи, мы прослѣдимъ изученіе Россіи Гоголемъ въ этнографическомъ отношеніи, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Въ первое время послѣ отъѣзда за границу, Гоголь былъ еще полонъ русскими впечатлѣніями и его произведеніе болѣе или менѣе подвигалось впередъ. Вотъ что онъ пишетъ Жуковскому изъ Парижа 12 ноября 1836 г. „Снова веселъ. „Мертвыя" текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше—наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши

избы—словомъ вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что пишу „Мертвыя души" въ Парижѣ."

Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ туже писались „Мертвыя души", а съ другой стороны нездоровье тяготило Гоголя. Да и тоска по родинѣ давала себя знать, естественно „послѣ Тасса и Данта, душа жаждала послушать русскаго"[1]). Въ 1837 году онъ проситъ выслать ему рукописныя его бумаги, безъ которыхъ онъ какъ безъ рукъ,[2]) среди нихъ масса выписокъ и м. пр., малороссійскія пѣсни[3]). Наряду съ этимъ „ему интересно прочитать, что вышло по русской исторіи, изданія Нестора или Кіевской лѣтописи, Ипатьевской или Хлѣбниковскаго списка. Если вышелъ—переводъ славянской исторіи Шафарика или что нибудь относительно славянъ или миѳологіи славянской. Также к. н. акты къ древне-русской исторіи или *хорошое изданіе русскихъ пѣсенъ или малороссійскихъ. Также, если что есть насчетъ раскольническихъ сектъ. Если вышло Снегирева описаніе праздниковъ и обрядовъ*—пришли или другого какого-нибудь".

Т. о., теперь ему нужны болѣе всего уже книги по русской исторіи иэтнографическіе матеріалы. г. о. великорусскіе. Послѣдними Гоголь интересовался, положимъ, также раньше. Еще въ 1834 г. онъ справлялся у Погодина, „правда ли, что Кирѣевскій печатаетъ „русскія пѣсни"?[4]) Съ другой стороны, онъ самъ составлялъ собраніе в.-р. пѣсенъ, которое сохранилось до нашихъ дней въ изящно переписанной самимъ Гоголемъ тетрадкѣ и недавно было издано въ свѣтъ.[5]) Это собраніе невполнѣ самостоятельно, вопреки мнѣнію г. Георгіевскаго. А. В. Марковъ, въ „Э. О". 1908; LX. указалъ на заимствованіе изъ Кирши Д-ва и Пѣсенника 1780 г. Укажу еще на пѣсенники 1791 г. (у Г-ля №№ 2. 3. 10. 11, 15, 18, 20, 22, 30) и 1795 (у Г-ля: 14. 19. 23. 29. 32. 36).

Во всякомъ случаѣ связь Гоголевскаго собранія съ тѣми или другими пѣсенниками XVIII и XIX вв. несомнѣнна. Все это, однако, не умаляетъ значенія Гоголя. какъ этнографа. При страстной любви къ народной пѣснѣ, за неизмѣненіемъ достаточнаго нау-

чнаго матеріала ему приходилось обращаться къ рукописнымъ и печатнымъ источникамъ, преслѣдующимъ нѣсколько иныя цѣли. Нельзя не подчеркнуть, что въ выборѣ пѣсенъ Гоголь проявилъ замѣчательное чутье къ чисто народной поэзіи. Искуственыхъ лже-народныхъ стихотвореній изъ пѣсенниковъ Гоголь не выписывалъ.

Пѣсни великорусскія собраны были, какъ думаетъ г. Георгіевскій, въ одно время съ малороссійскими. Запись ихъ относится по мнѣнію издателя ко времени до 1836 года, хотя, кромѣ такихъ весьма неустойчивыхъ основаній, какъ тожество внѣшности и почерка во всѣхъ тетрадяхъ, содержащихъ пѣсни, съ почеркомъ другихъ произведеній Гоголя этой эпохи, другихъ доказательствъ нѣтъ. Весьма возможно, что пѣсни собраны и послѣ 1836 года—въ 40-хъ годахъ, когда Гоголь, какъ увидимъ, занимается собираніемъ этнограф. свѣдѣній гл. о. по Великороссіи. Объ великорусскихъ пѣсняхъ, находящихся у него, Гоголь никому не говорилъ въ своихъ письмахъ и даже въ приведенномъ письмѣ 1837 года, перечисляя находящіяся въ его бумагахъ матеріалы, указываетъ лишь на однѣ малор. пѣсни.[1]) Своими же великорусскими пѣснями Гоголь дѣлится гл. о. въ 40-е годы (ср. ниже). Гоголевское собраніе великорусскихъ пѣсенъ содержитъ 105 №№.

Мы видѣли, что въ концѣ 1837 года Гоголь проситъ прислать ему нѣкоторые труды по этнографіи русской и въ частности о славянствѣ.

Въ 1839 году онъ проводитъ значительное время съ такими знатоками русской и славянской исторіи и словесности, какъ Погодинъ, Шевыревъ. Между ними часто происходятъ разговоры, затрагивающіе общія для нихъ темы. Интересъ Гоголя къ славянству возникъ довольно сильно подъ вліяніемъ Погодина, который, по словамъ Гоголя, выписалъ въ Маріенбадъ[2]) „цѣлую кучу разныхъ славянъ", куда черезъ нѣсколько времени направилъ свой путь самъ Гоголь. Онъ занимается теперь славянствомъ, читаетъ книги, м. пр. лично присланныя ему Шафарикомъ[3]) (несомнѣнно по ходатайству Погодина), читаетъ подаренныя ему „Старожитности" и дивится ясности взгляда и глубокой дѣль-

---

1) Письмо I стр. 456.

2) Письмо 25 мр. 1839 г., стр. 579.

3) I стр. 595.

пости. „Кое гдѣ встрѣчаю собственныя мысли, которыя хранилъ въ себѣ и хвастался втайнѣ, какъ открытіями, и которыя, натурально, теперь не мои, замѣчаетъ онъ, потому что уже не только образовались, но даже напечатались прежде моего“. Фактъ изученія Гоголемъ славянства подтверждается какъ письмами, такъ и оставшимися послѣ него рукописями, посвященными исторіи славянства (ср. перечень этихъ рукописей въ III т. X-го изданія сочиненій Гоголя стр. 895). Славянствомъ Гоголь занимался въ 30-е годы, когда посвящалъ свою дѣятельность исторіи вообще. Теперь же у него интересъ къ славянству и въ частности къ трудамъ Шафарика сосредоточивался на этнографической сторонѣ. Еще годомъ раньше, онъ (см. выше) интересовался гл. о. миѳологіей славянской, да и теперь славянскія изученія стоятъ въ связи съ чтеніемъ книгъ по русской этнографіи. Не лишнее замѣтить, что Шафарикъ[1]) въ данное время также работалъ надъ этнографіей славянъ и въ частности малороссовъ, подготовляя свой „Славянскій народописъ“. Точекъ соприкосновенія въ интересахъ у него съ Гоголемъ было много и, въ частности, по вопросу о боготворимой Гоголемъ малороссійской пѣснѣ, о богатствѣ и важности которой Шафарикъ писалъ еще въ 1826 г. въ своей исторіи Славянскихъ Литературъ[2]), и даже въ выраженіяхъ, весьма сходныхъ съ Гоголемъ.. Съ другой стороны, Гоголь завязываетъ сношенія съ другимъ изъ первыхъ славистовъ, Колларомъ, и беретъ даже какое то порученіе, судя по словамъ письма къ Погодину: „Ничего я до сихъ поръ не сдѣлалъ для Коллара“. Славянскія симпатіи вообще всегда были присущи Гоголю—и теперь, и раньше; онѣ не измѣнились, конечно, и въ послѣдніе годы его жизни, когда Гоголь проводилъ время въ Москвѣ среди славянофиловъ и славистовъ, какъ Аксаковы, Кирѣевскіе, Бодянскій и пр. Но больше всего онъ интересуется русской этнографіей. Онъ читаетъ не столь давно появившіеся въ свѣтъ труды тогдашнихъ главныхъ представителей русской этнографической литературы—Снегирева и Сахарова. Это „простонародные праздники и суевѣрные обряды“ (Москва 1837. Вып.

[1]) П. А. Лавровъ. Жизнь и ученая дѣятельность Шафарика. (Древности. Труды Славянской Ком. И. М. Арх. Общ. II. стр. 100).

[2]) Ibid. стр. 76—77.

1-й, 2-й и 3-й—1838; 4-й—1839 г.) перваго и „Сказанія русскаго народа о самой жизни своихъ предковъ“ (СПБ. 1836—37) второго.

Письма сохранили намъ отзывъ Гоголя объ этихъ трудахъ, отзывъ весьма любопытный, т. к. онъ показываетъ въ авторѣ дѣйствительно понимающаго дѣло этнографа, дающаго вѣрное, даже съ теперешней точки зрѣнія, опредѣленіе названныхъ трудовъ. Вотъ что пишетъ Гоголь о Снегиревѣ: „Снегиревъ мнѣ полезенъ. Онъ, несмотря на охоту завираться и постоянно глядѣть по сторонамъ дороги, вмѣсто того, чтобы идти по ней прямо, говоритъ много нужнаго при всемъ томъ. Онъ откопаетъ такую пѣсню, за которую всегда спасибо“[1]).

Это мнѣніе несомнѣнно справедливо. При всей своей важности трудъ Снегирева не лишенъ ряда крупныхъ ошибокъ, хотя бы въ области толкованія миѳологіи[2]), загроможденъ иногда излишними разсужденіями и сообщеніями изъ разныхъ источниковъ, дѣйствительно нерѣдко находящимися въ сторонѣ отъ дороги изслѣдователя.

Еще болѣе справедливо мнѣніе Гоголя о другомъ этнографѣ, своими поддѣлками народныхъ произведеній и другими неподобными продѣлками омрачившемъ свою всѣми признававшуюся славу. Это Сахаровъ. Если Гоголь не замѣтилъ поддѣлокъ, то во всякомъ случаѣ онъ обратилъ вниманіе, на чрезмѣрное словоизліяніе и ненаучный цвѣтисто-сентиментальный тонъ самого труда,—совершенно непригодный при научной работѣ. Гоголь рѣшительно судитъ о немъ: „Сахаровъ, несмотря на свое доброе намѣреніе, глупъ. Онъ должно быть молодой человѣкъ. На вещи, на которыя нужно глядѣть простыми глазами, онъ глядитъ въ чортъ знаетъ какія преогромные очки, а главное теперь страшно важничаетъ, приступая къ к.-н. дѣлу. Началъ полнымъ трактатомъ о славянской мифографіи, а предметъ этой мифографіи абевега славянскихъ суевѣрій, да одна журнальная статейка на двухъ страничкахъ. Наговорившись о нихъ до сыта, я думаю: „Ну, теперь, братъ, подавай-ка намъ собственныя свои мысли“! а о собственныхъ то онъ и позабылъ, ихъ то онъ и не сказалъ: вмѣсто этого слѣдуетъ описаніе игры въ горѣлки, гдѣ говоритъ, что она

[1]) I. стр. 595.

[2]) Пыпинъ. Исторія Этн. I. стр. 324.

производятся на зеленомъ лугу, въ пріятномъ мѣстѣ, и что нѣтъ счастливѣе возраста юности и любви, и слѣдуютъ о любви и подобныхъ предметахъ цѣлыя страницы".

Далѣе Гоголь вполнѣ справедливо возмущается одной, поистинѣ странной мыслью автора, старавшагося, видимо, оградить истинно христіанскихъ предковъ нашихъ „отъ позорной тѣни многобожія".[1]) „Меня остановила, продолжаетъ Гоголь, мысль или лучше сказать вздоръ этой мысли, что будто бы намъ нужно отвергнуть всѣхъ боговъ, о которыхъ не говоритъ Несторъ, что они или составлены послѣ, или были у другихъ народовъ, къ которымъ онъ причисляетъ и другихъ славянъ. Но Несторъ монахъ и лѣтописецъ текущихъ событій. Ему нѣтъ нужды перечислять всѣхъ боговъ. Притомъ, какъ христіанинъ и монахъ, онъ не могъ углубляться въ предметъ презрительный и неприличный для христіанина въ то время. Объ этомъ поговоримъ тоже".

Помимо научнаго своего значенія пѣсни, на этотъ разъ великорусскія, не перестаютъ интересовать Гоголя съ чисто художественной стороны. „Есть въ русской поэзіи особенныя, оригинально замѣчательныя черты, которыя теперь я замѣтилъ болѣе и которыхъ, мнѣ кажется, другіе не замѣчали, по крайней мѣрѣ. т. е. съ которыми говорилъ объ этомъ предметѣ, когда либо. Эти черты очень тонки, простому глазу незамѣтны, даже, если бы указать ихъ; но будучи употреблены, какъ источникъ, какъ золотыя жилы рудниковыхъ глыбъ, обращенныя въ цвѣтущую пѣснь языка и поэзіи нынѣшней доступной, онѣ поразятъ и зашевелятъ сильно. Но объ этомъ можно поговорить", замѣчаетъ онъ. (Ibid).

О красотѣ и достоинствѣ русскихъ пѣсенъ Гоголю приходилось не разъ высказываться, хотя бы въ статьѣ о малоросс. пѣсняхъ, гдѣ проводилась параллель между ними и великорусскими. Склонность къ пѣснѣ считалась вообще Гоголемъ, какъ одна изъ характернѣйшихъ чертъ славянской природы (въ чемъ. м. пр., онъ сходился съ другими этнографами того времени). Эта мысль повторялась имъ не разъ. „Пѣсня, пишетъ Гоголь въ сороковыхъ годахъ"[2]), составляетъ самый богатѣйшій отдѣлъ поэзіи у народовъ славянскихъ. Преобладаніе поэтическаго элемента въ глубинѣ славянской души и особенное мелодическое расположеніе

[1]) Пыпинъ, ук. соч. т. I. стр. 294, 298.

[2]) Учебная книга Словесности Соч. Гоголя т. VI стр. 409.

нашего языка были причиною происхожденія безчисленнаго множества пѣсенъ въ нашей словесности, которыя уже въ древности, когда слова не записывались и словесность, не переходя въ письменность, оставалась въ буквальномъ смыслѣ словесностью, составляли наше достояніе". Нѣсколькими годами раньше Гоголь въ красивыхъ краскахъ рисуетъ картину богатства и распространенности пѣсни на Руси[1]). Мысль Гоголя, выраженная въ письмѣ къ Погодину о желательности использовать тонкія, черты народной поэзіи, какъ источникъ для поэзіи современной, высказывалась, какъ мы видѣли и раньше, не разъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ—въ его произведеніяхъ. Вообще же необходимость народности въ литературѣ и обработкѣ народныхъ мотивовъ была по душѣ Гоголю и въ прежніе, и въ послѣдніе годы его жизни. Въ своей учебной книгѣ Словесности Гоголь подраздѣлялъ нѣкоторыя художественныя произведенія по видамъ народной поэзіи: пѣсня, дума, сказка и др.

Ужъ заодно заговоривъ о народныхъ мотивахъ въ поэзіи, укажемъ и на то, что Гоголь глубоко цѣнилъ и требовалъ для русской музыки. Въ Петербургскихъ записяхъ за 1836 годъ онъ удивляется тому успѣху, какимъ пользуется опера: „Ужь не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ, послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди—возвратъ къ русской тройкѣ съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, привставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше". Источники для русской оперы онъ указываетъ въ нашихъ національныхъ мотивахъ: „Какую оперу можно составить изъ нашихъ національныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго больше было пѣсенъ"!

Въ 1839 же году въ Вѣнѣ Гоголь работаетъ надъ драмой изъ малороссійской жизни и соотвѣтствѣнно съ этимъ перечитываетъ малор. пѣсни, старается надышаться стариной [2]). Вскорѣ онъ отправился въ Россію и пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, проводя время среди, гл. о. москвичей—тѣхъ же Погодина, Шевы-

[1]) Петерб. записки, Сочиненія Гоголя т. V, стр., 515.

[2]) Письма I. Стр. 623—4.

рева, Аксаковыхъ и др. Но, возвратившись за границу, онъ опять обращается съ просьбами выслать ему такія книги, какъ Сахарова компактное изданіе пѣсенъ, такъ и пѣсни Максимовича, котор. онъ оставилъ въ Москвѣ [1])... Но вотъ онъ вскорѣ опять въ Россіи, гдѣ проводитъ полтора года вплоть до выхода первой части Мертвыхъ душъ. Къ этому періоду мы имѣемъ два документа, позволяющіе судить намъ о Гоголевскихъ занятіяхъ этнографіей за это время. Это двѣ записныя книжки, относящіяся къ 1841—1842 г. и 1842 г. (Онѣ напечатаны въ VI т. соч. Гоголя). Содержаніе этихъ книжекъ аналогично съ содержаніемъ вышеразобранной книги Всякой Всячины, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь приводятся факты, касающіеся уже Великороссіи. Благодаря имъ мы можемъ себѣ представить, какіе вопросы изъ народной жизни наиболѣе интересовали Гоголя. Съ другой стороны, намъ вполнѣ ясно, что данныя, вносимыя въ эту книгу, имѣютъ тѣсную связь съ Мертвыми душами, гдѣ Гоголь пользуется ими, гл. о. изъ словеснаго матеріала [2]). Отмѣтимъ то, что для насъ особенно интересно. Во-первыхъ, Гоголемъ отмѣчены для чтенія книги по географіи Россіи: Лепехина, Палласа, Гмелина. Затѣмъ мы видимъ, что Гоголь старательно собираетъ и записываетъ словарный матеріалъ: различнаго рода русскія наименованія, какъ напр. длинныя списки названій птицъ, рыбъ, породъ лошадей, собакъ, блюдъ, звѣриныхъ криковъ, голубей, клички домашнихъ животныхъ, охотничьи термины, названія растеній, насѣкомыхъ и пр. Но главное вниманіе удѣлено внѣшнему быту крестьянъ и рабочаго сословія. Перечисляетъ цехи, сословія ремесленниковъ, описываетъ избу и ея устройство, термины, употребляемые при постройкѣ ея, службы при ней; интересуется работами крестьянъ, продуктами ихъ производства, подробно останавливается на хлѣбопашествѣ, приводитъ массу народныхъ терминовъ относительно работы, хлѣба, сѣмянъ, посѣвовъ. Записываетъ свѣдѣнія о времени и условіяхъ продажи и покупки сельскохозяйственныхъ продуктовъ и хлѣба, отмѣчаетъ объ ихъ цѣнѣ и путяхъ сообщенія, о бурлакахъ и крючникахъ и пр. Не мало матеріала имѣется по вопросу о бытѣ и творчествѣ народа. Вписываетъ народные обычаи разныхъ мѣстъ: обычай поздравленія баръ въ воскрес-

[1]) Письма II. Стр. 60.
[2]) Соч. Гоголя т. VI стр. 808.

ный день, Троицынъ день и Семикъ съ полагающимися обрядами и играми, продолжительность хороводовъ, говоритъ о торжественныхъ проводахъ бурлаковъ въ Симбирской губ. (Это послѣднее попало между прочимъ въ первую часть Мертвыхъ душъ въ VII главѣ, когда Чичиковъ, разсматривая списокъ мертвыхъ душъ, предается размышленію о ихъ судьбѣ; въ частности, когда дѣло касается бѣглаго Абакума Ѳырова), приводится сцена изъ народной комедіи, говорится объ интересахъ съ этнографической точки зрѣнія явленій русской жизни: о старцахъ, поющихъ духовные стихи, и раздѣляющихся на 20 округовъ въ Симбир. губ., наконецъ въ разныхъ мѣстахъ книжекъ разсѣяны многочисленныя русскія пословицы, иногда приводятся выдержки изъ пѣсенъ, м. пр. и изъ Кирши Данилова, лишній фактъ, доказывающій знакомство Гоголя съ извѣстными къ тому времени сборниками народныхъ пѣсенъ. Попадаются сценки изъ народнаго быта, приводятся характерные разговоры мужиковъ. Но больше всего мѣста удѣлено великорусскому словарю. Словъ съ соотвѣтствующими поясненіями записано нѣсколько сотъ. Этотъ словарный матеріалъ вошелъ отчасти въ особый Гоголевскій словарь [1]), о которомъ скажемъ ниже. Многими словами изъ этихъ записныхъ книжекъ Гоголь воспользовался для своихъ художественныхъ произведеній. Свѣдѣнія, собранныя въ записныхъ книжкахъ, касаются нѣсколькихъ губерній, о чемъ мы можемъ судить по отмѣткамъ въ самомъ текстѣ: гл. обр. Симбирской, затѣмъ Владимірской, Пермской, Ярославской, Калужской, Оренбургской и Нижегородской [2]). Отъ кого получалъ Гоголь эти свѣдѣнія—точно опредѣлить нельзя—г. Шенрокъ довольно убѣдительно называетъ Языкова, уроженца Симбир. губ., съ которымъ Гоголь дѣйствительно особенно близко сходится за это время, живя съ нимъ еще передъ отъѣздомъ домой—за границей. Лично едва ли Гоголь могъ собирать эти свѣдѣнія, т. к. нѣтъ извѣстій, чтобы онъ куда либо уѣзжалъ изъ Москвы и Петербурга. Надо замѣтить, что несмотря на такое богатство содержанія записныхъ книжекъ, однако, мы въ нихъ мало находимъ данныхъ для сужденія о томъ, чтобы, наряду съ интересами къ народному языку, обычаямъ и внѣшнимъ сторонамъ быта, Гоголь проявлялъ особенный интересъ

1) Соч. Гоголя X Изд. т. VI, стр. 807.

2) Въ частности с. Лысково Макарьев. у.

къ соціальному и экономическому положенію крѣпостного крестьянства. Хотя справедливость требуетъ отмѣтить, что иногда прорываются у него фразы, показывающія, что онъ далеко не смотрѣлъ на нихъ положеніе съ закрытыми глазами. Поэтому характеренъ одинъ, самъ за себя говорящій, вопросъ, вставленный среди другихъ записей: „какъ устроить, чтобы женщины родящія не выходили на работу“ [1])?

Остальной періодъ Гоголя весь принадлежитъ къ подготовленію 2-й и 3-й части Мертвыхъ душъ—это также періодъ сильно приподнятаго религіознаго чувства, окрашеннаго сильнымъ свѣтомъ мистицизма; это—время появленія такихъ произведеній, какъ „Выбранныя мѣста изъ переписки“, „Авторская исповѣдь“, „Размышленіе о литературѣ“ и т. д. Такъ какъ, несмотря на свою десятилѣтнюю продолжительность, этотъ періодъ освѣщенъ однимъ свѣтомъ, отражаетъ въ себѣ одни переживанія Гоголя, то мы въ правѣ разсматривать и насъ интересующую сторону мысли и дѣятельности Гоголя разомъ за всѣ эти годы.

Характеръ и направленіе исканій Гоголя за эти послѣдніе десять лѣтъ его жизни вполнѣ отмѣчены еще въ 1-й части Мертвыхъ душъ. Гоголь обѣщаетъ въ другихъ частяхъ поэмы изобразить то, чего онъ еще не касался: „Можетъ быть въ сей самой повѣсти, почуются иныя еще до сихъ поръ небранныя струны, предстанетъ *несмѣтное богатство русскаго духа*, пройдетъ мужъ одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ. *Подымутся русскія движенія... и увидятъ какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что только скользнуло по природѣ другихъ народовъ*“. И вотъ онъ занимается изученіемъ этого несмѣтнаго богатства русскаго духа, ищетъ коренныхъ, національныхъ и источниками для этого считаетъ м. пр. какъ разъ народную словесность и памятники старинной письменности. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этихъ источникахъ, гдѣ видны, м. пр. зачатки русской самобытной поэзіи, это начальныя слова статьи: Въ

---

[1]) Ibid. стр. 499.

чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность [1]).

„Несмотря на внѣшніе признаки подражанія въ нашей поэзіи есть много своего. Самородный ключъ ея уже билъ въ груди народа тогда, когда самое имя еще не было ни на чьихъ устахъ. Струи его пробиваются въ нашихъ пѣсняхъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому то разгулу, къ стремленію какъ бы унестись куда то вмѣстѣ со звуками. Струи его пробиваются въ пословицахъ нашихъ, въ которыхъ видна необыкновенная полнота народнаго ума, умѣвшаго сдѣлать все своимъ орудіемъ: иронію, насмѣшку, наглядность, вѣрность живописнаго соображенія, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникаетъ насквозь природу русскаго человѣка, задирая за все ея живое. Струи его пробиваются, наконецъ, въ самомъ словѣ церковныхъ пастырей—словѣ простомъ, некраснорѣчивомъ, но замѣчательномъ... Всё это пророчило для нашей поэзіи какое то, другимъ невѣдомое, своеобразное и самобытное развитіе". Т. о. народная поэзія, пословица или вообще русское народное слово, наконецъ, древняя проповѣдь—вотъ источники самобытной поэзіи. Всему этому въ отдѣльности Гоголь удѣлялъ время для изученія.

Въ 1847 году онъ письмомъ [2]) изъ Неаполя проситъ Языкова выслать ему лѣтописи, изд. археографической комиссіей, которыя онъ просилъ прежде, но не получилъ, въ pendant къ нимъ Царскіе выходы и во-вторыхъ „Народ. Праздники" Снегирева и въ pendant къ нимъ «Русскіе въ своихъ пословицахъ" его же. „Эти книги мнѣ теперь весьма нужны, дабы окунуться покрѣпче въ коренной русскій духъ". (Это послѣднее замѣчаніе весьма характерно для этого періода). Но Языковъ не могъ исполнить этой просьбы: когда писалось письмо, его уже не было въ живыхъ [3]), и поэтому Гоголь снова повторяетъ эту просьбу въ письмѣ къ

---

[1]) Чтобы избѣжать односторонняго истолкованія этихъ словъ, считаемъ нужнымъ указать, что нѣсколькими строками дальше Гоголь указываетъ, что „не въ сихъ трехъ источникахъ, въ насъ пребывавшихъ, идётъ наша сладкозвучная поэзія". Въ нихъ не было того элемента, который былъ внесенъ петровской эпохой и который далъ ходъ нашей нынѣшней поэзіи—это элементъ „стремленія къ свѣту".

[2]) Письма III. Стр. 317

[3]) Ibid стр. 358.

Шевыреву [1]). Эти книги онъ получилъ и въ концѣ года пишетъ объ нихъ весьма интересное письмо [2]). „Я очень соскучился по Россіи и жажду съ нетерпѣніемъ услышать вокругъ себя русскую рѣчь. Я тебя прошу заблаговременно отмѣчать для меня на особой записочкѣ все то, что по твоему мнѣнію мнѣ нужно видѣть и слышать, равно какъ и имена всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ слѣдуетъ познакомиться. Твой слѣпецъ, о которомъ ты упоминаешь, долженъ быть для меня очень потребный человѣкъ. Мнѣ особенно будутъ нужны бесѣды съ тѣми людьми, которые могутъ дать мнѣ свѣдѣнія вѣрныя и близкія обо всѣхъ сословіяхъ вообще и *особенно низшихъ... Пожалуйста не забывай также отмѣчать и всякія книжки, выходящія по этой части*». Далѣе идетъ новый отзывъ о Снегиревѣ. Тотъ фактъ, что Гоголь любилъ бесѣдовать съ людьми, знающими низшія сословія, подтверждается какъ вышеприводенными записными книжками, такъ и другимъ. Въ эти книжки Гоголь и названія книгъ по этнографіи и др. смежнымъ областямъ. Отзывъ о Снегиревскихъ Праздникахъ, который дается въ этомъ письмѣ, почти буквально повторяетъ то, что писалъ по этому предмету 8 лѣтъ тому назадъ. (См. выше). Вотъ что онъ пишетъ теперь: „Снегирева я получилъ; дивлюсь, какъ этого человѣка разбрасываетъ во всѣ стороны! по дорогѣ онъ никакъ не можетъ идти, точно съ похмѣлья, и вправо и влѣво, повторяя нѣсколько разъ одно и то же. Нужно имѣть четыре головы, чтобы его читать. Даже эту малую толику, которую онъ собралъ въ своей книгѣ, трудно увидѣть въ его же книгѣ". И вотъ Гоголь постарался отыскать эту малую толику въ лабиринтѣ Снегиревскихъ разсужденій. Такъ, въ записной книжкѣ [3]), подаренной Гоголю Жуковскимъ во Франкфуртѣ въ 1846 году, по несомнѣнно, по разнымъ даннымъ, своими записями относящейся къ 47 и гл. о. 1848 году, мы находимъ длинный рядъ русскихъ праздниковъ, съ помѣтами соотвѣтствующихъ обрядовъ. Такъ мы находимъ Рождественскіе праздники, ночь подъ Новый Годъ (Васильевъ вечеръ, Авсень), масляницу и весенніе праздники отъ заклинанья

[1]) Ibid. стр. 447.

[2]) Ibid. IV. стр. 101—102.

[3]) Эта книжка въ отрывкахъ напечатана въ VI т. X-го изд. сочиненій стр. 527. Издана она, кстати сказать, съ большими выпусками. Я пользовался самой рукописью.

весны вплоть до Юрьева дня. Дальше въ самой рукописи идетъ описаніе другихъ праздниковъ, такъ и оставшееся ненапечатаннымъ. Таковы: крещеніе кукушекъ, Вербная Суббота, Русалка и Русаліи, Иванъ Купало, Ярило, Петровки и др. Свѣривъ эти замѣтки въ записной книжкѣ Гоголя съ праздниками Снегирева, я пришелъ къ заключенію, что онѣ представляютъ изъ себя прежнія выписки изъ различныхъ мѣстъ Снегиревскаго труда. Въ нихъ Гоголь отмѣчалъ только однѣ существенныя черты, относящіяся только къ русскимъ праздникамъ, оставляя въ сторонѣ разныя поясненія и разсужденія Снегирева изъ области миѳологіи, праздниковъ другихъ народовъ и т. п. [1]). Кстати, заговоривъ объ этой записной книжкѣ, отмѣтимъ ея остальное содержаніе. Если по этнографическимъ замѣткамъ книга эта представляетъ аналогію съ вышеприведенными книжками 1826, 1841—42, 1842 гг., то принадлежа къ мистическоку періоду жизни Гоголя, она такъ или иначе отражаетъ общее настроеніе Гоголя. Мы здѣсь встрѣчаемся съ перечнемъ именъ, кот. нужно помянуть при гробѣ Господнемъ, замѣтки изъ жизни въ Іерусалимѣ, иногда попадаются молитв. воззванія, какъ напр.: „Милосердія Господи, Ты милосердъ, прости мнѣ грѣшному" и пр. Изъ этнографич. свѣдѣній приводятся выписки изъ свадеб. присказокъ, (вродѣ „бѣлы руки съ подносомъ, языкъ (со) приговоромъ"), пословицы, народно-медиц. средства и пр. Въ этой книжкѣ нѣтъ только словарнаго матеріала. Далѣе, какъ бы въ pendant къ мысли, высказанной въ недавно приведенномъ письмѣ, онъ отмѣчаетъ тѣ вопросы, о которыхъ нужно бы было поговорить со свѣдущими людьми. Такъ отмѣчены *вопросы* Хомякову: О крестьянахъ: вольныхъ, господскихъ, наземныхъ и удѣльныхъ—ихъ внутреннемъ бытѣ, правленіи, правахъ и преимуществахъ, состояніи и *духѣ, какъ результатѣ (ихъ) быта*". Намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ пунктъ. Затѣмъ съ Далемъ поговорить: о сословіяхъ нынѣшнихъ обществъ и о пролетаріяхъ въ нашихъ городахъ. Съ такого рода вопро-

---

[1]) Ср. Описаніе Святокъ въ книжкѣ Гоголя съ вып. II. Снегиревскихъ праздниковъ стр. 26, стр. 32 и пр. (гдѣ отмѣчаются гаданія, суевѣрія (стр. 54 (вертепъ), Ночь наканунѣ Новаго Года—Васильевъ вечеръ, Авсень. Ibid. стр. 103, 102. Заклинаніе весны см. Ibid. вып. III, хотя бы стр. 1, 12, 16. Красная Горка. Ibid. 37, 39, Радуница. Ibid стр. 47, 48, 52, 53. Юрьевъ Весенній, 68, 69, 72, 73, 76. Само расположеніе записокъ соотвѣтствуетъ порядку Праздниковъ въ Снегиревскомъ изданіи.

сами Гоголь не разъ обращался и къ другимъ лицамъ. Тоже самое совѣтовалъ дѣлать и другимъ, желающимъ изучить ближе Россію. Такъ онъ пишетъ гр. Вельегорской [1]) 29 окт. 1848 г. уже изъ Москвы. „Помните, что Вы должны сдѣлаться русскою по душѣ, а не по имени. Кстати не позабудьте же, что вы мнѣ обѣщали всякій разъ, какъ встрѣтите Даля, заставлять его разсказывать *о быть крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи. Между крестьянами особенно слышится оригинальность нашего русскаго ума*". Вообще Гоголь считалъ Даля настоящимъ знатокомъ быта русскаго крестьянства. Въ извѣстномъ письмѣ къ Плетневу онъ прямо-таки восхваляетъ Даля [2]). „По мнѣ, пишетъ онъ, онъ значительнѣе всѣхъ повѣствователей-изобрѣтателей. Можетъ быть я сужу здѣсь пристрастно, потому что писатель этотъ больше всѣхъ угодилъ личности моего собственнаго вкуса и своеобразью моихъ собственныхъ требованій: *каждая его сторона меня учитъ и вразумляетъ, придвигая ближе къ познанію русскаго быта и нашей народной жизни:* (но зато всякій согласится, что этотъ писатель полезенъ и нуженъ всѣмъ въ нынѣшнее время. Его сочиненія живая и вѣрная статистика Россія") [3]). Самолично Гоголь дѣлалъ изъ заграницы письменные запросы разнымъ лицамъ, по вопросамъ народнаго быта и словесности. У Смирновой [4]) онъ разспрашиваетъ о бытѣ калужскихъ раскольниковъ: 1) какихъ изъ нихъ больше, 2) въ чемъ состоитъ расколъ и въ какомъ онъ теперь состояніи, 3) каковы они въ жизни, въ работѣ, въ трудахъ, какъ крестьянскомъ или купеческомъ, или мѣщанскомъ состояніи сравнительно съ православными,—у сестеръ своихъ онъ проситъ [5]) описанія избы и мужиковъ. Помимо письменнаго или устнаго разспроса добываетъ свѣдѣнія черезъ соотвѣтствующія книги. Онъ читаетъ, преимущественно, то, гдѣ слышится по его словамъ сильнѣе присутствіе русскаго духа [6]). Объ указаніи такихъ книгъ, мы видѣли, онъ не разъ просилъ въ своихъ письмахъ. Эти книги онъ помѣчалъ у себя въ записныхъ книжкахъ. Такъ, въ записной книжкѣ.

---

1) Письма IV стр. 227.

2) Подобное же преклоненіе передъ Далемъ мы наблюдаемъ у Пушкина. Ср. В. Ѳ. Миллеръ ук. соч.

3) III, стр. 272.

4) III, стр. 154.

5) III, стр. 168.

6) IV, стр. 232.

подаренной Жуковскимъ, (надо замѣтить, что я пользуюсь самой рукописью, ибо въ печатномъ текстѣ это всё пропущено) вписаны наименованія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Среди нихъ мы находимъ: Маркевича „Записки о Малороссіи", Пассека Вадима „Путевыя Записки" статья „Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ бытѣ", [1]) Записки объ Алеутскихъ островахъ Свящ. Веніамина, „Русская старина въ памятникахъ Зодчества", составилъ А. Мартыновъ, „Замѣтки и воспоминанія Русской Путешественницы О. Шмининой (?) по Россіи въ 1845 г.", „Словарь и корнесловъ Бѣлорусскаго нарѣчія". Соч. Древлинскаго. Далѣе „Пѣсни крестьянъ Владим. и Костромской губ., собранныя и изданныя Смирновымъ". (М. 1847), „Начертаніе Славян. Миѳологіи древнихъ славянъ" и наконецъ дважды отмѣченный „Бытъ русскаго народа Терещенки". Уже одинъ этотъ перечень показываетъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ Гоголь внимательно слѣдилъ за этнографической и географической литературой относительно Россіи. М. пр., о его планахъ по написанію географіи Русской скажемъ ниже.

Отмѣченныя книги дѣйствительно потомъ прочитывались Гоголемъ. Между прочимъ, С. Т. Аксаковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что зимой 1848 года Гоголь часто читалъ въ ихъ домѣ вслухъ пѣсни, изд. Терещенкомъ, и въ особенности отличается свадебными пѣснями. Мы и раньше видѣли, что Гоголь придавалъ большое значеніе свадьбѣ и ея пѣснямъ. Интересуется также онъ другимъ собраніемъ пѣсенъ—Кирѣевскаго и подгоняетъ его къ работѣ. „Ты пишешь, читаемъ мы въ письмѣ къ Языкову, что Петръ Васильевичъ Кирѣевскій совершилъ свой великій подвигъ и послалъ пѣсни въ Петербургъ въ цензуру. Слава Богу! Есть стало быть надежда, что мы лѣтъ черезъ 10, будемъ читать ихъ, разумѣется, если пропуститъ цензура и не помѣшаетъ недосугъ, котораго такъ много въ московской жизни„[2]). Несомнѣнно, онъ и самъ по возможности собиралъ матеріалъ. Въ записной книжкѣ конца сороковыхъ годовъ находимъ интересную отмѣтку: „Русскія сказки для дѣтей разсказываетъ нянька Черепьевой". Когда онъ ѣздилъ въ 1850 году съ Максимовичемъ на югъ Россіи, то по дорогѣ въ г. Сѣвскъ (Орловской губ.) онъ слушаетъ плакаль-

---

1) Вл. Исславина.

2) II, стр. 352.

щицъ и восхищается поэтичностью этого явленія [1]). Въ это же время онъ сообщаетъ велик. и малорус. пѣсни графу Толстому, живя въ имѣніи Смирновой [2]). Однако не однѣ пѣсни интересуютъ его, ему нужны и другія, данныя—такъ, его занимаетъ народный календарь. По этому поводу онъ обращается съ просьбой къ Марковичу—малорусскому помѣщику [3]) „составить маленькій сельскій календарь годовыхъ работъ, какъ онѣ производятся въ Черниговской губерніи. По днямъ же: съ какого святого начинается какая работа и какія существуютъ по этому поводу народныя поговорки, обратившіяся въ правила и руководства“. Въ образецъ, какъ нужно составлять, Гоголь прилагаетъ отрывокъ изъ календаря одной изъ сѣверныхъ губерній. Это порученіе черезъ нѣсколько времени было исполнено [4]).

VI.

Изученіе русскаго нар. языка.

Другимъ источникомъ какъ самобытной русской поэзіи, такъ и источникомъ къ изученію основныхъ свойствъ русскаго ума и характера Гоголь считалъ живой русскій языкъ. Въ „Мертвыхъ душахъ“ (гл. V конецъ) есть цѣлое лирическое отступленіе по поводу мѣткости русскаго слова, гдѣ, между прочимъ, говорится: „Всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно *отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ*, которымъ выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженьи его *часть своего собственнаго характера*... Но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово“ [5]). Если къ этому прибавить вышеприведенный отзывъ Гоголя о русскихъ пословицахъ и выраженіяхъ, въ которыхъ по его словамъ видна полнота народнаго ума, то становится весьма яснымъ, почему Гоголь въ теченіе

---

1) Кулишъ. Зап. о жиз. Гог. II. Стр.237—238.
2) Ibid., стр. 232—234.
3) Письма IV стр. 266.
4) Ibid., стр. 281.
5) Соч. Гоголя X изд. т. 3 стр. 106.

всей своей жизни съ изумительнымъ стараніемъ изучалъ русскій языкъ, составлялъ словари живого русскаго языка, собиралъ и записывалъ пословицы, мѣткія выраженія, а иногда былъ не прочь заняться даже филологическими разсужденіями. Въ первую пору своей дѣятельности, когда онъ вообще увлекался Малороссіей, онъ составляетъ такъ называемый „Малороссійскій Лексиконъ", вписывая его въ книгу Всякой Всячины". Лексиконъ, какъ мы говорили, составляется въ значительной степени на основаніи другихъ тогда извѣстныхъ Гоголю малорусскихъ словарей при трудахъ Цертелева, Максимовича, Кулжинскаго, а также Акад. словаря. Въ записныхъ книжкахъ 40-хъ годовъ мы находимъ обширный, пока еще составляемый безъ особаго плана великорусскій народный словарь. Словарь этотъ включаетъ нѣсколько сотенъ словъ. Если просмотрѣть произведенія и новыя редакціи прежнихъ произведеній за 40-е годы, то многія слова въ нихъ оказываются заимствованными изъ этихъ записныхъ тетрадей [1])—живой примѣръ того, что Гоголь примѣнялъ свои вновь пріобрѣтенныя познанія изъ области народной рѣчи на практикѣ. Но, помимо этого случайнаго словеснаго матеріала, Гоголь составлялъ настоящій великорусскій словарь, напечатанный въ 1891 году Н. С. Тихонравовымъ въ Сборникѣ Общества Любителей Рос. Словесности на 1891 годъ [2]). По изслѣдованіямъ акад. Тихонравова этотъ словарь въ значительной своей части былъ составленъ на основаніи Русс.-Франц. словаря Рейфа (вышед. въ 1835 году) [3]) а впослѣдствіи Гоголь воспользовался словаремъ церков.-слав. и русскаго языка, изд. вторымъ отд. Имп. Ак. Наукъ (1847). Занятія словаремъ были такъ серьезны и продолжительны, что Гоголь замышлялъ даже издать печатно настоящій объяснительный словарь. Насколько онъ накопилъ матеріалу и насколько вообще онъ чувствовалъ себя готовымъ къ этому дѣлу—неизвѣстно, но мы все же имѣемъ „Объявленіе объ изданіи русскаго словаря", составленное самимъ Гоголемъ [5]). Это объявленіе опредѣляетъ вполнѣ тѣ мотивы, которые побуждали Гоголя заняться народнымъ языкомъ.

---

[1]) Сочиненія Гоголя X изд. т. VI,стр. (Примѣчаніе взято у В. И. Шенрока).
[2]) Стр. 24—54.
[3]) Ibid. стр. 104.
[4]) Ibid. стр. 107.
[5]) Сочиненія Гоголя X изд. т. VI, стр. 433—434.

Причиною предполагаемаго изданія были „поразительная мѣткость и разумъ словъ русскаго языка, необходимость выставить лицомъ русское слово въ его прямомъ значеніи“. Изданіе словаря онъ считаетъ дѣломъ лингвиста, „который бы для этого уже родился, который бы заключалъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ самомъ себѣ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка“. И если Гоголь не могъ себя считать за подобнаго лингвиста, то все-же онъ находилъ въ себѣ возможность приступить къ этому дѣлу: такую возможность ему давала „ничего болѣе, какъ любовь, просто одна любовь къ русскому слову“, которая жила въ немъ отъ младенчества, заставляя его останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженіемъ. Для него было наслажденіе давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самимъ собою, и онъ принялся за перо. Какъ извѣстно, Гоголь такого словаря не издалъ и этотъ широкій планъ остался невыполненнымъ. Но тѣмъ не менѣе изученіемъ народной рѣчи Гоголь занимался до послѣднихъ дней жизни [1]) и къ тому, чего самъ не смогъ или не съумѣлъ сдѣлать, онъ поощрялъ и побуждалъ другихъ. Такъ, В. И. Даль [2]), свидѣтельствуетъ, что въ его занятіяхъ толковымъ словаремъ его горячо поддерживалъ, на ряду съ другими знаменитыми писателями, и Гоголь.

Раньше (въ 1844 г.) онъ побуждалъ на это же дѣло Константина Сергѣевича Аксакова. Въ письмахъ къ С. Т. Аксакову [3]) читаемъ про его сына: „Ему всѣ до единаго, начиная отъ Погодина до меня, говорили, чтобы занялся дѣломъ филологическимъ, для котораго Богъ наградилъ его великими и очевидными для всѣхъ способностями. Онъ одинъ можетъ совершить у насъ словарь русскаго языка, такой, какого не совершить ни одна академія, со всѣми своими членами“. Высказанное же только что замѣчаніе самого Гоголя, что для него съ дѣтства было наслажденіемъ отдавать самому себѣ отчетъ и заниматься опредѣленіями значенія русскихъ словъ, подтверждается другими источниками. Самый уже характеръ его занятій словаремъ Рейфа, гдѣ русскія слова расположены по происхожденію и который давалъ

[1]) Само это объявленіе относится не ранѣе какъ въ 1848 году.

[2]) Пыпинъ. Ист. русск. эт. т. I, стр. 341.

[3]) Письма т. II. Стр. 559.

возможность этимологическому изученію русскаго языка [1]), говорить намъ въ пользу этого. Съ другой, стороны онъ также „любить слушать съ большимъ удовольствіемъ“, когда Константинъ Аксаковъ, объясняетъ ему производство многихъ словъ [2]). Въ записныхъ книжкахъ среди названій другихъ книгъ для прочтенія отмѣчались также книги по русскому языку. Напримѣръ, „словарь и корнесловъ Бѣлорусскаго нарѣчія“, сочиненіе Древлянскаго, „Слав. морфологія“, соч. Катарскаго и др. Когда онъ совѣтовалъ графинѣ Вельегорской читать древне-русскія книги, вродѣ Домостроя, „которыя знакомятъ больше всего съ тѣмъ, что есть лучшаго въ русскомъ человѣкѣ“, а также читать Славянское Евангеліе, то *объщалъ „сей въ двухъ—трехъ лекціяхъ объяснить весь отмыны. какія есть въ нашемъ древнемъ языкѣ отъ славянскаго.* Этотъ языкъ простъ, выразителенъ и прекрасенъ“, замѣчаетъ онъ при этомъ. Т. о., изученіе русскаго языка, живого и древняго, было дѣломъ болѣе или менѣе серьезнымъ и продолжительнымъ. Мотивы, побуждавшіе его къ этому, были многочисленны. Прежде всего онъ изучалъ русскую рѣчь съ цѣлью простого самоусовершенствованія въ правильности выраженій, а противъ этого онъ, особенно въ раннія годы, нерѣдко грѣшилъ [3]). Во вторыхъ, изучалъ языкъ ради мѣткости и краткости его выраженій, столь необходимыхъ для него, писателя, по преимуществу комическаго. Гоголевское изученіе языка, какъ и изученіе быта и народной поэзіи, находится въ полной связи съ его художественной дѣятельностью. Въ-третьихъ, въ народномъ языкѣ, въ словахъ Гоголь находилъ источникъ къ познанію русскаго народа, его свойствъ и ума. А это идётъ параллельно его занятіямъ этнографіей.

VII.

Древне-русская литература.

Третьимъ источникомъ познанія Россіи, ея самобытности, въ глазахъ Гоголя, является древне-русская письменность. Если въ

---

[1]) Тихонравовъ. Замѣтка о словарѣ Гоголя (Сб. О. Л. Р. Сл. 1891 стр. 104).

[2]) Письма т. II. Стр. 561.

[3]) Письма VI. Стр. 258.

молодые годы Гоголь читалъ древне-русскія произведенія, напр., лѣтописи, изъ интересовъ къ исторіи, то въ сороковые годы въ связи съ общимъ настроеніемъ этой эпохи Гоголь обращается къ нимъ съ цѣлью отысканія добрыхъ началъ русской народности. Особенно большое значеніе придавалъ Гоголь Домострою. Въ этомъ отношеніи интересно сейчасъ указанное письмо къ графинѣ Вельегорской[1]). „Меня порадовало, пишетъ онъ, что вы не оставляете желанія вашего сдѣлаться русской. Богъ въ помощь!.. Вы говорите, что и мое и ваше желаніе исполнится, что вы сдѣлаетесь русской не только душой, но и языкомъ и познаніемъ Россіи. „Высокое достоинство русской породы, по мнѣнію Гоголя, состоитъ въ томъ, что русскій человѣкъ глубже воспринялъ евангельское ученіе... И вотъ распознаніе этой привлекательной черты въ русскомъ народѣ облегчается книжными памятниками русской старины". Слышатся также повсюду въ лѣтописяхъ слѣды сокровенной внутренней жизни, о какой бы подробной повѣсти онѣ ни передавали. Слышна возможность основанія гражданскаго на чистѣйшихъ законахъ христіанскихъ". Особеннымъ цѣннымъ открытіемъ въ послѣднее время было для Гоголя изданіе Домостроя, „гдѣ, какъ по разваливамъ Помпеи древній міръ, обнаруживается съ подробнѣйшей подробностью вся древняя жизнь Россіи. Является уже не политическое устройство Россіи, но частный семейный бытъ, и въ немъ жизнь освѣщается тѣмъ свѣтомъ, которымъ она должна освѣщаться". Затѣмъ Гоголь излагаетъ въ краткихъ чертахъ содержаніе Домостроя, вполнѣ передъ нимъ преклоняясь. „Въ послѣднее время стали безпрерывно открываться рукописи въ этомъ родѣ. *Эти книги больше всего знакомятъ съ тѣмъ, что есть лучшаго въ русскомъ человѣкѣ.* Онѣ гораздо полезнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя пишутся теперь о славянахъ и славянствѣ людьми, находящимися въ броженіяхъ, въ переходныхъ состояніяхъ духа, возраста, подвластныхъ воображенію, обольщеніямъ самолюбиваго ума и всякимъ пристрастіямъ".

Черезъ два мѣсяца Гоголь рекомендуетъ для прочтенія этотъ же Домострой, и даже посылаетъ свой экземпляръ А. О. Смирновой[2]). Видимо, про Домострой говорится и въ письмѣ къ гр.

[1]) Письмо IV. Стр. 293.

[2]) Письма IV. стр. 272.

Вельегорской отъ 30 іюля 1849 г. [1]) „Не удивляйтесь, пишетъ Гоголь, что вамъ никто не могъ указать на сочиненіе, которое я вамъ послалъ. Русскіе никогда не знаютъ, что существуетъ на русскомъ языкѣ. Обращайтесь съ разспросами *по этой части ко мнѣ, а не къ кому другому*". Несомнѣнно, Гоголь былъ знакомъ, хотя въ общихъ чертахъ, съ древнерусской литературой вообще; онъ читалъ, между прочимъ, курсъ по древней литературѣ Шевырева. Въ письмѣ къ Языкову [2]) онъ выражаетъ большое желаніе читать лекціи Шевырева. „Я увѣренъ, пишетъ онъ, въ ихъ значительности, но знаю также, что онъ можетъ человѣчески увлекаться, переходить нечувствительно въ излишество и потому весьма можетъ быть, „что отчасти повредилъ и себѣ, и своему предмету". Въ ноябрѣ 1845 г. [3]) онъ читаетъ первую главу и въ восторгѣ отъ нея, доволенъ тѣмъ, что его опасенія не оправдались. Лекціи эти внушаютъ оптимистическій взглядъ на будущее. Черезъ полгода [4]) онъ читаетъ и остальныя главы, читаетъ медленно, такъ какъ находитъ, что „такого рода книги неприлично читать вдругъ; но уже по началу видитъ важность дѣла и труда, и веселитъ себя имъ, какъ предстоящимъ лакомствомъ". По мѣрѣ дальнѣйшаго чтенія интересъ возрастаетъ, хотя Гоголь находитъ возможнымъ сдѣлать замѣчаніе, что Шевыревъ поторопился изложить свои выводы, не подготовивъ для полнаго уразумѣнія читателя и слушателя. „Но это ничего, ободряетъ онъ, можетъ быть, посчастливится мнѣ подставить *ступеньку къ твоей книгѣ* тѣмъ, которые безъ того не подымутся къ ней" [5]). Эти послѣднія слова весьма замѣчательны: въ Гоголѣ, видимо, ужъ начинаютъ роиться въ головѣ мысли о собственныхъ трудахъ по исторіи древней литературы—фактъ аналогичный съ составленіемъ исторіи Малороссіи и словаря.

Также большое значеніе придавалъ Гоголь древне-русскимъ проповѣдямъ, гдѣ, по его мнѣнію, также лежитъ источникъ нашей самобытной поэзіи.

Въ частности, особенно по душѣ приходятся ему сочиненія

---

1) Ibid. 273.
2) III. Стр. 44.
3) Ibid. 120.
4) Ibid. Стр. 196.
5) Ibid. Стр. 211.

Димитрія Ростовскаго [1], изъ которыхъ отдѣльныя мѣста онъ совѣтуетъ перечитывать нѣсколько разъ А. О. Смирновой [2]). Читаетъ также Лазаря Барановича и Стефана Яворскаго [3]). Если въ нашихъ проповѣдяхъ предъ Гоголемъ не проходила, какъ въ Домостроѣ и лѣтописяхъ, „съ подробнѣйшей подробностью" вся русская жизнь, то и это чтеніе, помимо своего религіозно-нравственнаго значенія, стояло въ связи съ усерднымъ познаніемъ Россіи и его занятіями этнографіей.

Книги по народной поэзіи, языку и древне-русск. письменности принадлежали къ числу тѣхъ книгъ [4]), „гдѣ слышится сильнѣе присутствіе русскаго духа". И эти книги Гоголь усиленно читалъ, творя 2-ю и 3-ю часть Мертвыхъ душъ. „Прежде чѣмъ возьмусь за перо, пишетъ онъ, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью" [5]).

VIII.

Планы книги о Россіи.

Т. о., Гоголь познавалъ Россію съ этнограф. точки зрѣнія по различнымъ источникамъ и къ концу своей жизни накопилъ, видимо, цѣлый рядъ знаній, такъ что, наряду съ окончаніемъ Мертв. душъ, описывавшихъ нравственную сторону русской жизни, онъ задумывалъ изданіе такой книги, какая бы давала полную и яркую картину Россіи съ этнографической и географической стороны... Занятія чистой географіей были еще въ началѣ 30-хъ годовъ, когда, между прочимъ, оффиціально преподавалъ этотъ предметъ: къ этой отрасли знаній Гоголь относился, какъ и въ другихъ случаяхъ, съ извѣстной намъ страстностью и въ его мечтахъ носились многочисленные и широкіе планы (напр., мечталъ о сочиненіи „Земля и Люди"). Взгляды на этотъ предметъ прекрасно изложены въ статьѣ „Мысли о преподаваніи дѣтямъ Географіи" [6]), относящейся еще къ 1830 году.

[1]) Письма III. Стр. 30.
[2]) Ibid, стр. 68, стр. 82.
[3]) Письма II. Стр. 351.
[4]) Письма IV. Стр. 232.
[5]) Ibid.
[6]) Сочиненія Гоголя, т. V, стр. 295—303.

Эти планы снова зарождаются въ немъ къ концу сороковыхъ годовъ. Въ предполагаемой имъ къ изданію книгѣ онъ хочетъ объединить и этнографію и географію. Въ 1850 году имъ пишется докладная записка [1]), предназначавшаяся для Государя, въ которой испрашиваются Гоголемъ денежныя пособія для сноснаго существованія лѣтомъ въ Россіи, зимой на югѣ, чтобы довести до конца Мертвыя души, а также окончить „необходимую и нужную книгу, мысль о которой занимаетъ Гоголя съ давнихъ временъ и за которую (если дастъ только Богъ силъ исполнить такъ, какъ хочется) многіе отцы сказали бы спасибо“. Она должна прежде всего представлять изъ себя существенную, говорящую географію, начертанную сильнымъ, живымъ слогомъ. „Такую книгу, по мнѣнію Гоголя, могъ составить только такой писатель, который умѣетъ схватывать вѣрно и выставлять сильно и выпукло *черты и свойства народа* и всякую *мѣстность* со всѣми ея красками выставлять такъ живо, такъ ярко, чтобы она оставлялась навсегда въ глазахъ“. Наряду съ такимъ тщательнымъ и мѣткимъ описаніемъ географическимъ, эта книга должна стремиться къ тому, чтобы „*видны были въ настоящемъ видѣ качества и свойства русскаго народа со всѣмъ разнообразіемъ особенностей*, какими отличаются его вѣтви и племена“. Она же должна содѣйствовать тому, „чтобы человѣкъ, еще находящійся на ученической скамьѣ и готовящійся къ государственной службѣ, привыкалъ бы уважать обычаи, порожденные законами самой мѣстности и не требовалъ бы повсемѣстнаго выполненія того, что хорошо въ одномъ углу и дурно въ другомъ“. Судя по словамъ Гоголя, книга эта давно составляла предметъ его размышленій и постепенно зрѣетъ съ нынѣшнимъ его трудомъ (т.-е. „Мертвыми душами“). Т. о., всѣ тѣ многочисленныя свѣдѣнія, замѣтки, выписки этнографическаго характера, а также чтеніе соотвѣтствующей литературы, о чемъ мы раньше говорили, если съ одной стороны и стоятъ въ связи съ „Мертвыми душами“ и другими художественными произведеніями Гоголя, то съ другой стороны имѣютъ и другую, спеціально этнографическую цѣль. Мысль о необходимости этнографическаго и географическаго описаній Гоголемъ высказывалась не разъ и въ частныхъ письмахъ и статьяхъ. Такъ въ статьѣ „Нужно проѣздиться по Россіи“. Гоголь жалуется: „Велико незнаніе Россіи

[1]) Письма, IV, стр. 341.

посреди Россіи. Всё живётъ въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ, а не въ землѣ своей. Городъ не знаетъ города, человѣкъ человѣка, люди, живущіе за одной стѣной, кажется, какъ бы живутъ за морями" [1]). Разглагольствуетъ по этому поводу съ гр. Толстымъ. И дѣйствительно, Гоголь считалъ необходимымъ проѣздиться по Россіи. Въ указанной докладной запискѣ Гоголь подчеркиваетъ необходимость по крайней мѣрѣ трехлѣтнихъ поѣздокъ во внутренность Россіи. Полугодомъ раньше онъ „имѣетъ намѣреніе проѣздиться по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи, мало ему знакомымъ" [2]). Въ письмѣ къ Маркевичу пишетъ: „Я располагаю поѣздить по губерніямъ въ окружности Москвы, посѣтить кое-кого изъ знакомыхъ и поглядѣть на Русь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея не знаю. Сначала хотѣлъ это сдѣлать въ большомъ размѣрѣ, но, увидя „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ", ограничиваюсь малымъ" [3]). Т. о., онъ хотѣлъ самостоятельно путемъ личнаго путешествія ознакомиться съ Россіей, онъ собиралъ также въ концѣ 40-хъ годовъ свѣдѣнія отъ другихъ лицъ. Въ бумагахъ сохранились любопытныя статейки, видимо, предназначавшіяся для задуманнаго Гоголемъ труда. Въ Рум. музеѣ хранится подъ № 2026 пока еще не изданный этнографическій очеркъ, посвященный Волжскимъ Калмыкамъ. Онъ весь составленъ соотвѣтственно плану, который кладется, судя по докладной запискѣ, въ основу геогр.—этн. труда. Вначалѣ краткое и картинное описаніе почвы, природы, горъ (о послѣднихъ приводятся бытующія въ народѣ легенды, флора и фауна). Затѣмъ описываются сословія калмыковъ, ихъ занятія и привилегіи, далѣе образъ жизни, жилище, главн. праздники, внѣшній образъ жизни, одежда, нравы и пр. Наконецъ духовная жизнь народа: его суевѣрія, обряды, праздники, пляска и напѣвы пѣсенъ, религія, духовное образованіе и словесность и т. д. Изложеніе живое и даже художественное. Несомнѣнно при составленіи очерка Гоголь руководствовался соотвѣтствующими книжными источниками и даже нѣсколькими [4]). Судя по этому очерку подобнымъ же об-

[1]) Сочиненія Кулишъ II. Стр. 232. Гоголя. Переписка съ друзьями.

[2]) Письмо IV, стр. 260.

[3]) Ibid. 268.

[4]) На днахъ г. Г. Георгіевскій въ газетной статьѣ (Моск. Вѣд. 20 марта 1909 г. № 65) указалъ на источникъ этой статьи. „Подроб. свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Н. Нефедьевымъ" СПБ. 1834 г.

разомъ предполагалось описать и другія племена, населяющія Россію, а также разновидности русскаго народа. По всей вѣроятности, въ связи съ этимъ стоятъ разспросы Гоголя этнографическаго характера о народномъ календарѣ южнорусскомъ, сравнительно съ великорусскимъ (ср. выше) Въ послѣднее время въ газетной статьѣ [2]) „Труды Гоголя по изученію Россіи" хранитель рукописнаго отдѣленія румянцевской библіотеки Г. П. Георгіевскій указалъ на существованіе, помимо нами указанной статьи о калмыкахъ, еще пять тетрадей съ содержаніемъ географическаго характера, представляющихъ изъ себя выписки изъ сочиненія Палласа „Путешествія по разнымъ провинціямъ Россіи". Несомнѣнно, и эти выписки стоятъ въ связи съ задуманной Гоголемъ книгой о Россіи [3]).

Книга эта не была написана: черезъ какіе-нибудь полтора года Гоголя не стало. Но несомнѣнно одно: онъ до конца жизни стремился къ познанію Россіи, изучалъ отдѣльныя ея мѣстности, народный бытъ и народную словесность. Судя по письмамъ въ концѣ 1851 года, онъ читаетъ книги, описывающія Россію: Сочиненіе Палласа, Путешествія по Россіи Рычкова, Сивергина и Зуева [4]); заявляетъ, что ему нужно побольше прочесть о Сибири и сѣв.-вост. Россіи [5]). Въ немъ не умирала также любовь къ той пѣснѣ, которая поддерживала любовь къ народной жизни, заставляла углубиться и заняться изученіемъ ея; къ той пѣснѣ, которая погружала его въ минувшую жизнь и выводила передъ нимъ старинные образы, наконецъ которая послужила для него предметомъ изученія и собранія—этой родной малороссійской пѣснѣ. Грустные, чарующіе звуки ея остались навѣки запечатлѣнными въ душѣ поэта. Въ послѣдніе годы своей жизни, проводя время въ Москвѣ, онъ часто съ любовью слушалъ и самъ пѣлъ малорусскія пѣсни, по преимуществу у Аксаковыхъ [6]). Объ этихъ же пѣсняхъ въ декабрѣ 1849 г. онъ бесѣдуетъ съ Бодянскимъ, а въ 1850 г. сообщаетъ малор. пѣсни въ домѣ Смирновой гр. Толстому. Меньше

---

1) Стр.

2) Только что указано.

3) Къ подобнаго рода пріему, выписокъ и сокращеній, Гоголь прибѣгалъ, какъ мы видѣли, и раньше, см. о праздникахъ (выписки изъ Снегирева).

4) Письма IV. Стр. 418.

5) Ibid., стр. 419.

6) Ср. Шенрокъ. Учен. годы Гоголя. Стр. 129.

чѣмъ за 2 мѣсяца до смерти Гоголь приглашаетъ Бодянскаго слушать мотивы малор. народныхъ пѣсенъ, переложенныхъ Над. Сер. Аксаковой съ его голоса [1]). И это—несмотря на общее подавленное, въ общемъ мало располагавшее къ веселью время! Такъ любима и сродна душѣ Гоголя была безхитростная народная пѣсня. Эта поэзія, занимавшая его съ дѣтскихъ лѣтъ до смерти, была однимъ изъ могущественныхъ факторовъ, направлявшихъ мысль Гоголя на этнографическое изученіе какъ родной Малороссіи, такъ и всей остальной Россіи.

Въ сферѣ этнографическихъ своихъ интересовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ и въ художественной дѣятельности, Гоголь, дѣйствительно, словомъ и дѣломъ осуществлялъ однажды высказанное и вписанное въ записную книжку пожеланіе „*обнять обѣ половины русскаго народа сѣверную и южную, сокровище ихъ духа и характера*“ [2]).

Б. Соколовъ.

[1]) Кулишъ II. 258—9. Это, видно, тѣ пѣсни, которыя Гоголь собралъ за послѣднее свое пребываніе на родинѣ, при помощи своихъ близкихъ знакомыхъ. Ср. Даниловскій Г. П. Собраніе сочиненій т. XX (изд. Маркса 1901 г.) стр. 153.

[2]) Записная книжка 1846 года, подаренная Жуковскимъ.

Малорусская пѣсня въ старинныхъ русскихъ печатныхъ пѣсенникахъ.

Посвящается Николаю Федоровичу Сумцову по случаю 30-лѣтія его ученой дѣятельности.

Малорусская народная пѣсня, какъ извѣстно, получила права гражданства въ исторіи русской литературы только со времени этнографическихъ трудовъ кн. *Н. А. Цертелева* (Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, Спб. 1818) [1]; собственно же говоря, лишь съ 1827 года, когда вышли извѣстныя „Малороссійскія пѣсни“, собранныя *М. А. Максимовичемъ*, началось болѣе или менѣе интенсивное собираніе и изданіе малороссійскихъ пѣсенъ; потому-то 1827 годъ считается началомъ новой эры въ исторіи малорусской народной литературы и этнографіи [2]).

---

[1]) Вышедшая въ томъ же году „Грамматика малороссійскаго нарѣчія“ *А. Павловскаго* содержитъ, впрочемъ, лишь въ качествѣ образчика языка, также двѣ народныхъ пѣсни (стр. 89 и 93); кстати отмѣтить, что одна изъ нихъ осталась незамѣченной въ извѣстномъ указателѣ Б. Д. Гринченка (см. „Литературу украинскаго фольклора“ (Черниговъ 1901), стр. 7, № 8); это: „Викýла Чмы́рь“.

[2]) Ср. *А. Н. Пыпинъ.* Ист. русской этнографіи. III, 13. Въ промежуткѣ между трудами кн. Цертелева и Максимовича можно указать лишь на отдѣльныя малорусскія пѣсни, попадавшія въ сборники и статейки, имѣющія то или другое отношеніе къ украинскому фольклору; частью появлялись онѣ не въ русскихъ изданіяхъ, не на русскомъ языкѣ, каковы, напр., статьи *Д. Зубрицкаго.* Ueber die galizische Volkslieder (Der Pilger von Lemberg. 1823), *Гюнтера* (тамъ же 1822), *Ф. Челаковскаго* Slovanské národné pisně (Praha 1822); такова же „Малороссійская деревня“ *И. Кулжинскаго*, вышедшая незадолго до Максимовичева сборника въ томъ же 1827 году, и др. Всѣ эти изданія въ строгомъ смыслѣ не представляютъ вполнѣ опредѣленнаго интереса къ народной малорусской пѣснѣ, какъ таковой, хотя и не лишены своего значенія въ исторіи малорусской этнографіи и литературы.

Съ другой стороны, интересъ къ малорусской пѣснѣ, какъ таковой, если и не научный, можетъ быть замѣченъ и гораздо ранѣе времени кн. Цертелева и Максимовича; я не говорю объ извѣстной „Малорусской пѣснѣ по списку XVI в.“, какъ явленіи по всей вѣроятности, случайномъ и, быть можетъ, въ своемъ родѣ единственномъ [1]: рукописные сборники, довольно рѣдкіе въ XVII в. [2]), весьма не рѣдкіе въ XVIII-мъ, не только малорусскіе, но и великорусскіе, на ряду съ кантами и псальмами и „жестокими“ романсами содержатъ и народныя пѣсни, въ томъ числѣ и малорусскія [3]). Но на ряду съ этимъ матеріаломъ для изученія малорусской пѣсни есть и цѣлая литературная область конца XVIII-го и начала XIX вѣка, которая можетъ обогатить и значительно расширить наше знакомство съ малорусской пѣсней въ ея прошломъ; но область эта до сихъ поръ еще не получила своей научной оцѣнки въ трудахъ украинскихъ фольклористовъ и историковъ литературы: я имѣю въ виду тѣ многочисленные печатные „Пѣсенники“, которые для исторіи великорусской пѣсни уже дали такой богатый матеріалъ А. И. Соболевскому въ его семитомномъ изданіи „Великорусскихъ пѣсенъ“ (Спб. 1895—1902).

Эта группа произведеній печати—„Пѣсенники“ — занимаетъ, несомнѣнно, довольно своеобразное мѣсто въ ряду другихъ литературныхъ явленій конца XVIII вѣка и начала XIX-го, своеобразное по своему характеру, по своей судьбѣ, по своему назначенію.

Эти интересныя особенности въ литературной исторіи „Пѣсен-

---

[1]) Ср. статью подъ этимъ заглавіемъ *А. А. Потебни* въ Филол. Запискахъ 1877 г.

[2]) Такой сборничекъ, какъ разъ южнорусскій, помнится, находился въ собраніи рукописей Н. С. Тихонравова; онъ, повидимому, происхожденія „бурсацкаго“. Этотъ сборничекъ пришлось мнѣ видѣть еще при жизни Н. С—ча у него въ библіотекѣ.

[3]) Какъ на примѣръ, можно указать на сборникъ Тверского музея № 152 (3199) временъ Анны Іоанновны; здѣсь на л. 8 об., 49, 70, 74, 74 об., 79—85 об. малорусскія пѣсни, частью тѣ же, которыя встрѣчаются и въ печатныхъ, ниже перечисленныхъ Пѣсенникахъ. Ср. мое „Описаніе рукоп. Тверск. Музея I (М. 1891), стр. 222, 225, 227, 228. Рукописныя пѣсни эти ждутъ еще своего трудолюбиваго собирателя, изслѣдователя и издателя. Кое-что въ этомъ отношеніи начато *В. Н. Перетцомъ* въ его „Историко-литературн. изслѣдованіяхъ и матеріалахъ.“ I (1900); ср. стр. 212—214, 283—297.

никовъ“ станутъ для насъ ясными, если мы хотя бы вспомнимъ общую картину нашего литературнаго развитія за XVIII в., когда особенно становится замѣтнымъ слоевой составъ нашей литературы: „аристократическая“, печатная по преимуществу, литература съ модными теченіями запада въ верхнихъ классахъ читающаго общества и „подлая“, въ значительной части еще рукописная, продолжающая традицію XVII вѣка литература, медленно впитывающая немногое изъ верхняго теченія, литература среднихъ и низшихъ классовъ грамотнаго общества [1]). Но въ этой „подлой“ литературѣ была одна драгоцѣнная и для всей литературы черта; это, помимо ея традиціонности,—болѣе тѣсная связь съ міросозерцаніемъ народной массы и ея устной словесностью, которыхъ чуждалась, подчасъ даже довольно настойчиво, литература „верховая“, „благородная“. Къ 60-мъ годамъ XVIII в. мы замѣчаемъ нѣкоторыя измѣненія въ отношеніяхъ этихъ двухъ частей нашего литературнаго развитія, именно—нѣкоторое сближеніе, сперва внѣшнее, недовѣрчивое верховой литературы и „подлой“: это сближеніе выражается, какъ извѣстно, расширеніемъ темъ и матеріала верховой литературы въ сторону реализма и народности въ этой литературѣ, а въ низовой литературѣ, помимо все растущаго вліянія въ ней верхней литературы, внѣшнимъ образомъ нарожденіемъ печатной книги для средняго читателя, которая, выражаясь обще, повторяетъ рукописный сборникъ начала XVIII в. [2]) съ добавленіемъ того изъ верхней литературы, что по плечу этому среднему читателю; такова „Россійская универсальная граматика, или всеобщее письмословіе“ Курганова 1769 г. Здѣсь мы видимъ впервые двѣ историческія пѣсни, пословицы—въ ихъ неподправленномъ, непередѣланномъ во вкусѣ тогдашней поэтики видѣ. И пѣсни эти помѣщены среди произведеній Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьныхъ кантъ и позднихъ по происхожденію „кіевокалѣкскихъ“ стиховъ [3]). Эта „Грам-

---

[1]) О составѣ и характерѣ этой части нашей литературы XVIII в. (мало еще разработанной въ этомъ отношеніи) см. *Н. С. Тихонравова*. Сочиненія III, 1, стр. 216 и сл.

[2]) Ср. выше упомянутые рукописные сборники Тверского музея.

[3]) См. у Курганова, отдѣлъ: „Разныя стиходѣйства“ („Присовокупленіе V“), стр. 244—334; или „Письмовникъ“ 1802 г., ч. II, стр. 1—112; ср. Тихонравова, у. с., стр. 225—226.

матика“ (уже подъ названіемъ „Письмовника“) достигаетъ въ XVIII и нач. XIX-го такого числа изданій, какого едва ли удостоивалось какое либо другое изданіе этого времени [1]). Т. о. „Письмовникъ“ явился въ извѣстной мѣрѣ мостомъ „словесностей“, раздѣлившіяся и готовыя совершенно стать чуждыми другъ другу половины одной литературы. Такого рода изданіямъ суждено было, т. о., сыграть видную роль въ развитіи нашей литературы, роль связующаго звена. Эти изданія эту роль и начали выполнять скоро, уже съ 70-хъ годовъ XVIII ст. [2]).

Къ такимъ то изданіямъ и относятся интересующіе насъ „Пѣсенники“ XVIII и нач. XIX в.. „Пѣсенники“ эти, разумѣется, какъ видъ литературной производительности, и до сихъ поръ до извѣстной степени остаются достояніемъ лубочной литературы и „никольской“ книжной дѣятельности, до сихъ поръ не утратили своей роли проводника (впрочемъ, не всегда удачнаго) идей и содержанія интеллигентной литературы въ читающую, грамотную массу сѣраго люда. Этому своему значенію „Пѣсенникъ“ обязанъ и своимъ составомъ, и своимъ содержаніемъ; тотъ и другое наглядно видны уже изъ обычнаго заглавія „Пѣсенника“, каковъ, напр., „Пѣсенникъ“ 1806 г. (Спб.) [3]): „Новѣйшій и отборнѣйшій россійскій всеобщій пѣсенникъ, или полное собраніе всѣхъ до нынѣ извѣстныхъ, употребительныхъ и новѣйшихъ всякаго рода пѣсенъ, какъ-то: нѣжныхъ, любовныхъ, пастушескихъ, *простонародныхъ*, театральныхъ, военныхъ, издѣвочныхъ, выговорныхъ, критическихъ, веселыхъ и печальныхъ, плясовыхъ, цыганскихъ, *хороводныхъ*, *святочныхъ*, *подблюдныхъ*, *свадебныхъ* и *малороссійскихъ*, съ присовокупленіемъ арій и хоровъ изъ „Русалки“, расположенный на 3 частр.“ Здѣсь все—характерно, начиная со стилизаціи заглавія, родящаго собраніе пѣсенъ съ самовосхваляющей себя народной, лубочной книжкой, и кончая перечнемъ всѣхъ родовъ „отборнѣйшихъ“ пѣсенъ, наиболѣе употребительныхъ, т.-е. модныхъ; а въ числѣ ихъ находимъ и „жестокій“

---

[1]) У меня подъ рукой 7-е изданіе 1802 года; мнѣ извѣстно еще изданіе 9-е, вышедшее въ 1818 году.

[2]) Имѣю въ виду дѣятельность такихъ лицъ, какъ М. Чулковъ, М. Поповъ, частью Н. Новиковъ и др.

[3]) Привожу его, какъ наиболѣе полный и типичный по заглавію изъ пѣсенниковъ, имѣющихся у меня въ распоряженіи.

писи народныхъ пѣсенъ, старшія, нежели научныя записи кн. Цертелева и Максимовича, могутъ считаться своего рода предшественницами этихъ послѣднихъ.

Въ этомъ, ясно, ихъ значеніе для этнографа и историка литературы. Приведеніе въ извѣстность, а тѣмъ болѣе освѣщеніе этого матеріала представляются, однако, до сихъ поръ еще не достаточными въ трудахъ по этнографіи и народной пѣснѣ. Такъ, у *А. Н. Пыпина* въ его большой и обстоятельной „Исторіи русской этнографіи“, третій томъ коей цѣликомъ посвященъ какъ разъ этнографіи малорусской, о нашихъ Пѣсенникахъ сказано лишь два-три слова, мимоходомъ, констатированъ лишь фактъ нахожденія малорусскихъ пѣсенъ въ старинныхъ печатныхъ Пѣсенникахъ, подкрѣпленный случайнымъ примѣромъ изъ „Новѣйшаго пѣсенника“ 1819 года [1]). Въ большомъ трудѣ *В. Н. Перетца* „Изслѣдованія и матеріалы“. I. (Изъ исторіи русской пѣсни“ Спб. 1900) использована лишь незначительная часть матеріала изъ Пѣсенника, случайно попавшаго въ руки изслѣдователя. Еще меньше (сообразно съ цѣлями изслѣдованія) касается этого матеріала, спеціально малорусскаго, *А. А. Веселовскій* въ своемъ изслѣдованіи о лирикѣ XVIII в. [2]). Въ спеціально-библіографическомъ же большомъ и старательно составленномъ трудѣ *Б. Д. Гринченка* „Литература украинскаго фольклора, 1777—1900“ (Черниговъ 1901) народная пѣсня изъ Пѣсенниковъ оказалась также лишь случайностью: такъ, подъ № 3 и 4 этого указателя отмѣчены пѣсни изъ „Молодчика съ молодкою“ (1790) [3]), „Малороссійская пѣсня—„На берегу у ставка“ съ нотами и хорами“ (1794 Москва) [4]) и подъ № 11—упомянутый уже Пыпинымъ „Новѣйшій пѣсенникъ“ 1819 года [5]). А между тѣмъ, малорусская пѣсня въ старинныхъ печатныхъ Пѣсенникахъ, какъ увидимъ, далеко не

[1]) См. Ш, 11, прим. 2.

[2]) Любовная лирика XVIII вѣка. Спб. 1909; ср. стр. 11—16.

[3]) Притомъ не точно: у Б. Д. Г. книжка названа (стр. 6) „Молодиковъ“ и указано 16 пѣсенъ, тогда какъ на дѣлѣ ихъ 15.

[4]) Опять едва-ли точное обозначеніе; такого изданія не извѣстно по библіографіямъ; не есть ли это то же, что „Пѣсня малороссійская, На бережку ставка, съ полными хорами и съ музыкою. Спб. 1794—въ 4д. л.? (Ср. Сопиковъ, Опытъ россійской библіографіи IV (Спб. 1816), стр. 266 № 9381).

[5]) Послѣднее указаніе идетъ, видимо, отъ приведенной выше цитаты изъ „Ист. этн.“ А. Н. Пыпина.

знаменитый романсъ, пользовавшійся еще не такъ давно популярностью въ среднемъ и даже довольно высокомъ классѣ публики, чиновниковъ, помѣщиковъ, духовенства, также и крохи, падавшія отъ роскошнаго стола аристократической литературы въ толпу потребителей Пѣсенниковъ (каковы, напр., пѣсни „Изъ Боргольма“ въ переводѣ Карамзина [1]), Дмитріева), находимъ и народныя пѣсни („простонародныя“, обрядовыя), получившія сюда доступъ и сохранившія свою привлекательность для грамотника уже поднявшагося надъ массой, но оказывавшагося еще не въ силахъ порвать со вкусами „простого“ народа. Въ числѣ этихъ же пѣсенъ, какъ отдѣльную группу, отдѣльный видъ пѣсни, находимъ и малороссійскую. Помѣщеніе малорусской пѣсни съ сохраненіемъ ея языка (конечно, лишь болѣе или менѣе) въ великорусскомъ пѣсенникѣ на ряду съ русскими литературными произведеніями, въ то же время, въ качествѣ одной изъ разновидностей пѣсни,—представляетъ само по себѣ любопытный матеріалъ и для русской литературы, показывая ту степень народнаго самосознанія, на которой мы застаемъ средняго читателя конца XVIII в. и нач. XIX-го. Вмѣстѣ съ такими произведеніями малорусской литературы, какъ „Энеида“ Котляревскаго (1798 г.), стихотвореніями Климовскаго, присутствіе въ русской печатной книгѣ малорусскихъ пѣсенъ показываетъ, что начало дифференціаціи уже намѣчено—пѣсня по содержанію не отличается отъ другихъ своихъ, отличена уже по языку, м. б., отчасти по типамъ (казакъ); но сознаніе отдѣльности, самобытности малорусской пѣсни и литературы еще не выражено отчетливо. То же отсутствіе яснаго разграниченія этихъ двухъ областей (м. б., впрочемъ, уже проникшаго нѣсколько дальше) мы, какъ извѣстно, можетъ констатировать и въ малорусской литературѣ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка [2]).

Съ другой стороны, малорусскія пѣсни сборниковъ XVIII в. и нач. XIX-го, рукописныя и печатныя, могутъ представлять интересъ и самостоятельный: онѣ могутъ разсматриваться, какъ за-

---

[1]) Пѣсенникъ 1795 г., прибавленіе, № 15, 36.

[2]) Нѣсколько данныхъ въ этомъ отношеніи собрано *А. Н. Пыпинымъ* во введеніи и 1-й главѣ III т. его „Исторіи этнографіи“, *Н. П. Дашкевичемъ* въ его разборѣ Очерковъ ист. укр. лит. Петрова (З ап. И. А. Н. LIX, I), въ моей статейкѣ о И. Г. Кулжинскомъ (Изв Инст. кн. Безбородка, т. XXIII) и др.

такъ скудно представлена, какъ можно бы заключить изъ указаній Б. Д. Гринченка, даже если мы ограничимся условной датой собранія пѣсенъ М. А. Максимовича (1827).

Причина такого неудовлетворительнаго состоянія нашихъ свѣдѣній объ интересующихъ насъ малорусскихъ пѣсняхъ, думается мнѣ, двоякая: во-первыхъ, большая рѣдкость сохранившихся до нашего времени экземпляровъ старинныхъ Пѣсенниковъ и, во-вторыхъ, привычка обращаться при научныхъ изслѣдованіяхъ прежде всего (что совершенно правильно само по себѣ) къ матеріаламъ, собраннымъ научно, съ прямой цѣлью ученаго изслѣдователя и преимущественно ими ограничивать кругъ своего вѣдѣнія (а это уже не такъ безспорно справедливо). Рѣдкость нашихъ Пѣсенниковъ въ книжныхъ собраніяхъ объясняется самой исторіей этихъ собраній: во времена, когда „Пѣсенники“ выходили въ свѣтъ, т. е. въ концѣ позапрошлаго и началѣ прошлаго столѣтія, интереса къ этой отрасли литературы у тогдашнихъ любителей литературы или вовсе не было, или почти не было, какъ мало было настоящаго интереса и вообще къ народной массѣ и ея духовнымъ потребностямъ: у науки и любителя литературы интересы были иные, свои; „аристократизмъ“ XVIII в. еще давалъ себя знать, заставлялъ невольно нѣсколько свысока смотрѣть на полународное, полуинтеллигентное собраніе пѣсенъ при сравненіи ихъ съ „настоящей“ литературой; а науки о народности еще и не существовало... А такія-то книжныя собранія передовыхъ людей прежде всего и могли сохранить намъ „Пѣсенникъ“, какъ сохранили они многое другое. Только позднѣе, съ нарожденіемъ народныхъ изученій, въ эпоху увлеченія народнымъ, спохватились, и то сравнительно немногіе, спеціалисты по народной поэзіи, широко захватившіе и эту печатную пѣсню въ кругъ своихъ интересовъ, каковы Кирѣевскій, Безсоновъ и др. [1]). А такія полународныя

---

[1]) Значеніе „Пѣсенниковъ“ оцѣнилъ м. пр. П. В. Кирѣевскій, широко воспользовавшійся нѣкоторыми изъ нихъ въ своемъ собраніи пѣсенъ, какъ видно изъ изданной части его собранія (десять выпусковъ), а также и изъ оставшихся послѣ него матеріаловъ для продолженія этого изданія. Оцѣнилъ значеніе пѣсенниковъ и покойный *П. А. Безсоновъ*, насколько можно судить по печатной программѣ его чтеній по народной словесности (М. 1869); здѣсь находимъ (привожу цитату въ виду рѣдкости этой программы): „Вѣкъ со второй четверти XVIII-го по вторую четверть XIX вѣка. Простонародное пѣсно-

изданія, подобно еще и теперь живымъ издѣліямъ „никольскаго" книжнаго рынка, испытали на себѣ судьбу аналогичныхъ имъ лубочныхъ изданій: пѣсенники безслѣдно зачитывались до полнаго уничтоженія любителями этого рода чтенія и пѣнія, небрегомые любителями-собирателями. Поэтому то, за исключеніемъ коллекцій И. Публичной библіотеки, Академіи Наукъ, какъ учрежденій по закону получавшихъ всѣ печатныя произведенія страны, а потому, стало быть, издавна поставленныя въ исключительно благопріятныя условія, и потому, именно сохранившіе, подборы (впрочемъ, далеко не безусловно полные) Пѣсенниковъ, Пѣсенники наши въ нашихъ большихъ и старыхъ книжныхъ собраніяхъ встрѣчаются въ качествѣ рѣдкихъ случайныхъ экземпляровъ, еще рѣже въ качествѣ систематическихъ коллекцій [2]). А на книжномъ рынкѣ и, повидимому, уже съ давняго времени, при общей рѣдкости полународныхъ изданій и ихъ судьбы, „Пѣсенники" надо признать довольно большой рѣдкостью.

Вторая изъ указанныхъ мною причинъ слабаго освѣщенія интересующаго насъ матеріала для исторіи малорусской пѣсни едва ли нуждается въ разъясненіи: здѣсь видимъ повтореніе того, что замѣчалось и въ другихъ областяхъ изслѣдованій по русской литературѣ. Можно добавить развѣ то только, что по отношенію къ малорусской литературѣ дѣло въ силу обстоятельствъ ея изученія обстоитъ еще слабѣе, чѣмъ по отношенію къ остальной: здѣсь еще не пройдена самая первая стадія изученія—библіографическая, по крайней мѣрѣ, для изученія пѣсни.

Въ этомъ отношеніи, несмотря на тяжелыя условія изученія печатныхъ Пѣсенниковъ, указанныя мною, у насъ есть, однако, и довольно хорошее руководство: я имѣю въ виду библіогра-

творчество и пользованіе имъ въ творчествѣ искусственномъ: *пѣсенники* письменные и печатные, главные дѣятели и изданія; тексты и напѣвы; тетради, книги, ноты; заслуги въ семъ отношеніи и уклоненія... Безнародность, антинародность, поддѣлки подъ народность, народолюбіе, стремленіе къ простонародности, народность дѣйствительная".

[2]) Ничтожное количество и при томъ случайно оказавшееся даетъ Румянцовскій музей; также бѣденъ и Московскій у—ъ, несмотря на его прикосновенность къ цензурѣ, которая для Московскаго района сосредоточена была до сравнительно поздняго времени въ немъ. Характеръ подбора даетъ библіотека Щапова (въ Историч. музеѣ въ Москвѣ), извѣстнаго собирателя старинныхъ книгъ.

фическіе указатели по русской печатной книгѣ того времени, когда „Пѣсенники“ еще не стали aves rarae: по „Опыту“ В. Сопикова (1813—1821) и „Росписи“ А. Смирдина (1828) можно составить довольно полный списокъ Пѣсенниковъ до конца первой четверти прошлаго вѣка; съ этимъ спискомъ, дополненнымъ и исправленными другими указаніями, можно начать розыскъ и самыхъ пѣсенниковъ, а затѣмъ и выдѣленіе въ нихъ малорусскихъ пѣсенъ, ихъ обслѣдованіе. Разумѣется, и теперь на исчерпывающую полноту матеріала разсчитывать трудно; но все же, ограничившись матеріаломъ, мнѣ доступнымъ,[1]) можно было, кажется, довольно наглядно убѣдиться, какого рода пѣсенный матеріалъ малорусскій даютъ старые печатные сборники. На основаніи этого матеріала можно даже попытаться, кажется, сдѣлать и кое-какія обобщенія, которыя, конечно, опять-таки только съ большей или меньшей приблизительностью дадутъ общую картину. При болѣе интенсивномъ изученіи собраннаго матеріала приходится убѣждаться, что и тотъ матеріалъ, который еще остается не доступнымъ, едва ли во многомъ измѣнитъ сдѣланныя уже теперь наблюденія въ ихъ существѣ.

Если не вдаваться въ большія подробности, наблюденія надъ малорусскими пѣснями въ Пѣсенникахъ XVIII и нач. XIX в. могутъ быть представлены слѣдующимъ образомъ:

I. Малорусскія пѣсни встрѣчаются далеко не во всѣхъ Пѣсенникахъ указаннаго времени: изъ 80 различныхъ пѣсенниковъ, (не включая сюда повтореній одного и того же въ послѣдовательныхъ изданіяхъ безъ перемѣнъ) малорусскія пѣсни нашлись въ 30 слишкомъ изъ нихъ [2]).

II. Малорусскія пѣсни въ этихъ Пѣсенникахъ, идущихъ съ 1779 года [3]), встрѣчаются рѣдко по одиночкѣ, среди другихъ пе-

---

[1]) Главн. обр. изъ библіотекъ Москвы, кое-какихъ частныхъ, частью своей.

[2]) Ниже я привожу перечень подобныхъ Пѣсенниковъ, которые были мнѣ доступны, обозначая и количество малорусскихъ пѣсенъ въ каждомъ.

[3]) „Собраніе простыхъ русскихъ пѣсенъ съ нотами“ В. Ѳ. Трутовскаго (ч. III, № 14—16): по словамъ П. К. Симони, изслѣдовавшаго Пѣсенникъ, „малорусскія пѣсни появились вообще въ печатномъ изданіи Т-аго впервые: это самые раннiе появившіеся въ печати памятники малорусскаго слова и литературы“ (см. Комеръ-гуслистъ В. Ѳ. Трутовскій. М. 1905. стр. 29—въ Трудахъ харьковскаго археолог. съѣзда).

ликорусскихъ пѣсенъ и романсовъ, а идутъ по большей части кучками или кучкой, при чемъ весьма часто объединяются общимъ заголовкомъ (иногда и въ заглавіи всего Пѣсенника): „малороссійскія“ (см. выше заглавіе Пѣсенника 1806 г.).

III. Общее число всѣхъ малорусскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ Пѣсенникахъ сравнительно съ количествомъ пѣсенъ великорусскихъ, русскихъ вообще, вошедшихъ въ нихъ, конечно, очень не велико: на нѣсколько сотъ пѣсенъ русскихъ приходится десятокъ, много два, рѣдко три—четыре малорусскихъ; такъ, на четыре части Пѣсенника 1805 г. пришлось лишь 27 малорусскихъ пѣсенъ; чаще же число ихъ едва доходитъ до десятка, полутора (Пѣсенникъ 1812 г. Занкина): въ большинствѣ же случаевъ считаются онѣ одиницами (Пѣсенникъ Трутовскаго—3, пѣс. 1795 г.—10, пѣс. 1791 г.—1, пѣс. въ 2-хъ ч. 1791 г.—6 и т. д.). Но надо замѣтить, что отношеніе это малорусскихъ пѣсенъ къ остальнымъ значительно измѣнится въ пользу этихъ пѣсенъ, если мы ихъ, какъ *народныя* (иныхъ почти не знаетъ малорусская литература XVIII—XIX в.), будемъ сопоставлять съ *народными* же великорусскими; изъ общаго числа русскихъ пѣсенъ отпадетъ громадное количество романсовъ, пѣсенъ на случай (искусственныхъ, подражаній), пѣсенъ изъ оперъ и т. д.

При этомъ нельзя сказать, чтобы число пѣсенъ малорусскихъ увеличивалось по мѣрѣ того, чѣмъ позднѣе Пѣсенникъ: колебаніе въ количествѣ этихъ пѣсенъ, видимо, зависитъ отъ вкуса или источниковъ издателя [1]). Т. о. всѣхъ пѣсенъ по Пѣсенникамъ набралось не болѣе 350 (точнѣе 338) [2]).

IV. Эти пѣсни однако по количеству экземпляровъ отдѣльныхъ пѣсенъ далеко не соотвѣтствуютъ числу самыхъ пѣсенъ: эти 350 пѣсенъ представляютъ лишь 72 пѣсни въ большемъ или меньшемъ количествѣ варьянтовъ или, правильнѣе сказать, повтореній одной и той же пѣсни [3]).

---

[1]) См. ниже въ спискѣ просмотрѣнныхъ Пѣсенниковъ съ малорусскими пѣснями.

[2]) Б. Д. Гринченко въ своей библіографіи, кстати сказать, до 1827 г. насчитываетъ лишь до 60 пѣсенъ (принимая во вниманіе и Пѣсенникъ 1819 г., гдѣ оказываются до 40 пѣсенъ, что, однако, не отмѣчено библіографомъ).

[3]) Ниже даю сводку этихъ повтореній по Пѣсенникамъ, бывшимъ у меня въ распоряженіи.

V. Присматриваясь ближе къ упомянутымъ группамъ малорусскихъ пѣсенъ по отдѣльнымъ пѣсенникамъ, замѣтимъ нѣкоторыя особенности, такъ: однѣ пѣсни, или лучше сказать, группа ихъ повторяется по цѣлому ряду пѣсенниковъ либо безъ измѣненія количества и даже порядка, иногда же варьируясь лишь незначительно: однѣ пѣсни опускаются, другія прибавляются изъ другой группы—указаніе на общность источника, м. б.—и скорѣе всего—результатъ перепечатки однимъ Пѣсенникомъ изъ другого или другихъ; оттого-то одна и та же пѣсня, встрѣчающаяся въ рядѣ Пѣсенниковъ (напр., „Гей пидъ горою, пидъ перевозомъ" въ 11 Пѣсенникахъ, или „Да ѣхавъ же казаченько зъ Украины"—въ 12, или „Ахъ подъ вишенью подъ черешнею"—въ 15) не дастъ никакихъ варьянтовъ въ чтеніяхъ, за исключеніемъ, развѣ, то большаго, то меньшаго искаженія въ правописаніи.

Съ другой стороны, среди Пѣсенниковъ попадаются и такіе, которые подъ эту категорію не подойдутъ: это, во-первыхъ, оригинальные по подбору; въ нихъ мы находимъ пѣсни—своего рода уники; но при этомъ замѣчаемъ, что такая пѣсня почти не встрѣчается въ Пѣсенникахъ первой категоріи: ясно, что мы имѣемъ передъ собой въ такомъ случаѣ изданіе либо спеціально сдѣланной для такого Пѣсенника записи, либо изданіе рукописной тетрадки не шаблоннаго, а любительскаго типа; таковъ напр. „Молодчикъ съ молодкою на гуляньѣ съ пѣсельниками, поющими новыя пѣсни городскія и деревенскія, простыя, ухарскія и самыя нѣжныя" (Спб. 1790), гдѣ находимъ 15 малорусскихъ пѣсенъ: изъ нихъ 9 не попалось ни въ одномъ изъ бывшихъ у меня 30 слишкомъ Пѣсенниковъ съ малорусскими пѣснями: недаромъ и самое заглавіе Пѣсенника не шаблонное [1]).

Въ третьихъ, среди Пѣсенниковъ съ малорусскими пѣснями мы замѣчаемъ Пѣсенники своего рода не народные, а ученые: это—либо любители народной пѣсни, въ родѣ В. Ѳ. Трутовскаго, либо собиратели уже съ серьезной цѣлью, въ родѣ Н. Прача, М. Чулкова, либо музыканты, вносящіе въ свои сборники нотъ для пѣсенъ и малорусскіе мотивы, повидимому, въ виду ихъ оригинальности или вкуса къ нимъ публики, каковъ „Новый россійскій пѣсенникъ для семиструнной гитары" (s. l. e. a.). У этихъ собирателей

[1]) Обычное: „Новѣйшій, полнѣйшій, отборнѣйшій пѣсенникъ" и т. п.

подборъ пѣсенъ довольно оригиналенъ, есть пѣсни-унжки [1]), хотя рядомъ и самыя ходячія.

VI. Обычные простые Пѣсенники, ходячіе, напѣвовъ для пѣсенъ не даютъ; это—привилегія „ученыхъ" собирателей—И. Прача, В. Трутовскаго; но въ цѣломъ рядѣ случаевъ при малорусскихъ пѣсняхъ, какъ и при остальныхъ, даются указанія: „на голосъ такой-то пѣсни" или: „голосъ нѣжный, томный": стало быть, предполагается или мотивъ извѣстнымъ, или же предоставляется пѣвцу самому подобрать его.

VII. Въ малорусскихъ пѣсняхъ по Пѣсенникамъ находимъ изрѣдка указанія и на автора пѣсни или на спеціальный характеръ пѣсни, или же своего рода этнографическую замѣтку; такъ, пѣсня „Ахъ, поля, поля зелены"—названы „половой пѣсней господина Сковороды" (Пѣс. 1798 г. № 89; Пѣс. 1805—№ 21) [2]); пѣсни, „Эй, годѣ намъ журитися, пора перестати" (Пѣс. 1795 г. № 182, Пѣс. 1798 г.—№ 91)—пѣсня Черноморскаго казачьяго войска; при пѣснѣ „На бережку у ставка" (Пѣс. 1799 г. № 1, Пѣс. 1806 г. № 433, пѣс. 1810 г.—№ 310, Пѣс. 1810 г. Вавилова—№ 303) замѣтка: „Сія пѣсня введена въ употребленіе, какъ по своему хорошему голосу, такъ и потому, что была любима княземъ Потемкинымъ"; пѣсня „Я тоби завѣтаю, галю моя"—„употребляется въ Украйнѣ женщинами". (Пѣс. 1810 г. Вавилова—№ 307); пѣсня „На улицы ни була, не бачила дэнгуна"—„пѣсня по украински называется Дэнгунъ" (тамъ же, 312), пѣсня „Послала мене мати—зеленого жита жаты"—„прекрасная плясовая украинская пѣсня, называемая *Косари* (Пѣс. 1817 г. № 6); при пѣснѣ: „Гей пидъ горою, пидъ перевозомъ" замѣчено: „Пѣсня, показывающая охоту малороссіянъ къ музыкѣ" (Пѣс. 1825 г. № 269) и т. п. Всѣ эти замѣтки, думается, не лишены значенія для изученія малорусской пѣсни.

VIII. Въ числѣ малорусскихъ пѣсенъ Пѣсенниковъ мы почти не встрѣчаемъ пѣсенъ искусственныхъ, поддѣлокъ подъ народную, какихъ не мало среди остальныхъ пѣсенъ; единственную

---

[1]) Особенно у Чулкова-Новикова въ собраніи пѣсенъ 1780 г.

[2]) Любопытно, что среди пѣсенъ не встрѣтилось ни одной съ именемъ „незабвеннаго Климовскаго" (ср. Н. Г. Кулжинскаго „Малороссійская деревня" (М. 1827), стр. 114, 116).

пѣсню, и то м. б. народную, мы находимъ, какъ идущую изъ „Днѣпровой Русалки“; это:

Ай пійду я погуляю,
На бандурцы поиграю,
А дивчина иде
Догоняти мене

(Пѣс. 1817 г. Плавильщиковъ, ч. I, № 80; Пѣс. 1815 г. № 164) [1].

IX. По своему подбору и характеру изъ народной малорусской пѣсни въ Пѣсенники попала почти исключительно пѣсня лирическая, притомъ любовная и рѣже шутливая, что и понятно: это такъ соотвѣтствовало вкусу XVIII—XIX в., къ народной пѣснѣ примѣнявшихъ мѣрку нѣжнаго, жестокаго романса—чувствительную струю, разливавшуюся и въ остальной литературѣ.

X. Наконецъ, по отношенію къ языку этихъ пѣсенъ: при малорусскомъ его характерѣ въ общемъ, языкъ пѣсенъ значительно искажается въ пользу общепринятаго литературнаго, хотя въ разныхъ изданіяхъ степень этого приспособленія различна; поэтому-то и рядъ изданій одной и той же пѣсни получаетъ нѣкоторое значеніе для возстановленія истиннаго облика пѣсни. На сколько мало чувствовалась издателями, эта сторона пѣсни, видно изъ того, что одна и та-же пѣсня переводится прямо на русскій ладъ, при чемъ остаются, конечно, малорусизмы; такова пѣсня: „Да оралъ мужикъ при дорогѣ“ (Пѣс. 1795 г. ч. II, № 83), которая въ другихъ случаяхъ сохранила свой малорусскій обликъ болѣе или менѣе (Пѣс. Чулк.—Нов. 1780 г. № 152; Пѣс. 1798 г. № 93).

Сообщая всѣ эти наблюденія, наблюденія преимущественно библіографическаго характера, думаю, что они, обращая вниманіе на цѣлую область малорусской пѣсни, при томъ еще въ литературѣ русской того времени, когда интересы къ изученію народности только начинались, наблюденія эти не будутъ совершенно лишними: эта область малорусской пѣсни въ историческомъ ея освѣщеніи осталась почти не затронутой и малорус-

---

[1]) Я конечно, оставляю въ сторонѣ такія грубыя поддѣлки, какъ кн. Шаховскаго въ его „Казакѣ-стихотворцѣ“, изъ котораго однако куплеты попали и въ Пѣсенники.

скими этнографами и историками литературы. Полагаю, что эти наблюденія и библіографическія данныя, сгруппированныя ниже, будутъ не безполезны, когда настанетъ время для изданія своего рода „старыхъ записей" малорусской пѣсни. Необходимо только будетъ ихъ дополнить.

М. Сперанскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Перечень Пѣсенниковъ, содержащихъ малорусскія пѣсни [1]).

1) Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. Ч. III. Спб. 1779.—3 пѣсни (№ 14—16)—*Тр.*—Имп. Ист. Музей въ Москвѣ.

2) Полное новое собраніе россійскихъ пѣсенъ, ч. IV. (Москва, у Н. Новикова) 1780.—17 пѣс. (№ 132, 137, 140, 142, 143, 146, 148, 152, 155, 167, 174, 176, 179, 180, 181, 191, 193)—*Чул.*[2])—Ист. Музей, Инст. Безбородко [2]).

3) Собраніе народныхъ русскихъ пѣсенъ съ ихъ голосами, на музыку положилъ *И. Прачъ*. Печ. въ типогр. Горн. училища 1790.—6 пѣсенъ (№ 1—6; стр. 181—192)—*Пр.* [3])—Истор. Музей.

4) Молодчикъ съ молодкою на гуляньѣ съ пѣсельниками, поющими новыя пѣсни: городскія и деревенскія, простыя, ухарскія и самыя нѣжныя. Спб. 1790.—15 пѣсенъ (№ 1—15; стр. 169—182)—*Мол.*—Ист. Музей [4]).

5) Новый россійскій пѣсенникъ, изд. 2-е, иждивеніемъ I. К. и Т. П. въ СПБ. у I. К. Шнора. 1791.—Двѣ части.—Пѣсенъ 6 (ч. I, № 71; ч. II, № 62, ч. III. 92—94, 99)—*Шн.* I, II.—Истор. Музей.

6) Новый россійскій пѣсенникъ. Въ градѣ Святаго Петра, нжди-

[1]) Здѣсь указываю и условное обозначеніе каждаго Пѣсенника; эти обозначенія примѣнены въ обзорѣ самыхъ пѣсенъ въ слѣдующемъ приложеніи. Указываю также и собраніе, гдѣ найденъ тотъ или иной экземпляръ Пѣсенника.

[2]) Объ этомъ собраніи см. у *В. Перетца*. Матеріалы и изслѣдованія I, (Спб. 1900), 292 слѣд.

[3]) Еще изданія того же: 1802, 1806, 1815, 1816.

[4]) Отмѣченъ у *Б. Д. Гринченка*. Литер. украинск. фольклора (Чернигов. 1901), № 3.

веніемъ Т. Полежаева. 1792 года.—1 пѣсня.—*Пол.*—Ист. Музей.

7) Избранный пѣсенникъ, или собраніе наилучшихъ старыхъ и самыхъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ. Новѣйшее изданіе. Москва 1795, тип. Селивановскаго.—9 пѣсенъ (ч. II, № 176—181, прибавленіе № 35, 83, 193)—*Сел.*—Истор. Музей.

8) Избранный пѣсенникъ... въ 4-хъ част. Москва у Ридигера и Клаудія. 1798 [1])—13 пѣсенъ (ч. III—IV, № 82—94).—*Рид.*—Ист. Музей.

9) Самый новѣйшій отборнѣйшій Московской и Санктпетербургской пѣсенникъ, иждивеніемъ М. К. Василья Глазунова. Москва, въ губ. типогр. у А. Рѣшетникова. 1799.—13 пѣсенъ (стр. 317—330)—*Гл.*—Ист. Музей [2]).

10) Собраніе старыхъ и новыхъ россійскихъ пѣсенъ. Спб. 1803 г., при Губерн. Правленіи—1 пѣсня—*Сб.*—Истор. Музей [3]).

11) Всеобщій, новоизбранный пѣсенникъ всѣхъ лучшихъ россійскихъ авторовъ, содержащій въ себѣ пѣсни, аріи и хоры.... малороссійскія, анакреонтическія и проч., положенныя на голоса, по новѣйшему вкусу на 13 отдѣленій. Въ четырехъ частяхъ. Иждивеніемъ московскаго купца Сергѣя Петрова. Москва 1805 (типогр. Кряжева и Мая).—27 пѣсенъ (ч. IV, № 1—27)—*Петр.*—Ист. Музей [4]).

12) Новѣйшій и отборнѣйшій россійскій всеобщій пѣсенникъ, расположенный на три части. Продается въ лавкахъ Ивана Заикина. Спб., При I кадетскомъ корпусѣ. 1806 г.—10 пѣсенъ (№ 433—442)—Ист. Музей.

13) Новѣйшій всеобщій пѣсенникъ, собр. Аѳанасіемъ Калатилинымъ. Москва, въ губ. тип. у А. Рѣшетникова. 1810, въ трехъ частяхъ.—32 пѣсни (ч. III, № 310—341) *Кл.*—Ист. Музей.

14) Новѣйшій и полный россійскій общенародный пѣсенникъ. Съ картинками. Изданный Ж. Г. Т. А. К. иждивеніемъ М. К. Павла Вавилова. Москва 1810, въ Унив. типогр.—23 пѣсни (№ 301—(323—*Вав.*—Ист. Музей.

15) Новѣйшій и отборнѣйшій всеобщій пѣсенникъ, изданный

---

1) Слѣдующее изданіе. М. 1806.

2) У Сопикова (IV, 9304) показано еще изданіе 1803 года; оно буквально повторяетъ изд. 1799 г.; находится также въ Ист. Музеѣ.

3) У А. П. Соболевскаго: Пѣсенникъ 1803, у А. Смирдина № 8057.

4) Фонетика пѣсенъ искажена сравнительно немного.

въ 4-хъ частяхъ. Продается у книгопрод. Ивана Заикина. Спб., При I кад. корпусѣ. 1812 г.—19 пѣсенъ (№ 2, 288—295; 306—310; 312—314, 559). — *Заик.*[2] — Ист. Музей [1]).

16) Новѣйшій россійскій пѣсенникъ, или собраніе самыхъ отборныхъ, донынѣ извѣстныхъ употребительныхъ и новѣйшихъ всякаго рода пѣсенъ; также... арій и хоровъ изъ всѣхъ 4 хъ частей Русалки, какъ-то: пѣжныхъ, любовныхъ... малороссійскихъ... Спб. при I кадетск. корпусѣ 1812 года; продается въ книжн. лавкѣ Ивана Заикина,—1 пѣсня (стр. 143)—*Заик.*[3]—Ист. Музей.

17) Новѣйшій карманный пѣсенникъ, содержащій въ себѣ собраніе всѣхъ родовъ новѣйшихъ и употребительнѣйшихъ пѣсенъ. Продается въ лавкѣ Петра Ильина. Москва 1813, въ Унив. тип.— 6 пѣсенъ (№ 38, 39, 42, 95, 96, 111)—*Ил.*— Ист. Музей.

18) Новѣйшій избранный пѣсенникъ... собранный въ пользу любителей пѣнія В... Л... Москва 1814, Унив. тип. – 1 пѣсня (№ 37)— *ВЛ.*—Унив. Моск., Рум. Муз. [2]).

19) Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ, въ 5 частяхъ, Спб. 1815.—15 пѣсенъ (№ 2; 164; 306 - 311, 485—486; 511—515) — *П*[2]. [3]).

20) Новѣйшій карманный пѣсенникъ. М. 1815, тип. Н. С. Всеволожскаго.—1 пѣсня (№ 81)—*Вс*[2].—Унив. Москва.

21) Избранный пѣсенникъ для прекрасныхъ дѣвицъ и любезныхъ женщинъ. Въ 2-хъ частяхъ. Москва. 1816, у Селивановскаго—1 пѣсня (стр. 197)—*ИП.*—Ист. Музей [4]).

22) Новѣйшій россійскій избранный пѣсенникъ, расположенный на пастушескія... и былевыя... и проч.. Москва 1817, въ типогр. Н. С. Всеволожскаго.—7 пѣсенъ (ч. II, стр. 254—264)—*Вс.*—Унив. Москва, Ист. Музей.

23) Новѣйшій отборный россійскій пѣсенникъ... собранный Петромъ Ильинымъ. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1817, въ типогр. Н. С. Всеволожскаго.—9 пѣсенъ (ч. II, № 100—104, 115—118)— *ПИ.*—Унив. Моск., Пист. кн. Безбородко.

---

[1]) Отличенъ отъ № 12.

[2]) Въ Пѣсенникѣ вновь сочиненныя „народныя“ пѣсни въ связи съ событіями 1812 г.

[3]) Извѣстенъ мнѣ по Изслѣд. и мат. *В. Перетца* I (1900), 296—297.

[4]) Слѣдующее изданіе—Москва 1820 (1-я часть есть въ Рум. Муз.).

24) Новѣйшій россійскій пѣсенникъ, въ 2-хъ частяхъ, Спб. въ типогр. Θ. Плавильщикова. 1817. [1])—9 пѣсенъ (ч. I, № 80, 85, 108; ч. II, №, 256—261)—*Пл.*—Ист. Музей.

25) Новѣйшій полный и всеобщій пѣсенникъ. Спб. 1818.- -27 пѣсенъ (ч. IV) [2]).

26) Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ, въ шести частяхъ. П. Ш. Спб. въ типогр. Глазунова 1819—39 пѣсенъ (ч. II, № 148—186) —*ПШ.*—Рум. Муз., Ист. Музей [3]).

27) Новѣйшій туалетный пѣсенникъ для милыхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ, въ 3-хъ частяхъ. Орелъ, въ типогр. И. Сытина. 1820 – 21 г. 4 пѣсни (ч. II, № 95, 156 —158)—*Ст.*—Рум. Муз., Ист. Муз..

28) Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ, въ 4-хъ частяхъ, Москва, въ типогр. Кузнецова. 1822 г.—19 пѣсенъ (ч. IV, № 568—586)—*НП.*—Унив. Моск., Ист. Муз..

29) Новѣйшій полный пѣсенникъ для особъ обоего пола, изданный М. Маклаковымъ, въ трехъ частяхъ. изд. 2-е М. 1822. въ тип. П. Кузнецова.—4 пѣсни (ч. II № 207, 269—271)—*Мк.*—Унив. Моск., Ист. Муз. [4])

30) Избранный новѣйшій пѣсенникъ, содержащій въ себѣ собраніе отборныхъ употребительныхъ и новѣйшихъ всякаго рода пѣсенъ. М. 1826 г. у Авг. Семена.—1 пѣсня (№ 61)—*Сем.*—Ист. Музей [5]).

31) Новѣйшій отборный россійскій пѣсенникъ... собранный Петромъ Ильинымъ. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Москва 1827 г. у Авг. Семена.—9 пѣсенъ (ч. II, стр. 175—182 и 196)—*ПИ²*—Унив. Моск. [6]).

---

[1]) Цензурное разрѣшеніе 1809 года.

[2]) Извѣстенъ мнѣ по указанію В. Перетца (см. I, 297); не есть ли это повтореніе московскаго пѣсенника № 11. (1805 г.).

[3]) Этотъ пѣсенникъ отмѣченъ А. Н. Пыпинымъ (Ист. этн. III, 11) и Б. Д. Гринченкомъ, № 11.

[4]) Пѣсенникъ-буквальная перепечатка орловскаго Пѣсенника; м. б. потому и обозначается 2-мъ изданіемъ? Слѣдующее изданіе московскаго Пѣсенника—*третье* 1825 г. М. у Селивановскаго; обозначенъ у меня *Сл*, есть въ Унив. Моск.

[5]) Здѣсь есть уже „Черная шаль“ Пушкина и „Бурцевъ, ера, забіяка“—Д. Давыдова.

[6]) Это повтореніе изд. 1817 г. (у насъ № 23).

32) Новѣйшій россійскій пѣсенникъ, или собраніе разныхъ самоновѣйшихъ пѣсенъ, вальсовъ, экосссесовъ, полонесовъ, мазурокъ и протчихъ музыкальныхъ штукъ для семиструнной гитары. Продается въ книжныхъ лавкахъ Ступина подъ № 17-мъ. Цѣна 6 руб.—s. l. (Москва?) e. a.—3 пѣсни (стр. 16, 17, 25)—*Ступ.*—Ист. Музей [1]).

33) Новѣйшія русскія пѣсни для семиструнной гитары. Cinquante chansons russes, par Ignace de Held. (Spb.) s. a.—6 пѣсенъ (№ 38, 39, 41—44)—*Held.*—Ист. Музей [2]).

II.

Сводная роспись малорусскихъ пѣсенъ по Пѣсенникамъ.

1) Ой, гай, гай, гай зелененькій.

Тр. III, 15; Шн. II, 93; Кл. III, 322; Петр. IV, 24; ПШ. II, 171; Ступ. стр. 25; Held. 41, Пр. № 5.

2) Ой, коли я Прудыуса любила.

Тр. III, 16; Шн. II, 394; Кл. III, 323; Петр. IV, 8; Вав. 314; Ил. 95; ПШ.; II, 174; ПП. IV, 581.

3) Ой, кряче, кряче, да чорненькій воронъ.

Тр. III, 17; Шн. II, 92; Кл. III, 318; Рид. III—IV, 92; Гл. 8; Заик.[2] 310 ПШ. II, 169; Пр. № 4.

4) Била жинка мужика,
За чупрунку взявши.

Мол. 1; Сел. II, 177; Рид. III—IV, 84; Заик. 441; Кл. III, 332; Заик.[2] 292; ПШ. II, 151; Чул.[2] 187 (съ инымъ началомъ)[3]).

5) Биду собѣ купила
Да за свои гроши

Мол. 2; Сел. II, 178; Рид. III—IV, 85; Гл. 10; Кл. III, 312; Петр. IV. 12; Заик. 435; Заик.[2] 290; ПШ. II, 162; Held 42; II[2] 485.

6) Стояла дивчина на валу,
Кликала козака до саду.

Мол. 3;

---

[1]) Изд. въ 4—у, ноты безъ словъ; для хронологіи: нѣсколько романсовъ изъ „Казака-стихотворца“ кн. Шаховского.

[2]) Для хронологіи: цензоръ Тимковскій.

[3]) Пьяна я иду, мои голубоньки,
Пьяна я иду, мои сердешно.

7) Скажи мини, повидай,
Воспаночка моя.

Мол. 4; Сел. II, 179, Рид. III—IV, 86; Гл. 11; Кл. III, 311; Заик. 434. Заик.[2] 289; ПИ. II, 163.

8) Овечка-косматочка,
Кто тебе пасе, маточка?

Мол. 5.

9) Погнала дивчина ягняточки въ поле,
Потеряла ягняточко, несчастная доля.

Мол. 6.

10) Сама, я сама пшеничку жала,
Пришла я до дому, нема жъ мого пана.

Мол. 7.

11) Черешенька—вишенька
Наробила лишенька.

Мол. 8.

12) Да ѣхавъ же казаченько изъ Украины
И побачивъ дивчиноньку при долыни.

Мол. 9; Сел. II, 180; Рид. III—IV, 87; Гл. 12; Кл. III, 313; Заик. 436; Заик.[2] 291; ПШ. II, 166; Ст. II, 157; Мк. 270=Сл; II[2] 486.

13) Бувъ Сава въ Немировѣ у пана на обиди
И не знавъ и не чувъ о своей биди.

Мол. 10.

14) Темная да невидная ноченька,
Дурная и божовыльная дивчинка.

Мол. 11.

15) Дай же мини, Боже, недиленьки дождаты
Пошлю я до Марусеньки сваты.

Мол. 12.

16) Засвистали козаченьки въ походъ съ полуночи,
Заплакала Марусенька свои ясны очи.

Мол. 13, Сел. II, 181; Рид. III—IV, 88; Гл. 13; Кл. III, 317; Пл. II, 260; ПШ. II, 167; II[2] 310.

17) Послала мене маты
Зеленого жита жаты.

Мол. 14; Шн. I, 71; Кл. III, 316; Сел. II, 176; Рид. III—IV, 83; Заик. 442 Вав. 321; Вс. II, 6; ПШ. II, 165; Held 39, Пр. № 6.

18) Кукурузы, кукурузы, кукурузы дайте,

Кукуруза не поможеть: дивчины шукайте.
Мол. 15.

19) Ой, далебо не хочется,
Коло печи ворочиться.
Запк. 437; Шп. II, 62; Запк.[2] 293.

20) Три дни спавъ (2), спавъ три годины,
А все жъ съ матерой, лихой причины (2).
Шп. II, 99; Кл. III, 324; ПШ. II, 177.

21) На бережку у ставка,
На дощечки у млинка.
Пол., Сел. приб. 35; Рид. III—IV, 82, Гл. 1; Кл. III, 310; Сб. 67; Петр. IV, 9; Запк., 433; Вав. 303; Запк.[2] 288; Нш. II, 101; Пл. II, 256; ПШ. II, 161; ПП. IV, 560; ПН.[2] II, 100; Студ. стр. 17; Held. 44; П[2] 306.

22) Эй, годѣ намъ журитися, пора перестати.
Сел. II, 193; Рид. III—IV, 91; Петр. IV, 13, Кл. III, 319; ПШ. II, 172.

23) Ахъ, поля, поля зелены (Сковороды).
Рид. III—IV, 90; Петр. IV, 21.

23) До оралъ мужикъ при дорозѣ.
Сел. II, 69; Рид. III—IV, 93; Кл. III, 315; Запк. 486; Запк.[2] 294; Пл. II 257; ПШ. II, 108; Чуж.[3] 152; П[2] 307.

24) Чи я жъ кому виноватъ? за що погибаю.
Рид. III—IV, 94; Гл. 9; Кл. III, 814; Запк. 440; Запк.[2] 308; Пл. II, 259; ПШ. II, 164; Held 48; Чуж.[3] 155; П[2] 309.

25) Гей, на тимъ боци Дунаю, Дунаю (2)
Вивчаръ вивци згоняе, згоняе (2)
Гл. 2; Кл. III, 395; Петр. IV, 10; Запк.[2] 300; Пл. 108; ПШ. II, 152.

26) Дидуй мій,
Голубе мій,
• Да порада моя,
Да потиха моя.
Гл. 3; Кл. III, 384; Петр. IV, 11; Вав. 309; Кл. III, 335; Запк.[2] 306; Пл. 42; ПШ. II, 156; Н. ПIV, 577.

27) Щука-рыба въ мори гуляе доволи;
А я молодъ на чужини, да немаю воли.
Гл. 4; Запк.[2] 307.

28) Ахъ, ти птичка желтобока;
Но клады гнизда свысока.
Гл. 5; Запк.[2] 312.

29) Выйди, Грицю, на улицу,

И ты, коваленьку,
Заиграй мни въ свыстилочку.

Гл. 6; Заик.² 313; П² 311 (?).

30) Ахъ, подъ вишенью, подъ черешнею
Стоялъ старой съ молодою.

Гл. 7; Кл. III, 321; Петр. IV, 1; Вав. 316; Заик.² 314; ПШ. II, 117; Пл. II, 258; Ст. II, 158; НП. IV, 582; Мк. 271.=Сл.; ПИ.² II, 113; Пр. № 3; Чул.³ 132; П² 308.

31) Ой, въ зеленомъ да у лузѣ дѣвчина гуляла,
Пишла (пасла?) жъ она, овечушки да не доглядѣла.

Петр. IV, 2; Вав. 313; ПИ. II, 116; НП. IV, 580; ПИ² II, 112.

32) Гой, ты, дѣвчина, гордая, пышна!
Чому ты до мене зъ вечера не вишла?

Петр. IV, 3; Вав. 310; ПИ. II, 115, ПШ II, 148; НП. IV, 578; ПИ². II 111 П² 514.

33) Ты живешъ на горѣ,
А я питъ горою:
Чи ты тужишъ такъ за мною,
Якъ я за тобою?

Петр. IV, 4; Вав. 311; ПШ. II, 150; П² 515.

35) Приди, козаченько, приди
Ко мнѣ спать-ночевати.

Петр. IV, 5; Вав. 304; Пл. 111; ПИ. II, 102; НП. IV, 573, ПИ.² II, 102; П² 512.

36) Гей, пидъ горою, пидъ пиривозомъ
Стояла дивчина своимъ обозомъ.

Петр. IV, 6; Вав. 302; Кл. III, 333; ПИ. II, 100; ПШ. II, 149 (вар.), 154; Ст. II, 156; НП. IV, 568; Мк. 269=Сл.; ПИ.² II, 99; П¹ 511.

37) На улици була, не бачила дзигуна,
Не бачила дзигуна, трохи не умерла.

Петр. IV, 7; Вав. 312; НП. IV, 579.

38) Звелѣла мнѣ мати
Да ячменю жати.

Встрѣчается и въ рукописныхъ тетрадкахъ, см. Опис. р-къ Тв. Муз. I, 223 (№ 152/3199).—Петр. IV, 14; Вав. 323; Кл. III; 330 (вар.); Вс. II, 3; ПИ. II, 118; ПШ. II, 180; НП. IV, 571; ПИ² II, 114; Чул.³ 191 (вар.).

39) Ой, посіявъ мужикъ да у поли ячминь.
Мужикъ каже: ячминь; жинка каже: гречка.

Петр. IV, 15; Вав. 305; Кл. III, 339; ПИ. II, 103; ПШ. II, 155; НП. IV, 574; ПИ². II, 102.

40) Ой, була жъ у мини жинка,
Да була жъ у мини любка.
Петр. IV, 16; Вав. 306; Кл. III, 341; Ил. 38 (вар.); Вс. II, 2; ПИ. II, 104; ПШ. II, 159; НИ. IV, 575; НИ[2] II, 103; II[2] 513.

41) Ой, выду я на гороньку бѣлыми ноженьками;
Ой, гляну я на дубоньку карими оченьками.
Петр. IV, 17; Вав. 316; НИ. IV, 584.

42) Ой, у ково лихы собаки, лихы,
Да и нѣкому вытта, оборонпты.
Петр. IV, 18; Вав. 319; НИ. IV, 585.

43) Да чумаче-бурлачо
Молоды казаче!
Да що заробляешъ,
То и те пропиваешъ!
Петр. IV, 19; Вав. 320; Кл. III, 336; Ил. 69; Вс. II. 4; НШ. II, 158; НИ. IV, 572.

44) Не ходи, Грицу, на те вечерницы:
Гей, на вечерницахъ—все чаровницы.
Петр. IV, 20; Вав. 308; Кл. III, 337 (вар.): Запв.[2] 559; Пл. II, 261; ПШ. II, 153; НИ. IV, 586.

45) Идеть козакъ съ Украины—мушкетъ за плечами.
Петр. IV, 22; Чул.[3] 174.

46) Болитъ моя головонька витъ самого чола.
Петр. IV, 23; Вав. 317; Вс. II, 5; ПШ. II, 186.

47) Я тобе завѣтаю, галю моя,
Якъ тобе и пытаю, сердце мое.
Петр. IV, 25; Вав. 307.

48) Ой ктожъ бачивъ, да кто чулъ.
Кто у мене ночью булъ?
Петр. IV, 26; Вав. 315; Ил. 96; НИ. IV, 583.

49) На крутыхъ горахъ стоятъ рыцари,
А подъ моимъ коханочкимъ,
А подъ моимъ сердшикомъ
Конь вороный.
Петр. IV, 27.

50) Иповъ козакъ съ Дону
Исъ Дону до дому,
Сѣлъ надъ водою.

Бѣлы руки моетъ.
Запк. 439; Кл. III, 326; Запк.[2] 295; ПШ. II, 178.

51) Малесенькій соловейко,
Чомъ ти не щебечешь?
Вав. 301; Вс. II, 7.

52) Симь день молотила,
Чехъ, чехъ заробила.
Вав. 322; Кл. III, 327; ПШ. II, 176.

53) Катилися возы съ горы, поломали спицы;
Да вжежъ мини ходити на тѣ вечерницы?
Кл. III, 320; ПШ. II, 170; Пр. № 2.

54) Не дамъ покою:
Пойду за тобою.
По что оставляешь,
Совѣсти не маешь?
Кл. III, 325; ПШ. II, 175; Чул.[3] 179.

55) Ой, послала мене мати
Рыбы куповати;
А я рыбы не купила,
Въ школу заблудила.
Кл. III, 328; ПШ. II, 179; Чул.[3] 181.

56) Самъ я не знаю,
Що чинити маю:
Чи мнѣ женитися,
Чи въ чирнцы постригтися?
Кл. III; 329; ПШ. II, 181; Чул.[3] 176.

57) Переходомъ въ чистомъ полѣ заквитлы волошки,
А яжъ тебе полюбивъ, що румяна трошки.
Кл. III, 331; ПШ. II, 182; Чул.[3] 193.

58) Ой, у поли долина (2),
Ой, у поли, серденько, долина (2)
При долинѣ ставочикъ (2),
Возлѣ ставка калина (2).
Кл. III, 340; ПШ. II, 160.

59) Ой, булъ, да нѣма, да и поѣхалъ до млина;
Горе же мини тяжкое, сама спати легла.
Кл. III, 338; ПШ. II, 157.

60) Ѣхавъ козакъ за Дунай,
Сказалъ дивчинѣ: прощай!
Зап.[2] 2; Зап.[3] 2; ВЛ. 87; НП. стр. 197; Вс. II, 1; Пл. 65; ПШ. II, 185, Ст. II; 95; НП. IV, 670; Мк. II, 207.—Сл.; Сем. 61; Ступ. стр. 16; Held. 88 Во.[2] 90; П[2]. 2.

61) Да просивъ мене Герасимъ, Герасимъ, Герасимъ,
Щобъ я пишла жаты, з нымъ граты, з нымъ.
Зап.[2] 558.

62) Добре тіи ляхи чинять, що не кумаются;
Побранимся (?) за рученьку, та їдуть, вѣнчаются
ПШ. II, 183.

63) Ой, у полѣ вишня, чему не черешня?
Любилися, кохалися, чему не бережно?
ПШ. II, 184.

64) Ой, не видтиль мѣсяцъ свѣтитъ, видкиль ясны зѣрки,
Да вподився казаченько до чужой жинки.
Пр. № 1.

64) Ой за вьяромъ дудка лежитъ,
Дудка лежитъ,
А я ту дудку вкралъ:
Любилъ дѣвку, бабу взялъ.
Чул.[3] 140.

65) Мандровала пахоля
Изъ Кіева до Львова.
Чул.[3] 142.

66) Виткиль идишь? отъ Дунаю.
А что слыхалъ про Михайлу?
Чул.[3] 143.

67) У Глуховѣ у городѣ да и всѣ звоны звонятъ,
Да вжежъ нашихъ казаченьковъ на линію гонятъ.
Чул.[3] 146.

68) Да въ тихого Дунаечку,
Да въ крутого бережечку
Ой тамъ Гиря ложки мыла.
Чул.[3] 148.

69) Сканши пугачъ на могилѣ,
Да вскрикнулъ онъ шугу.
Чул.[3] 167.

70) Скажи мнѣ, соловейко, правду,
Гдѣ я свою миленьку знайду.
Чул.[3] 180.

71) Пародила чечоточка,
Семерыхъ дѣтей.
Чул.[3] 188.

72) Челомъ бью, попове Любляне,
И вамъ, мещанки люблянки.
Чул.[2] 192.

М. С.

СМѢСЬ.

Свадебные обряды у малороссовъ Грайворонскаго уѣзда въ 1870-хъ годахъ.

Лѣтъ 35—36 тому назадъ въ слободѣ Новостроевкѣ (Грайворонкѣ) Грайворонскаго уѣзда Курской губерніи малороссійская свадьба была обставлена многими обрядами, строго соблюдавшимися и нынѣ уже значительно исчезнувшими.

Свадьбы здѣсь бывали преимущественно зимою и осенью, и рѣдко—лѣтомъ и весною. Имъ всегда предшествовали: выборы, сватовство, глядины и вѣнчаніе.

Выборы жениховъ и невѣстъ происходили на Покровъ день въ г. Грайворонѣ, на ярмаркѣ. Здѣсь и парубкй, и дивчата держались отдѣльными группами и высматривали другъ друга. Когда же кому-нибудь изъ парубковъ понравилась какая-нибудь дѣвушка, то онъ подходилъ къ ней и предлагалъ ей угощеніе, въ видѣ: медяныкивъ (пряники медовые), орихивъ, насинья (подсолнуховъ) и гарбузцівъ (тыквенныхъ сѣмянъ), говоря при этомъ: „на тоби орихивъ“. На такое предложеніе онъ получалъ въ отвѣтъ или „давай“, или же „та, ну, геть!“

Получивъ отвѣтъ въ такомъ духѣ, какъ послѣдній, парубокъ все же не смущался и принимался уговаривать дѣвушку—„чого ты стыдышься?“ Дѣвушка же, поломавшись еще немного, снисходительно, наконецъ, разрѣшала пристававшему къ ней парубку: „та ну, давай“. Съ этого и начиналось у нея знакомство. Тутъ же, на ярмаркѣ, находились и родители, желавшіе женить сыновей въ этомъ году. Они толкались среди дивчатъ и если какая-нибудь имъ нравилась, то они разспрашивали про нее: „чыя це дивчина?

Къ намѣченнымъ на ярмаркѣ дѣвушкамъ зимою засылали сватовъ.

Сватовство начиналось со 2-го дня Рождества. Роль сватовъ со стороны жениха играли два ближайшіе его родственника, только

не старики и не холостые. Назывались сваты „старостàми". Со старостàми обыкновенно ѣздилъ и самъ молодый [1]).

Подъѣхавъ къ хатѣ, гдѣ находилась присмотрѣнная дѣвушка, старосты̀ оставляли молодого на улицѣ, а сами стучались въ окошко, которыя въ то время были очень небольшія ($^3/_4$ ар. въ одну сторону и $^3/_4$ ар. въ другую) и дѣлились на двѣ половинки, при чемъ нижняя двигалась вверхъ и внизъ и чрезъ нее можно было выглянуть на улицу [2]).

Постучавшись въ окошко, старосты̀ говорили: „съ праздничкомъ васъ, съ семъ днемъ. Пустыть, добры люды, обогриться". Если хозяинъ этой хаты сидѣлъ подъ окномъ, то онъ оборачивался къ женѣ и сообщалъ ей: „це—старостѝ". И когда хозяйка интересовалась узнать, чьи они и откуда, то хозяинъ высовывался въ окошко и спрашивалъ старостѝвъ: „виткиля вы? (откуда?)". Если они хозяину не нравились, то онъ говорилъ имъ: „та, теперь на дворі тѐпло, поняйте (погоняйте) дале, може тамъ васъ пустють". Старосты же упрашивали хозяина: „пустыть, пожалуйста, хоть обогриться, а туды намъ не хочеться їхать, да и шкапа (лошадь) пристала".

И хозяева разрѣшали, наконецъ, старостамъ—„та, идить уже". Получивъ такое разрѣшеніе, старосты оставляли молодого въ саняхъ, а сами шли въ хату и несли съ собою хлѣбъ на рушникѣ, который ставили тамъ на столѣ [3]) послѣ того, какъ снова поздоровались съ хозяевами. Потомъ они обращались къ хозяевамъ и говорили имъ: „мы чули, шо у васъ—дивка. А у насъ—парубокъ. Давайте породнимся". Хозяева же спрашивали старостѝвъ, какая семья молодого, и если потомъ соглашались на сватовство, то говорили послѣднимъ: „та, введить своёго парубка, мы жъ ёго не знаемъ". Молодого вводили въ хату и, когда онъ производилъ хорошее

---

[1]) Женихомъ назывался только знакомый дивчины, ухаживавшій за нею, а сватавшійся назывался молодымъ.

[2]) Нѣкоторые родители, не желавшіе еще отдавать замужъ своихъ дочерей, чтобы избавиться отъ надоѣдливыхъ приставаній „старостивъ", закрывали на это время свои окна соломенными ставнями. Но ихъ часто старосты обрывали, такъ что ставни мало достигали цѣли.

[3]) У каждаго хозяина на столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, всегда лежалъ хлѣбъ съ солью.

впечатлѣніе на хозяевъ, то они посылали за своею дочерью на досвитки [1]).

Дочь хозяевъ, войдя въ хату, здоровалась—„здоровы були". Ей отвѣчали—„здорови". Потомъ дѣвушка, ставъ у порога, отворачивалась отъ гостей. Тамъ же у порога стоялъ и молодый, только по другую сторону. Когда старосты снова заводили съ хозяевами разговоръ, молодый пододвигался къ дѣвушкѣ и толкалъ ее локтемъ въ бокъ. Послѣдняя отталкивала его и сердито говорила при этомъ: „та, геть! Чѓого шпиряешься?" А молодый, обрадованный тѣмъ, что дѣвушка съ нимъ заговорила, начиналъ упрашивать ее: „та ну, буде тоби, давай побалакаемъ". И если дѣвушкѣ онъ нравился, то она разговаривала съ нимъ, а если нѣтъ, то или молчала, или совсѣмъ выходила изъ хаты. За нею слѣдомъ выходила и мать и спрашивала ее: „ну що, дочка", „чи молодый тоби наравиться?" Недовольная дочь отвѣчала на это матери—„хай винъ скажется, я за ѓого не пиду". Тогда мать возвращалась въ хату и говорила старостамъ, что молодый имъ дочкѣ не нравится. Старосты же снова принимались уговаривать хозяевъ, но послѣдніе имъ заявляли, что они еще своей дочки выдавать не будутъ, такъ какъ она—не въ сборѣ еще.

Если же дочь хозяевъ колебалась, молодый же рѣшилъ во что бы то ни стало на ней жениться, а хозяева говорили, что ихъ дочка еще не въ сборѣ, то старосты предлагали имъ тогда: „мы поможимо, за цемъ дило не стане—мы дамо па пидмогу. Коли у васъ грошей мало, мы дамо гришми, коли муки мало, мы и того дамо". Послѣ такихъ предложеній со стороны старостъ, хозяева выходили изъ хаты, чтобы посовѣтоваться, сколько и чего имъ просить на свадьбу, а потомъ, возвратившись обратно, объявляли старостамъ, сколько имъ понадобится грошей, муки и горилки.

Старосты, согласившись на требованія хозяевъ, спрашивали у послѣднихъ: „що жъ, хлибъ перемиыыте?" Тѣ отвѣчали имъ—„перемиными", или „нѣтъ", смотря по рѣшенію ихъ выдавать или не выдавать дочь.

Глядины были слѣдующимъ за сватовствомъ постояннымъ обрядомъ. Именно, если старосты на вопросъ: „що жъ, хлибъ пе-

[1]) На досвиткахъ, въ зимнее время, дивчата проводили и дни. и ночи со своими женихами. Отдававшіе подъ досвитки свое помѣщеніе, обыкновенно, одинокіе старикъ и старуха, назывались—„панъ-отецъ" и „пани-матка".

ременыте?“ получали утвердительный отвѣтъ, то приглашали родителей просватанной дѣвушки пріѣзжать къ молодому на глядины. О днѣ же глядинъ ихъ извѣщали черезъ вѣстового (старосту).

Когда родители просватанной дѣвушки ѣхали на глядины, то по пути они обыкновенно старались разспрашивать о молодомъ и его семьѣ.

По пріѣздѣ ихъ къ родителямъ молодого, тамъ для нихъ устраивался обѣдъ, послѣ котораго ихъ водили осматривать хозяйство. Если хозяйство нравилось отцу и матери молодой, то они приглашали къ себѣ родныхъ молодого пріѣзжать за рушниками.

Когда молодый со своими родителями и со старостами являлись за рушниками къ молодой, то послѣдняя должна была къ ихъ пріѣзду нарядиться въ пару съ шушуномъ [1]). Поздоровавшись съ гостями, молода выходила вмѣстѣ съ молодымъ въ сѣни или во дворъ, и тамъ они разговаривали. Старики же въ это время пили и тоже разговаривали, а потомъ звали молоду перевязывать старостивъ рушниками, вышитыми ею самою. Послѣ этого, молода снова уходила, а оставшіеся въ хатѣ договаривали, кому что надо дарить: кому рушники, кому хустки (платки). Когда же уговоръ относительно подарковъ былъ законченъ, въ хатѣ начиналось пиршество, послѣ котораго всѣ гости разъѣзжались, только одинъ молодый оставался и спалъ вмѣстѣ съ молодой. Съ этого времени и до самаго дня свадьбы молодый каждый вечеръ приходилъ или пріѣзжалъ къ молодой ночевать, но отношенія между ними должны были сохраняться цѣломудренными. И каждый вечеръ для молодого здѣсь готовился ужинъ, состоявшій изъ млин-

---

[1]) Парой называлась кофта и юбка, сшитыя изъ одной матеріи. А шушуномъ наз. кофта, которая спереди состояла изъ небольшой кокетки и пришитыхъ къ ней въ сборку полокъ, а сзади сдѣлана была съ короткой таліей, къ которой внизу пришивалась оборка, шириною въ $1/4$ арш. Внизу, къ полкамъ и оборкѣ пришивалась оборочка. Къ таліи шушуна былъ пришитъ плисовый поясокъ, обшитый сверху пестрымъ, зубчатымъ шнурочкомъ и завязывавшійся спереди. Рукава внизу отдѣлывались той же матеріей, изъ какой сшитъ былъ и шушунъ Она собиралась буфами и вверху заканчивалась зубчиками. Сверху шушуна пришивался большой круглый воротникъ, обшитый оборкой, вырѣзанной зубчиками. Пара съ шушуномъ была: или кубовая, или заграничная (красная). Нарядившись въ пару съ шушуномъ молода повязывала кругомъ свою голову шелковымъ свернутымъ платкомъ, а на шею надѣвала монисты съ лентами назади.

цивъ (блинчиковъ), вареникивъ, локшп (лапши), зātирки (пшеничныхъ мелкихъ клёцокъ, свареныхъ въ кипяткѣ со сопнымъ саломъ или въ молокѣ) и колбасъ.

Вѣнчаніе, слѣдовавшее послѣ „глядинъ“, происходило за недѣлю—за двѣ, или за мѣсяцъ до самой свадьбы и проходило очень незамѣтно. Все обыкновенно заканчивалось только тѣмъ, что молодые, одѣвшись въ лучшія одежды, шли въ церковь и тамъ вѣнчались.

Свадьба же праздновалась послѣ вѣнчанія, очень торжественно и, чаще всего, устраивалась въ воскресенье. Накапунѣ свадьбы молода одѣвалась въ самую лучшую одежду, т. е. въ ту, въ которой она вѣнчалась [1]). Если молода была сирота, то когда она одѣвалась, чтобы идти за дружками (подругами), сестра ея или кто другой пѣли слѣдующую пѣсню:

„Плывы, плывы ты, утиночка, тыхо по води.
Прыбудь, прыбудь, моя неньхо (мать), теперь къ мини.

---

[1]) Одежда молодой состояла: 1) изъ сподныци (юбки) заграничнаго ситца 2) плисовой (манчестеръ) юбки (кофты), разукрашенной разноцвѣтными шнурками и бѣлыми пуговицами; 3) изъ попередника (фартука) синяго ситца, сдѣланнаго съ оборкой, отдѣланнаго внизу плисомъ и шнурками.

На головѣ же у нея былъ шелковый платокъ, повязанный въ видѣ вѣнка, а подъ него поддѣвалась черная бархотка пальца въ 3 шир., сшитая по величинѣ головы и выпущенная изъ подъ платка въ видѣ кантика. Съ правой стороны къ платку прикалывались двѣ квитки (цвѣточки, сдѣланные изъ красной ленточки). На лѣвой же сторонѣ платка помѣщалась гирляндочка бумажныхъ цвѣтовъ, преимущественно, разноцвѣтныхъ. Волосы были заплетены въ одну косу, въ которую вплеталась большая лента. На шею молода надѣвала „добры намиста“ (кораллы), гранаты, дукаты или дукачі, серебряныя цѣпи, называвшіяся „чинками“ или „рирязками“, на которыхъ прикрѣплены были золотыя монеты или просто безъ нихъ. Все это назади заканчивалось массою разноцвѣтныхъ лентъ.

Если свадьба была зимою, то невѣста надѣвала еще теплушку (ватную кофту), а сверху нея—длинный, суконный, темно-синяго цвѣта, халатъ. Онъ былъ сдѣланъ со складками спереди и назади, пришитыми къ кокеткѣ, съ круглымъ воротникомъ, шириною четверти въ 2, на которомъ внизу, шириною въ четверть, нашивалась шелковая матерія, собранная буфами и заканчивавшаяся бахромой. Эта матерія получалась изъ шелковаго платка двухцвѣтной ткани, или, какъ тамъ говорили, „изъ сизаго платка“. Безъ халата ни одна дѣвушка не выходила замужъ. Сверху халата, у таліи, молодая повязывала рушникъ съ вышитыми концами, которые она перебрасывала себѣ черезъ руки.

Порадь (посовѣтуй), порадь, моя ненько, бидни сироти.
Рада бъ я встаты, своему дытяти порадоньку даты,
Насыпано земли на груди мои.
Устоньки мои злипылыся,
Оченьки мои изморщилыся.
Оченьки мои не глянуть тоби,
Устоньки мои не мовлють тоби.
Спусты мене, Боже, зъ неба та й на землю:
Гляну-жъ на свое дитятко,
Чи хороше воно та й узряжено (одѣто),
Чи въ добрый часъ та й посажено.
Узряжено та й якъ панынятко (барышня),
Сыдыть воно, якъ сиротятко".

Когда пѣли эту пѣсню, молодая горько плакала. Если у нея не было отца, то въ пѣснѣ обращались не къ „ненькѣ", а къ „батеньку". Если же у молодой живы были родители, то пѣсенъ не пѣли никакихъ, а просто, мать и отецъ благословляли ее. Когда молодая была уже одѣта, она отправлялась къ своимъ дру̀жкамъ въ сопровожденіи младшей сестры или брата, которые несли за нею сумку съ маленькими „шишками" (обрядовое печенье [1]), для раздачи родителямъ ея подругъ.

Проходя по улицамъ и встрѣчаясь съ прохожими—малыми или большими, молодая очень низко кланялась имъ, стараясь при этомъ не останавливаться (что было довольно трудно сдѣлать, такъ какъ халатъ подворачивался подъ ноги). Переступая порогъ хаты каждой изъ ея подругъ, молодая обращалась къ ихъ родителямъ и говорила: „прохавъ батько, прохала маты и просю я пустыть мени дружку, а це—вамъ шишку", и съ этими словами откладывала имъ на столъ шишку, а сама уходила, не дожидаясь выхода дру̀жки. Послѣдняя одѣвалась, догоняла молоду и съ нею вмѣстѣ входила къ слѣдующей дружкѣ,—и такъ, въ концѣ концовъ, около молодой собиралась большая толпа дру̀жекъ.

Подруги молодой, во время ея путешествія по другимъ дружкамъ, пѣли слѣдующую пѣсню:

„Колѐсомъ, колѐсомъ солнечко въ гору йде,
А наша Ганну̀шка (имя молодой) по дружки йде.
Своему батѐньку день добрый дае, 2

---

[1]) См.: Р. Данковская-Малороссійскія обрядовыя печенья Курской губерніи. („Эти обозр.", 1909, № 1, стр. 21 и слѣд).

И своей матенькѣ сей день на весь день,
Та й до вечера".

Если же молодая, путешествуя со своими дружками, встрѣчалась съ молодымъ, то ея дружки пѣли;

„Ой городъ, городъ, Лебедй!
Туды iхавъ Иванько (имя) молодый;
На ёму кафтанъ голубый,
Шапочка боброва,
Съ боку хусточка шелкова".

Молода же и молодый въ это время низко кланялись другъ другу и расходились. Обойдя своихъ подругъ, молода отправлялась вмѣстѣ съ ними къ родителямъ молодого, у которыхъ просила себѣ дружку, если она тамъ была, и совѣта—у кого ей еще можно попросить дружекъ. Получивъ отъ нихъ указаніе, молодая съ дружками ходила и приглашала другихъ дружекъ. И въ продолженіе этого хожденія дружками исполнялась та же пѣсня, что и въ первомъ. Когда же, наконецъ, всѣ дружки были собраны, молода вела ихъ къ себѣ въ хату и угощала ужиномъ. Потомъ, молода раздавала дружкамъ маленькія „шишки", а послѣ этого уже дружки пѣли ту пѣсню, которую исполняли при 1-мъ путешествіи, только вмѣсто словъ „по дружки йде", пѣли „съ подружѣчками йде". Въ то время, какъ молода собирала своихъ дружекъ, молодый также приглашалъ своихъ „бояръ" (товарищей), за которыми заѣзжалъ онъ на тройкѣ лошадей, разукрашенныхъ лентами. Когда всѣ „бояре" были приглашены, молодый везъ ихъ къ себѣ и такъ же, какъ и молода—дружекъ, угощалъ ихъ ужиномъ.

Что же касается одежды молодого въ это время, то она должна была быть самой лучшей[1]).

Въ день свадьбы молода надѣвала тотъ же уборъ, что и наканунѣ, и отправлялась къ старшей дружкѣ, гдѣ проводила весь этотъ день. Отъ нея молода отправлялась вмѣстѣ съ нею же къ другимъ дружкамъ, съ которыми возвращалась обратно и тутъ у

[1]) Его костюмъ состоялъ: 1) изъ бѣлой полотняной рубахи съ высокимъ ($1/4$ ар.) воротникомъ, обвязаннымъ кругомъ, въ видѣ галстуха, красной хустиной; 2) изъ плисовой жилетки и 3) изъ нанковыхъ (сѣрой бумажной матеріи) шароваръ, а у богатаго изъ демикотоновыхъ (изъ темно-синей бумаж. мат.). Потомъ, на немъ была еще нанковая чинарка—въ видѣ полушубка. Затѣмъ—полушубокъ и красный поясъ сверху.

нихъ начинался пиръ. Сюда къ нимъ молодый присылалъ скрипачей, которые услаждали ихъ своей игрой, а они сами „скакалы“ (танцовали). Подобный же пиръ происходилъ и у молодого съ его боярами, устраивавшійся у его старшаго боярина, называемаго дружкò.

Родители же обѣихъ сторонъ въ этихъ весельяхъ не принимали ровно никакого участія, а готовились къ встрѣчѣ и проводамъ молодыхъ.

Часа въ 3 дня молодый отправлялся къ родителямъ молодой. Его сопровождали: бояре, дружкò, пиддружье [1]), свашка, везшая большую „шишку“ и сумку маленькихъ „шишòкъ“ и „свитылка“, державшая въ рукахъ „мечь“ (букетъ), при чемъ двѣ послѣднія и дружкò и пиддружье ѣхали впередъ, а молодый съ боярами на нѣсколькихъ тройкахъ заѣзжалъ къ церкви. Здѣсь они вставали съ лошадей и шли на паперть, гдѣ молодый дѣлалъ три земныхъ поклона и прикладывался къ замку, висѣвшему на церковныхъ дверяхъ. А дружкò, пиддружье, свашка и свитылка тѣмъ временемъ въѣзжали во дворъ къ родителямъ молодой, гдѣ къ ихъ пріѣзду, у порога хаты, выставленъ былъ столъ, на которомъ стоялъ кувшинъ съ бурачнымъ квасомъ и „шишка“ (маленькая) сверху него, и лежалъ хлѣбъ съ кусочкомъ соли.

Навстрѣчу пріѣхавшимъ изъ хаты выходили родители молодой: мать—съ порѣзанными пирогами на оловянной тарелкѣ, а отецъ—съ бутылкой водки въ одной рукѣ и 2-мя чарками на оловянной тарелкѣ въ другой.

Пріѣхавшіе кланялись хозяевамъ и говорили: „здоровеньки булы. Съ сымъ днемъ васъ“, на что послѣдніе имъ тоже кланялись и отвѣчали:—„Здоровы булы, мылосты просымо“. И при этомъ хозяева угощали гостей водкой и пирогами. А послѣ угощенія, изъ хаты выходилъ какой-нибудь родственникъ молодой и перевязывалъ черезъ плечо дружка́ и свашку тонкими, съ расшитыми концами, рушниками (черезъ другое плечо они оба были перевязаны уже молодымъ). Свитылкѣ же, по договору, давали хустку (платокъ) [2]).

Послѣ этого дружкý давали красную хустку, а у богатыхъ—расшитый рушникъ, которымъ онъ накрывалъ кувшинъ съ бурачнымъ

---

[1]) Дружко и пиддружье должны были быть женатыми людьми.

[2]) Пиддружье получалъ рушники отъ молодыхъ на другой день свадьбы.

квасомъ, а сверху послѣдняго ставилъ маленькую „шишку“ и все это несъ торжественно къ старшей дружкѣ. Вмѣстѣ съ нимъ шелъ и пидружье. Послѣ ихъ ухода, родители молодой, вводили въ хату свашку и свитылку, и здѣсь свашка заводила свитылку въ покуть (святой уголъ), гдѣ [illegible]лѣдняя и сидѣла въ продолженіе всего пребыванія здѣсь молодыхъ. Дружко же и пидружье, пришедши къ старшей дружкѣ, встрѣчались тамъ ея родителями, которые угощали ихъ. А послѣ угощенія дружко и пидружье входили въ хату, гдѣ находилась молода со своими дружками, и первый говорилъ: „добрый день! Пора молодой до дому йты“. П. передавъ послѣ этого пидружью кувшинъ и „шишку“, снималъ съ себя одинъ рушникъ, заходилъ за столъ, гдѣ сидѣла молода, набрасывалъ его на нее и выводилъ изъ-за стола. Тутъ онъ бралъ обратно кувшинъ и „шишку“ и вмѣстѣ съ пидружьемъ выходилъ изъ хаты. За ними выходила молода со старшей дружкой, а за послѣдними— и дружки.

Войдя во дворъ родителей молодой, дружко ставилъ на столъ взятый имъ кувшинъ съ „шишкою“ и обходилъ кругомъ этотъ столъ. То же дѣлала за нимъ и молода. Потомъ оба входили въ сѣни, гдѣ дружкò снова набрасывалъ на молоду свой рушникъ и спрашивалъ, черезъ закрытыя двери хаты, у сидѣвшихъ тамъ: „благословить, добры люды, молоду княгиню въ хату ввесты“ Ему оттуда отвѣчали на это: „Богъ благословляе и мы благословляемъ“.

Молодая, вошедши въ хату, кланялась всѣмъ присутствовавшимъ въ хатѣ по очереди [1]). На поклоны молодой всѣ отвѣчали: „Богъ простыть, и мы благословляемъ“. Когда церемонія съ поклонами была окончена, дружкò опять набрасывалъ на молоду рушникъ и заводилъ ее за столъ.

А на улицѣ въ то же время, предъ воротами, происходила другая церемонія, но уже съ молодымъ.

Сейчасъ же, какъ только дружко ввелъ молоду во дворъ, ворота и калитка затворялись, и на улицѣ у воротъ ставили часовыхъ— двухъ мальчиковъ (ближайшихъ родственниковъ молодой), съ кійками (дубинками) въ рукахъ.

[1]) Всѣ, кто былъ въ это время въ хатѣ, сидѣли вмѣстѣ предъ столомъ на одной лавкѣ (ослонѣ).

Когда молодый подъѣзжалъ съ боярами къ воротамъ и говорилъ часовымъ: „пустыть переночевать", то послѣдніе отвѣчали ему: „кого мы пустымъ? Вы—злые люды". А молодый принимался имъ объяснять, что они—не злые люди, а добрые, и уговаривалъ пустить ихъ, но часовые, вмѣсто согласія, ударяли сразу кійками по оглоблямъ лошадей молодого, и послѣднія быстро увозили молодого и бояръ отъ воротъ.

Мальчики же, что было духу, кричали имъ вслѣдъ: „паньчохи (чулки), или „шапку", или „грошей", смотря по договору. Такъ повторялось 3 раза, и наконецъ, когда въ 3-ій разъ молодый подъѣзжалъ къ воротамъ и давалъ мальчикамъ просимое, да еще и пряники, и подсолнухи, то его впускали во дворъ.

Во дворѣ и въ хатѣ молодого встрѣчали точно такъ же, какъ передъ тѣмъ только—молодую, въ концѣ концовъ, дружкѐ заводилъ молодого за столъ [1]), и сажалъ рядомъ съ молодой. Молодой старался сѣсть на халатъ молодой, чтобы ее не утащили отъ него дружки, когда подойдутъ потомъ прощаться съ нею.

Какъ только молодый вошелъ въ хату, свашка зажигала восковую свѣчу и потомъ ею зажигала тройчатку (3 свѣчи) въ „мечѣ" свитылки [2]).

Послѣ того, какъ молодого посадили рядомъ съ молодой, сестра послѣдней подходила къ ней и откалывала отъ ея головного убора одну изъ двухъ квитокъ, и потомъ прикалывала ее на шапку молодого, а сама при этомъ припѣвала:

„Ой зять хорошій,
Готовь кòпу грòшей,
Копòю не одбудешь.
Хиба мени жупанъ купышь (родъ кофты),
Зеленую та запасочку (фартукъ),
Шелкòву подпоясочку"
„Зять на мене та не дывытся,
Винъ на мене сопротывытся.
Винъ косо поглядае,
Винъ мене нишкомъ (про себя, секретно) лае".

---

1) На столѣ, пе[illegible] молодыми, лежалъ хлѣбъ съ солью и 2 больш. шишки: молодой и молодого.

2) Эти свѣчи горѣли все время, пока не выѣзжали со двора. А тогда онѣ уже сами потухали отъ движенія воздуха. (Ихъ зажигали и раньше, когда молодый выѣзжалъ изъ своего двора, но онѣ потухали по дорогѣ).

И молодый долженъ былъ давать ей денегъ. Когда же онъ давалъ денегъ мало, то сестра молодой насмѣшливо напѣвала:

„Казалы люды—зять богачъ,
Казалы люды—грошей мiхъ (мѣшокъ).
Дав мени полушку якъ на смiхъ.
Три дни на тому молотывъ,
Одну полушку заробывъ,
Та й ту за винокъ заплатывъ“.

Въ то время, когда сестра молодой прикалывала квитку на шапку молодого, свашка съ маленькими шишками и дружкò съ водкой обходили всѣхъ, начиная съ родителей молодой и кончая дружками, и угощали ихъ.

Если шишекъ не хватало на всѣхъ дружекъ, то послѣднія, подсмѣиваясь надъ свашкою, пѣли:

„Свашка недопашка,
Шишòкъ не злѣпыла,
Дружòкъ не дарыла.
Одну злѣпыла зъ зеленаго сина,
Та й ту сама зъѣла“.

Посмѣиваясь надъ свашкою, дружки начинали высмѣивать и свитылку, сидѣвшую въ „покути“, въ особой, сочиненной на такой случай пѣснѣ:

„Свитылка—шопилька при стiни,
На iй сорочка не iи.
Пришла сусидка, торкне (толкаетъ),
Сыме мою сорочку, смерне“.

Разобиженная такими насмѣшками, свитылка отвѣчала дружкамъ: „Брешете, дружѐчки, я ранѐнько вставала, сибѣ сорочку напряла“. Потомъ, когда свашка, покончивъ со своимъ угощеніемъ, садилась за столъ, дружки приставали къ ней и просили ее спѣть:

„Свашечка, сыва голубòчка, спiй писеньку хочь одну, да висильную. Развесели нашу бесiдоньку въ симъ дому“. На это свашка говорила имъ: „Дружѐчьки, сивы голубòчьки, дорога далека, а свашка старѐнька, свитылка малѐнька, которы умилы, вси перепилы, спивайте сами“, и на этомъ приставанія дружекъ къ свашкѣ заканчивались.

Вслѣдъ за этимъ дружкò приступалъ къ дѣлежу свадебнаго „короваяˮ между дрỳжками и выдерживалъ со стороны послѣднихъ цѣлый рядъ насмѣшекъ и толчковъ.

По окончаніи же дѣлежа, дружкò говорилъ дрỳжкамъ: „Ну, дружечкі, вамъ робыты тутъ ничого. Молода теперь не ваша, а наша. Прощайтеся теперь уже зъ еюˮ. И дружки подходили къ молодой, цѣловали ее и при этомъ старались утащить ее отъ молодого, что, въ большинствѣ случаевъ, и удавалось имъ. Молодỳ дружки выталкивали изъ хаты въ прибокъ (чуланъ), или въ другую хату, запирали ее, а сами становились у двери и предлагали молодому выкупить ее за карбованецъ или за 2 (1—2 руб.).

Молодый, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, давалъ дружкамъ просимый ими выкупъ и за это получалъ молодỳ.

Когда выкупъ молодой состоялся, молодые свашку, свитылку, дружкá и пиддружье угощали ужиномъ, во время котораго на сани, запряженныя тройкой лошадей, выносили скрыню (сундукъ) молодой. На скрыню сверху накладывали подушки, верхнюю одежду, широкія разостланныя рядна и сверху всего—хозяйственное рядно [1]). Все это было приданое молодой.

Послѣ ужина всѣ вставали изъ-за стола, и молода, если дѣло было зимою, снимала съ себя халатъ и надѣвала кожухъ (дубленый или крытый сукномъ). Отецъ и мать молодой становились посреди хаты: первый съ иконою, а вторая съ хлѣбомъ, а передъ ними постилали овчинный кожухъ, на который становились на колѣни молодые для полученія родительскаго благословенія. Сначала молодыхъ благословлялъ отецъ, и они цѣловались съ нимъ, а потомъ отецъ передавалъ икону матери, самъ же бралъ у нея хлѣбъ, и мать, въ свою очередь, благословляла молодыхъ и цѣловалась съ ними. Послѣ прощанія всѣ выходили во дворъ, и здѣсь молода, взойдя на сани, крестилась и кланялась на 4 стороны, а потомъ садилась и принимала икону отъ матери. Противъ молодой садилась свитылка съ „мечомъ„, а возлѣ послѣдней—свашка, съ „шишкою„ молодой. Молодый же въ это время обходилъ сани и лошадей 3 раза и каждый разъ, поровнявшись съ молодой, ударялъ ногайкою: или въ сторону (если женился по любви), или по спинѣ молодой (если его насильно женили).

---

[1]) Хозяйственное рядно—большое рядно, на которомъ просѣвался хлѣбъ и сушилось зерно.

Молода же, и во время своего пребыванія въ хатѣ родителей, и при выѣздѣ со двора ихъ, проливала все время горькія слезы.

Когда молодый садился въ сани, чтобы ѣхать, мать молодой брала полою своего кожуха или свитки поводъ лошадей и выводила ихъ такимъ способомъ за ворота, а тамъ уже оставляла ихъ, и молодые уѣзжали къ родителямъ молодого. Здѣсь къ ихъ пріѣзду выставлевъ былъ передъ порогомъ хаты столъ съ кувшиномъ бурачнаго кваса и хлѣбъ съ солью, а сами родители встрѣчали молодыхъ съ иконою и хлѣбомъ съ солью въ рукахъ.

Въ хатѣ дружко заводилъ молодыхъ за столъ, и тутъ имъ предлагали ужинъ. Послѣ ужина дружко и свашка вели молодыхъ спать въ комору (амбаръ), или прибокъ (кладовая), или въ другую хату. Тутъ дружко раздѣвалъ молодого, а свашка—молоду и надѣвали на нихъ чистое бѣлье, а ихъ одежды забирали и уходили сами.

Потомъ, немного спустя (черезъ полчаса) дружко и свашка приходили къ молодымъ со свѣтомъ, приносили имъ прежнія одежды, а только что надѣтое на нихъ чистое бѣлье снимали и свашка разстилала на вікѣ (крышкѣ дежи) рубашку молодой, а потомъ несла ее въ сопровожденіи дружка, въ хату, гдѣ всѣ ждали этого момента и пока не начинали пира.

Если молода оказывалась честной, то начиналось торжество и всѣ пѣли: „честного батеньки, честной матеньки честная дытына“. А дружко и свашка вводили молодыхъ въ хату и сажали ихъ за столъ.

Послѣ этого свашка снимала съ молодой ея головной уборъ, расчесывала ей волосы, которые заворачивала наверху, и надѣвала ей на голову очипокъ изъ золотой парчи [1]). Потомъ, свашка обворачивала голову молодой тѣмъ платкомъ, который былъ на ней еще до свадьбы и къ правому боку головы прикалывала квитку (если молода оказалась честной, а въ противномъ случаѣ квитка не прикалывалась). Затѣмъ уже начиналось пиршество, всѣ участники котораго были съ приколотыми красными ленточками на очипкахъ и шапкахъ.

А тѣмъ временемъ дружко бралъ дрюкъ (шестъ), какой повыше, навязывалъ на него красный платокъ [2]) и съ этимъ флагомъ, и

[1]) Очипокъ подавали свашкѣ женщины на хлѣбной лопатѣ.

[2]) Его получалъ дружко послѣ церемоніи надѣванія очипка на голову молодой. Такой же платокъ получала и свашка, которымъ она или перевязывала себя черезъ плечо, или покрывала себѣ голову.

вмѣстѣ со свашкой, державшей на головѣ вико съ рубашкою молодой, сопровождаемый еще пиддружьемъ и нѣсколькими бабами, отправлялся къ родителямъ молодой.

„Вѣстовые“ (такъ назыв. эта компанія) ѣхали стоя на саняхъ и во весь голосъ пѣли: „честного батѐньки, честной матѐньки честная дытына“.

Родители молодой, а особенно ея мать, съ нетерпѣніемъ и со страхомъ ждали этихъ вѣстовыхъ. Когда вѣстовые пріѣзжали къ нимъ, то входили со своими вещами въ хату, гдѣ ихъ угощали водкой, послѣ чего рубашку молодой съ викомъ оставляли у матери (если она была жива, а въ противномъ случаѣ забирали ее назадъ), и вся компанія уѣзжала обратно.

Если же молода оказалась нечестной, то ее, прежде всего, билъ мужъ, а потомъ вели ее во дворъ на „сметья“ (соръ) и тамъ надѣвали ей очипокъ. Затѣмъ, введя ее въ хату, не сажали ее за столъ, какъ молодого, и давали ей стаканъ съ разбитымъ дномъ, въ который наливали водку и просили ее пить, а сами при этомъ приговаривали: „чарка давно пробыта“. Молода плакала и просила у всѣхъ прощенья, и обыкновенно ее прощали, а потомъ уже приступали къ пиру. Свашка же и дружкò съ другими вѣстовыми ѣхали къ ея родителямъ безо всего и громко пѣли:

„Симъ дрюкивъ звязалы,
та й дна не досталы“....

А по пріѣздѣ къ отцу и матери молодой, вѣстовые издѣвались надъ ними такимъ образомъ: на отца надѣвали старый хомутъ, а на мать—букъ или „жлукто“ (въ которомъ золятъ бѣлье). Хату же ихъ всю снаружи облупливали. Если отецъ молодого былъ хорошій человѣкъ, то онъ, когда молода и оказывалась нечестной, объявлялъ дружкỳ: „молода щобъ була чесна“, и никакихъ уже издѣвательствъ надъ нею не допускалъ.

Что касается свадебнаго пира, то онъ продолжался и на другой день. Обыкновенно, въ этотъ день съ утра у родителей молодого собирались тѣ же гости, которые пировали и наканунѣ. Здѣсь ихъ угощали водкою, кусочками „большой шишки“ и „лежня“ [1]), дарили имъ рушники и хустки (платки), а потомъ всѣ ѣхали отсюда къ родителямъ молодой.

---

[1]) См. „Этн. Обозр“. 1909 г. № 1, стр. 21. и слѣд.

У послѣднихъ въ это время происходило свое пиршество и отдариванiе гостей. Когда сюда прiѣзжали молодые со своей компанiей, то мать и отецъ молодой дарили родныхъ молодого, а потомъ оба молодые дарили всѣхъ своихъ знакомыхъ, за что тѣ, въ свою очередь, преподносили имъ „отдарки", въ видѣ: денегъ, хлѣба, поросятъ и овецъ. А затѣмъ ужъ начиналось гулянье.

Всѣ пировавшiе брали мать и отца молодой, заворачивали ихъ въ рядна и несли, или везли ихъ въ кабакъ, а зять долженъ былъ за ведро водки выкупить ихъ.

Послѣ выкупа всѣ возвращались въ хату, и здѣсь подъ музыку устраивалась пляска, которая продолжалась до вечера.

Если молодые были богатые, то пиршество продолжалось и на 3-iй день, а если нѣтъ, то заканчивалось и на второй день, и всѣ разъѣзжались по дворамъ.

Р. С. Данковская.

Закавказскіе духоборы[1]).

Какъ извѣстно, начало духоборчества относится ко второй половинѣ XVIII столѣтiя, когда была высказана легшая въ основу секты мысль, что въ душѣ человѣка обитаетъ Самъ Богъ, Который и вразумляетъ Своимъ внутреннимъ духовнымъ словомъ. Личность новаго проповѣдника не установлена. Его считаютъ то

---

[1]) Въ „Этн. Обозр"., кн. XXVI, стр. 173, помѣщенъ краткiй отчетъ о поѣздкѣ А. С. Хаханова къ духоборамъ Тифлисской губ. лѣтомъ 1895 года. Тогда помѣщенiе матерiаловъ А. С. Хаханова въ нашемъ журналѣ было несвоевременно. Правда, наша редакцiя и раньше въ научномъ отношенiи интересовалась этой рацiоналистической сектой, и еще въ 1891 г., въ книгѣ VIII, помѣстила рецензiю на очеркъ А. Лебедева — „Духоборцы въ Слободской Украйнѣ". Кромѣ того, на страницахъ „Этн. Обозрѣнiя" и потомъ не разъ проводилась мысль о необходимости научнаго, и именно этнографическаго, изученiя русскаго сектантства и старообрядчества.

Въ настоящее время замѣтки А. С. Хаханова, далеко не претендующiя на полноту, цѣнны, какъ матерiалъ, записанный опытнымъ этнографомъ, на мѣстѣ и въ то, недавнее (1895 г.), но уже для духоборовъ отошедшее въ область преданiй время, когда они еще не переселялись въ Новый Свѣтъ.

О духоборахъ же, при посредствѣ Императорской Академiи Наукъ, въ настоящее время печатаются и матерiалы, собранные г. В. Бончъ-Бруевичемъ.

Ред.

польскимъ евреемъ, то протестантомъ, то квакеромъ. Дѣлу систематизаціи отрывочныхъ духоборческихъ идей впервые далъ ходъ крестьянинъ с. Никольскаго, Екатеринославской губ., Силуанъ Колесниковъ (1750—1755)...

Духоборы въ 1841 году прошлаго столѣтія были сосланы изъ Таврической, Воронежской и др. губерній на поселеніе въ Закавказье—Елисаветпольскую и Тифлисскую губ. Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлисской губ. духоборы образовали 8 селеній, составлявшихъ до послѣдняго времени самостоятельное въ административномъ отношеніи сельское общество. Въ эту обособленную административную единицу вошли, по мѣрѣ ихъ заселенія, слѣд. деревни: Богдановка, Орловка, Спасское, Горѣловка, Ефремовка, Троицкое, Родіоновка и Тамковка, предѣльные пункты между которыми отстоятъ на разстояніи 30 верстъ. Непривѣтливо Ахалкалакское плоскогорье, куда явились „изъ обѣтованной земли" духоборы. Степь съ низкорослой травой, на высотѣ 7000 футовъ, окаймленная на горизонтѣ горами. Ни лѣса, ни рощицы. Много горныхъ озеръ и рѣчекъ. Пять мѣсяцевъ зимы съ сѣверными метелями, заносящими человѣческія жилища; холодная суровая весна; лѣто съ полуденнымъ зноемъ и ночными заморозками, въ іюнѣ не приходится разставаться съ зимнимъ платьемъ; топить комнаты и варить пищу посредствомъ кизяка. Непривѣтливо встрѣтила духоборовъ не только природа, но и туземцы, которые ихъ чуждались, какъ прокаженныхъ, смотрѣли на нихъ, какъ на преступниковъ. Духоборамъ предстояла тяжелая борьба за существованіе, и изъ этой борьбы, приспособившись къ обстановкѣ, сломивъ недовѣріе туземцевъ, они вышли побѣдителями. Стойкость въ борьбѣ съ невзгодами и любовь къ труду выработались не только условіями жизни, но составляютъ религіозную основу ихъ ученія. „Работа,— говорятъ духоборы,—тѣлу очищеніе, а душѣ на поможеніе". Изолированное положеніе научило ихъ всѣмъ ремесламъ[1]. „Все мы сами умѣемъ дѣлать, хвалятся они, на базаръ поѣдешь только за иглой". Въ 1892 году, когда мнѣ пришлось быть впервые среди духоборовъ (ахалкалакскаго уѣзда. Тифлис. губ.), меня поразило ихъ благосостояніе: привѣтливыя, выбѣленныя избы, чистые и просторные дворы, обиліе скота и сытый видъ населенія. Благо-

[1]) Замѣтки о духоборахъ были мною написаны 15 лѣтъ тому назадъ по свѣжимъ впечатлѣніямъ, по выселеніи ихъ изъ ахалкалакскаго уѣзда.

даря тому, что между духоборами развита взаимная помощь, въ ихъ слободѣ можно встрѣтить разоренныхъ хозяевъ не болѣе двухъ —трехъ. При этомъ нужно замѣтить, что личныя ихъ отношенія между собою отличаются замѣчательною чистотою и безкорыстіемъ: духоборъ съ духобора не беретъ % за одолженныя деньги; бѣдняку состоятельный сосѣдъ вспашетъ поле, дастъ топлива на зиму или приметъ къ себѣ въ товарищи при пахавіи земли. Такъ какъ для вспашки полей не всѣ обладають необходимымъ количествомъ рабочей силы, отъ 5 до 6 паръ лошадей при четырехъ работникахъ, то приходится организовывать товарищества, при чемъ подобные союзы заключаются преимущественно между бѣднымъ и богатымъ. Бѣдняку, не имѣющему ни скота, ни плуга, вспахиваетъ сосѣдъ, принявшій его въ товарищи, все то пространство, который первый желалъ бы засѣять, не требуя себѣ особой доли за орудіе. Помимо единичныхъ поддержекъ, оказываемыхъ богатыми бѣднымъ, духоборы имѣли для общественныхъ нуждъ общія средства, собранныя добровольными приношеніями то въ видѣ денежныхъ суммъ, то въ натурѣ—сѣномъ, зерномъ, скотомъ и хозяйственными продуктами.

Помощью духоборовъ пользовались и туземцы, которымъ отдавали деньги безъ расписокъ и процентовъ, но когда тѣ стали злоупотреблять ихъ добродушіемъ, то они научились брать проценты, не болѣе, впрочемъ, 5—10%. Духоборы отличались несравненно большею зажиточностью, чѣмъ окрестное населеніе. Самый бѣдный изъ нихъ имѣлъ тройку лошадей, нѣсколько коровъ и овецъ. Одинаково одѣтые, добрые и веселые, они казались членами одной большой семьи, расселившейся по отдѣльнымъ дворамъ. Богатство свое духоборы нажили своей энергіей, а не потомъ своихъ ближнихъ. Богачъ и бѣднякъ равны на сходкахъ, при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ; первый не возбуждалъ высокомѣрнымъ отношеніемъ въ душѣ бѣдняка злой зависти, между ними нѣтъ той общественной пропасти, которая характерна для быта остального населенія. Быть можетъ, этимъ объясняется отсутствіе среди духоборовъ преступленій противъ собственности. Несмотря, однако, на такія отношенія между духоборами, ихъ нельзя не признать индивидуалистами. Семейные раздѣлы у нихъ весьма часты: духоборъ не любитъ жить въ большой семьѣ, гдѣ его личное усердіе и личный трудъ расплываются въ общей хозяйственной дѣятель-

ности всей семьи. У нихъ еще иногда можно встрѣтить семью въ 20 душъ, а въ 30 уже составляетъ рѣдкое исключеніе.

У духоборовъ всѣ считаются равными по своему религіозному и общественному положенію. Между ними нѣтъ разногласія ни въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, ни во взглядахъ на жизнь. Крайне смышленые въ дѣлѣ хозяйственномъ, до послѣдняго времени они отличались неподвижностью въ отношеніи религіознаго прогресса. На всѣ религіозные вопросы у нихъ готовы отвѣты, идущіе отъ дѣдовъ. Основной принципъ ихъ вѣрованій—поклоненіе Богу „духомъ, просвѣщаемымъ словомъ Божьимъ". Они отрицаютъ священство, иконы и всѣ религіозные обряды. Признаютъ Троицу и Страшный судъ. Церкви они замѣняютъ молитвенными домами, въ которыхъ собираются для чтенія и пѣнія псалмовъ собственнаго сочиненія. Съ дѣтства духоборы обучаются молитвамъ и правиламъ вѣроученія. Сложивъ руки на груди и снявъ шапку, какъ принято у старшихъ, мальчикъ пяти лѣтъ прочиталъ мнѣ одинъ изъ трогательныхъ псалмовъ. Во время общаго моленія, каждый духоборъ произноситъ новую молитву, если „Господь его вразумилъ", но, при незнаніи новой, онъ обязанъ прочитать по крайней мѣрѣ одну изъ прослушанныхъ уже молитвъ. Кромѣ правильныхъ по воскресеньямъ періодическихъ собраній, духоборы устраивали душеспасительныя бесѣды, на которыхъ одинаково всѣ пользуются правомъ импровизировать проповѣдь. По окончаніи чтенія и пѣнія псалмовъ духоборы кланяются другъ другу и цѣлуются мужчины съ мужчинами, а женщины съ женщинами. Дѣти кланяются взрослымъ въ ноги и цѣлуютъ у нихъ руки. Допускается изустная передача основъ евангельскаго ученія, а не чтеніе самаго текста. Быть можетъ, это обстоятельство обусловливается почти полнымъ отсутствіемъ грамотныхъ среди духоборовъ. Ни въ одномъ изъ духоборческихъ селеній не было школъ, которая, по ихъ словамъ, призвана только вводить соблазнъ: ослабляетъ любовь къ труду и развиваетъ неповиновеніе старшимъ. Семь духоборскихъ добродѣтелей формулируются такъ: смиреніе, разумѣніе, воздержаніе, милосердіе, братолюбіе, совѣтъ и любовь. Въ жизни духоборъ крайне ровенъ: онъ не знаетъ ни особенныхъ шумныхъ восторговъ, ни гнетущаго настроенія. Брачные обряды у нихъ весьма несложны: женихъ и невѣста обмѣниваются подарками (онъ даритъ ее рублемъ, а она его платкомъ), затѣмъ цѣлуются, кланяются въ ноги отцу

и матери, и послѣ этого начинается свадебный пиръ. Бракъ иногда сопровождается предварительными переговорами о согласіи брачущихся сторонъ. Черезъ два или три мѣсяца послѣ свадьбы мужъ и жена отправляются къ сельскому старшинѣ, который спрашиваетъ стороны, по согласію ли они поженились, и записываетъ ихъ въ брачную книгу, давъ имъ нѣсколько дружескихъ совѣтовъ относительно предстоящей имъ совмѣстной жизни. Браки между родственниками строго преслѣдуются: родство по женской линіи мѣшаетъ вступленію въ бракъ до седьмого колѣна, а родство по мужской линіи служитъ рѣшительнымъ препятствіемъ браку. Духоборы женятся рано: съ 16 до 20 лѣтняго возраста ввиду хозяйственныхъ соображеній. Браки заключаются по выбору то родителей, то по непосредственному выбору невѣсты парнемъ. Процедура развода также проста и несложна; онъ совершается сельскими судьями. Уважительными причинами развода считается: плохая работа жены не только по лѣности, но и по болѣзни, бездѣтіе, нарушеніе супружеской вѣрности. Незаконныя дѣти и пріемыши пользуются одинаковыми правами наслѣдства, какъ и законныя. При соблазнѣ дѣвушки духоборы обвиняютъ не ее, а мужчину. Дѣти повинуются отцу во всемъ, пока они не станутъ работниками въ домѣ, а послѣ этого подчиненіе ихъ лишь ограниченное. Когда отецъ неразумно ведетъ хозяйство, общество, наоборотъ, предписываетъ отцу подчиниться требованіямъ взрослыхъ дѣтей.

Духоборы не обращаются къ общему суду; ихъ дѣла разбираются сначала стариками, а потомъ сельскими судьями; рѣшаются дѣла посовѣтно; обжалованія рѣшеній этихъ судей не бываетъ. Они наблюдаютъ за поведеніемъ другъ друга и о проступкахъ доносятъ старикамъ; эти доносы не считаются предосудительными. При жалобахъ старики прежде всего склоняютъ стороны къ примиренію. Наказанія примитивны: въ первый и второй разъ внушеніе, въ третій разъ —розги и заключеніе въ холодную. Не подчиняющихся рѣшенію суда духоборы изгоняютъ изъ своей среды. Жена, измѣнившая мужу, будучи пристыжена обществомъ, часто покидала родное Духоборье. Жена имѣетъ долю въ наслѣдствѣ, но меньшую, чѣмъ дѣти; обыкновенно, послѣ дѣлежа, мать остается при одномъ изъ сыновей. Дочери совершенно устранены отъ наслѣдованія: имъ справляютъ свадебный сундукъ и даютъ, при желаніи братьевъ, одну или двѣ коровы.

До послѣдняго времени вино и табакъ не были запретными, но въ послѣднее время они перестали его пить, курить и ѣсть мясо скотины или птицы. Вообще въ жизни духоборовъ произошли важныя перемѣны, отразившіяся на ихъ судьбѣ. Первый періодъ ихъ жизни заключается смертью Лукерьи Васильевны Калмыковой. Эта умная женщина, бывшая главой секты, по смерти своего мужа, умерла 15 декабря, 1886 г., въ 9 часовъ утра. Она пользовалась необкновеннымъ уваженіемъ среди духоборовъ, давшимъ поводъ многимъ думать, что ее обоготворяютъ и сравниваютъ съ Богородицей. Съ благоговѣніемъ сохранили духобры на хуторѣ въ пяти верстахъ отъ Горѣловки всѣ ея вещи: кровать, столы, стулья, разноцвѣтныя полотенца и пр. Недавно между духоборами произошелъ расколъ, приведшій ихъ къ разселенію по разнымъ уѣздамъ.

Исторія этого раскола въ нѣсколькихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ.

Первымъ правителемъ духоборовъ, по переселеніи ихъ въ Ахалкалакскій уѣздъ, былъ Калмыковъ, которому наслѣдовалъ сынъ его Калмыковъ второй, передавшій правленіе общиной, за неимѣніемъ дѣтей, женѣ своей Лукеріи Васильевнѣ. У нея былъ на обученіи Петръ Веригинъ, одинъ изъ будущихъ главарей Духоборья. При Лукеріи Васильевнѣ общественная касса духоборовъ значительно разрослась, и она, умирая, пригласила къ себѣ брата своего Губанова и старшину изъ села Горѣловки Зубкова составить духовное завѣщаніе, по которому сиротскій домъ, деньги при ней и пр. были бы признаны общественнымъ имуществомъ. Зубковъ отклонилъ ее отъ этого желанія, говоря, что она еще долго проживетъ. Когда же „она отдала душу Господу,—царство ей небесное!" — тотъ же Зубковъ посовѣтовалъ Духоборью капиталъ, находившійся у Лукеріи въ сундукѣ, распредѣлить по деревнямъ, чтобы приставъ его не захватилъ, при принятіи охранительныхъ мѣръ. Народъ проситъ Зубкова, какъ человѣка опытнаго—24 года былъ онъ старшиною—принять на храненіе капиталъ Калмыковой. Зубковъ отказывается, а когда приставъ принялъ охранительныя мѣры, то первый созываетъ сходку, по просьбѣ духоборовъ, для составленія приговора о признаніи имущества Калмыковой общественнымъ. Приговоръ подписали всѣ и отдали на храненіе въ мировой судъ.

На второй или третій день послѣ похоронъ Калмыковой сход-

ка избираетъ правителемъ Петра Веригина, обучавшагося у Лукеріи Васильевны, но 10 голосовъ получаетъ сынъ Зубкова, котораго отецъ желалъ сдѣлать главой общины. Такъ какъ громадное большинство высказалось за Веригина, Зубковъ отправился въ Ахалкалаки съ доносомъ на новаго правителя, человѣка будто бы безчестнаго, испорченнаго, выдающаго себя за Христа. Начальство приняло это къ свѣдѣнію. Въ 40 день поминовенія Калмыковой духоборы собрались въ сиротскомъ домѣ, гдѣ имѣли общую трапезу. Послѣ обѣда, по обыкновенію, выразили благодарность земными поклонами вновь избранному хозяину Духоборья—Петру Веригину. Полиція, увѣдомленная заблаговременно Зубковымъ, присутствовала при этой церемоніи, и земные поклоны Веригину послужили подтвержденіемъ въ обвиненіи, что онъ выдаетъ себя за Христа. Веригина увезли въ Ахалкалаки, а оттуда отправили въ село Славянку Елисаветпольской губ. Духоборы тогда выбрали атаманомъ Цыбулкина, которому Зубковъ согласился передать хранившійся у него капиталъ Калмыковой въ присутствіи свидѣтелей—по одному съ каждаго дома.

Предъ назначеннымъ днемъ для передачи общественной суммы Зубковъ доноситъ уѣздному начальнику, что семь селеній духоборовъ собирается разграбить его деревню Горѣловку, и проситъ у него спасенія. Командируется приставъ Мацатудовъ съ сотнею казаковъ.

Во время народнаго шума и криковъ „передай", появляются въ оградѣ сиротскаго дома казаки, и ворота запираются. Зубковъ, переговоривъ въ комнатѣ съ приставомъ, предложилъ сходкѣ разойтись. На другой день приставъ требуетъ 19 депутатовъ и читаетъ протоколъ предыдущаго дня, въ которомъ говорится, что съ цѣлью напасть на Горѣловку, духоборы собрались въ оградѣ сиротскаго дома и въ виду ихъ сопротивленія (?) онъ отправляетъ депутатовъ въ Ахалкалаки. Бунтъ (!) этотъ кончился въ 1887 г. ссылкой въ Сибирь П. Веригина, который былъ обвиненъ въ возбужденіи народа къ волненію, изъ Елисаветпольской губерніи. Зубковъ же собираетъ снова сходку и требуетъ покорности себѣ. Духоборы отказались въ силу того принципа, что всѣ они равны, и снова просятъ его передать имущество Цыбулкину. Не получивъ отъ Зубкова удовлетворенія, духоборы обратились къ высшему начальству, которое предписало назначить судебный разборъ. Въ

первой инстанціи недвижимое имущество признается общественнымъ, а движимое утверждается за родственникомъ Калмыковой, Губановымъ. Въ палатѣ все—недвижимое и движимое—присуждается родственникамъ Лукеріи Васильевны, а сенатъ перенесеніе жалобы оставляетъ безъ послѣдствій. Духоборы тогда впервые возроптали: „ни законовъ, ни суда нѣтъ; онъ то одно говоритъ, то другое, приговоръ силы не имѣетъ, правосудія нѣтъ!". Зубковъ же продолжаетъ навѣты на семь селеній, ставшихъ противъ. Онъ доноситъ, что противники его села Горѣловки хотятъ всѣхъ ихъ перерѣзать. 26 іюня этого (1895) года, наконецъ, является къ нему самъ губернаторъ. Для устраненія повода къ подозрѣнію, что они имѣютъ въ виду на кого-либо напасть, духоборы собираютъ вмѣстѣ оружіе, обливаютъ керосиномъ и сжигаютъ. Когда предъ губернаторомъ уѣздный начальникъ ихъ обвинилъ въ томъ, что они не помогли поймать разбойника Керима, они заявили, что они отказались стрѣлять и убивать кого-нибудь. Губернаторъ 29 іюня потребовалъ къ себѣ духоборовъ въ село Богдановку. Посланнымъ отъ него „чапарамъ" отвѣтили, что имъ нужно кончить общую молитву и по исполненіи долга предъ Богомъ, они готовы подчиниться земной власти. Не желая ждать, губернаторъ посылаетъ сотню казаковъ, которые разгоняютъ духоборовъ. Погнали всѣхъ въ Богдановку, откуда навстрѣчу ѣдетъ губернаторъ. Имъ велятъ снять шапки, и не успѣвшихъ исполнить приказанія, начинаютъ опять бить, мучить. Выведенные изъ терпѣнія, духоборы заявляютъ, что они не признаютъ несправедливости и подаютъ назадъ свидѣтельства новобранцевъ, отказываясь служить, такъ какъ они не находятъ нигдѣ правосудія. Въ заключеніе этой драмы, имъ было велѣно въ теченіе трехъ дней выселиться въ три уѣзда — горійскій, сигнахскій и душетскій. Оставивъ хлѣбъ неубраннымъ, имущество не проданнымъ, дома полными хозяйственныхъ принадлежностей, духоборы въ повозкахъ потянулись съ насиженныхъ мѣстъ. По два дыма въ деревнѣ распредѣлили ихъ въ предѣлахъ названныхъ уѣздовъ. Здѣсь они живутъ подъ открытымъ небомъ, на берегу рѣки, въ тѣни деревьевъ, питаясь хлѣбомъ, огурцами и медомъ. Средства, добытыя по продажѣ коней, истощаются, и неизвѣстно, какъ они будутъ поддерживать свое существованіе при новыхъ условіяхъ жизни. У себя они занимались главнымъ образомъ,

хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, извозомъ, а въ Грузіи они еще не имѣютъ и пяди земли, гдѣ могли бы возвести шалашъ для защиты себѣ отъ дождя, снѣга или палящихъ лучей солнца. Помѣщики ихъ неохотно принимаютъ, такъ какъ въ Грузіи земли мало и не хватаетъ ихъ собственнымъ крестьянамъ. Да и сами духоборы не желаютъ крѣпко засѣсть въ этихъ деревняхъ, будучи увѣрены, что ихъ снова соберутъ и отправятъ на прежнія мѣста. Однако, это едвали осуществится, по крайней мѣрѣ, теперь: даже между собою поселенцамъ двухъ сосѣднихъ деревень сообщаться запрещено безъ особаго на то со стороны начальства разрѣшенія.

Умъ духобора развитъ односторонне: онъ хорошо сознаетъ пользу или вредъ матеріальнаго предмета, но духовно коснѣетъ въ невѣжествѣ. Духоборская секта заключается въ псалмахъ, оставленныхъ основателями секты своимъ послѣдователямъ. Всѣхъ псалмовъ насчитываютъ до 100; хранятся они среди духоборовъ и переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію устно чрезъ посредство старухъ, собирающихъ въ хатѣ дѣтей и вбивающихъ имъ механически, безсознательнымъ повтореніемъ „святыя слова". Содержаніе псалмовъ—разные тексты священнаго писанія (воспрещается употребленіе всякой книги), точнѣе предварительное своеобразное толкованіе текста, за которымъ слѣдуетъ мудрствованіе про все и вся. Цѣль псалмовъ—посредствомъ разныхъ гипербoлъ и патетичныхъ фразъ завладѣть вниманіемъ слушателя и нагнать на него страхъ.

Вотъ образцы молитвъ духоборовъ, записанныхъ мною въ сел. Тамарашени (горійскій у., Тифлис. г.):

Господь, услышь молитву мою! вопль мой къ Тебѣ да пріидетъ; не отврати, Господи, лица своего отъ мене! Яже аще въ день скорблю. Преклони ко мнѣ ухо Свое. Яже аще въ день призову Тебе! Скоро услышь мене, исчезли, яко дни мои; кости мои яко сушилъ еси отсохшимися, извенъ быхъ, яко трава посреди чрева моего. Помилуй мене, Господи, яко скорблю! Душа моя—утроба моя. Исчези болѣзни живота моего. Лѣто мое—воздыханіе мое; вознеможили мене нищета и крѣпость моя. Не оставь мене, Господи, во время страсти моей, когда оскудѣваетъ крѣпость моя!

Призри мене, Господи, и помилуй яко единаго ради! Нищій есмь азъ! Скорби въ сердцѣ моемъ умножились. Отъ бѣдъ моихъ изведи мене, помилуй мене, Господи, лишь смиреніе мое и трудъ мой! Отпусти всѣ грѣхи мои, не предлищи мене со грѣшники, содѣлавшими неправду. Не погуби мене, Господи, лишь смиреніе мое отъ врагъ моихъ. Изведи мене, Господи, отъ вратъ смертныхъ! Яже возвѣщаю хвалу Твою во врата дщери Сіоновой. Услышь, Господи, гласъ моленія моего; скорбяхъ въ печаляхъ моихъ. Не оставь мене, Господи, не отверзи мене, не отрыне мене, Боже Спаситель мой! А мы возрадуемся милости Твоей, яко Ты презрилъ еси насъ и смирилъ еси.

Тебе ради Господи, возлюбилъ врата тѣсны: Тебе ради Господи оставилъ житье-бытье свое; Тебе ради, Господи, оставилъ отца и матерь; Тебе ради, Господи, оставилъ брата и сестру; Тебе ради, Господи, оставилъ весь племень и родъ свой! Тебе ради, Господи, терплю тяготу и поношенія; Тебе ради, Господи, терплю хулы и поношенія! Тебе ради, Господи, хожу алчущій и жаждущій; Тебе ради, Господи, хожу безъ покровища".

Излюбленной темой псалмовъ служитъ *страшный судъ* и второе пришествіе І. Христа. Я привожу со словъ женщины:

„*Страшенъ намъ* день оный—второе пришествіе Христово въ грядущемъ судѣ, братья! Въ трепетное намъ судилище Оный является. Испытуй мене, Страшнѣйшій, когда къ Престолу поставляется, книги розносщутся (?). Тогда же Судья нелицемѣрный станетъ; тьмами безчисленными ангелы служатъ Ему; тогда же въ трубы запоютъ предъ Нимъ вельми ангельскимъ духновеньемъ, тогда же небеса погибнутъ, сожигаемая все разстаетъ; будетъ небо новое и земля новая".

Во время оно взойдехъ Господь на гору Елеонскую съ ученикы своими и рѣчетъ Господь имъ: Азъ отхожду отъ васъ на небо, Адама воздвигну съ собою, неже съ нимъ Господь. Глаголетъ Ему Петръ апостолъ: Господи, повѣдай намъ, когда будетъ кончина вѣка сего и пришествіе Твое на землю. Отвѣщаетъ ему

Господь и рѣчетъ: тогда будетъ кончина вѣка сего и пришествіе Мое на землю, когда будетъ мерзость и запустѣніе веліе въ человѣцѣхъ, непавпеть въ родѣ семъ, другъ другу завидовать начнутъ, а братъ брата возненавидитъ, возстанетъ отецъ на сына и сынъ на отца, навичетъ ножъ свой и скуетъ братъ на брата копье, а ближайшій на ближайшаго уготовитъ стрѣлы, посмѣются работные слободнымъ, а живые мертвымъ позавидуютъ, начнутъ гнушаться и стыдиться родители чадъ своихъ, научители ихъ будутъ неправедные, лицемѣрные, мерзкіе, запойцы, черноризцы, ихъ же будучи злобники, сквернословцы, князья будутъ немилостивы. Восплачутся сироты и вдовицы. Сотворю вамъ небо мѣдное, а землю желѣзную, небо не дастъ росы своей, а земля запустѣетъ. Тако глаголетъ пророкъ Давидъ: сожжу древеса масличныя, поля ваши не сотворятъ еды, аще кто сѣетъ жито въ сто мѣръ соберетъ во едино, будутъ глады въ странахъ вашихъ. Наведу на землю вашу птицъ, и тѣ поѣдятъ остатки плодовъ, людей гладомъ поморю, а женѣ въ оградѣ оружіемъ погибнуть. Тако глаголетъ Господь: пошлю васъ изъ страны вашей, покажу вамъ земли, поставлю отъ моря страшенія велики. Пошлю отъ Чернаго моря страшныхъ звѣрей, главы у нихъ человѣчьи, а власы до земли, и тѣ поѣдятъ скоты ваши и поля ваши. Не узрите скоты ваши, пасущіе на горахъ паростливыхъ, волы ваши ярма свои не понесутъ, дома ваши красныя палаты всѣ запустѣютъ, возрастетъ на нихъ трава, терель и полжецъ, нови родятъ бѣлые (?). Наведу на землю вашу гады, страшныхъ звѣрей; аспиды и скорпію и тѣ поѣдятъ землицу вашу. И еще пошлю на васъ птицы и мухи и тѣ начнутъ ѣсть плоть вашу и пить кровь вашу, идятъ и истерзаютъ землицу вашу. Младенцамъ вашимъ будутъ горькія рыданія. Единому легко будетъ мертвому и нерожденному, погублю рабовъ и будетъ птица перящая по воздуху; звѣрей въ лѣсахъ не будетъ, будетъ вся земля пуста, якожъ вдова, потому что не сотворитъ плода. Древеса ваши и рѣки иасушу окомъ солнечнымъ, болота возгорятся огнемъ, на облацѣхъ державы не будетъ, не обмочится нога ваша отъ росы небесной, за ней же прегрѣшаютъ. Горе слышащимъ! Отъ глада почернѣетъ плоть ваша. Не имѣйте много цѣнной ризы, на путехъ будутъ лежать никомуждо будетъ ихъ имать. Красота ваша дѣвичья ни во что будетъ, ни взыщутъ женка, ни мужъ жены

своей. Возстанутъ дщери супротивъ матери своей, а мать предастъ дщери свои на любодѣяніе. Будутъ знаменія въ солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ! Туго будетъ языку попеченіемъ. Тогда насладится жена—плоть человѣчья. Чада съѣдятъ родителей своихъ, а родители чадъ своихъ, дондеже наполнится земля беззаконіемъ своимъ. Свѣтъ оставили, а тьму возлюбили. Много лѣтъ въ пустотѣ прожили, въ ѣденіи, пьянствѣ, посмѣшеніи, пѣсняхъ бѣсовскихъ. Не есть мѣста, гдѣ будутъ мертвецы, не будетъ погребающихъ плоть вашу, не заступятся люди за своихъ, не люди за царя, не поможетъ отецъ сыну, ни сынъ отцу".

Привожу варіантъ псалма о Страшномъ Судѣ: „*Когда придетъ кончина* вѣку всему, тогда молніи сверкнутъ. Страшные громы грянутъ, громкіе, превосходные всколыхнутся, сатана на престолѣ вострепещется всѣ демоны ужаснутся. Тогда солнце и мѣсяцъ помрачатся, частыя звѣзды на землю спадутъ; съ горъ камни покатятся, горы съ долами сравняются, темные лѣса къ землѣ приклонятся. Тогда мать сыра земля горѣть будетъ; выгоритъ земля, три девять локоть останется земля, яко градъ была. Тогда Михаилъ Архангелъ съ небесъ сойдетъ, престолъ снесетъ, престолъ Христовъ, за престоломъ сядетъ Самъ I. Христосъ, сядетъ за престоломъ своимъ, будетъ судить людей своихъ. По правую сторону станутъ люди праведные, по лѣвую сторону станутъ люди грѣшные".

А. Хахановъ.

Финскіе варіанты къ дуалистической легендѣ о сотвореніи міра.

Слѣды легенды о первой встрѣчѣ двухъ противоположныхъ началъ при сотвореніи міра сохранились въ полной свѣжести по всему сѣверо-востоку Европы, отъ Угорской Руси до Сибири. Легенда записана нѣсколько разъ даже въ Финляндіи, въ формѣ, довольно близкой къ русскимъ варіантамъ, при чемъ мѣсто нахожденія ея, восточная часть страны, указываетъ на то, какими путями она перешла въ репертуаръ сказителей. Дополненіемъ къ

тому, что было напечатано въ послѣднемъ выпускѣ „Э. О.“ (западно-сибирскіе варіанты) [1]), мы переводимъ легенду изъ финскаго фольклористическаго журнала Antero Vipunen (I. 2. стр. 25).

„Прежде чѣмъ появилась земля, стоялъ Богъ на золотомъ столбѣ посреди моря. Когда онъ увидѣлъ въ водѣ свое отраженіе, сказалъ онъ: „Вставай“. Это былъ чортъ. Богъ спросилъ у чорта: „Какъ бы быть землѣ?“ Тотъ отвѣтилъ: „Надо погружаться три раза на дно моря“. Богъ такъ и велѣлъ ему сдѣлать. Чортъ погружался въ воду, но утаилъ земли во рту на третій разъ. Изъ земли Богъ сдѣлалъ землю, мявши ее на ладони. А земля во рту у чорта увеличилась, и у него заболѣли углы рта. Онъ пожаловался и признался Богу, въ чемъ дѣло. Но Богъ вынулъ землю изо рта чорта и бросилъ ее на сѣверъ, гдѣ изъ нея образовались камни и скалы“.

Относительно мѣста нахожденія Бога, столба на морѣ, мы считаемъ умѣстнымъ сравнить эту черту съ многочисленными русскими заговорами, гдѣ дѣйствующее лицо, Богъ или святой, стоитъ на морскомъ столбѣ [2]). Это представленіе, съ своей стороны, восходитъ къ любимому символическому (христіанскому) образу съ моремъ-океаномъ и съ камнемъ алтаремъ-алатыремъ на немъ. Слѣдующій варіантъ легенды уже ничего не знаетъ о немъ:

„Былъ гоголь на морѣ; вмѣсто воздуха былъ только туманъ. Духъ сатана является гоголю: „Для чего ты здѣсь на морѣ?“ Гоголь сказалъ: „Я птица водяная, вѣдь мое мѣсто на морѣ“. — „Но что же ты здѣсь на морѣ, когда нѣтъ земли?“ — „Гдѣ же взять землю, разъ она вовсе не существуетъ!“ — „Земля вѣдь находится на днѣ моря. Разъ ты водяная птица, сходи за землею на дно“. Гоголь погружается на дно моря и несетъ земли въ клювѣ. У него осталось ея мало, такъ какъ вода смыла часть ея. Духъ сатана говоритъ: „Сходи еще разъ, принеси побольше“. Гоголь принесъ еще. „Сходи еще и пріучись носить побольше“. Гоголь сходилъ третій разъ и принесъ еще больше. Они сдѣлали себѣ участокъ земли на морѣ и начали жить тамъ [3]).

[1]) „Этн. Обозр.“, 1909, № 1, стр. 50: Н. А. Городцовъ—Зап.—Сиб. легенды о твореніи міра и борьбѣ духовъ.

[2]) Напр., Харузинъ, Сборникъ свѣдѣній. II, 157.

[3]) Ср. въ Добровольскій, Смоленскій сборникъ I, 229—230 (Сотвореніе міра.)

Очутился духъ Божій среди нихъ. „Откуда у васъ здѣсь земля?“—„Гоголь сходилъ на дно моря“.—Начнемъ вмѣстѣ творить, разъ у васъ найдется земли. „Богъ спрашиваетъ, нѣтъ ли больше земли“. „Не утаено ли гдѣ нибудь земли“. Злой духъ взялъ земли въ ротъ, отдѣляя часть ея для своей земли. Богъ все говоритъ: „Должно быть больше земли, такъ какъ здѣсь она еще не вся“. Злой духъ клянется: „ея больше нѣтъ“. Богъ настаиваетъ на своемъ и говоритъ: „Открывай ротъ“. Тамъ и нашли землю. „Смотри, здѣсь вѣдь есть земля; для чего ты клялся, что ея нѣтъ?“ Тотъ выплевываетъ землю на сѣверъ, гдѣ изъ нея стали расти камни, скалы, горы [1]).

Разсказъ кончается тѣмъ, что сатана терпитъ какое-то повреждевіе отъ камня. и *Христосъ* объясняетъ ему, что это случилось за то, что сатана утаилъ часть земли. Отъ этого грѣха происходитъ множество камней, пней и *всякаю зла*.

Мысль о томъ, что сатана непосредственно является творцомъ всякаго зла на свѣтѣ, отражается еще въ слѣдующей легендѣ, тѣсно связанной съ предыдущими:

Чортъ просилъ земли у Бога, сперва въ величину одной десятины. Тотъ не согласился. Чортъ попросилъ поменьше, въ величину одной копны. Богъ отказалъ ему и въ этомъ. А чортъ все уступалъ въ своей просьбѣ: просилъ земли въ величину лаптя. Богъ сказалъ: „Я тебѣ и ея не дамъ“. Потомъ чортъ просилъ земли въ величину отверстія отъ кола. Богъ согласился: „возьми ее“. Когда чортъ овладѣлъ отверстіемъ, началъ онъ оттуда выпускать комаровъ, мухъ, оводовъ и всякихъ паразитовъ во все отверстіе, такъ что оно отъ пролетѣвшихъ насѣкомыхъ все увеличивалось и чуть—не поглотило всю землю. Богъ захватилъ головню и замкнулъ отверстіе ею. Отъ того и теперь паразиты уничтожаются огнемъ и дымомъ [2]).

Сообщилъ В. Мансикка.

---

[1]) См. тамъ же, стр. 282 („Происхожденіе горъ. трясинъ).
[2]) Финскія народныя сказки I 285.

«Куликъ» и «лѣстничка»—обрядовыя печенья Фатежскаго уѣзда.

Въ Фатежскомъ уѣздѣ Курской губерніи въ каждомъ селѣ какъ зажиточными, такъ и бѣдными крестьянами 9-го марта печется „куликъ“ [1]).

Дѣти отправляются съ этимъ печеньемъ на огороды, гдѣ стоятъ стога соломы, кладутъ на верхушки стоговъ своихъ куликовъ и, глядя на нихъ, пляшутъ и припѣваютъ (печальнымъ напѣвомъ):

Весна, весна,
На чемъ пришла,
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ, на бороночкѣ.
Кулики, жаворонки,
Слетайтесь въ одонки!

Пропѣвъ пѣсню, дѣти схватываютъ каждый своего кулика и убѣгаютъ безъ оглядки. Потомъ возвращаются снова, снова сажаютъ на стога своихъ куликовъ и заклинаютъ ихъ. Дѣти бѣгаютъ и поютъ такъ до поздняго вечера, а затѣмъ отрываютъ головки куликовъ и съѣдаютъ ихъ. Туловище берегутъ до слѣдующаго дня, когда снова происходитъ то же. Наконецъ дѣти съѣдаютъ остатки печенья.—„Кулики“ дѣлаются изъ ржаного тѣста, довольно большихъ размѣровъ, съ широкой и большой головой. На спинѣ у „кулика“ непремѣнно выпекаютъ „жаворонка“—птичку изъ тѣста, гораздо меньшихъ размѣровъ. Шея кулика украшена ожерельемъ изъ порѣзанной бумаги. Дѣти школьники считаютъ, что въ день 9-го марта имъ нельзя идти въ школу учиться, и что они должны заклинать куликовъ.

Въ 40-й день послѣ смерти близкаго лица крестьяне той же дер. Ждановой (приходъ с. Шахово) приносятъ въ церковь кутью, поверхъ которой кладутъ выпеченную *лѣстничку*, имѣющую 3—4 перекладины. Послѣ панихиды лѣстничку ломаютъ на двѣ

---

[1]) Модель этого обрядового печенья поступила въ текущемъ году въ Дашковскій Этнографическій музей отъ Р. С. Дашковской изъ д. Ждановой.

части. Одну изъ нихъ оставляютъ священнику, а другую берутъ себѣ прихожане и съѣдаютъ ее, поминая покойника. Крестьяне объясняютъ, что по этой лѣстницѣ умершіе всходятъ на небо въ 40-й день послѣ кончины [1]).

Сообщила Р. С. Данковская.

Гаданье подъ Новый Годъ въ Козельскомъ уѣздѣ.

(Записано отъ крестьянки Степаниды Ивановны Королевой 54 лѣтъ, изъ деревни Маслово, Козельскаго уѣзда, Калужской губ. лѣтомъ 1909 г.).

Вечеромъ подъ Новый годъ дѣвушки на кочергѣ отправляются за водой, черпаютъ воду въ кувшины, называя имя того, за кого хотятъ выйти замужъ, и приговаривая: „лѣзь въ кувшинъ". Принесутъ воды, нальютъ въ чашку, туда насыплютъ овса, положатъ крестъ, кольца, угольки. Покроютъ чашку. Въ передній уголъ садится веселая баба, преимущественно вдова, водитъ „мизенцемъ" по водѣ и запѣваетъ пѣсню.

Подъ какую пѣсню вынется кольцо, то и сбудется надъ его хозяйкой, о чемъ поется въ пѣснѣ.

1.

За ежою сижу,
Пятернею вожу,
Дива ладо, ладо мое.
Кому вынется, скоро сбудется,
Це минуется.

Эта пѣсня означаетъ: плохое житье.

2.

Сынъ съ отцомъ
Сѣялъ рожь съ овсомъ.
(Тотъ же припѣвъ)

Пѣсня предвѣщаетъ: счастье.

3.

Куда лѣсъ погнулся,
Туда галки полетѣли.
(Тотъ же припѣвъ)

Пѣсня предвѣщаетъ: смерть.

---

[1]) Иногда выпекается и куличъ съ лѣстничкой на спинѣ (вмѣсто жаворонка).

4.

Котъ кисурку
Звалъ спать въ печурку.
(Тотъ же припѣвъ).

Пѣсня: къ свадьбѣ.

5.

На печкѣ сижу,
Заплатки плачу.
(Тотъ же припѣвъ).

Пѣсня предвѣщаетъ: бѣдность.

За рѣкою мужики богатые
Гребутъ деньги лопатами.
(Тотъ же припѣвъ).

Пѣсня означаетъ, что жизнь будетъ богатая.

7.

Матушка, сѣй мучицу,
Становь пироги.
Къ тебѣ будутъ гости,
Ко мнѣ женихи.
Дива ледо, ладо мое.
Кому вынется, скоро сбудется
Не минуется.

Пѣсня предвѣщаетъ: сватовство.—

Эти пѣсни поются по нѣскольку разъ, когда много гадающихъ. Потомъ, когда всѣ кольца вынутся, воду несутъ и выливаютъ на снѣгъ (крестъ вынимается раньше), дѣвушки хватаютъ снѣгъ съ вылитымъ на него овсомъ и угольками, завертываютъ его въ рукавъ рубахи и ложатся спать. Видѣнный въ эту ночь сонъ исполнится въ году.—Къ гаданію вообще относятся отрицательно: „грѣхъ", говорятъ.

Елена Елеонская.

Каменная арба.

(Легенда, записанная въ ахалкалакскомъ уѣздѣ).

Давно это было, никто не помнитъ когда. Невѣрные тогда еще набѣгали на несчастную страну, убивали взрослыхъ, а молодыхъ

уводили въ плѣнъ... Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ изъ одной семьи былъ взятъ мальчикъ и старше его дѣвочка. Они попали въ разныя семьи нашей и не знали ровно ничего о судьбѣ другъ друга. Очевидно, они были хорошими, прилежными и добрыми слугами своихъ повелителей, и ихъ не слишкомъ стѣсняли... Однажды мальчикъ, уже подросшій, остановился у бассейна и сталъ вылавливать изъ него узорчато расшитую туфлю, тогда онъ съ досадой сказалъ одну грузинскую фразу, упомянувъ въ ней о монастырѣ Вардзіа. Тутъ же у колодца стояла и дѣвушка, которая, услышавъ грузинскій говоръ и упоминаніе о монастырѣ Вардзіа, спросила его, грузинъ ли онъ, былъ ли въ Вардзіи и при какихъ условіяхъ онъ попалъ сюда. Юноша отвѣчалъ, что онъ былъ въ Вардзіи, что деревня его была недалеко отъ монастыря, что въ одинъ день пришли въ деревню невѣрные, убили стариковъ и увели его въ плѣнъ съ сестрой. Событіе это отчетливо помнила дѣвушка и сообразила, по возрасту своему и юноши, что они братъ и сестра, взятые въ плѣнъ. Они хотѣли разговориться подробнѣе, но стѣснялись, и тогда дѣвушка предложила юношѣ прійти сюда же ночью съ возможною одеждою, такъ какъ ночью будетъ холодно, а она была намѣрена обсудить свое и его положеніе возможно обстоятельнѣе. Такъ они и сдѣлали. Явились ночью и чтобы не быть замѣченными кѣмъ либо, улеглись на одну тутъ же неподалеку стоящую арбу. Долго они бесѣдовали, припоминая все, что могли, и они окончательно убѣдились, что они тѣ самые сестра и братъ, которыхъ похитили невѣрные въ одинъ изъ своихъ набѣговъ на деревню близъ монастыря Вардзіа. Наработавшись днемъ и наговорившись ночью, они незамѣтно уснули.

Тогда арба, на которой они покоились, стоявшая въ направленіи къ полю, тихонько сама собою двинулась и въ концѣ концовъ очутилась недалеко отъ Вардзіа, на краю огромнаго утеса. Молодые люди проснулись, возблагодарили Бога, что очутились въ своей странѣ, при чемъ дѣвушка съ какимъ-то словомъ обратилась къ арбѣ, и та превратилась моментально въ камень... Былъ праздникъ Вардзія; масса народа видѣла это чудо, видѣли и сосѣдніе деревни, какъ видятъ и теперь вѣрующіе, которые бываютъ въ тѣхъ мѣстахъ. Арба изъ камня стоитъ на выступѣ огромной скалы. (Заимствовано изъ „Тифлис. Листка").

А. Хахановъ.

Матеріалы для народнаго сирійскаго календаря [1]).

1-ое января. Въ этотъ день необходимо сварить, для успѣха въ дѣлахъ, какое-то кушанье („кюббе"? „мясной тортъ").

6-ое января (Крещеніе Господне). Въ этотъ день пекутъ *пирогъ* безъ дрожжей, такъ-какъ, по убѣжденію христіанъ, тѣсто само подымается. Часть тѣста обыкновенно сберегаютъ для другого раза.

Каждый старается выкупаться въ водѣ.

15-ое января. Это—день Богородичный; молятся о посѣвахъ.

Понедѣльникъ Великаго Поста. Въ народѣ ходитъ, повидимому, легенда о монахѣ, навстрѣчу которому жители съ пѣніемъ выходятъ изъ города.

Великій Постъ. Когда у христіанъ начинается Великій Постъ, мусульмане замѣчаютъ: „пока христіане постятся, все время будетъ держаться холодъ".

День поминовенія умершихъ. Въ пятницу на четвертой (?) недѣлѣ Великаго Поста въ церковь приносятъ „кутью". Священникъ благословляетъ ее, и по окончаніи службы всѣ молящіеся располагаются около храма для ѣды.

Канунъ Вербнаго Воскресенія. Въ память Воскрешенія Лазаря, дѣти разыгрываютъ „мистерію": одинъ изображаетъ умершаго, а двое другихъ (Марѳа и Марія) плачутъ надъ нимъ; хоръ въ это время поетъ погребальныя пѣсни.

Въ этотъ день ѣдятъ рыбу (разрѣшеніе отъ поста).

25-ое марта (Благовѣщеніе). Разрѣшеніе отъ поста: ѣдятъ рыбу; кусочки ея перепадаютъ тѣнямъ умершихъ.

23-ое апрѣля (день великомученика Георгія). Слѣпцы распѣваютъ духовные стихи о св. Георгіи. Обыкновенно къ этому дню заканчиваются торги по сдачѣ въ аренду садовъ. Съ 12 часовъ дня всѣ договоры считаются обязательными, тогда какъ до того еще можно было отказаться.

6-ое мая (День многострадальнаго Іова). Больные купаются въ рѣкѣ, въ чаяніи исцѣленія. Слѣпцы распѣваютъ стихъ объ Іовѣ.

[1]) Настоящія замѣтки о народномъ сирійскомъ календарѣ составлялись случайно лѣтомъ 1906 года въ Дамаскѣ. Несмотря на всю свою отрывочность, онѣ представляютъ, кажется, нѣкоторый этнографическій интересъ.

День св. Пятидесятницы. Не такъ давно даже въ городахъ (теперь обычай сохраняется только въ деревняхъ) женщины, наканунѣ этого праздника, зажимали въ обѣ руки „хепу“ и, обвязавъ руки тряпочкой, такъ спали всю ночь. Утромъ тряпки снимались.

Впрочемъ, дѣтямъ до сихъ поръ продолжаютъ завязывать руки: это предохраняетъ ихъ, по мнѣнію матерей, отъ лихорадки.

20-ое іюля. На небѣ рождается новое облако. Съ этого дня начинаютъ запасаться зимней одеждой. Народъ такъ говоритъ: „на небѣ взошло новое облако и напоминаетъ о шубахъ“.

6-ое августа (Преображеніе Господне). Въ домахъ зажигаютъ всюду огни въ воспоминаніе *Преображенія Господня* на горѣ Ѳаворѣ.

15-ое августа. Съ деревьевъ въ этотъ день сбиваютъ орѣхи. По улицамъ ходятъ сторожа и выкрикиваютъ: „мы раскалываемъ орѣхи“.

29-ое августа (Усѣкновеніе главы св. Іоанна Крестителя). Въ домѣ варится особое кушанье.

8-ое сентября (Рождество Богородицы) и 14-ое сентября (Воздвиженіе Честнаго Креста). Эти праздники почитаются въ Сиріи не только христіанами, но и мусульманами. Въ эти дни въ монастырь Сидная стекается до десяти тысячъ богомольцевъ. Вечеромъ устраиваются игры. Здѣсь будто-бы Богородица кормила пресвятаго младенца.

9-ое сентября. Въ день св. Анны обычай требуетъ, чтобы варили „кюббе“.

14-ое сентября. Въ этотъ день разводятъ костры, и перепрыгиваютъ черезъ нихъ.

Преданіе утверждаетъ, что когда царица Елена нашла въ Іерусалимѣ Честной Крестъ, она дала объ этомъ вѣсть въ Константинополь посредствомъ костровъ.

Въ этотъ день начинаютъ сушить виноградъ.

4-ое декабря (день великомученицы Варвары). Великомученица Варвара пользуется на востокѣ большимъ почетомъ; по значенію, ее можно, пожалуй, сравнить даже съ великомученикомъ Георгіемъ, съ котораго на нее какъ-будто перенесены нѣкоторыя черты. Вѣрнѣе, тяжелая обстановка, среди которой жили сирійскіе хри-

стіане породила рядъ сходныхъ легендъ о мученикахъ за вѣру [1]).

Легенды, слышанныя мною въ Дамаскѣ о Варварѣ, не вносятъ, впрочемъ, ничего новаго. Великомученица Варвара—дочь языческаго царя, который побуждаетъ ее выйти замужъ за язычника. Варвара отказывается, и царь начинаетъ ее мучить: такъ, напр., онъ хочетъ ее повѣсить, но веревка рвется на куски и т. д.

Могила великомученицы Варвары находится въ монастырѣ Сидная (куда въ день Рождества Богородицы обыкновенно стекаются женщины).

Народъ до сихъ поръ вспоминаетъ св. Варвару, и въ день ея праздника, 4-аго декабря, въ домѣ варятъ кутью. Накануне дѣти мажутъ себѣ сажей рѣсницы (какъ средство противъ глазныхъ болѣзней) и, обходя дома, кричатъ: „біссіje Брбāра“ (или „Кадіjje Брбара!“) [2]).

Женщины распѣваютъ въ ея честь духовныя стихи:

Брбара, ja Брбара!
ja аддіce мухтāра!
ja абӯкі hal кāфір
hala″ббад-il hідж̣āра!

(О Варвара, Варвара! О ты, святая избранница! Да будетъ проклятъ твой отецъ невѣрный, поклоняющійся камню!)

Въ этотъ день ѣдятъ особое кушанье (изъ злаковъ).

Съ этимъ днемъ связывается также зимній солнцеповоротъ. Народъ говоритъ: „сегодня цѣлый день прыгаетъ (отъ радости?) мышь“.

Вл. Гордлевскій.

Возрастные классы на Новой Гвинеѣ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала „Anthropos“ помѣщена статья Ноллена о возрастныхъ классахъ у племени кайа-кайа въ Мерокѣ на Новой Гвинеѣ. Здѣсь расчлененіе племени по возрасту отличается большой сложностью: имѣется 7 возраст-

[1]) Но безъ вліянія на типъ св. Варвары остались легенды о св. Иринѣ.

[2]) Этотъ обычай объясняется тѣмъ, что отецъ Варвары, желая во что-бы то ни стало разыскать и убить дочь, разослалъ по городу своихъ слугъ. Слуги, вымазавъ лица черной краской (чтобы сойти за негровъ), обходили дома и кричали: „беіjе Брбара!“ (Христіанка Варвара).

ныхъ классовъ для мужчинъ и 6 для женщинъ; классы обособлены другъ отъ друга костюмами и украшеніями, не одинаковы также права и привилегіи членовъ каждаго класса. Вотъ названія этихъ классовъ начиная съ младшихъ и кончая старшими:

Мужскіе классы.	Женскіе классы.
Patúr	Kivazum
Arói-patur	
Wokravid	Wahuku
Ewati	Kivazum-iwag
Miakim	Jwag
Amnangib	Saf
Mes-miakim	Mes-iwag

Какъ видимъ, второй изъ мужскихъ классовъ, Aroi-patur, не имѣетъ соотвѣтствующаго ему класса среди женщинъ. Это представляетъ единственное исключеніе; всѣмъ остальнымъ мужскимъ классамъ соотвѣтствуютъ опредѣленные женскіе классы.

Къ классу *patur* принадлежатъ мальчики въ возрастѣ до 10—12 лѣтъ, т.-е. до наступленія первыхъ признаковъ половой зрѣлости. Въ этомъ возрастѣ мальчики пользуются полной свободой и не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ: они одинаково могутъ находиться и среди женщинъ, и посѣщать „gotad" (спеціальное поселеніе для молодыхъ людей) и присутствовать при совѣтѣ взрослыхъ членовъ племени. Живутъ они въ деревняхъ при родителяхъ или замѣняющихъ ихъ лицахъ и въ своемъ времяпрепровожденіи пользуются значительной свободой. Съ переходомъ въ слѣдующій классъ *aroi patur*, что пріурочивается къ появленію растительности на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла, мальчикъ удаляется изъ деревни и переселяется въ „gotad", гдѣ онъ живетъ вмѣстѣ съ представителями слѣдующихъ двухъ возрастныхъ классовъ. Gotad—одно или нѣсколько легкихъ зданій, выстроенныхъ спеціально для помѣщенія подростковъ и молодыхъ людей; женщинамъ и дѣвочкамъ входъ туда воспрещенъ, но взрослые мужчины и старики нерѣдко тамъ собираются. Мальчикъ изъ класса aroi-patur можетъ вернуться въ деревню только въ случаѣ болѣзни, но и тогда его переносятъ въ отцовскій домъ, принявъ предварительно мѣры предосторожности, чтобы избѣгнуть присутствія женщинъ и дѣвочекъ.

Во время сильной бури обитатели gotad'а тоже имѣютъ право придти спать въ деревню, но должны дѣлать это въ темнотѣ, чтобы не быть видимыми женщинами. Въ классѣ aroi-patur мальчикъ остается обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ. Члены класса *Wokravid* отличаются отъ предыдущаго своими украшеніями и тѣмъ, что еще строже избѣгаютъ встрѣчъ съ женщинами и дѣвушками. Увидя на своемъ пути замужнюю женщину или дѣвочку, представитель этого класса долженъ спрятаться или совершить далекій обходъ, и тутъ его не остановитъ ни ровъ, наполненный водою, ни кустарникъ. Члены классовъ wokravid и aroi-patur не имѣютъ права принимать участія въ ночныхъ танцахъ по случаю извѣстныхъ праздниковъ. Въ классѣ workravid остаются года 2—3. Пребываніе въ слѣдующемъ классѣ *ewati* совпадаетъ съ расцвѣтомъ физическихъ силъ молодаго туземца и длится довольно долго, года 3—4 и даже больше. Въ это время онъ долженъ избѣгать встрѣчъ съ замужними женщинами, но дѣлаетъ все, чтобы выиграть въ глазахъ дѣвушекъ; онъ весьма заботливо относится къ своимъ украшеніямъ, старается отличиться на охотѣ, принимаетъ участіе въ военныхъ предпріятіяхъ, чтобы принести трофей въ видѣ головы непріятеля. Пребываніе въ данномъ классѣ оканчивается съ момента формальнаго обрученія съ какой-нибудь дѣвушкой. Отнынѣ молодой человѣкъ переходитъ въ классъ *miakim*, снимаетъ прежнія украшенія и замѣняетъ ихъ новыми, близкими къ украшеніямъ женатыхъ людей, но все же представляющими и извѣстныя отличія, теперь онъ переселяется въ деревню, не долженъ избѣгать замужнихъ женщинъ, но все таки старается держаться въ ихъ присутствіи скромнѣе и сдержаннѣе; такая же сдержанность обязательна для него и въ обществѣ женатыхъ мужчинъ. Черезъ нѣсколько недѣль происходитъ свадьба и молодой человѣкъ переходитъ въ классъ *amnangib*; теперь онъ полный господинъ своихъ дѣйствій и не обязанъ ни съ кѣмъ считаться; онъ полноправный членъ общины. Съ достиженіемъ старости онъ переходитъ въ классъ *mes-miakim*.

Переходъ изъ одного класса въ другой справляется особыми праздниками. Каждый обязанъ пройти черезъ всѣ классы и переходъ сразу въ одинъ изъ высшихъ классовъ минуя предыдущіе безусловно не допускается. Авторъ статьи упоминаетъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который до 16—17 лѣтъ жилъ среди евро-

нейцевъ и потому не выполнилъ своевременно всѣхъ полагаемыхъ обычаемъ племени требованій. Вернувшись къ своимъ, онъ долженъ былъ вступить въ классъ aroi patur, хотя по возрасту вполнѣ подходилъ къ классу ewati; самое большее, на что онъ могъ претендовать, это—сокращеніе срока пребыванія въ низшихъ классахъ.

Положеніе женщинъ различныхъ классовъ аналогично положенію мужчинъ соотвѣтствующихъ классовъ, съ тою однако разницею, что дѣвочки самаго низшаго класса kivazum не пользуются такой безграничной свободой, какъ мальчики класса patur; онѣ не могутъ посѣщать goiad. Спеціальныхъ помѣщеній для дѣвочекъ и дѣвушекъ нѣтъ; онѣ не удаляются изъ деревни.

Особенно рѣзко проявляются различія между классами въ нарядахъ и украшеніяхъ, но трактовать эту тему безъ соотвѣтствующихъ иллюстрацій было бы слишкомъ трудно. Къ статьѣ Поллена приложено 11 таблицъ рисунковъ съ 57 снимками.

Св. Димитрій Солунскій и Мамай въ духовномъ стихѣ и на иконѣ.

Поющійся слѣпцами духовный стихъ о Димитріи Солунскомъ (Безсоновъ. Калѣки Перехожіе: №№ 132, 133, 134; Добровольскій Смолен. Сбор. № 8; Романовъ, Бѣл. Сб. 11—14) въ своей основѣ, несомнѣнно, исходитъ изъ книжнаго источника—чудесъ святого. Но въ народной обработкѣ этотъ книжный сюжетъ получилъ нѣкоторыя видоизмѣненія.

Содержаніе духовнаго стиха слѣдующее: На Салымъ градъ идетъ наславіе Божіе, невѣрный Мамай царь. Въ соборной церкви Салыма препочивалъ Димитрій чудотворецъ. Къ нему были сосланы Богомъ два ангела, которые „ликъ ликовали“ ему и извѣстили о скоромъ разореніи города. Но Димитрій возражаетъ, что ему извѣстно:—„не быть пашему Салыму граду взяту, а быти Мамаевой силѣ побиту“. Молившійся ночью на паперти старецъ Онуфрій увидѣлъ это чудо у престола: два ангела „ликъ ликовали святому Димитрію Салымскому чудотворцу“. Пошелъ и расказалъ объ этомъ князьямъ, боярамъ и духовенству.

Раннимъ ранехонько „единъ человѣкъ изъ-за престола возста-

пасть, пресвѣтлую онъ ризу облекш гъ, единъ онъ на бѣла осла (вар. копя) садился". Побѣдилъ три тмы и три тысячи невѣрной силы и отогналъ онъ невѣрнаго царя Мамая въ его страну порубежную.

Мамай успѣлъ захватить двухъ дѣвицъ — русскихъ полоняпокъ — и спрашивалъ у нихъ, кто такой былъ этотъ богатырь. Узнавъ отъ нихъ, что это Димитрій Солунскій, онъ приказалъ вышить на коврѣ его ликъ для поруганія. Дѣвицы плакали, сокрушались. по изъ-за боязни начали шить. Заснувши надъ работой, онѣ вдругъ были перенесены на ковръ въ Салынъ, въ соборную церковь. Утромъ увидавшій ихъ пономарь испугался и привелъ священника. Дѣвицы признали священника за Мамая, но затѣмъ дѣло объяснилось. Начали служить молебны Димитрію Чудотворцу.

Въ Четьяхъ-Минеяхъ митрополита Макарія находятся всѣ три чуда (подъ 26 окт.) 1) видѣніе старца, 2) чудо о двухъ дѣвицахъ, 3) „Чудо святаго Димитрія о пришествіи царя Асколопи".

Русскій духовный стихъ замѣтно руссифицировалъ книжную легенду. Прежде всего врагомъ города Салыма сталъ невѣрный царь Мамай, вмѣсто царя Колояна, во-вторыхъ, введены въ разсказъ русскія полоняники. Появленіе Димитрія передъ врагами, бой съ Мамаемъ описаны русскими эпическими пріемами.

Самая любопытная черта, почему въ духовный стихъ попалъ царь Мамай, прежде всего объясняется, видимо, смѣшеніемъ Димитрія Солунскаго съ дѣйствительнымъ побѣдителемъ Мамая Димитріемъ Донскимъ, особенно благодаря установившемуся въ давнее время обычаю поминовенія погибшихъ на Куликовомъ полѣ воиновъ въ Димитровскую субботу[1]).

Можно было бы предполагать, что въ повѣстяхъ, связанныхъ съ Мамаевскимъ побоищемъ, найдутся нѣкоторыя существенныя указанія на чудесную роль Димитрія Солунскаго въ битвѣ. Однако въ видѣніяхъ и молитвахъ главное значеніе отводится Борису и Глѣбу, ап. Петру и Богородицѣ. Только въ лѣтописной повѣсти[2]) включена своего рода формула воинскихъ повѣстей—вмѣша-

[1]) Относительно времени установленія этого поминовенія точно неизвѣстно. Оно совершено, видимо, послѣ Димитрія Донского. (К. Никольскій. Пособіе къ изученію устава Богослуженія Правосл. Церкви. 1894. Стр. 507—508.)

[2]) С. К. Шамбинаго. Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. СПБ. 1906. стр. 60 и 137.

тельства небесной силы въ бой[1])—видѣніе въ девятомъ часу—небесное воинство поражаетъ татаръ.

Здѣсь среди небесныхъ воиновъ перечислены воинъ Христовъ Георгій, славный Димитрій, князья Борисъ и Глѣбъ и „воевода свершенаго полка великій архистратигъ Михаилъ". Во всякомъ случаѣ, первенствующей роли Димитрій Солунскій не играетъ.

Но весьма интересно то, что борьба Димитрія Солунскаго съ Мамаемъ въ разбираемомъ духовномъ стихѣ, отсутствуя въ книжныхъ источникахъ, находитъ себѣ параллель въ иконописи.

Въ церкви села Николы на Репѣ, Весьегонскаго у., Тверской губ., мнѣ привелось этимъ лѣтомъ видѣть икону св. Димитрія Солунскаго. На верху иконы надпись: „Святый великомученикъ Димитрій Селунскій", внизу же иконы читаемъ слѣдующее: „Святый Димитрій побѣди царя Мамая и всю силу его вражію".

Св. Димитрій изображенъ на бѣломъ конѣ. Въ рукахъ у него копье, которымъ онъ поражаетъ царя. Царь Мамай изображенъ въ видѣ старика, въ богатой одеждѣ, въ зеленой шапкѣ съ мѣховой опушкой. Онъ лежитъ на павшемъ конѣ и загораживается щитомъ; другая рука, съ мечомъ, уже опустилась.

Въ „Атласѣ" Н. П. Лихачева[2]) помѣщенъ снимокъ съ подобной же иконы, принадлежащей издателю, по его опредѣленію, старой, подновленной. Подъ ней написано: „Святый Димитрій побѣди безбожнаго царя Мамая". Въ отличіе первой иконы Мамай изображенъ безъ коня.

„Безымянные начальники Сарацинскихъ полчищъ, говоритъ по поводу разбираемаго духовнаго стиха А. Н. Кирпичниковъ,[3]) слились въ стихѣ въ одинъ очень знакомый народу образъ Мамая невѣрнаго". Въ данномъ случаѣ приходится сдѣлать поправку: въ духовномъ стихѣ, какъ и на иконѣ, мы видимъ отраженіе не чуда Димитрія Солунскаго въ борьбѣ съ Сарацинами (въ послѣднемъ случаѣ онъ выступаетъ на защиту города пѣшимъ и съ мечемъ, а не копьемъ въ рукахъ), а вышеотмѣченное чудо о по-

[1]) А. С. Орловъ. Объ особенностяхъ формы рус. воинскихъ повѣстей (кончая XVII в.) М. 1902. Стр. 9—10, 88.

[2]) Матеріалы для Исторіи Рус. Иконописанія. Атласъ снимковъ, ч. II. Табл. CCCIV. СПБ. 1906.

[3]) Исторія Рус. Словесн. древ. и новой. Соч. А. Галахова. т. I. СПБ. 1880 стр. 282.

бѣдѣ надъ царемъ Колояномъ, оставшееся Кирпичникову, видимо, неизвѣстнымъ. Этотъ царь Колоянъ (онъ же Асколовъ) въ иконописныхъ изображеніяхъ сталъ рисоваться на навшемъ конѣ и распростершимся на немъ. Такое изображеніе создалось отчасти подъ несомнѣннымъ вліяніемъ аналогичныхъ иконописныхъ типовъ святыхъ воиновъ, м. пр. очень близкихъ между собою и въ обрядѣ и культѣ и легендѣ.[1]) Георгій и Ѳеодоръ Тиронъ побѣждаютъ копьемъ Змія, Михаилъ Архангелъ—дьявола. Всѣ эти изображенія можно видѣть въ достаточномъ количествѣ въ собраніи прорѣзей Историч. Музея.

Позднѣе иконописцы стали истолковывать побѣждаемаго иноземнаго царя—извѣстнымъ царемъ Мамаемъ.

Это сходство между иконой и духовнымъ стихомъ, въ подробностяхъ книжнымъ источникомъ почти необъяснимыхъ, позволяетъ поставить вопросъ объ ихъ взаимодѣйствіи.

Но въ какомъ смыслѣ понимать это взаимодѣйствіе: вліяніемъ ли стиха на икону, или наоборотъ?—Не рѣшаясь утверждать окончательно, въ виду понятной трудности этого вопроса, я думаю считать возможнымъ скорѣе предположить послѣднее, тѣмъ болѣе что, вообще, при разрѣшеніи вопроса о вліяніи иконописи на поэзію народную, А. Н. Кирпичниковъ въ статьѣ, спеціально этому вопросу посвященной,[2]) довольно категорично заявляетъ: „Нельзя раздумывать о томъ, гдѣ источникъ и гдѣ заимствованіе, такъ какъ воздѣйствіе народной пѣсни или сказанія на иконопись—явленіе, хотя, какъ мы видѣли, и не невозможное, но крайне рѣдкое, почти исключительное". Въ пользу того, что икона имѣла посредствующее вліяніе между стихомъ и книжнымъ источникомъ, говоритъ также то, что на ней, какъ и на стихѣ, разновременныя по происхожденію и находящія въ разныхъ мѣстахъ книжнаго изложенія чудеса объединены всѣ въ одной картинѣ: бой съ царемъ, двѣ дѣвицы, съ изображеніемъ св. Димитрія въ рукахъ, и ангелы „ликъ ликующе".

Б. Соколовъ.

---

1) А. Н. Веселовскій. Розысканія въ области русс. дух. стиховъ II. гл. I.

2) „Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной". Труды VIII Арх. Съѣзда въ Москвѣ. 1890 подъ ред. гр. П. С. Уваровой и М. Н. Сперанскаго. М 1895. Стр. 225.

Критика и библіографія.

Waldemar Bogoras. *The Chukchee* (The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History, Volume VII.) Leiden—New-York 1904—1909, pp. XVII+733, in 4°.

Въ прошломъ году я уже имѣлъ случай дать на страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія" отзывъ о книгѣ В. И. Іохельсона о корякахъ, составляющей одинъ изъ томовъ серіи трудовъ Джезуповской экспедиціи въ сѣверную часть Тихаго океана. Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собой еще одинъ изъ законченныхъ томовъ той же серіи, посвященный русскимъ инородцамъ крайняго сѣверо-востока Сибири. Этотъ томъ занятъ работой В. Г. Богораза о чукчахъ.

Количественно, да и качественно, прежняя литература о чукчахъ значительно богаче литературы о корякахъ, но тѣмъ не менѣе и въ нашихъ знаніяхъ о чукчахъ имѣлись весьма крупные пробѣлы, восполняемые теперь работой В. Г. Богораза, представляющей весьма цѣнный вкладъ въ этнографическую литературу. Порядокъ изложенія у В. Г. Богораза иной, чѣмъ у В. И. Іохельсона, но эти различія носятъ чисто внѣшній характеръ, внутренній же планъ обѣихъ книгъ и обстоятельность описаній, даваемыхъ обоими авторами, приблизительно одинаковы. Свое описаніе чукочъ В. Г. Богоразъ начинаетъ съ матеріальной культуры, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; эта часть книги распадается на слѣдующія главы: имя и мѣстожительство; общая характеристика физическихъ особенностей и духовныхъ свойствъ народа; торговля; оленеводство; охота, рыбная ловля, морскіе промыслы и война; жилища и домашняя утварь; пища; промышленность; одежда; игры. Вторая часть книги посвящена религіи чукочъ; здѣсь имѣются главы: религіозныя идеи; чары и священные предметы; церемоніи; шаманизмъ; покровительственная и наступатель-

ная магія; рожденіе и смерть. Третья часть книги отведена соціальной организаціи чукочъ и распадается на главы: организація семьи и семейная группа; бракъ; лагерь и деревня; „сильные" люди, воины и рабы; право; столкновенія чукочъ съ русскими. Собранные авторомъ обширные матеріалы по чукотскому фольклору выдѣлены особо, такъ какъ настоящій томъ и безъ того является однимъ изъ наиболѣе объемистыхъ въ серіи, и они войдутъ въ составъ 8-го тома серіи вмѣстѣ съ собранными В. Г. Богоразомъ же матеріалами объ азіатскихъ эскимосахъ. Какъ извѣстно, многіе изъ чукотскихъ текстовъ, собранныхъ В. Г. Богоразомъ, уже опубликованы въ русскомъ изданіи нашей академіи наукъ. Всѣ матеріалы по физической антропологіи, собранные Джезуповской экспедиціей, будутъ опубликованы вмѣстѣ въ особомъ отведенномъ для нихъ томѣ, не разбивая ихъ по отдѣльнымъ народностямъ.

Изъ перечня отдѣльныхъ главъ уже видно, насколько широко и разнообразно содержаніе настоящей книги. Конечно, въ ней есть и пробѣлы: отсутствуетъ, напр., спеціально лингвистическій отдѣлъ, недостаточны даваемыя попутно свѣдѣнія о музыкѣ и пѣніи чукочъ, но нельзя требовать отъ отдѣльнаго изслѣдователя, чтобы онъ давалъ вполнѣ исчерпывающее описаніе всѣхъ сторонъ жизни народа, даже такихъ, для сужденія о которыхъ необходима спеціальная подготовка. Въ предѣлахъ возможнаго авторъ сдѣлалъ все, что отъ него можно было бы требовать, и представилъ очень яркую картину племени, во многихъ отношеніяхъ заслуживающаго особаго вниманія со стороны этнографовъ. Нѣкоторыя черты быта чукочъ отличаются значительнымъ своеобразіемъ и представляютъ особенности, довольно рѣдко встрѣчающіяся особенно въ кругу тѣхъ племенъ, съ какими приходится сталкиваться русскому этнографу. Таковъ, напримѣръ, замѣчательный обычай перемѣны пола, превращенія мужчинъ въ женщинъ и женщинъ въ мужчинъ,—обычай, отчасти связанный съ религіозными вѣрованіями, но въ то же время и съ нарушеніями душевнаго равновѣсія у соотвѣтственныхъ индивидовъ. Обычай этотъ, совершенно чуждый главной массѣ инородческихъ племенъ Россіи, принадлежащихъ къ урало-алтайской семьѣ, чрезвычайно рѣдкій и у большинства другихъ расъ стараго свѣта, широко распространенъ у американскихъ племенъ и представляетъ одну изъ наиболѣе яркихъ

параллелей между племенами крайняго сѣверо-востока Сибири и племенами Америки. Да и самъ по себѣ, даже помимо такихъ сопоставленій, онъ въ высшей степени интересенъ. В. Г. Богоразъ отнесся къ данному явленію съ должнымъ вниманіемъ, и даваемыя имъ описанія „превращенныхъ" шамановъ не только оставляютъ далеко за собою все, что имѣлось до сихъ поръ по этому вопросу въ русской литературѣ, но и не уступятъ никакимъ самымъ обстоятельнымъ описаніямъ изъ американской литературы. Не меньшій интересъ представляетъ своеобразный институтъ сѣвиннаго брака, тоже совершенно чуждый инородцамъ урало-алтайскаго происхожденія и вообще довольно рѣдкій; этотъ институтъ описанъ В. Г. Богоразомъ очень обстоятельно, но съ даваемой имъ оцѣнкой сѣвиннаго брака можно и не соглашаться. Совершенно своеобразнымъ являтется далѣе обычай „добровольной" смерти, состоящій въ томъ, что человѣкъ, которому надоѣло жить, либо кончаетъ съ собою самъ (это дѣлаетъ преимущественно молодежь), либо, что гораздо чаще, уговариваетъ кого-нибудь изъ ближнихъ убить его, заколовъ ножомъ или копьемъ, удавивъ ремнемъ или застрѣливъ изъ ружья (никогда изъ лука). Это не простое самоубійство, возможное и встрѣчающееся у каждаго народа, а нѣчто такое, что освящено обычаемъ и сопровождается особымъ уже выработаннымъ ритуаломъ. Добровольная смерть считается болѣе почетной, чѣмъ смерть отъ болѣзни или отъ старости, и обезпечиваетъ лучшую долю въ загробной жизни. Ударъ ножа или копья нанесенный сыномъ или близкимъ родственникомъ, обезпечиваетъ смерть безъ страданій, тогда какъ смерть отъ руки чужого человѣка считается мучительной. Ударъ этотъ долженъ быть нанесенъ непремѣнно спереди, точно также и стрѣляютъ въ такихъ случаяхъ спереди. Ударъ и выстрѣлъ—дѣло исключительно мужчинъ, въ удавливаніи же принимаютъ участіе и женщины. Мужъ кладетъ голову на колѣни къ женѣ, а мужчины начинаютъ стягивать ремень вокругъ шеи; если задавливаемый начинаетъ судорожно биться, жена придерживаетъ его за руки, чтобы онъ не сдернулъ ремня. Все это продѣлывается со спокойной совѣстью, объ этомъ потомъ сами участники разсказываютъ какъ о чемъ то обычномъ, даже должномъ, хотя все же участіе въ подобныхъ операціяхъ считается непріятнымъ дѣломъ, и потому родственники стараются сперва отговорить человѣка, выра-

шившаго желаніе принять добровольную смерть. Но разъ желаніе высказано въ достаточно категорической формѣ, возврата уже нѣтъ. Этому обычаю у В. Г. Богораза посвященъ рядъ страницъ, читающихся съ захватывающимъ интересомъ.

В. Г. Богоразъ не всегда ограничивается ролью простого изобразителя видѣннаго и слышаннаго. На почвѣ описанія отдѣльныхъ фактовъ чукотской жизни и культуры онъ затрогиваетъ иногда общіе вопросы первобытной культуры, даетъ иногда общія схемы развитія того или другого культурнаго факта. Это придаетъ болѣе живой характеръ его работѣ, дѣлаетъ ее болѣе читаемой, но въ то же время авторъ никогда не впадаетъ въ крайность и не подгоняетъ живые факты, наблюдавшіеся имъ подъ одну излюбленную теорію. Читатель безъ труда можетъ отдѣлить то, что В. Г. Богоразъ наблюдалъ непосредственно, и то, что является даваемымъ имъ истолкованіемъ фактовъ. Факты поэтому не перестаютъ сохранять свою полную цѣнность даже въ глазахъ читатели, не согласнаго съ выводами и обобщеніями автора.

Къ сказанному надо добавить, что книга очень обильно снабжена иллюстраціями; къ ней приложено 35 отдѣльныхъ таблицъ съ рисунками и 302 рисунка помѣщены въ текстѣ. Всѣ рисунки исполнены очень хорошо. Въ итогѣ можно, съ одной стороны, радоваться, съ другой—сожалѣть: радоваться—потому, что литература о русскихъ инородцахъ обогатилась такимъ цѣннымъ трудомъ, сожалѣть потому, что этотъ трудъ малодоступенъ русскимъ читателямъ, съ одной стороны, по языку, съ другой, по слишкомъ высокой цѣнѣ. Книга стоитъ 15 долларовъ, т.-е.-около 30 рублей.

А. Максимовъ.

Zaborowski, *Les Peuples aryens d'Asie et d'Europe* P. Doin, 1908. Encyclopedie Scientifique. 439 p.

Книга Заборовскаго, составленная отчасти изъ читанныхъ имъ въ Парижской Ecole d'Anthropologie лекцій, имѣетъ главнымъ образомъ цѣлью опровергнуть бывшее ходячимъ мнѣніе о существованіи въ Средней Азіи, именно на Памирѣ, общей родины арійской семьи народовъ. Въ глубокой древности въ Азіи не жило народовъ арійскихъ. Они появляются лишь въ IX в. до Р. Хр. въ предѣлахъ озера Урміи, въ лицѣ древнихъ персовъ. До этого

нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о сношеніяхъ съ древними культурными государствами Месопотоміи арійскихъ народовъ. Древніе мидяне, которыхъ затѣмъ покорили персы, были темноволосыми брахицефалами, они принадлежали къ этническому слою древней Азіи, который былъ оттѣсненъ семитами на сѣверъ къ Кавказу, на востокѣ къ Памиру, на западъ по направленію къ Европѣ. Современные таджики, населяющіе долины передъ Памирами, являются остатками населенія древней Мидіи. Тому же этническому слою принадлежатъ темноволосые брахицефалы, проникнувшіе въ центральную Европу въ бронзовый вѣкъ. Они уже обладали высокой цивилизаціей. Ихъ нашествіе на Европу и принято было считать за переселеніе арійцевъ изъ Азіи.—Если древнее брахицефалическое населеніе Мидіи, говорящее на аглютинирующемъ языкѣ, было уже носителемъ развитой культуры, персы, появившіеся въ Азіи около IX в. до Р. Хр., были пастухами кочевниками. Ассирійскіе тексты упоминаютъ о нихъ впервые въ Закавказьѣ, въ долинѣ Арагвы и Куры. Долина Куры была дорогой, по которой двигались народы изъ Европы въ Азію. Персы—арійцы долихоцефалы, благодаря политическимъ событіямъ, покоренію ими мидянъ и другихъ народовъ, удачнымъ войнамъ, блестящему правленію Дарія, внесли и распространили арійскій элементъ въ Азію. Родиной арійцевъ, территоріей, на которой образовался арійскій праязыкъ, слѣдуетъ считать среднюю и восточную Европу. Бассейнъ рѣки Дуная, Карпаты, югъ Россіи въ періодъ неолитическій были заняты арійцами. Отсюда, черезъ Кавказъ, шло переселеніе арійцевъ въ Азію. Древнѣйшими представителями арійцевъ здѣсь были древніе персы. Обратно азіатскіе брахицефалы, неся съ собой культуру бронзоваго вѣка, двигались въ центральную Европу черезъ Балканы.

Таковы главныя положенія Заборовского. Онъ доказываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Памиръ—не могъ служить прародиной какихъ бы то ни было группъ народовъ благодаря тяжелымъ климатическимъ условіямъ, представляемымъ имъ для существованія. Въ настоящее время близъ Памира встрѣчаются арійскіе народы, но они не стоятъ ни въ какой связи съ предками арійцевъ и поселились здѣсь сравнительно недавно. Два пути идутъ къ горному плато Памира, соединяя его съ востокомъ и западомъ: 1) на югѣ отъ него по долинѣ Аму-Дарьи вокругъ Бадахшана, спус-

каясь въ Шугнану и Вахкану, 2) на сѣверъ по долинѣ Зарефшана, спускающійся до самаго Кашгара; эти двѣ дороги могли служить путями и для постепенныхъ передвиженій народовъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Уступая надвигающимся тюрко-татарамъ, народы арійскіе могли дойти и въ долины, примыкающія къ Памирамъ, но они не исконное населеніе этихъ странъ.— Если изучить нарѣчія арійскія у населенія примыкающихъ къ Памиру долинъ и арійскія же нарѣчія народностей Гинду-Куша— окажется, что первыя примыкаютъ къ иранскимъ языкамъ, вторыя къ языкамъ Индіи; въ тѣхъ и другихъ не окажется древнихъ формъ, принадлежащихъ архаичному праязыку; не окажется даже въ нихъ формъ, принадлежащихъ древнему персидскому языку и санскриту. Такимъ образомъ и данныя лингвистическія не позволяютъ видѣть въ населеніи этой части Центральной Азіи остатковъ первобытныхъ арійцевъ. Данныя этнографическія также подтверждаютъ обратное. Мы встрѣчаемся въ Гинду-Кушѣ и на Памирахъ съ населеніемъ, очевидно, искони земледѣльческимъ, въ которомъ трудно усмотрѣть „первобытныхъ аріевъ, кочевниковъ—пастуховъ", какими могли рисовать ихъ еще недавніе авторы. Исходя изъ считавшагося доказаннымъ положенія, что народности Центральной Азіи являются потомками первобытныхъ аріевъ, старались путемъ антропометрическихъ изслѣдованій опредѣлить антропологическія черты арійцевъ. Заборовскій указываетъ, что, какъ и въ отношеніи языка, народности предпамирскихъ ущелій антропологически примыкаютъ къ населенію Персіи, племена Гинду-Куша—къ народамъ Индіи и Афганистана. Антропологическія черты и условія существованія тѣхъ и другихъ объяснимы только тѣмъ, что первые были оттѣснены къ Памиру изъ равнинъ между прочимъ по долинѣ Аму-Дарьи, вторые—къ Гинду-Кушу изъ Афганистана и Пенджаба—т. е., опять таки, они не являются ископными обитателями этихъ мѣстъ.—Далѣе, Заборовскій обращается къ историческимъ даннымъ. Благодаря послѣднимъ раскопкамъ въ области древней Халдеи, можно возстановить ея исторію. Мы видимъ въ ней туранское населеніе, работающее, обладающее значительной степенью культуры, которое постепенно покоряется семитическими народами, выходцами изъ Аравіи. Арійцевъ не знаетъ исторія Ассиро-Вавилоніи. Въ надписяхъ, найденныхъ, напримѣръ, въ Сузахъ, можно прослѣдить исторію населенія, начиная съ ка-

меннаго вѣка и до развитія высокой культуры,—но нигдѣ не увидишь ни одного намека на близкія или дальнія сношенія съ какимъ нибудь арійскимъ народомъ. Ассирійскіе государи вели многочисленныя войны и совершали далекіе походы, но надписи не называютъ ни одного имени, принадлежащаго арійскимъ языкамъ до IX—в., когда выступаютъ будущіе владыки Месопотаміи:—персы Ни въ одномъ историческомъ документѣ, ни въ географическихъ названіяхъ нѣтъ слѣдовъ переселеній арійцевъ изъ Азіи въ Европу, хотя азіаты и переселялись въ Европу въ эпоху полированнаго камня и бронзовой культуры. Но азіаты эти были не арійцами. Проникновеніе азіатскаго населенія арійскими элементами начинается съ столкновеній мидянъ съ персами; его нельзя прослѣдить раньше. При первомъ столкновеніи этихъ двухъ народовъ оказывается, что мидяне рѣзко отличались по культурѣ, правамъ и образу жизни отъ персовъ: эти послѣдніе были еще скотоводами, и, повидимому, кочевниками, были бѣдны и пользовались меньшимъ почетомъ, нежели мидяне. Разница въ образѣ жизни подчеркивается различіемъ въ языкѣ, въ физическомъ типѣ (Заборовскій опирается на изображеніе и подписи, высѣченныя по повелѣнію царя Дарія на скалѣ въ Behistun на трехъ языкахъ: персидскомъ, мидійскомъ и ассирійскомъ). Древнихъ персовъ, появляющихся въ IX-мъ в. до Р. Хр. близъ оз. Урмія, Заборовскій выводитъ отъ киммерійскихъ племенъ, черезъ Кавказъ пришедшихъ въ Мидію (ср. у Геродота I, 73). Раньше они жили сѣвернѣе, въ долинѣ Куры и Аракса, свидѣтельство чему Заборовскій находитъ въ текстѣ книгѣ Авесты, возникновеніе которой онъ относитъ ко времени, слѣдующему за царствованіемъ Дарія (гл. VII). Долина р. Куры, береговая полоса Каспійскаго моря—вотъ путь, по которому шли въ Азію народы арійскіе, занимавшіе область къ сѣверу отъ Кавказа. Перейдя въ Азію, арійцы распространились по Месопотоміи до Индіи, отъ Персидскаго залива до Аму Дарьи, и тутъ то, по мнѣнію Заборовскаго, ихъ языкъ утратилъ единство, и образовались древне-персидскій языкъ и языкъ Ведъ. Основываясь на измѣреніяхъ череповъ, добытыхъ изъ кургановъ Южной Россіи и Кавказа, на данныхъ археологическихъ раскопокъ и лингвистическихъ данныхъ, позволяющихъ возстановить культуру древнихъ насельниковъ центральной и восточной Европы, Заборовскій видитъ родину арійцевъ преимущественно на югѣ

Россіи; область, гдѣ возникъ единый арійскій языкъ. Возстановивъ по даннымъ различныхъ арійскихъ языковъ (Заборовскій рекомендуетъ необходимую при этомъ осторожность) культуры протоарійцевъ, можно усмотрѣть, что она соотвѣтствуетъ культурѣ неолитическаго человѣка въ Европѣ.

В. Харузина.

Bédier-Joseph: *Les légendes épiques. Recherches sur la formation des chansons de geste. I et II vol.* Paris. 1908.

Интересный и поучительный трудъ извѣстнаго автора представляетъ собою подробное и отчетливое развитіе его основного положенія, которое вкратцѣ можетъ быть передано такъ: французскія эпическія пѣсни (chansons de geste), дошедшія въ рукописяхъ до настоящаго времени, представляютъ собою лишь отголосокъ древнихъ пѣсенъ [1]), историческія черты въ нихъ почти исчезли подъ вліяніемъ поэтической фантазіи, и ту отдѣлку, которую онѣ имѣютъ, пѣсни получили уже въ XII и XIII в. Эти эпическія пѣсни, главными героями которыхъ является Карлъ Великій и его вассалы, были распѣваемы профессіональными пѣвцами (jongleurs). Послѣдніе, переходя изъ селенія въ селеніе, разносили эти пѣсни и привлекали къ себѣ многихъ слушателей. Но эти пѣвцы не были одни слагателями новыхъ пѣсенъ на древней основѣ, усердными сотрудниками ихъ являлись монахи, въ интересахъ которыхъ было привлеченіе паломниковъ къ святынямъ ихъ монастырей. Изъ подробнаго разбора эпическихъ пѣсенъ становится яснымъ, что тѣ города, селенія и замки, о которыхъ говорится въ эпическихъ пѣсняхъ и къ которымъ прикрѣплены имена героевъ (Girard de Roussillon, Raoul de Cambrai и др.), или хранятъ мощи нѣкоторыхъ изъ героевъ, или находятся на тѣхъ путяхъ, по которымъ богомольцы шли къ излюбленнымъ святымъ мѣстамъ (Компостелле, Римъ, Іерусалимъ). Если отмѣтить города, встрѣчающіеся въ эпическихъ пѣсняхъ, и провести черезъ нихъ линію, то получимъ какъ разъ дороги, по которымъ двигались паломники, а если сравнить агіографическія повѣствованія съ эпическими пѣ-

[1]) Стр 10 тома I... beaucoup de nos chansons de geste, *sous la forme parvenue jusqu'à nous*, ne sont que l'écho de poèmes primitifs.

нями, то число сходныхъ чертъ будетъ очень значительно. Бедье подробно разбираетъ циклъ Вильгельма Оранскаго (Guillaume d'Orange) легенду Жирара Руссильонскаго (Girard de Roussillon), легенду о завоеваніи Бретани Карломъ Великимъ, легенду Рауля Кембрійскаго (Raoul de Cambrai), Ожье Датскаго (Ogier de Danemark), и св. Фарона Моескаго (Saint Faron de Meaux), отмѣчаетъ оставшіяся кое-гдѣ черты дѣйствительныхъ событій, отпечатокъ религіозныхъ сказаній, традиціонныя мѣста, излюбленныя творческой фантазіей, а главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на топографію и географію разсматриваемыхъ пѣсенъ. Изученіе дорогъ и различныхъ путей старинной Франціи, по мнѣнію почтеннаго автора, дастъ не мало пояснительнаго матеріала для исторіи сложенія и измѣненія эпическихъ пѣсенъ средне-вѣковья.—Обращаясь въ своемъ изслѣдованіи къ работамъ по эпосу другихъ ученыхъ, авторъ даетъ такимъ образомъ возможность сопоставить его предположенія и заключенія съ выводами и гипотезами предшественниковъ, что весьма интересно и полезно.—Матеріалъ, разбираемый Ж. Бедье, очень обширенъ, обработанъ съ большою тщательностью и искусствомъ (особенно легенда о Жирарѣ Руссильонскомъ); изслѣдователи эпическихъ пѣсенъ найдутъ въ выше-указанномъ трудѣ автора не мало для себя цѣннаго, и каждый историкъ литературы съ интересомъ прослѣдитъ вмѣстѣ съ авторомъ взаимодѣйствіе устныхъ и письменныхъ произведній, взаимодѣйствіе, которое ясно обозначилось въ эпическихъ пѣсняхъ средневѣковья.

Е. Елеонская.

Strehlow, C. *Mythen, Sagen u. Märchen des Aranda Stammes in Zentral-Anstralien.* Bearb. von M. v. Leonhardi. Th. I Fr. a. M. 1907. Veröffentlichungen aus dem Städtischen Völker-Museum. B. I.

Замѣчательно быстрый ростъ Франкфуртскаго этнографическаго музея, благодаря дѣятельности Verein'a des Frankfurt Völker-Museum, вошедшаго въ число лучшихъ этнографическихъ музеевъ Германіи, позволилъ дирекціи его уже въ 1907 г. приступить къ изданію научныхъ трудовъ по этнографіи (и соматической антропологіи), ежегодно выпуская по тому, представляющему значительный научный интересъ. Томъ Iноситъ вышеуказанное заглавіе. Труды Спенсера и Гиллена обратили вниманіе ученыхъ на племена

Центральной Австралiи. Теперь мы имѣемъ новые труды другого изслѣдователя тѣхъ же племенъ, нѣмецкаго миссiонера Стрелова, работающаго среди дiери и аранда (arunta у Спенсера и Гиллена) съ 1892 г. и знающаго въ совершенствѣ языкъ какъ аранда, такъ и живущихъ къ сѣверо-западу отъ нихъ лоритьи. Обработка фонъ Леонарди присланнаго Стреловымъ рукописнаго матерiала сводилась къ редакцiоннымъ поправкамъ; относительно тѣхъ мѣстъ въ рукописяхъ, которые ему казались неясными, онъ запрашивалъ Стрелова и руководствовался затѣмъ письменными разъясненiями этого послѣдняго. Онъ не измѣнялъ ни въ чемъ смысла текста и оставилъ вездѣ термины, принятые Стреловымъ: богъ, богиня, затѣмъ—предокъ и пр., хотя эти выраженiя и могутъ вызвать возраженiя при современномъ состоянiи науки. Неподкрашенный текстъ Стрелова даетъ полную возможность читателю этнографу сдѣлать вѣрную оцѣнку этимъ терминамъ.

Преданiя, собранныя Стреловымъ, очень цѣнны и тѣмъ болѣе интересны, что онѣ мѣстами добавляютъ данныя англiйскихъ изслѣдователей. Мѣстами Стреловъ расходится съ ними, благодаря чему, очевидно, возникнутъ добавочныя изслѣдованiя. Мы остановимся на нѣкоторыхъ показавшихся намъ болѣе интересными преданiяхъ.

Для выясненiя вѣрованiй малокультурныхъ народовъ о верховномъ существѣ представляютъ интересъ разсказы объ Altjira, добромъ существѣ, „вѣчномъ", живущемъ на небѣ. Небо—страна, какъ земля, съ высокими деревьями, неизсякаемыми источниками, обилiемъ птицъ и звѣрей; млечный путь—большая рѣка. Altjira представляется туземцамъ высокимъ и сильнымъ человѣкомъ съ лапами эму, вмѣсто ногъ. У него много женъ (tnéera—„красивыя"); у женъ—ноги собачьи. Сыновья Altjira обладаютъ лапами эму, а дочери—собачьими ногами. Такимъ образомъ, аналогично съ другими народами, и у туземцевъ Центр. Австралiи поколѣнiя сверхестественныхъ существъ являются съ зооморфными чертами (§ 1—2).—Преданiя о первобытныхъ временахъ повторяютъ сходныя съ преданiями другихъ народовъ черты. Земля и небо не были раздѣлены непроходимымъ пространствомъ. Переходъ съ той на другое былъ доступенъ, живущiе на землѣ люди-утки отправлялись на охоту на небо (ч. 2), поднимаясь туда по высокой горѣ. Земля существовала всегда, но была покрыта водой

(2). Созданіе настоящихъ людей изъ неразвитыхъ формъ существами „вѣчными“, „несозданными“, т. называемыми altjirangamikjina, странствованія тотемическихъ предковъ, обученія ихъ людей священнымъ тайнамъ (слово интихіумъ Стреловъ объясняетъ словами „посвящать“, „обучить“) возникновенія чурингъ (churinga Спенсера и Гиллена, tjuringa у Стрелова) и придаваемое имъ значеніе описаны Стреловымъ въ нѣсколько иныхъ, но въ общемъ въ сходныхъ чертахъ съ англійскими изслѣдователями. (2—5). Культурнымъ героемъ, исправившимъ несовершенныя формы людей и давшимъ имъ блага культурной жизни: огонь, копье, метательный снарядъ для копья, бумерангъ, щитъ, установившимъ брачныя ограниченія,—является зооморфный Mangar Kunjerkunja—ящерица (6). Интересны представленія о злыхъ существахъ, erintja. Изъ нихъ нѣкоторыя, kokolura напр., собакообразны, но съ человѣческими руками и ногами кенгуру; у нихъ очень длинныя уши и зубы, на бородѣ и на носу длинные волосы (11). Mangaparra летаютъ въ видѣ большихъ черныхъ птицъ съ человѣкообразными лицами и длинными черными волосами; они охотятся за душами дѣтей, которыя и съѣдаютъ. Tjimbarkna имѣютъ образъ женщинъ съ длинными волосами, въ которые онѣ вплетаютъ кости. Онѣ обматываютъ душу человѣка нитями, и затѣмъ тянутъ къ себѣ за эти нити—и человѣкъ умираетъ. Imararinja живутъ въ вѣтвяхъ омелы, имѣютъ видъ зеленыхъ летучихъ змѣй; они входятъ въ сердце человѣка и дѣлаютъ его больнымъ. Но знахарь-шаманъ можетъ высосать ихъ (11—13). Нѣкоторыя изъ этихъ существъ летаютъ въ вихрѣ, въ вѣтрѣ. Интересно представленіе, что въ бурѣ летаютъ злыя существа въ видѣ огромныхъ звѣрей (13, 14)—какъ-будто намекъ на вѣру въ зооморфный видъ души вѣтра-вѣтровъ.—Характерны представленія о странѣ мертвыхъ, о возвращеніи съ нея умершаго и объ окончательной гибели его души (15—16). Солнце представляется туземцамъ Центр. Австраліи женщиной; но на связь солнца съ огнемъ указываетъ одна подробность: солнце-женщина поднялось на небо съ горящей головней (16). Преданіе о мѣсяцѣ—бѣломъ свѣтящемся шарѣ—вполнѣ сходно съ записаннымъ англійскими изслѣдователями (17). Изъ остальныхъ космогоническихъ преданій заслуживаетъ вниманія миѳъ о появленіи и исчезновеніи кометы. Съ цѣлью отомстить строптивой женѣ, одинъ человѣкъ

прибѣгаетъ къ колдовству: онъ нарисовалъ на землѣ изображеніе своей жены, и по контурамъ его зажегъ небольшіе огни. Затѣмъ онъ сталъ пускать въ изображеніе множество небольшихъ копій. Черезъ нѣсколько дней онъ забросилъ всѣ копья на небо, а также и горящее изображеніе, которыя и стали кометой и ея хвостомъ. Жена между тѣмъ совершенно иссохла. Онъ сжалился надъ ней и помазалъ ея тѣло жиромъ, отчего она поправилась. Онъ удалилъ также ея изображеніе съ неба (исчезновеніе кометы) (25; срв.: Spencer and Gillen, The Native Tribes of Central Australia. L. 1899. p. 549—550, гдѣ приложено магическое изображеніе женщины, рисуемое на землѣ съ цѣлью заставить ее сохнуть и умереть).—Дождь—дѣло такъ называемыхъ дождевыхъ людей; они ходятъ съ мѣшками, въ которыхъ заключены туча, молнія, градъ и бѣлыя раковины takula. Они съ неба кидаютъ все это на землю, страшно ревя (и - громъ) (27). Иногда они бросаютъ внизъ зажженный хвостъ кенгуру—тогда молнія ударяетъ во что нибудь, и загорается пораженный ею предметъ (26; связь молніи съ огнемъ земнымъ). Всѣ дождевыя люди были, по преданію, обращены въ бѣлый камень, и досель лежащій въ Ntaksina. Къ нему идутъ совершать свои обряды люди тотема Дождя, желая вызвать дождь (они трутъ камень руками) (28).—Преданія о сверхъестественныхъ кенгуру (32—42) кончаются мотивомъ превращенія въ камень или чуринга и кромѣ того представляютъ яркія бытовыя картины охоты на кенгуру и раздѣла мяса убитаго животнаго (42).—Рядъ преданій (42—101) о сверхъестественныхъ животныхъ-людяхъ повторяютъ съ удивительнымъ однообразіемъ тѣ же черты: хожденіе, преслѣдованіе, обученіе культовымъ дѣйствіямъ, скрываніе подъ землей, превращеніе въ скалы и чуринги. Людоѣдство осуждается (s. 90—92). S. 94: описывается колдовство посредствомъ волшебныхъ палочекъ; s. 87—88: обученіе спеціальной женской пляскѣ; s. 51—53—мотивъ пошенія на себѣ (въ сумкѣ) своихъ женъ, которыхъ какъ и учениковъ своихъ, герой обращаетъ для этого временно въ чурринги.

Вслѣдъ за преданіями Стреловъ сообщаетъ нѣсколько сказокъ племени Aranda. Разница между преданіями и сказками заключается въ томъ, что первыя разсказываются только лицамъ, принятымъ въ общество мужчинъ, и считаются за правду; сказки же знаютъ также женщины и дѣти. Ихъ разсказываютъ имъ,

чтобы внушить страхъ, удержать отъ любопытнаго разузнаванія религіозныхъ тайнъ. Нѣкоторыя сказки служатъ исключительно для развлеченія (s. 101). Отмѣтимъ слѣдующіе мотивы: о маленькаго роста людяхъ, tüanjiraka, которые отрѣзали себѣ правую ногу и въ странствованіяхъ носятъ ее на плечѣ; на стоянкѣ они прикладываютъ ногу на мѣсто и ходятъ на двухъ ногахъ; мотивъ о временномъ умираніи посвященныхъ юношей (у нихъ toanrjiku отрубаетъ голову, ударивъ по ней хвостомъ ящерицы) (s. 102); о борьбѣ съ злобными существами, подкарауливающими героиню у воды (s. 103); о неразумномъ народѣ (s. 104).

Изданіе Франкфуртскаго Музея украшено прекрасными таблицами съ изображеніями чурингъ и объясненіями ихъ рисунковъ, а также воспроизводящими различные предметы, употребляемые туземцами при тотемическихъ дѣйствіяхъ. Франкфуртскій Музей, благодаря содѣйствію Verein-a, посвященнаго его преуспѣянію, является обладателемъ единственной въ Германіи по богатству коллекцій чурингъ и другихъ предметовъ культа. Тщательное воспроизведеніе чурингъ стало возможнымъ только благодаря рисункамъ съ оригиналовъ г. Сарга (Sarg. F. C. A). При видѣ подлинныхъ рисунковъ на чурингахъ, можно оцѣнить, сколько труда стоили эти копіи рисовавшему.

В. Х—на.

Arnold van Gennep. *Les rites de passage.* Paris, librairie critique Emile Nourry, 1909; pp. II+288. 8°.—

Arnold van Gennep. *Religions, moeurs et légendes.* Paris société du Merkure de France, 1908; pp. 318. 12°.

Въ первой изъ названныхъ книгъ авторъ разработалъ весьма важную и интересную тему, до сихъ поръ мало привлекавшую къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Это—обряды и церемоніи, пріуроченные къ тому моменту, когда человѣкъ мѣняетъ свое положеніе, географическое ли или соціальное, и вступаетъ въ новыя условія жизни. Данную тему ванъ-Геннепъ беретъ очень широко; онъ послѣдовательно, хотя не съ одинаковой подробностью, описываетъ обряды, связанные съ переходомъ изъ одной области въ другую, съ выходомъ изъ одной группы и вступленіемъ въ другую, обряды, относящіеся къ беременности и родамъ, къ рож-

денію и дѣтству, церемоніи „посвященія", обряды при обрученіи и бракѣ, похоронные обряды, и въ заключеніе нѣкоторые обряды, связанные съ перемѣной временъ года, когда человѣкъ тоже мѣняетъ свое положеніе. Своей роли авторъ однимъ подборомъ фактовъ не ограничиваетъ; онъ не только описываетъ извѣстные обряды, но и старается проникнуть въ ихъ внутреннюю сущность, показать ихъ смыслъ и значеніе. Трактуя ихъ какъ „магико-религіозные" обряды, онъ устанавливаетъ для нихъ довольно сложную классификацію: дѣля всѣ вообще вѣрованія на двѣ основныя категоріи анимистическія и динамистическія (основанныя на безличномъ принципѣ), онъ кладетъ соотвѣтственное дѣленіе и въ основу классификаціи обрядовъ. Затѣмъ внутри каждой изъ этихъ двухъ основныхъ категорій онъ различаетъ обряды, основанные на симпатіи и на контагіи, далѣе слѣдуетъ дѣленіе на обряды положительные и отрицательные, основанные на прямомъ воздѣйствіи и косвенномъ. Различныя сочетанія этихъ четырехъ попарныхъ дѣленій даютъ въ итогѣ 16 различныхъ комбинацій. Такъ, напримѣръ, запрещеніе для беременной женщины ѣсть извѣстныя блюда, чтобы не повредить будущему ребенку, является, съ точки зрѣнія ванъ-Геннепа, обрядомъ динамистическимъ-контагіонистическимъ-прямымъ-отрицательнымъ; человѣкъ, въ минуту опасности обѣщающій извѣстное приношеніе Богородицѣ, выполняетъ обрядъ анимистическій-симпатическій-косвенный-положительный и т. д. Не меньшее значеніе придаетъ авторъ и послѣдовательной смѣнѣ отдѣльныхъ церемоній, входящихъ въ составъ сложнаго и длительнаго обряда. Здѣсь онъ различаетъ три основныхъ момента: 1) *отдѣленіе* отъ прежней группы или прежнихъ условій; 2) *свободу* или оторванность (marge); 3) *присоединеніе* или пріобщеніе къ новой группѣ. Сообразно этому одни обряды трактуются какъ обряды отдѣленія (séparation), другіе—какъ обряды промежуточнаго свободнаго состоянія, и третьи—какъ обряды пріобщенія (agrégation). Въ различныхъ случаяхъ эти категоріи обрядовъ играютъ не одинаковую роль; такъ, похоронные обряды — преимущественно обряды отдѣленія, въ бракѣ же, наоборотъ, на первый планъ выступаютъ обряды пріобщенія, тогда какъ при беременности главную роль играютъ обряды промежуточнаго момента. Иногда эта схема какъ бы удваивается, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда промежуточный моментъ настолько развитъ, что можетъ

составить самостоятельную стадію. Такъ, періодъ сватовства составляетъ промежуточный моментъ между возмужалостью и бракомъ, но переходъ отъ возмужалости къ сватовству содержитъ въ себѣ специальный рядъ обрядовъ отдѣленія, промежуточности и пріобщенія къ промежуточному моменту, къ сватовству.

Нечего и говорить, насколько важна поставленная ванъ-Геннепомъ задача и какъ много новаго свѣта способна пролить она на жизнь первобытныхъ народовъ. Но нельзя при этомъ и закрывать глаза на трудности, стоящія на пути къ правильному рѣшенію этой задачи. Главная изъ нихъ состоитъ въ довольно легкой возможности ошибочнаго истолкованія въ качествѣ магико-религіознаго обряда факта, имѣющаго подъ собой иныя болѣе реалистическія основанія или являющагося простымъ пережиткомъ прежнихъ вполнѣ реальныхъ отношеній. Думается мнѣ, что и ванъ-Геннепъ не вполнѣ свободенъ отъ нѣкоторыхъ увлеченій и односторонностей въ этомъ направленіи. Избѣжать ихъ вполнѣ, впрочемъ, было бы очень трудно и самому осторожному изслѣдователю, въ виду новизны дѣла. Во всякомъ случаѣ, наличность такихъ увлеченій нисколько не мѣшаетъ книгѣ ванъ-Геннепа быть глубоко интересной и поучительной.

Вторая книга ванъ-Геннепа представляетъ сборникъ небольшихъ статей, затрогивающихъ чрезвычайно разнообразныя темы и написанныхъ въ большинствѣ случаевъ по поводу тѣхъ или другихъ явленій текущей этнографической литературы. Не представляя чего нибудь цѣлостнаго и стройнаго, сборникъ тѣмъ не менѣе представляетъ большую цѣнность. Онъ, съ одной стороны, отражаетъ въ себѣ основныя теченія новѣйшей этнографической литературы, а съ другой, очень многія его статьи чрезвычайно полезны для начинающихъ заниматься этнографіей. Ванъ-Геннепъ умѣетъ ясно и отчетливо ставить трактуемые вопросы и тѣмъ самымъ его статейка иногда даетъ возможность неспеціалисту легче разобраться въ вопросѣ, чѣмъ какое либо обширное изданіе.

А. Максимовъ.

Cosquin, Emmanuel: *Le prologue—cadre des mille et une nuits; les légendes perses et le livre d'Esther* (Extrait de la Revue biblique internationale 1909. Janvier, Avril) Paris 1909. 80 pages.

Извѣстный изслѣдователь сказки Э. Коскэнъ въ новой своей статьѣ разбираетъ мнѣніе лейденскаго ученаго de Goeje, возводящаго прологъ-рамку сказокъ Тысячи и одной ночи и библейскую книгу Есѳирь къ древней персидской легендѣ и отожествляющаго Шехеразаду и Есѳирь. Не соглашаясь съ доводами вышеназваннаго ученаго, Коскэнъ дѣлаетъ подробный и обстоятельный разборъ того разсказа, который служитъ и вступленіемъ и рамкою для сказокъ Тысячи и одной ночи. Сравнивъ между собою длинный рядъ версій этого разсказа, преимущественно индійскихъ, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что тема пролога-рамки принадлежитъ Индіи, три варіанта этой темы разошлись въ разныя стороны: къ сѣверу (литература китайская) и къ западу (литература арабская и берберская, литература итальянская и устная традиція венгерская) направился первый варіантъ; второй—къ западу (литература персидская и турецкая), третій—къ западу также (литература арабская и турецкая). Персія сыграла свою обычную роль—посредницы—въ этомъ распространеніи версій, и напрасно было бы искать въ нихъ слѣдовъ коренныхъ персидскихъ легендъ. Отвергнувъ древне-персидскую легенду, какъ основаніе пролога-рамки сказокъ Тысячи и одной ночи, Э. Коскэнъ такъ же рѣшительно отклоняетъ мнѣніе извѣстнаго ассиріолога Jensen'а, что въ основаніи книги Есѳирь лежатъ древнія эламито-вавилонскія сказанія, изображающія борьбу божествъ вавилонскихъ и эламитскихъ.—Нѣсколько словъ посвящаетъ авторъ и предположенію ассиріолога P. Haupt'а, что прототипъ Есѳири и Шехеразады находится въ лицѣ Ѳедимы Геродота, которая, въ свою очередь, является олицетвореніемъ свѣта. — Это мнѣніе опять таки не принимается Э. Коскэномъ. Такимъ образомъ, почтенный авторъ является убѣжденнымъ защитникомъ Индіи, какъ родины занимающей насъ темы; убѣдительность и отчетливость доказательствъ Э. Коскэна, при обиліи доказательнаго матеріала, дѣлаетъ его работу весьма цѣнной для изслѣдователей сказки, и приводимыя имъ вкратцѣ теоріи ассиріологовъ и арабистовъ знакомятъ съ современными учеными воззрѣніями, въ которыхъ нельзя не отмѣтить нѣкоторой склонности къ миѳологическимъ основаніямъ.

Е. Е—ская.

Friedrichs, Gustav: *Grundlage, Enstehung und genaue Einzeldeutung der bekanntesten germanischen Märchen, Mythen und Sagen.* Leipz. 1909. 495 стр.

Сравнительное изученіе религій заставило обратиться къ подробному изученію религіозныхъ сказаній народовъ, число которыхъ за послѣднія десятилѣтія пополнилось матеріаломъ, добытымъ изъ клинообразныхъ письменъ Ассиріи и Вавилона.

Религіозныя сказанія древнихъ народовъ Месопотаміи поставлены въ связь съ библейскими и классической древности на основаніи сходныхъ сюжетовъ и близости второстепенныхъ подробностей. Мало этого: доселѣ существующія на всемъ земномъ шарѣ сказки оказываются при внимательномъ сопоставленіи весьма близкими по своимъ сюжетамъ (какъ главнымъ, такъ и второстепеннымъ) къ сказаніямъ, сохранившимся въ клинописи.—Ближайшею и увлекательною цѣлію для изслѣдователей является выдѣленіе изъ всего огромнаго наличнаго матеріала религіозныхъ и фольклорныхъ сказаній общихъ чертъ, обрисовывающихъ коренные мотивы (если даже нѣкоторые изъ нихъ уже спустились на ступень подробности), затѣмъ опредѣленіе этихъ мотивовъ опять таки сравнительнымъ путемъ и уже окончательное установленіе основного круга сказаній, религіозныхъ по преимуществу, или, иначе сказать, миѳовъ.—Эту цѣль можно назвать и конечною[1] въ виду того, что опредѣлить изначальное происхожденіе миѳа едва ли возможно при наличности имѣющагося матеріала[2]. Такимъ образомъ, къ выясненію коренныхъ религіозныхъ сказаній привлекаются и сказки, какъ имѣющія общія черты съ ними въ сюжетахъ и въ подробностяхъ[3]. Въ то время какъ типъ миѳа, сказанія, сказки пред-

[1]) Особенно настойчиво проводитъ исканіе этой конечной цѣли Eduard Stucken въ своей работѣ Astralmythen der Hebräer, Babylonier und Aegypter. I, II, III, IV, V T. 1896—1907.

[2]) Wir wissen nicht von wannen der Mythos kommt......Religion, Philosophie, Kunst und Wissenschaft stammen vom Mythos—утверждаетъ Stucken стр. 432.

[3]) Stucken, въ ряду своихъ весьма смѣлыхъ сопоставленій, находитъ общераспространенный сюжетъ борьбы съ чудовищемъ въ слѣд. сказаніяхъ и сказкахъ (которыя и возводитъ къ одному прототипу): библейскія повѣствованія о Іаковѣ и Давидѣ, миѳъ о Персеѣ, миѳъ о Пелеѣ, сказаніе изъ Гватемалы о братьяхъ (Popol vuh), нѣмецкая сказка о братьяхъ (Grimm. № 60), египетская сказка о братьяхъ (папирусъ d'Orbiney), миѳъ о Тезеѣ. Стр. 128. 129.

ставляется неустойчивымъ, мотивъ ихъ обыкновенно отличается неизмѣнностью [1]), и его легко выдѣлить изъ разнообразныхъ наслоеній подробностей. Благодаря послѣднему обстоятельству попытки выдѣленія и сопоставленій сюжетовъ встрѣчаются у многихъ изслѣдователей, при чемъ послѣдніе иногда доходятъ до крайности. Опираясь на сказанія древняго Междурѣчья, имѣющія астральный характеръ, какъ на наиболѣе раннія, изслѣдователи возводятъ къ нимъ разнообразныя сказанія и сказки на основаніи сходства сюжетовъ и подробностей и толкуютъ ихъ, какъ остатки астральныхъ воззрѣній. Вслѣдствіе этого дѣйствующія лица сказки считаются олицетвореніями небесныхъ свѣтилъ въ ихъ разнообразныхъ фазахъ. Въ такомъ родѣ составлена работа G. Friedrichs'а, отмѣченная выше. Авторъ, разобравъ многія нѣмецкія сказки въ связи съ пѣснями Эдды, сказаніями американскихъ индійцевъ, австралійцевъ-дикарей, сказками другихъ народовъ земного шара, нашелъ въ нихъ только олицетворенія солнца, луны, планеты Венеры. Иванушка-дурачекъ (der dumme Hans) въ его постепенномъ превращеніи въ героя побѣдителя, не иное что, какъ утренняя звѣзда, то загорающаяся, то скрывающаяся (стр. 25. 212). Три брата сказки—это свѣтила небесныя: солнце, луна, Венера; послѣдняя, блѣднѣющая при свѣтѣ первыхъ,—младшій, притѣсняемый старшими, братъ (ст. 37). Бочка съ гвоздями—небо съ потемнѣвшими звѣздами; вѣщіе тревожные сны — тучи, находящія на свѣтила (402—403). Да и всѣ антитезы, на которыхъ строится сказка—это противоположныя состоянія солнца, луны, Венеры—они то восходятъ, то заходятъ. Такое однообразіе въ толкованіяхъ авторъ допускаетъ потому, что разнообразіе въ наложеніи сказокъ разсматриваетъ, какъ наслоенія на астральныя миѳы, которые онъ и считаетъ нужнымъ выдѣлить, не обращая вниманія, ни на бытовыя черты, ни на то, что поэтическое творчество можетъ создавать картины и сочетанія, ничего общаго не имѣющія съ древними астральными сказаніями. Затративъ не мало труда на сопоставленіе параллельныхъ мотивовъ, авторъ не пришелъ ни къ какому положительному выводу и свои толкованія не сдѣлалъ убѣдительными.

Е. Е—ская.

---

[1]) Stucken: Jeder Typus ist schwankend. Motive dagegen sind oft von unglaublicher Zähigkeit. Derselbe Typus tritt bei einem Volke als Mann, bei einem andern als Weib. стр. 189.

Karl von Amira. *Der Stab in der germanischen Rechtssymbolik.* München 1909. (Abhandlungen d. K. Bayer. Akad. der Wissensch. Philosophisch-philol. u. hist. Klasse. XXV B. 1. Abh.).

Каждый символическій обрядъ или предметъ имѣютъ за собою сложную исторію, уяснить которую бываетъ и поучительно и интересно. Міровоззрѣніе прошлаго вскрывается по мѣрѣ того, какъ многіе символы, сохранившіеся въ различныхъ житейскихъ обычаяхъ, получаютъ объясненіе и отыскивается ихъ исходный пунктъ.

Въ вышеобозначенной книгѣ авторъ разсматриваетъ символику посоха въ германскомъ правѣ; до этого конечнаго пункта своей работы онъ идетъ долгимъ путемъ изученія тѣхъ представленій и воззрѣній, которыя связывались съ посохомъ вообще, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ онъ находился.—Прежде всего онъ беретъ посохъ странника и разсматриваетъ различные обычаи и обряды, съ нимъ связанные у народовъ запада и востока. Этотъ посохъ, сдѣланный изъ опредѣленнаго дерева и окрашенный въ бѣлый цвѣтъ по преимуществу, считался чудеснымъ, съ нимъ связывались многія повѣрья и обычаи; дать кому нибудь посохъ странника означало изгнать его, удалить изъ селенія. Символическое значеніе соединилось съ посохомъ въ глубокой древности. Волшебное значеніе его, по мнѣнію автора, имѣетъ въ основаніи черты фетишизма. — Посохъ странника, затѣмъ посла, слуги, властителя, судьи—это все ступени постепеннаго развитія какъ функцій даннаго предмета, такъ и идеи съ нимъ связанной. По главная идея—идея чудеснаго—связывается съ посохомъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, для какихъ бы цѣлей онъ ни употреблялся. Вслѣдствіе этой идеи цѣлый рядъ обрядовыхъ дѣйствій связывается съ предметомъ. Съ помощью посоха рѣшаются дѣла: надъ нимъ произносится судебная клятва, его ломаютъ, удаляя слугу, отказываясь отъ должности, обломки его считаются цѣлебными, оберегательнымъ средствомъ, и т. д.

Авторъ въ подтвержденіе своихъ положеній беретъ множество разнообразныхъ примѣровъ изъ народнаго быта, судебной практики, литературы, и, благодаря обширному матеріалу, его изслѣдованіе является очень полнымъ и интереснымъ по сообщаемымъ свѣдѣніямъ.—Главный центръ тяжести труда Карла фонъ Амира лежитъ, конечно, въ томъ, чтобы отчетливо представить ту роль,

которую игралъ посохъ въ судебной практикѣ германцевъ и указать на то, что эта роль въ данное время выражается въ символикѣ судебнаго языка и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, которыя относятся къ обрядовой, такъ сказать, сторонѣ.

Для этнографа трудъ К. Амира дастъ не мало полезнаго матеріала, искусно сгруппированнаго и снабженнаго интересными заключеніями.

Авторъ, главнымъ образомъ, касается символики посоха въ юридическихъ обычаяхъ у западныхъ индо-германскихъ народовъ, оставляя на долю восточныхъ лишь нѣкоторыя замѣчанія.

Въ концѣ наслѣдованія приложены снимки со старинныхъ гравюръ и картинъ, гдѣ изображены лица извѣстнаго состоянія и положенія съ посохомъ—какъ ихъ важной принадлежностью.

Е. Е—ская.

Mehmed Tevfiq, *Ein Jahr in Konstantinopel. Nach dem Stambuler Druck... übertragen... von d-r Th. Menzel.* Berlin. 1905—1909. VII+62; VIII+64; 89; 140; VI+155. (Türkische Bibliothek. Bnde. II, III, IV, VI, X.).

Турецкій бытъ, подъ напоромъ европейскихъ идей, сталъ быстро измѣнять свои формы; и чтобы сберечь для потомства память о жизни предковъ, Мехмедъ Тевфикъ-эфенди зафотографировалъ въ своемъ трудѣ: „Годъ въ Константинополѣ“ (Јстамболда бір сене) сцены изъ народнаго быта. Можно только пожалѣть, что эта работа М. Тевфика, какъ, впрочемъ, большинство его трудовъ, скоро была заброшена и осталась недоконченной.

М. Тевфикъ (1843—189⁹/₀) представляетъ типъ писателя народника, пожалуй этнографа, интересующагося жизнью своего народа по всѣхъ ея проявленіяхъ. Съ этой стороны, его значеніе въ исторіи османской литературы совершенно особо, потому что народничество, какъ литературное направленіе, въ Турціи никогда не процвѣтало. Однако, въ частности, говоря о Тевфикѣ, не приходится изумляться его симпатіямъ къ османской старинѣ, если вспомнить, что его отецъ содержалъ въ Константинополѣ кофейню. До сихъ поръ еще кофейни служатъ для османцевъ своего рода клубомъ, гдѣ публика коротаетъ долгія зимнія ночи, слушая разсказы старожиловъ.

Такимъ образомъ, кофейня была первой школой Тевфика, опредѣлившей всю его литературную дѣятельность. Затѣмъ онъ сталъ сотрудничать въ газетахъ, издававшихся Филипомъ. Самоучка, выбравшійся въ Константинополь благодаря содѣйствію одного итальянца, Филипъ не могъ не сочувствовать юношѣ, вышедшему изъ народа. Фактическимъ редакторомъ издававшейся тогда Филипомъ газеты: „Мубір" былъ Али Суави (одинъ изъ младотурокъ, впослѣдствіи—неудачно пытавшійся освободить изъ заточенія султана Мурада V). А. Суави сталъ руководителемъ Тевфика на литературномъ поприщѣ. Вскорѣ Тевфикъ началъ уже самостоятельно издавать газету: „Асыр"; особенно усиленную издательскую дѣятельность проявилъ онъ во время послѣдней русско-турецкой войны, и его сатирическіе листки и журналы снискали ему большую популярность („Чајлак", „Османлы").

Какъ литераторъ, онъ обратилъ на себя вниманіе правительства, и ему поручено было (А. Вефикъ пашей?) оборудовать въ Брусѣ типографію для печатанія губернскихъ вѣдомостей (*hudavendiar*). Политическія убѣжденія его, какъ почти всякого османца стараго закала, выражаются въ руссофобствѣ, или еще точнѣе, въ ненависти ко всему славянству, потому-что, приглядываясь къ совершавшимся тогда вокругъ него событіямъ, онъ долженъ былъ въ славянахъ видѣть враговъ турокъ.

Среди произведеній М. Тевфика наиболѣе цѣннымъ является „Годъ въ Константинополѣ", переведенный на нѣмецкій языкъ г. Менцелемъ. Цѣль автора состояла въ томъ, чтобы познакомить во всей ея полнотѣ, съ жизнью умирающаго стараго Константинополя. Характеризуя развлеченія, присущія каждому сезону, М. Тевфикъ вводитъ иногда разсказъ или даже цѣлую повѣсть, и описаніе его пріобрѣтаетъ еще бо́льшую живость и занимательность.

Г. Менцель высказываетъ въ одномъ мѣстѣ предположеніе, что окончанію изданія помѣшала цензура, но, конечно, это предположеніе ни на чемъ не основано [1]). Вся дѣятельность Тевфика отличалась лихорадочностью, и, кажется, нельзя указать ни одной его работы, которая была-бы полностью напечатана, можетъ-быть, даже написана. Съ внѣшней стороны, манера его изданій была

[1]) Въ очеркѣ, напечатанномъ въ *Keleti Szemle*. 1909. № 1—2, стр. 1—60, г. Менцель уже отказывается отъ первоначальнаго мнѣнія.

рыночная; его изданія постоянно выходили выпусками, и часто потомъ замирали на полусловѣ.

Вышедшіе въ свѣтъ пять мѣсяцевъ годичнаго цикла заключаютъ въ себѣ:

1) Описаніе зимнихъ развлеченій женщинъ, которыя, собравшись вокругъ „тандыр-баши" (восточной своеобразной печи)[1]), слушаютъ сказки знаменитой профессіоналки Инджили-ханумъ.

2) Описаніе посидѣлокъ, т. назыв. „халвовая бесѣда". Еще до сихъ поръ въ провинціи сосѣди въ складчину собираютъ все нужное для пирушки (обычнымъ кушаніемъ является часто халва, отчего и пирушка носитъ названіе „халвовой бесѣды") и отправляются въ заранѣе условленное мѣсто. Въ домѣ, гдѣ предстоитъ вечеринка, гости затѣваютъ игры, въ прежнее время отличавшіяся иногда грубостью. Объ этомъ подробно разсказываетъ А. Мидхатъ-эфенди въ своемъ разсказѣ изъ временъ янычаръ: „Долаптан темаша" (Іетаіф-і рівајат", часть 20-ая), который г. Менцелю остался неизвѣстенъ. У Куноша въ его сборникѣ пѣсенъ съ Ада-кале (стр. 96—112) помѣщенъ рядъ пѣсенъ, связанныхъ съ приготовленіемъ халвы.

3) Прогулка въ фобургъ Кіат-хане, гдѣ и въ настоящее время весною, особенно 23-го апрѣля, собираются толпы народа. Попутно М. Тевфикъ разсказываетъ исторію брака молодой парочки. Для характеристики положенія женщины, безотвѣтной при выборѣ мужа, эта повѣсть очень цѣнна; къ ней развязка благополучная, такъ-какъ оказывается, что дѣвушку хотятъ выдать за молодаго человѣка, котораго она успѣла уже полюбить на гуляньѣ въ Кіат-хане. Очень любопытны въ повѣсти взгляды молодаго человѣка Шухи, высказываемые имъ относительно женщины. Юноша, выросшій въ провинціи (онъ родомъ изъ Эрзерума), приходитъ въ ужасъ, когда видитъ въ Кіат-хане женщину безъ „яшмака" (вуаль). Онъ разражается потокомъ негодованія, а его учитель (который въ заговорѣ съ родителемъ дѣвушки, предназначенной въ жены Шухи) оправдываетъ ее.

4) Рамазанскія ночи. Во время мѣсяца рамазана мусульмане въ теченіе дня постятся, т. е. не только не принимаютъ въ ротъ ни-

[1]) Это—родъ жаровни, прикрытой одѣяломъ, подъ которое женщины просовываютъ свои ноги.

какой пищи до захода солнца, но даже воздерживаются отъ куренія табаку, нюханья цвѣтовъ и т. д. Послѣ-же захода солнца и вплоть до зари они предаются всякимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Подъ вечеръ мусульмане отъ долгаго поста приходятъ въ страшное раздраженіе, и тогда готовы спорить съ кѣмъ угодно. Вотъ почему Тевфикъ относитъ къ числу необходимыхъ „развлеченій" рамазана споры. На эту тему Абд-улла Зюхди (сейчасъ редакторъ газеты: *„jeнi газета"*) написалъ интересный разсказъ въ сборникѣ: *„Peħӯзар-i матбаттa"* подъ заглавіемъ: „Почтенные старцы", стр. 125—131.

5) Кабаки и собутыльники. Здѣсь Тевфикъ (самъ горькій пьяница) даетъ подробное описаніе кабаковъ въ Стамбулѣ, пересыпая описаніе сценками изъ жизни пьяницъ. (Интересныя дополненія читатель найдетъ въ томъ-же разсказѣ А. Мидхата въ главѣ: „Кабаки"; о галатскихъ кабакахъ XVII вѣка—кое-что въ „Путешествіи" Эвлія-челеби (конст. изд., т. I. стр. 434).

Благодаря г. Менцелю теперь явилась возможность для европейской публики составить себѣ нѣкоторое представленіе о старомъ Константинополѣ. Переводъ выполненъ г. Менцелемъ тщательно, и вся работа обнаруживаетъ, отъ начала до конца, любовное отношеніе переводчика, сопровождавшаго свой переводъ въ большомъ количествѣ подстрочными примѣчаніями, гдѣ разъясняются обычаи восточные, иногда предлагаются чуть не изысканія по поводу собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ текстѣ.

Отмѣчаю нѣкоторые мелкіе недосмотры, хотя и увѣренъ, что по мѣрѣ того, какъ г. Менцель все больше и больше занимался своимъ писателемъ, многое представлялось ему яснѣе, и онъ обо многомъ выразился-бы иначе.

(Вып. II). Предмѣстье „Ejiп", а не: „Ejyп"; не: „кул ăсы" (майоръ), а „кол ăсы"; сомнѣваюсь, чтобы подъ „натур" разумѣлся сторожъ сада, скорѣе, это—слуга въ банѣ.

(Вып. III). На стр. 21. въ прим. 3. приведены стишки дѣтскіе, но второе полустишіе нужно иначе читать; не: „сӧjlемеje *бӧрек* iстер", а „сӧjlемеje *jӯрек* iстер" (сердце хочетъ высказать): петрушка въ вульгарномъ произношеніи называется: „маjданос".

(Вып. IV.) „ħакім" значитъ по-турецки правитель (судья), мудрецъ, а „ħекім"—врачъ. Окончаніе поста дневнаго не только въ Константинополѣ, но и въ провинціи возвѣщается населенію пу-

шечными выстрѣлами (стр. 65, прим. 2). Кажется, „јевм-і шекк“ (день сомнѣнія) можетъ открыть собою мѣсяцъ рамазанъ, а вовсе не завершаетъ его (стр. 79—80, прим. 3). Ошибка произошла оттого, что г. Менцель забылъ порядокъ мусульманскихъ мѣсяцевъ („шабан“ предшествуетъ рамазану, а не наоборотъ).

(Вып. VI). Вульгарная форма: „mehtab“ — „majtab“, „myhallebi“ — „ma(a)lebi“; о персидскомъ поэтѣ Саибѣ († 1677 г.) можно было-бы сказать больше (хотя-бы по Гиббу), потому-что онъ, какъ извѣстно, оказалъ большое вліяніе на османскую литературу; избранныя стихотворенія Нефʼи были изданы также въ серіи „Библіотеки Абу-з-зія“; вм.: „дере-і ам“ говорить „дере-ам“.

(Вып. X). Школа: Галата-сарај не можетъ называться по-турецки мектеб-і султаны, а „мектеб-і султані“ такъ-какъ это—т. наз. „і“ отношенія. Не: „Нур-і османі“, а въ видѣ исключенія: „Нур-і османије“ (стр. 51), не: „фазуlija“, а „фасуlija“.

Мнѣ не совсѣмъ понятно, почему въ приложеніи данъ переводъ изъ „теркіббенда“ Зія-паши. Г. Якобу должно-же быть извѣстно, что это произведеніе, правда, очень извѣстное, написано въ подражаніе „теркіббенду“ Рухи Багдадскаго.

„Годъ въ Константинополѣ“ составитъ украшеніе „Турецкой библіотеки“, и намъ остается только поздравить г. Менцеля, который такъ удачно сдѣлалъ выборъ произведенія для перевода и такъ интересно обставилъ свою работу примѣчаніями.

Вл. Гордлевскій.

D-r Friedrich Vincze, *Beiträge zur Kenntnis des Anatolischen Türkisch. Budapest.* 1909. 41 стран. [1]).

Г-нъ Винце не совсѣмъ новичекъ въ литературѣ. Въ 1906 году онъ выпустилъ небольшую книжечку о современномъ османскомъ поэтѣ, Мехмедѣ Эминѣ, стихотворенія котораго, глубоко-національныя по своему содержанію (особенно въ первый періодъ его литературной дѣятельности), представили откровеніе и въ метрическомъ отношеніи, воспроизводя старый силлабическій строй. Въ нынѣшнемъ году г. Винце издалъ опытъ литературной монографіи о современномъ прозаикѣ, Ахмедѣ Расимѣ, грустно-сан-

[1]) Книга извлечена изъ журнала: „*Keleti szemle*“ (Revue Orientale), 1906, что почему-то не обозначено на обложкѣ.

тиментальномъ, маскировавшемъ разочарованность, въ послѣдніе годы абдул-хамидскаго режима, дешевымъ фиглярствомъ. Такимъ образомъ, въ живомъ интересѣ г. Винце къ османской литературѣ у насъ не можетъ быть сомнѣній; но о значеніи обѣихъ работъ его приходится ограничиться однимъ констатированіемъ фактовъ, такъ какъ написаны онѣ на недоступномъ для насъ венгерскомъ языкѣ. Впрочемъ, рецензируемая нами работа скорѣе говоритъ о малой подготовленности автора.

„Beiträge" г. Винце заключаютъ въ себѣ, главнымъ образомъ, этнографическій матеріалъ, записанный въ городѣ Коніи. Овъ хотѣлъ дать характеристику языка городскихъ жителей; но, повидимому, не обладая начитанностью въ діалектахъ османскаго языка, онъ иногда считаетъ обычным въ народномъ языкѣ явленія особенностями діалекта конійскихъ горожанъ. Въ транскрипціи также встрѣчаются кое-какіе недочеты.

Что́ касается самаго этнографическаго матеріала, то онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ (5) сказокъ, варіанты которыхъ записаны были раньше г. Куношемъ, двухъ легендъ, одного суевѣрія и трехъ стихотворныхъ записей. Текстъ сопровождается у г Винце переводомъ. И вотъ, переводъ г. Винце мѣстами чудовищенъ до виртуозности, такъ что для читателя не-оріенталиста пользованіе имъ въ этнографическихъ цѣляхъ можетъ быть опасно. Напр.: г. Винце записалъ распространенное въ Турціи повѣріе (стр. 39) объ укушенномъ бѣшеной собакой. Чтобы обезопасить себя отъ сумасшедшаго, сто́итъ вылить ему на голову воду, и онъ умретъ. Въ текстѣ о страдавіяхъ укушеннаго такъ сказано (привожу дословный переводъ): „въ теченіе 40 дней онъ ежедневно рожаетъ трехъ четырехъ щенятъ". Не правда ли, пикантно! Г. Винце, вообще придерживающійся въ переводѣ точности до безсмыслепности, на этотъ разъ рѣшилъ, что нужно сократить число щенятъ, и перевелъ:... „(wird) jeden Tag *ein* Hündchen gebären!" Между тѣмъ, образное османское выраженіе просто-напросто обозначаетъ силу страданій укушеннаго, сравниваемыхъ съ родами: онъ кричитъ такъ, какъ если бы рожалъ собакъ. Такъ какъ во время записи текстовъ г. Винце неоднократно переспрашивалъ, вѣроятно, разсказчика, стройность фразы нарушалась, и вослѣдствіи онъ самъ уже затруднялся понимать текстъ. Такъ, на стр. 35 (въ текстѣ): „о тенжередекі ніціпте кöпек јаврулары дöрт чоджуу је-

jеджек деjі". Т.-е. (женщина) заявила: (когда) щенята, что въ скороводкѣ, изжарятся, ея четверо дѣтей съѣдятъ ихъ". А у г. Винце наоборотъ: „Die Hündchen, die in jenem Gefäss kochen, werden ihre vier Kinder essen"! Въ этой же легендѣ (смыслъ которой для г. Винце неясенъ): тамъ рѣчь идетъ не о дорогѣ, а о *свиньѣ*, („мур" [1]) вм. „нур") встрѣчается ошибка, которая показываетъ, что г. Винце, переводя тексты, думалъ о чемъ угодно, но не о точности или о смыслѣ. На стр. 37 „Шімді сӱкӱllер" онъ перевелъ: Sie (сосѣди?) gingen auseinander. Между тѣмъ, разсказчикъ хочетъ сказать, что женщина, ограничившись двумя словами, *замолчала*, почему дальше мужъ и пристаетъ къ ней съ разспросами. Т.-е. „шімді сӱкӱllер-шімді сӱкӱтлар". (А послѣ того долгое молчаніе). Сказка № 3 озаглавлена, въ переводѣ, у г. Винце: „Der Riese und der Sklave. Въ подлинникѣ стоитъ лот, можетъ быть, должно лѳт, въ виду того, что это слово встрѣчается въ текстѣ въ формѣ лорт. Это — проникшее въ народъ англійское слово: „lord". Очевидно, такъ какъ г. Винце не понималъ этого слова, ему объясняли его посредствомъ выраженія бӧjӱк адам (важный, значительный человѣкъ), а г. Винце рѣшилъ, что имѣется въ виду высокаго роста человѣкъ, даже великанъ! Географическія имена понимаются г. Винце такъ же своеобразно, чтобы не сказать болѣе. Такъ, „Шам" (Дамаскъ или Сирія) у него значитъ Египетъ: онъ не знаетъ, что Іерусалимъ называется у османцевъ „Кудс-і шеріф", и всюду оставляетъ: Kutscherif"!

Я выхватилъ изъ перевода копющія ошибки; но это далеко не все. Намъ очень больно видѣть подобные промахи или недосмотры въ работѣ, напечатанной сперва въ спеціальномъ журналѣ, посвященномъ изученію „урало-алтайскихъ" народовъ.

Вл. Гордлевскій.

D-r Ignaz Kúnos. *Türkische Volksmärchen aus Ada-Kale, gesammelt, in Transskription herausgegeben und mit Einleitung versehen.* Leipzig-New York. 1907. Teil I. XXVIII+265. Teil II: (Uebersetzung) 373.

Народныя сказки, собранныя на Ада-Кале, представляютъ въ сущности вторую часть матеріаловъ для изученія народнаго твор-

[1]) Почему „мур" должно значить „дорога", единому Богу извѣстно.

чества забытаго острова, такъ какъ пѣсни были уже изданы д-ромъ Куношемъ въ 1906 году въ трудахъ Венгерской Академіи.

Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ обычныя достоинства и, скажемъ, недостатки работъ г. Куноша. Куношъ, приступая къ записи текстовъ, сознаетъ всю ея трудность, и потому прибѣгаетъ постоянно къ посредничеству третьяго лица (туземца), со словъ котораго онъ, вѣроятно, уже и фиксируетъ текстъ. Этимъ объясняется необычная ровность и гладкость стиля, его иногда утомительное однообразіе. Можетъ быть, зависитъ это еще оттого, что число разсказчиковъ невелико. Говоримъ, *можетъ-быть*: прямыхъ указаній у г. Куноша мы не находимъ, и очень жалѣемъ, что его обильные матеріалы не даютъ читателю никакого представленія о характерѣ или объемѣ сказочнаго запаса того или иного разсказчика, наконецъ, о его личности, что́ крайне было бы важно для пониманія техники османскихъ сказокъ. Помимо уже того, что нѣкоторыя сказки близки къ раньше изданнымъ имъ османскимъ сказкамъ, въ новомъ сборникѣ мы встрѣчаемъ матеріалъ, мѣстами изумительно схожій со сказками полународнаго сборника: „Хрустальный за́мокъ". Вѣроятно, г. Куношъ когда-нибудь разъяснитъ намъ эти недоумѣнія, устраненіе которыхъ, повторяемъ, крайне важно для османскаго фольклориста. Пока, впрочемъ, всѣ эти вопросы его мало интересуютъ, какъ это видно хотя бы изъ безпорядочнаго распредѣленія сказочнаго матеріала.

Разсмотрѣніе звуковыхъ особенностей языка завело бы насъ далеко, и мы ограничимся суммарными указаніями (отсутствіе ŋ, отсутствіе губной лабіализаціи (олдыγы), замѣна мягкихъ гласныхъ твердыми (турлу, аγырмак - еjірмек), присутствіе ў вм. обычнаго „ö" въ первомъ слогѣ (ўзlемек); очень характерна форма: „бола" [1]) (бола-кі бу кары бір hille етмесін" (стр. 160); также: „бу *олаγан* iшlер дір (стр. 130); о вакіттен беру сенiн ічўн јанар јавылырымседе (вм. јакылырсамда) (стр. 143). Любопытна также лексика сказокъ, свидѣтельствующая о разносторонемъ вліяніи сосѣдей на языкъ жителей Ада-Кале. Такъ, изъ южно-славянскихъ языковъ заимствованы напр. „пакоз" (стр. 191)—пакость, „јасла" (стр. 40)—ясли, „кулочка" (сказка № 4)—насѣдка.

[1]) Въ Эдремитѣ говорятъ: „булај". „Булајкі кардашім теlсін". Не архаическое будущее-ли это?—Эта форма встрѣчается также въ литературныхъ памятникахъ (напр., у историка Неима т. IV, стр. 301.).

Въ предисловіи къ первой части г. Куношъ знакомитъ читателя съ бытомъ жителей Ада-Кале.

На этотъ разъ сборникъ доступенъ въ нѣмецкомъ переводѣ и для не-оріенталистовъ. Переводъ сопровождается небольшимъ предметнымъ указателемъ, облегчающимъ читателю справки.

Вл. Гордлевскій.

N. Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches nach den Quellen dargestellt.* Gotha. 1908. Bnd. I, S XIX+486.

Съ большимъ интересомъ взялись мы было просматривать „Исторію Османской имперіи", составленную, какъ значится въ заглавіи, по источникамъ; и очень скоро разочаровались. Профессоръ Йорга (занимающій, вѣроятно, въ Бухарестскомъ университетѣ каѳедру Византійской исторіи) въ предисловіи подвергаетъ рѣзкой,—правда, справедливой—критикѣ труды своихъ предшественниковъ; но его работа вызоветъ также рядъ вѣскихъ возраженій. Поскольку автору приходится характеризовать сношенія политическія и культурныя, грековъ съ турками (сельджуками и османцами), тамъ, опираясь на византійскихъ историковъ, онъ даетъ цѣнную картину.

Безпомощность сказывается по мѣрѣ того, какъ требуется знакомство съ восточными источниками; пользованіе ими изъ вторыхъ, иногда какихъ-то подозрительныхъ рукъ, разомъ подрываетъ довѣріе, и странно, что авторъ рѣшается въ одномъ мѣстѣ авторитетно заявлять о скудости мусульманскихъ источниковъ въ описаніи битвы (въ 1071 году) Алпъ Арслана съ византійскимъ императоромъ, Романомъ IV, тогда какъ по этому вопросу есть новый матеріалъ въ статьяхъ бар. Розена. А вотъ какая транскрипція восточныхъ именъ: Зинистан (Китай), *каукт*ангрі, Кутулмизъ, des Kaisers-i Rum! и т. д. Но нѣкоторыя ошибки совсѣмъ ужъ непонятны: Адолія („heute Satalijeh"); г. Йорга удалось сдѣлать открытіе о невѣдомомъ Конійскомъ морѣ. Гдѣ онъ почерпнулъ такія свѣдѣнія, прямо непостижимо.

Признаюсь, у меня не хватило терпѣнія дочитать до конца трудъ г. Йорга: такъ утомительно дѣйствуетъ описаніе нескончаемыхъ войнъ. Архитектоника труда вообще говоритъ скорѣе объ отсутствіи серьезной исторической школы. а первыя главы

труда, отходящія въ дебри вѣковъ,—для чего пособіемъ ему служитъ Казнъ,—носятъ совсѣмъ компилятивный характеръ.

Очевидно, для того, чтобы написать исторію Турціи, нужно быть не только историкомъ, но и оріенталистомъ.

Вл. Гордлевскій.

Mitteilungen *aus dem Verein der Kgl. Sammlung für deutsche Volkskunde. B. III. H. 1.* B. 1907—08.

Въ 1904 г. Verein des Museums f. deutsche Volkstrachten u. Erzeugnisse des Hausgewerbes zu Berlin, сообразно расширившейся своей дѣятельности и росту покровительствуемаго имъ музея, измѣнилъ свое названіе въ Verein der Sammlung für deutsche Volkskunde. Въ 1907 г. музей, измѣнившій также свое названіе, занялъ болѣе обширное противъ прежняго помѣщеніе (Berlin C. Klosterstrasse, 36). О перемѣщеніи музея, новой систематизаціи его коллекцій, о планѣ собиранія и уже теперь ощущаемыхъ недочетахъ говоритъ отчетъ (составл. К. Brunner'омъ) въ настоящемъ выпускѣ періодическаго изданія Verein-а. Мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ кажущихся намъ интересныхъ вопросахъ. Размѣщены коллекціи по географическимъ областямъ. Устроители музея очень жалѣютъ, что въ предѣлахъ одной географической области нельзя еще, за недостаткомъ собраннаго матеріала, установить хронологическія рубрики. Въ общемъ можно сказать, что въ музеѣ представлены предметы крестьянскаго быта Германіи XIX-го столѣтія, хотя встрѣчаются въ коллекціяхъ многочисленные предметы изъ прежнихъ столѣтій. Устройство музея позволяетъ, переходя изъ залы въ залу (большинство величиной не отвѣчаютъ потребностямъ музея), обозрѣвать одну область Германіи за другой, знакомясь съ ними въ типичныхъ Bauernstuben, и въ разрозненныхъ предметахъ обихода, иногда очень цѣнныхъ. Замыкается кругъ залой съ богатыми сравнительными коллекціями, о которыхъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ ниже.—Недостатокъ герметически закрытыхъ шкаповъ дѣлаетъ особенно затруднительной борьбу съ истребителями—молью и жукомъ (Bohrwurm). Примѣнялась частая чистка шкаповъ и средство продѣ нефталина и соснового масла. Пригоднымъ средствомъ признается также подвергать предметъ дѣйствію сѣроуглерода; деревянные предметы намазываютъ

также керосиномъ въ видахъ предохраненія, въ углубленія, просверленныя жучкомъ, керосинъ вспрыскивается. Печенье опускается въ растворъ сулемы, если нѣтъ опасности измѣнить его окраску. Большихъ трудовъ и расходовъ требуетъ, какъ извѣстно, сооруженіе манекеновъ. Музей старается восполнить недостатокъ типовъ въ манекенахъ фигурками съ лѣпными восковыми головками, также образцами южно-нѣмецкой деревянной рѣзьбы. Нѣкоторые изъ нихъ типичны; къ сожалѣнію, отъ сухости воздуха при центральномъ отопленіи, дерево даетъ трещины. Составитель отчета указываетъ, что въ музеѣ въ Брауншвейгѣ принято дѣлать слѣпки съ наиболѣе типичныхъ живыхъ лицъ изслѣдуемой этнографомъ мѣстности; слѣпки эти затѣмъ окрашиваютъ съ натуры. Въ видахъ удешевленія постановки костюма намъ бросилось въ глаза при осмотрѣ музея, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вылѣплена одна голова съ лицомъ и руки; весь же костюмъ надѣтъ на намышленый сквозной манекенъ, похожій на манекены портныхъ. Точно также цѣлесообразнымъ показалось намъ видѣнное и въ другихъ музеяхъ приспособленіе для выставки головныхъ уборовъ. Уборъ расправляется на полукруглую форму изъ желѣзнаго каркаса, который прикрѣпляется къ легкой подставкѣ. Каркасъ держитъ уборъ расправленнымъ. Музей обладаетъ въ настоящее время болѣе 300 костюмами—собраніе далеко еще не совершенное. Собраніе нѣмецкихъ костюмовъ въ Нюрнбергскомъ Germanisches Museum показалось намъ значительнѣе.

Большой интересъ представляютъ на нашъ взглядъ залъ сравнительныхъ коллекцій. Здѣсь имѣются прежде всего прекрасныя модели разныхъ типовъ нѣмецкихъ жилыхъ построекъ и дворовъ, дающія полное представленіе о жизни семьи въ каждой изъ представленныхъ усадебъ. Далѣе—богатое собраніе украшеній, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются очень тонкой работой, напр. филигранные пояса съ вышивками изъ бородки павлиньихъ перьевъ, съ красивыми привѣшанными къ нимъ мѣшечками, ожерелья изъ весьма крупныхъ янтарныхъ бусъ, коллекція богато украшенныхъ гребней и т. д. Обращаетъ на себя вниманіе собраніе крестьянской посуды. Цѣлью музея въ будущемъ изучить типы ея по областямъ и эпохамъ. Та заботливость, съ которой собираютъ произведенія крестьянскаго гончарнаго искусства въ нѣмецкихъ музеяхъ, систематизируя ее по областямъ и типамъ, достойна подра-

жанія. Наконецъ, въ музеѣ представлена коллекція различныхъ ex-voto и жертвенныхъ приношеній, а также многочисленные пряники и образцы обрядоваго печенья, отчасти уже печезнувшаго.

Періодическое изданіе Verein-а съ вышеуказаннымъ заглавіемъ—первые выпуски выходили подъ заглавіемъ Mitt. aus dem Museum f. deutsche Volkstrachten—представляютъ для этнографа цѣнный матеріалъ. Статьи, кромѣ того, иллюстрированы, что повышаетъ ихъ интересъ. Укажемъ, напр., работы: R. Mielke, Bauernschmuck. B. I. Schlussheft B. II. H. 1. K. Brunner-a Handspinnerei u. volkstümliche Seilergeräte. B. II. H. 3.—O. Schwindrazheim, Feldeinfassungen u. Durchlässe in Ost-Holstein. B. I. H. 4.—O. Spiegelholder, Die Glasindustrie auf. d. Schwarzwald. B. III. H. 1.—K. Häberlin, Trauertrachten u. Trauergebräuche auf d. Insel Föhr B. III. H. 2.—E. Lemke, Aus den auf Tod u. Begräbniss sich beziehenden Sammlungen des Museums B. II. H. 1.—всѣ (за исключеніемъ послѣдняго) съ многими интересными иллюстраціями.—Въ B. II. H. 3. мы встрѣчаемъ Verzeichniss von volkskundlichen Sammlungen u. Museen in Deutschland u. den Nachbarländern. Списокъ этнографическихъ коллекцій и музеевъ Германіи обнимаетъ 27 страницъ и составился изъ отвѣтовъ по разосланнымъ вопросамъ. Упомянуты и музеи (этнографія понимается здѣсь какъ Volkskunde, т.-е. изученія быта одного или нѣсколькихъ народовъ данной страны или области, при этомъ европейской) и сосѣднихъ странъ, хотя списокъ ихъ очень неполонъ. Изъ музеевъ Россіи упомянуты лишь Румянцовскій и Историческій Музей въ Гельсингфорсѣ.

В. Х—на.

Archiv *für Religionswissenschaft. 12 Band. 2 u. 3 u. 4 Hefte* 1909. Leipzig.

Двѣ послѣднія книги Archiv'a заключаютъ въ себѣ обильный и интересный матеріалъ, касающійся религіозныхъ воззрѣній. Нѣсколько статей посвящено представленіямъ о загробной жизни и связаннымъ съ ними погребальнымъ обрядамъ.

T. C. Hodson въ своей статьѣ „Mortuary ritual and eschatological beliefs among the Hill tribes of Assam“ (стр. 446—459) знакомитъ съ нѣкоторыми похоронными обычаями и эсхатологическими вѣрованіями племенъ Ассама (сожигаціе труповъ, погребеніе

въ землѣ, расположеніе тѣлъ умершихъ на деревьяхъ). Представленіе о смерти соединяется во многихъ случаяхъ съ представленіями о духахъ. Авторъ выше названной статьи описываетъ особую церемонію, совершаемую въ опредѣленное время, называемое мѣсяцемъ духовъ Mangla Thā. Церемонія эта сопровождается пѣснопѣніями и танцами, вслѣдъ за которыми производится разнородный спортъ. Совершается весь обрядъ на могилахъ, которыя въ селеніяхъ племени Нага (гдѣ этотъ обрядъ и существуетъ) помѣщаются вблизи домовъ.

Небольшая статья R. Hackl'я „Mumienverehrung auf einer schwarzfigurig attischen Lekythos“ (стр. 195—203) даетъ нѣсколько цѣнныхъ соображеній о вліяніи Египта на воззрѣнія грековъ, отразившемся и въ ихъ искусствѣ.

Тотъ же авторъ въ замѣткѣ „Eine neue Seelenvogeldarstellung auf Korinthischem Aryballos“ (стр. 204—206) сообщаетъ о рисункѣ на коринѳскомъ сосудѣ, изображающемъ птицу съ человѣческой головой, распростершую крылья надъ лежащимъ человѣкомъ. Это очень опредѣленное выраженіе представленія о духѣ смерти. —Выясненію отношеній между религіей и суевѣріемъ посвящена статья Walter Ott'a „Religio und Superstitio“ (стр. 533—554), основанная на изученіи римской религіи, въ который ясный умъ древнихъ римлянъ отчетливо опредѣлилъ положеніе человѣка въ его отношеніяхъ къ сверхчеловѣческому.

Е. Е.

И. Ягелло. Персидско-русскій словарь. *Асхабадъ, 1908. Часть 1-ая.*

Очень странная книга, которая, при бѣдности нашей литературы по части Востока, можетъ принести нѣкоторую долю пользы, но, съ другой стороны, въ неопытныхъ рукахъ должна оказаться положительно вредной. Дѣло въ томъ, что оріэнталистическая ученость автора ограничивается, повидимому, знаніемъ арабской азбуки, открывающимъ, правда, доступъ къ механическому чтенію словъ арабскихъ, персидскихъ, турецкихъ, афганскихъ, индѣйскихъ, малайскихъ, но, конечно, безъ умѣнія различать эти слова по отдѣльнымъ языкамъ, провѣрять правильность ихъ написанія и точно опредѣлять ихъ значеніе. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

احستا наслѣдство (нѣчто страпное, по звукамъ близкое къ ар. احسنت браво!, которое ниже является въ видѣ احسند).

(ар.) اربع متناسب тройное правило (вм. четыре члена пропорціи).

(ар.) ارض ممالك первый министръ (вм. земля, территорія государства? да и то необычно).

ارق раса, поколѣніе (вм. арабскаго عرق жила?).

(ар.) اريض широкій... достойный, подходящій (вм. عريض, но не въ послѣднихъ значеніяхъ).

آزاب холостой (вм. عزب—слово арабское, что́ не отмѣчено).

ازآنجا откуда (вм. оттуда).

ازبعر для (вм. ازبهر)

а. آغاج дерево (не «а[рабское]» ,а «т[урецкое»]).

п.-а. آفت كلركالا скверный, коварный человѣкъ (первое слово арабское=бѣда, второе не персидское и не арабское).

п.-а. آفتکی چنهی дурныя вѣсти (первое слово арабское, второе не арабское и не персидское, какъ и окончаніе کی).

т. آقاوانی родственники, принцы королевской фамиліи (невѣдомое ни туркамъ, ни персіянамъ).

(ар.) املاك ангелы, короли (относительно вѣрно—вм. цари — лишь второе).

а. املح голубой; болѣе или самый сырой, влажный (вм. пестрый, красивѣйшій).

باشاه царь (вм. پادشاه , а бадша говорятъ только нѣкоторые турки).

باشاهی حق королевскія или царскія прерогативы (вм. حقوق پادشاهی).

п.-а. باشاهی گهارنه королевская семья, династія (не персидское и не арабское).

بستنی ледъ; граната (вм. мороженое),

п-а. بندوق چلانا стрѣлять, بندوق بهرنا заряжать ружье (существительное арабское, а глаголы при немъ индѣйскіе).

بوسیدگی гнилость (вм. پوسیدگی отъ پوسیدن гнить, а بوسیدن —цѣловать).

تنگنا могила (вм. тѣснота; но — сравни выраженіе تنگنای گور тѣснота могилы).

а. تَنَوُّم (V отъ نوم) дума, мышленіе (вм. достиженіе совершеннолѣтія; но едва ли понятно значительной части персіянъ),

т. توقوز девять (но не по-персидски).

а. دیك пѣтухъ; курица (только арабское, а не персидское, и только пѣтухъ).

دیوان علی премьеръ-министръ (развѣ диванъ=собраніе совѣтниковъ или стихотворенія Алія).

И т. д., и т. д. Нѣкоторыя слова поражаютъ множествомъ и разнообразіемъ своихъ значеній, напр., بن دندان «подчиненіе, покорность, цѣль, намѣреніе, сокровище, кладъ, казна, сближеніе»; а на самомъ дѣлѣ это соединеніе персидскихъ словъ можетъ значить только «корень зуба», или «десна». Нѣтъ недостатка въ повтореніи словъ, написанныхъ въ одномъ мѣстѣ правильно, какъ آذرگون, въ другомъ—ошибочно, какъ آزرگون, и даже въ невѣрномъ чтеніи вслѣдствіе перестановки діакритической точки, какъ خنبان («движущій») вм. جنبان (движущійся). Есть и фразеологическія странности въ родѣ بهتر شما, что будто бы значитъ «тѣмъ лучше для васъ», и т. п.

Читателю, знающему персидскій языкъ, невольно приходитъ въ голову вопросъ, откуда составитель черпалъ свои матеріалы. Судя по многимъ чисто-персидскимъ словамъ, древнимъ и рѣдкимъ, и притомъ вѣрно истолкованнымъ, онъ пользовался отчасти источниками, не только доброкачественными, а и довольно обширными, далеко заходящими за предѣлы практическихъ потребностей. Но для тѣхъ цѣлей, которыя, очевидно, ему предносились, онъ не могъ удовольствоваться такими не приноровленными къ обиходу сборниками словъ, по большей части книжныхъ, и долженъ былъ позаботиться о снабженіи своего словаря болѣе живымъ матеріаломъ. Для этого онъ прибѣгъ, повидимому,

къ разнымъ словарькамъ или спискамъ словъ англо-индѣйскимъ и средне-азіатскимъ и, обладая лишь весьма скромными познаніями въ восточныхъ языкахъ, даже въ томъ, въ которомъ онъ выступилъ какъ бы спеціалистомъ, запутался въ своихъ разношерстныхъ источникахъ такъ основательно, что обогатилъ персидскій языкъ чуждыми ему словами и даже формами (каковы между прочимъ неоднократно встрѣчающіяся во фразеологической части объясненій рядомъ съ персидскими كردن и رفتن ихъ индѣйскіе синонимы كرنا и جانا).

При такомъ странномъ составѣ разбираемой книги рецензентъ можетъ въ заключеніе, при общей оцѣнкѣ этого новаго вклада въ нашу оріэнтальную науку, лишь повторить сказанное въ началѣ этого отзыва: словарь г. Ягелло можетъ иногда пригодиться иранисту, знающему притомъ по-арабски и по-турецки, но тотъ, кто, помимо этихъ условій, вздумалъ бы ознакомиться съ персидскимъ языкомъ по этому пособію, былъ бы неминуемо сбитъ имъ съ толку.

Ѳ. Коршъ.

Н. М. Васнецовъ. *Матеріалы для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора.* Изд. Губерн. статистич. комитета Вятка. 1908 г. (2)+357+(1) стр. 8⁰. Цѣна 80 коп.

Въ „Памятныхъ книжкахъ и календаряхъ Вятской губ.,“ начиная съ 1892 по 1907 г., періодически помѣщался словарь Вятскаго говора подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. „Пам. книжки“ разошлись безъ остатка и знакомиться со словаремъ было довольно затруднительно, да и самое окончаніе его могло затянуться на нѣсколько лѣтъ. Весьма благоразумно поэтому поступилъ Стат. Комитетъ, выпустивъ „Словарь“ отдѣльной книжкой.

Авторъ „Словаря“—Николай Михайловичъ Васнецовъ - скончался за 15 лѣтъ до выхода въ свѣтъ своего труда—въ 1893 г. въ г. Вяткѣ, въ званіи преподавателя приготовительнаго класса реальнаго училища, имѣя отъ роду всего 47 лѣтъ. Покойный принадлежитъ къ числу скромныхъ, но весьма симпатичныхъ провинціальныхъ дѣятелей. Родился онъ 23 ноября 1845 г. въ с.

Лотянь Уржумскаго уѣзда, въ семьѣ мѣстнаго священника, и приходится старшимъ братомъ извѣстнымъ нашимъ художникамъ Вик. Мих. и Аполлин. Мих. Васнецовымъ. Пройдя духовное училище и окончивъ Вятскую семинарію по первому разряду въ 1868 г., Николай Михайловичъ поступилъ наставникомъ въ Донъяльское начальное училище; къ педагогической дѣятельности онъ былъ уже отчасти приготовленъ, занимавшись послѣдній годъ пребыванія въ гимназіи въ воскресной школѣ. 12 сентября 1872 г. перешелъ онъ учителемъ въ Шурминское двухклассное училище, а 12 августа 1889 г. переведенъ былъ въ Вятское реальное училище. Вотъ и весь формуляръ этого труженика.

Покойный авторъ „Словаря" всегда добросовѣстно относился къ своему дѣлу, былъ очень трудолюбивъ, отдавая свои досуги собиранію матеріаловъ для словаря и занятію пчеловодствомъ; нечуждъ былъ Николай Михайловичъ и архитектуры: онъ составлялъ планы различныхъ построекъ, дѣлая модели церквей и школьныхъ помѣщеній. Въ с. Шурмѣ онъ развелъ хорошій садъ при училищѣ.

Наше личное знакомство съ авторомъ въ 1881 г. оставило о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ необычайно скромномъ, уживчивомъ, безобидномъ и до безконечности добромъ.

Перейдемъ собственно къ „Словарю". Словарь этотъ не исчерпываетъ всѣхъ лексическихъ богатствъ вятскаго говора, потому что въ него вошли главнымъ образомъ слова, употребляемыя въ мѣстностяхъ Вятскаго, Нолинскаго и восточной части Уржумскаго уѣздовъ, которыя слышатся повсемѣстно въ Котельническомъ и Орловскомъ уѣздахъ. Изъ „Словаря" исключены всѣ слова, отличающіяся отъ общепринятыхъ лишь своеобразной вятской фонетикой, а также „*цѣканьемъ*" и „*чѣканьемъ*"; но составитель тщательно собиралъ тѣ слова, которыя совершенно неизвѣстны по словарямъ русскаго языка, или рѣзко различаются по своей семазіологіи. До буквы *О* покойный свѣрялъ свой словарь съ академическимъ, а далѣе со Словаремъ Даля. Авторъ отмѣчаетъ также слова церковныя и старо-славянскія, удержавшіяся въ вятскомъ народномъ говорѣ, и вновь образованныя, равно излюбленныя народнымъ поэтическимъ творчествомъ; внесены даже такія слова, которыя любопытны лишь со стороны перегласовки. Н. М. Васнецовъ постарался внести всѣ слова, къ которымъ прислушался

съ дѣтства, а для яснаго пониманія ихъ привелъ взятые изъ живой рѣчи примѣры.

Словарю предпосланы „бѣглыя замѣтки относительно вятскаго говора“ (стр. 5—7). Авторъ дѣлитъ по говорамъ Вятскій край на три полосы:

1) *сѣверную* (Слободской, и Глазовскій уѣздъ).

2) *среднюю* (южная часть Глазовскаго и Слободского, Вятскій, Нолинскій, Котельническій и Орловской уѣзды). Здѣсь царство настоящаго вятскаго говора.

3) *южную* (Уржумскій, Елабужскій, Яранскій и Малмыжскій).

Съ южнымъ говоромъ авторъ былъ знакомъ всего слабѣе, а объ уѣздѣ Сарапульскомъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ. Слабо отмѣченъ переходный говоръ переселенцевъ изъ средней полосы въ южную, который особенно рѣзко бросается въ глаза во второмъ поколѣніи колонистовъ. Особенно много появилось этихъ переселенцевъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и непривычный для южанъ говоръ ихъ сразу доставилъ имъ кличку *нолѧ*, даже съ прибавкой *востропятая*, хотя среди этихъ переселенцевъ, направлявшихся главнымъ образомъ въ лѣсистыя части южныхъ уѣздовъ, были не одни нолинцы, но также орловцы (*орловскїе*) и котельничане (*котельницкїе*).

Такъ какъ свѣдѣнія о южномъ говорѣ, равно и образцы южновятской рѣчи собраны авторомъ не на мѣстахъ, а чисто распросными путемъ, то можно, разумѣется, оспаривать многіе изъ отмѣченныхъ имъ фактовъ.

Изъ личныхъ наблюденій автора слѣдуетъ выдѣлить замѣчанія о рѣчи мужской (*муськая рѣць*) и женской (*бабья рѣць*), относящіяся къ сѣверному говору. Въ мужской рѣчи *ч* произносится какъ *ц*, въ женской рѣчи наоборотъ *ц* произносится, какъ *ч*, а послѣднее подвергается смягченію (*цярь*, *отечь*), стало быть, мужчины больше *цокають*, а женщины *чокають*, причемъ мужская рѣчь звучитъ грубовато, а женская мягче.

Звукъ *о* произносится грубо-отчетливо, а въ срединѣ слова часто обращается въ *у* (*худу̂ли*, *ну̂жикъ* или въ *оу* (*хоуроушо*, *поу̂лѐ*, *поу̂тъ*), растягиваясь въ концѣ (*ну̂ко-о*, *ху̂до-о*).

Звукъ *е* почти всюду замѣнился ѐ (ёо), напр.: *ёй доброѐ*, *мо̂рѐ*, *по̂лѐ*, *перѐднѐй*, *строжо̂нѐ*.

Помимо растягиванія конечной гласной, вятскій говоръ любитъ

успащать въ живой рѣчи различными приставками имена существ. и мѣстоименія (я-ту? ему-ту, гости-те, баба-та, бабы-ти, къ окну-ту).

Но не совсѣмъ вѣрно наблюденіе автора, будто постоянными особенностями южнаго говора являются: а) замѣна *ц* звукомъ *с* (сарь, сарпса, кýрнса) и b) переходъ въ окончаніяхъ звука *у* въ *ю* въ слогѣ *ка* (*на улочкю, къ окошкю*). Во-первыхъ такія особенности замѣчаются не повсемѣстно, а разбросанно въ разныхъ описахъ, во-вторыхъ слышатся въ такихъ деревняхъ, населеніе которыхъ передвинулось съ С. на Ю. въ XVIII в. и даже въ началѣ XIX в.

Какъ бы то ни было, трудъ покойнаго Н. М. Васнецова заслуживаетъ полнаго вниманія лингвистовъ и діалектологовъ и въ значительной мѣрѣ дополняетъ работы Колосова и К. Д. Зеленина.

С. К.

М. В. Довнаръ-Запольскій. *Изслѣдованія и статьи. Томъ I.* Этнографія и соціологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность. Изданіе А. П. Сапунова. Кіевъ. 1909. 8º. II+466+1 стр.

Въ разсматриваемый 1-й томъ „изслѣдованій и статей“ М. В. Довнаръ-Запольскаго вошли по преимуществу его труды по бѣлорусской этнографіи, отпечатанные раньше какъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ (Очерки семейственнаго обычнаго права крестьянъ Минской губерніи; Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ; Женская доля въ пѣсняхъ пинчуковъ; Чародѣйство въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVII—XVIII вѣкахъ), такъ и въ другихъ спеціальныхъ изданіяхъ, и даже въ газетахъ. (Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ; Бѣлоруссы—Этнографическій очеркъ; Бѣлорусское прошлое; Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи; Свадебныя пѣсни пинчуковъ; Первобытныя формы брака; Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ; Кустарные промыслы Минской губ.—и друг.).

Всѣ эти статьи, собранныя въ одну книгу, даютъ солидное чтеніе этнографу, интересующемуся Бѣлоруссіей. Авторъ самъ давно и очень близко знакомъ съ бѣлорусскимъ бытомъ, и потому даже въ его статьяхъ аналитическаго характера, если даже устранить ихъ теоретическую часть, остается много бытового матеріала, хорошо наблюденнаго и подобраннаго. Такъ, особенно цѣнны его

очерки обычнаго права (сюда же можно, какъ дополненіе, ввести и „Бѣлорусское прошлое", а также не вошедшій въ этотъ сборникъ отдѣльный трудъ его, „Очерки по организаціи Западнорусскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ").

Авторъ разсматриваетъ семейную общину, составившуюся изъ родственниковъ, и семейную общину, искусственно сложившуюся. Прототипъ второй онъ видитъ въ дворищѣ-службѣ періода Литовско-русскаго государства. Но, помимо того, имъ проанализировано много деталей, помогающихъ уяснить строй бѣлорусской семьи, брачное право, наслѣдственное право.

Не менѣе цѣнны статьи автора, касающіяся свадебнаго ритуала. Въ статьѣ о бѣлорусской свадьбѣ имъ особенно внимательно обработаны очерки о поѣздѣ невѣсты и о поѣздѣ жениха. Кромѣ того, ярко вырисовывается значеніе коровайнаго печенья въ двухъ статьяхъ: 1) Ритуальное значеніе коровайнаго обряда. 2) Свадебныя пѣсни пивчуковъ. Вообще свадебный обрядъ у автора обработанъ довольно полно.

Здѣсь нѣтъ времени говорить о другихъ статьяхъ г. Довнаръ-Запольскаго. Онѣ весьма нелишни въ его сборникѣ, которому остается пожелать заслуженнаго успѣха.

Вл. Б.

Веселовскій А. А. *Любовная лирика XVIII в.* С.-Пб. 1909 г.

Народная лирическая пѣсня XVIII в., художественная лирика XVIII в. и ихъ взаимоотношенія служатъ предметомъ изслѣдованія вышепоименованнаго автора. Тема сложная и, привлеченный для ея развитія, матеріалъ обширенъ, тѣмъ не менѣе изслѣдователь выполнилъ свою задачу тщательно и въ достаточной мѣрѣ выяснилъ характеръ любовной лирики XVIII в.—Послѣ перечисленія и характеристики имѣвшихся у него пѣсенныхъ сборниковъ, какъ печатныхъ такъ и рукописныхъ, авторъ обращается къ народной поэзіи, къ „простонароднымъ неподправленнымъ" пѣснямъ сборниковъ XVIII в. и разсматриваетъ поэтическіе образы и символы въ связи съ выводимыми типами и сюжетами этихъ пѣсенъ. Разборъ этотъ заканчивается замѣчаніями о вырожденіи народной пѣсни, которое характеризуется авторомъ, какъ потускнѣніе и забвеніе образовъ и символовъ въ связи съ появленіемъ новыхъ анекдотическихъ сюжетовъ, исчезновеніемъ типовъ и измѣ-

неніемъ размѣровъ старой пѣсни. Это вырожденіе народной пѣсни сдѣлало её болѣе воспріимчивой къ новымъ вліяніямъ, а вліянія эти шли со стороны такихъ поэтическихъ произведеній, которыя по сюжетамъ, да и по внѣшнимъ чертамъ, были близки лирической пѣснѣ. Любовныя вирши, проникавшія изъ Польши и Малороссіи и помѣщавшіяся въ сборникахъ рядомъ съ народной пѣсней, спускались при помощи бандуристовъ и въ народъ и, несмотря на то, что были бѣдны и сюжетами, и образами, и символами, дали кое-что изъ своего матеріала народной пѣснѣ, приблизивъ её своимъ даромъ еще къ большему искаженію.—Пѣсенки русскихъ поэтовъ (Тредьяковскаго, Кантеміра, Сумарокова), создававшіяся подъ вліяніемъ заимствованій съ запада, фигурныя и искусственныя, получили широкое распространеніе и соприкоснулись, въ свою очередь, съ народной лирикой; наконецъ пасторали съ ихъ мелкимъ пейзажемъ и игрушечными героями, попавъ въ русскую среду, дали нѣкоторыя черты для изображенія нашего сельскаго быта.—Въ связи съ появленіемъ иноземныхъ образцовъ лирики въ русской литературѣ, начинается передѣлка, т.-е. облицовка народной пѣсни, и она, уже вырождающаяся, легко поддается измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе народная пѣсня и цѣнится, хотя довольно своеобразно—ей подражаютъ, сочиняя романсы „во вкусѣ простонародныхъ“ пѣсенъ.—Такимъ образомъ, какъ это можно судить по сборникамъ XVIII в., разнообразнымъ и многочисленнымъ, въ жизни русской народной лирической пѣсни имѣли мѣсто слѣдующіе процессы: неправленіе ея, измѣненіе подъ вліяніемъ иноземныхъ заимствованій, вырожденіе, подражаніе ей,—послѣднее было блѣдно и слабо, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ внѣшняя сторона, такъ и внутреннее содержаніе подражательныхъ произведеній—этихъ пѣсенъ „по вкусѣ простонародныхъ“. Таково въ самомъ сжатомъ видѣ изложеніе изслѣдованія А. А. Веселовскаго, которое является интересною попыткою выяснить не одинъ вопросъ въ запутанной исторіи измѣненій народной пѣсни и опредѣлить тѣ переплетающіяся теченія, которыя способствовали этимъ измѣненіямъ. Трудъ А. А. Веселовскаго намѣчаетъ и нѣкоторые пути, по которымъ необходимо придется слѣдовать при изученіи различныхъ процессовъ въ жизни лирической пѣсни (индивидуальное творчество во взаимодѣйствіи съ народнымъ), поэтому всякій занимающійся народной поэзіей съ пользой ознакомится съ разсмот-

реннымъ изслѣдованіемъ.—Нельзя не пожалѣть, что мѣстами слишкомъ сжатый способъ выраженія оставляетъ впечатлѣніе неясности и возбуждаетъ желаніе распространить положенія и заключенія автора. Въ концѣ книги приложена библіографія разрабатываемаго вопроса.

Е. Е.

В. Харузина. (*На правахъ рукописи*). *Этнографія. Выпускъ I; 1. Введеніе. 2. Вѣрованія малокультурныхъ народовъ.* Курсъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ. Изданіе Моск. Археол. Ин-та. М. 1909. б. 8°. 592 стр.

Собственно говоря, разъ трудъ напечатанъ на „правахъ рукописи", онъ не подлежитъ критической оцѣнкѣ. Да мы и не намѣрены разбирать его, а укажемъ только на него, какъ на литературное пособіе по этнографіи, который русскому читателю-этнографу дастъ и матеріалъ, и указанія, и руководство.

Въ „лекціяхъ" имѣется 26 обширныхъ главъ, изъ которыхъ первыя посвящены историческому пути развитія этнографіи, ея задачамъ, разработкѣ матеріала и методамъ этнографіи. Въ дальнѣйшихъ главахъ разсматриваются вѣрованія: понятіе религіи, миѳологія, анимизмъ, тотемизмъ, фетишизмъ, представленія о душѣ, почитаніе разныхъ предметовъ и стихій, космогонія, болѣзнь и смерть, загробное существованіе, культъ мертвыхъ, культъ предковъ, родовой культъ, шаманство и магія. Въ концѣ приложенъ указатель источниковъ и указатель предметный.

На все это положенъ огромный трудъ и масса знаній.

Вл. Б.

В. Мансикка: *Представители злого начала въ русскихъ заговорахъ.* С.-Пб. 1909 г. („Живая Старина" в. IV, 1909 г.) 28 стр.

Заговоры представляютъ собою крайне сложный матеріалъ для изученія, самые разнообразные вопросы возникаютъ при его разработкѣ, поэтому частичныя изслѣдованія заговоровъ являются необходимостью и наиболѣе вѣрнымъ средствомъ разобраться въ богатомъ матеріалѣ заговорной литературы.

Вышепоименованная работа В. Мансикки касается представителей злого начала, упоминаемыхъ въ русскихъ заговорахъ. Это

колдуны, кудесники, чернокнижники, имѣющіе сношенія со злыми духами, наводящіе на людей „порчу". „Порчею" обыкновенно именуется болѣзнь непонятная, явившаяся безъ ясно видимой причины, поэтому приписываемая именно воздѣйствію „лихого человѣка"; въ заговорахъ противъ „порчи" встрѣчается цѣлый рядъ наименованій тѣхъ лицъ, которыя должны быть отнесены къ разряду „лихихъ", т. е. представителями злого начала являются такія лица, которыя имѣютъ какія-либо особыя примѣты; отъ „однозуба, сутулаго, горбатаго, пучеглаза, кривого" и т. д. долженъ спасти заговоръ. Въ число „лихихъ" людей заговоръ помѣщаетъ и духовныхъ лицъ, это обстоятельство толкуется авторомъ такъ: „низшее духовное сословіе и въ особенности раскольники уже въ XVI в. занимались сочиненіемъ и списываніемъ разныхъ суевѣрныхъ тетрадей, въ томъ числѣ и „черныхъ книгъ", (ст. 3) поэтому ихъ и упоминаетъ заговоръ.

Заговоръ, говоря о представителѣ злого начала, рисуетъ и его дѣятельность: „встану не благословясь, пойду не перекрестясь", связанную съ обращеніемъ къ злому духу, мѣсто-пребываніе котораго описываетъ заговоръ какъ „черное море, черная баня, черная рѣка Смородина". Злой духъ рисуется заговоромъ разнообразно: это и „Вихорь Вихоревичъ", и бѣсъ разноименный, и Иродъ, и Іуда, и змѣй. Христіанская символика и Евангельская исторія сдѣлали много въ образованіи заговора. Разбирая заговоры отъ лихорадки (13—18), авторъ обращаетъ вниманіе на образованіе заговорной формулы подъ вліяніемъ апокрифа „пренія Христа съ дьяволомъ" и появленіе въ заговорѣ отъ лихорадки библейскихъ именъ и лицъ (Голгоѳа, Ѳаворъ, Іерусалимъ, Моисей, Іоаннъ Креститель). Заговоры отъ ужаленія змѣей, изображая представителемъ злого начала—змѣю, не менѣе, чѣмъ заговоры отъ лихорадки, отразили на себѣ христіанскую символику: въ нихъ упоминается и крестное древо, и святой камень, и Іорданъ рѣка. Главная роль въ этихъ заговорахъ (19—28) отводится Пресвятой Богородицѣ, къ ней обращены моленія: „Я буду взывать... къ матушкѣ Маріи". Появленіе Пр. Д. Маріи въ заговорѣ произошло подъ вліяніемъ народныхъ повѣрій, рисующихъ Пр. Богородицу, какъ побѣдительницу змѣй. Въ заговорахъ этой категоріи помѣщаются и имена такихъ святыхъ, которые христіанской символикой связаны со змѣемъ: Георгій Побѣдоносецъ, ап. Павелъ.

Имя Маріи переносится и на змѣю главную, могущую унять змѣй своихъ слугъ.—Разборъ заговоровъ противъ лихорадки и ужаленія змѣи особенно ярко выставляетъ „дуализмъ" заговоровъ въ смыслѣ двухъ противоположныхъ началъ, „во имя которыхъ заговоръ имѣетъ приписываемую ему силу". Этотъ „дуализмъ" главнымъ образомъ и разсматриваетъ авторъ въ своей небольшой, но интересной по затронутому вопросу, брошюрѣ.

Е. Е.

Э. С. Вульфсонъ: 1) *Эсты, ихъ жизнь и нравы.* М. 1908. 8°. 74+1 стр. Ц. 15 к. 2) *Какъ живутъ сарты.* М. 1908. 8°. 117+1 стр. Ц. 30 к. 3) *Персы въ ихъ прошломъ и настоящемъ.* М. 1909. 8°. 186+1 стр. Ц. 75 к. 4) *Черногорія и Черногорцы.* М. 1909. 8°. 160+1 стр. Ц. 60 к.—Всѣ съ иллюстраціями въ текстѣ. Изданія Панафидиной.

Популярная литература по русской этнографіи невелика, а между тѣмъ и современная школа, и самообразованіе уже не могутъ обходиться безъ знакомства хотя бы съ описательнымъ народовѣдѣніемъ. Очерки быта племенъ и народовъ наводятъ юнаго или начинающаго читателя на размышленія, нерѣдко не менѣе плодотворныя, чѣмъ разсказы изъ исторіи, популярныя изложенія научныхъ знаній и т. п. произведенія, составляемыя для того же круга читателей. Г-жа Вульфсонъ, составившая четыре выше названныхъ очерка, отвѣчаетъ, такимъ образомъ, назрѣвшей задачѣ.

Въ очеркѣ объ эстахъ больше удѣлено вниманія исторіи, вѣрованіямъ, матеріальному быту и семейнымъ отношеніямъ, въ ущербъ ихъ занятіямъ, которыя особенно интересны и поучительны у этого трудолюбиваго племени. Очеркъ о сартахъ составленъ нѣсколько полнѣе и интереснѣе; въ немъ достаточно ярко описана система земледѣлія, воспитаніе и обученіе, народный судъ и другія стороны народнаго быта, при чемъ замѣтно оттѣнена трудовая жизнь женщины. Очеркъ о персахъ составленъ по той же программѣ, что и предыдущій; но онъ еще полнѣе: въ немъ много мѣста удѣлено исторіи и географіи страны; старательно нарисована картина занятій персовъ; глава о религіи разрослась въ очеркъ о Зороастрѣ, суннитахъ, шіитахъ, бабидахъ, праздникахъ, духовенствѣ и т. д; кромѣ того, управленію, матеріальному быту, семьѣ, воспитанію и обученію удѣлено также по главѣ. Не менѣе

полонъ и очеркъ, посвященный черногорцамъ. Онъ нѣсколько своеобразенъ по содержанію: благодаря оригинальной исторіи этого славянскаго племени у него оригинально сложился и бытъ, при чемъ вѣрованія и нравы черногорцевъ наложили свою старинную печать и на всей ихъ современной жизни. Такимъ образомъ, читатель въ Европѣ, у славянъ, наблюдаетъ очень архаичный бытъ, выработавшій боевой, свободолюбивый характеръ черногорца и создавшій очень отвѣтственную роль женщины въ веденіи домашняго хозяйства. Каждый изъ указанныхъ очерковъ иллюстрированъ нѣсколькими рисунками, хотя и не всегда важнѣйшими, но достаточно типичными. Вообще же можно сказать, что г-жа Вульфсонъ своими четырьмя этнографическими очерками дала старательно составленное и полезное чтеніе, въ которомъ, сверхъ всего указаннаго выше, читатель найдетъ безпристрастное отношеніе къ описываемой народности, полное уваженіе къ ея нравамъ и вѣрованіямъ и доброжелательное чувству къ ея трудовой жизни.

Вл. Б.

Еврейская Старина. *Трехмѣсячникъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго О-ва.* Годъ 1. в. 1 1909. СПБ.

Недавно появившійся въ печати первый вып. „Еврейской Старины" долженъ (по замѣчанію редакціи) положить начало „систематическому изслѣдованію многовѣкового прошлаго той половины еврейства, историческимъ центромъ которой является европейскій Востокъ, Польша и Россія". Въ настоящемъ трехмѣсячникѣ историко-этнографическія работы ограничены предѣлами Польши и Россіи; для распредѣленія матеріала намѣчены слѣдующіе четыре отдѣла: 1) Основной отдѣлъ—изслѣдованія, монографіи и статьи на опредѣленныя темы. 2) Отдѣлъ сообщеній и документовъ, гдѣ сырой матеріалъ будетъ помѣщаться въ подлинникахъ (на еврейскомъ, польскомъ, русскомъ и др. языкахъ) со вступительными объясненіями и примѣчаніями. 3) Отдѣлъ критики и библіографіи. 4) Отдѣлъ отчетовъ о дѣятельности „Еврейскаго Историко-Этнографическаго О-ва".

Въ первомъ выпускѣ „Еврейской Старины" помѣщено шесть статей на разныя темы. С. Дубновъ даетъ интересныя свѣдѣнія о разговорномъ языкѣ польско-литовскихъ евреевъ въ XVI—XVII в.,

указывая на цѣлый рядъ самостоятельныхъ жаргонныхъ переложеній и обработокъ библейскихъ книгъ, выпущенныхъ изъ мѣстныхъ типографій (въ краковской типогр. въ 1586 г.). Въ статьѣ „Какъ мы занимались исторіей“ М. Винаверъ знакомитъ съ зарожденіемъ и первыми шагами Еврейскаго Историко-Этнографическаго О-ва. Интересныя историческія свѣдѣнія находятся въ статьѣ М. Балабана „Еврейскіе историческіе памятники въ Польшѣ“, и статьѣ И. Галанта „Арендовали ли евреи церкви на Украйнѣ“

С. Ан—скій, приводя „Заговоры отъ дурного глаза“, говоритъ о распространенномъ съ давнихъ поръ въ еврейской массѣ повѣрьѣ, что завистливый глазъ можетъ сильно повредить человѣку. Чтобы ослабить его дурное вліяніе, нужно произнести простую за клинательную формулу, „чтобы ему никакой дурной глазъ не повредилъ“. Сложные заговоры хранятся спеціалистами, преимущественно мужчинами, которые при произнесеніи ихъ совершаютъ различныя дѣйствія. Важнымъ элементомъ заговора считается упоминаніе о происхожденіи больного изъ Колѣна Іосифа, „который не боялся дурного глаза“. Авторъ приводитъ нѣсколько заговоровъ, схема и конструкція которыхъ имѣютъ много традиціонныхъ чертъ, а нѣкоторые (отъ зубной боли) тожественны съ бѣлорусскими (см. Бѣлор. сб. Романова, в. V).

Въ приложеніи печатается „Областной Пинкосъ Ваада главныхъ еврейскихъ общинъ Литвы. Текстъ съ русск. переводомъ д-ра И. І. Тувима.

Этнографическая наука должна привѣтствовать появленіе „Еврейской Старины“, какъ очень нужнаго и полезнаго этнографическаго журнала.

Е. Е—ская.

Труды. *Псковскаго Археологическаго Общества.* *1 в.* за 1906 г. Псковъ 1907. 191 стр. *2 в.* за 1907—08 г. Псковъ 1909. 205 стр.

Въ первомъ выпускѣ этого интереснаго провинціальнаго изданія помѣщены собранныя въ Псковской губ. И. К. Копаневичемъ „Народныя пѣсни“, (стр. 1—109): Отмирающія уже пѣсни колядскія, масляничныя, волочебныя, пѣсни хороводныя, пѣсни бытовыя, свадебныя, семейныя, „пѣсни разнаго содержанія“: рекрутскія, шуточныя, и другія. Всего записано 266 №№, изъ нихъ встрѣчаются варіанты. Къ сожалѣнію, лишь рѣдко отмѣ-

чаются дѣйствія сопровождающія пѣсню: только относительно нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсенъ двухъ—трехъ хороводныхъ. Совмѣстное записываніе произведеній народнаго творчества пѣсенъ, заговоровъ, присказокъ и пр. и сопровождающихъ ихъ обрядовыхъ и иныхъ дѣйствій слѣдуетъ рекомендовать новѣйшимъ собирателямъ. Желательно иногда и указать на источникъ пѣсни: такъ, напримѣръ, пѣсня № 206: Бѣлымъ камушкомъ катайся, Въ Самулиху не хватайся и т. п.", какъ будто имѣетъ своимъ источникомъ дѣйствительное событіе. Можетъ быть, прослѣживая происхожденіе нѣкоторыхъ пѣсенъ, собиратель могъ бы еще отыскать и личность поэта, сложившаго его. Н. Серебрянскій издалъ подъ общимъ заглавіемъ: „Къ исторіи Псковской монастырской письменности", предпославъ ему введеніе, интересный памятникъ XVII-го в.: „Повѣсть о явленіи чюдотворныхъ иконъ пресв. владычицы нашея богородицы и приснодѣвы Маріи во области града Пскова на Синичьи горѣ иже нынѣ зовома Святая гора". Серебрянскій отмѣчаетъ интересъ для исторіи древне-русской письменности изданій подобныхъ „повѣстей" и „сказаній", не представляющихъ историческаго интереса. Напомнимъ, съ своей стороны, на значеніе подобныхъ памятниковъ для изученія формъ т. наз. христіанскаго культа. Одно изъ такихъ проявленій можно усмотрѣть въ слѣдующей фразѣ псковской повѣсти: хромыя хождаху радостнѣ съ чюдотворною иконою здравы и исцѣлены на Синичью гору идуще (велѣдъ за торжественнымъ крестнымъ ходомъ), древницы жъ отъ ногъ меташа и ручныя на древѣхъ по пути „повѣсиша" (стр. 124). Что притекающіе богомольцы приносили съ собой жертвенныя приношенія, видно на стр. 126: „и прочіи иконы и вся приношенія погорѣли". Въ описаніяхъ чудесъ мы встрѣчаемъ мотивъ о самовозгорающемся свѣтѣ (стр. 131), и приношеніе особо тяжелыхъ свѣчей и мотивъ объ отверженіи иконой жертвы (ib). Н. Серебрянскимъ помѣщены „Порядныя записи Никандрова монастыря". Во второмъ изъ вышепоименованныхъ выпусковъ трудовъ мы находимъ духовные стихи 4 „помянаній", пѣсни записаны П. Н. Михайловымъ: 2 заговора, сообщ. Н. К. Копаневичемъ.

В. Х—на.

Анненскій Ѳ. И. *Античный миѳъ въ современной французской поэзіи.* СПБ. 1908. („Гермесъ" 1908 г. №№ VII. VIII. IX. X.) 39 страницъ.

Небольшая, изящно изданная, работа Ѳ. И. Анненскаго написана живо и интересно; касается она классическаго миѳа и пользованія имъ современными французскими поэтами. Древній миѳъ, воспринятый отъ классиковъ вмѣстѣ съ ихъ культурою, продолжаетъ жить еще и до сихъ поръ въ европейской литературѣ, опредѣляя нерѣдко „самыя формы нашей творческой мысли". Для воспроизведенія древняго миѳа, кромѣ искусства, требуется еще обширная эрудиція, и ею обладаютъ тѣ изъ французскихъ поэтовъ, которые посвятили классическому миѳу свое поэтическое творчество. Авторъ даетъ краткія характеристики этихъ послѣднихъ, замѣчая, что лишь французская поэзія въ настоящее время съ особенной любовью и искусствомъ хранитъ и культивируетъ древній миѳъ. Упомянувъ Понсара В. Лапрада, остановившись болѣе подробно на Леконтѣ де Лиль, Клоделѣ, Ж. М. де Эредіа и др., авторъ подробно и внимательно разбираетъ произведенія Андрэ Сюареса (André Suarès) „Achille vengeur". Эта драма основана на миѳѣ о выкупѣ Гектора и, несмотря на то, что французскій поэтъ отбросилъ всю сценическую внѣшность (хоръ, прологъ и т. д.), онъ далъ глубоко символичное произведеніе, все проникнутое Гомеромъ и трагиками. Трагизмъ у Сюареса зависитъ не столько отъ положеній, сколько отъ художественнаго стиля, необыкновенно ярко и точно подобранныхъ словъ. Образы Ахилла (который олицетворяетъ собою всеразлагающую мысль), сраженнаго горемъ Пріама, Бризеиды, Патрокла, являющагося тѣнью, необыкновенно рельефны и заставляютъ воображеніе проникаться ихъ переживаніями. Авторъ заключаетъ свою работу указаніемъ на то, что античная традиція дѣлаетъ „имперсональное творчество" особенно обаятельнымъ.

Е. Е.

В. Сѣрошевскій. *Корея.* Съ 34-мя иллюстраціями. 3-е изданіе. Спб. 1909. 8°. 517 стр. Ц. 1 р. 25 к.

„Корея" г. Сѣрошевскаго въ короткое время выдерживаетъ уже 3-е изданіе, и это служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что этотъ талантливый трудъ писателя-этнографа усердно читается

и въ большой публикѣ. Правда, это—не спеціально этнографическая работа, но этнографія въ ней вовсе не играетъ одну изъ главныхъ ролей, и выполнена эта задача такъ, что этнографическими свѣдѣніями о Кореѣ у г. Сѣрошевскаго можетъ заинтересоваться и этнографъ.

Въ русской литературѣ о Кореѣ научныхъ или популярныхъ трудовъ издано не много. Главными можно считать: 1) Описаніе Кореи, съ картой, составленное въ канцеляріи Министерства Финансовъ (Спб. 1900. 8°, т.: I, II, III), 2) Очерки Кореи, составленные по записямъ М. А. Поджіо (Спб. 1892, 8°, VII+391 стр.), 3) П. Ю. Шмидтъ: Страна Утренняго Спокойствія. Корея и ея обитатели, съ 22 рис. и картою (Спб. 1903, 8°, 108 стр.), 4) А. И. Ташкинъ: Русско-Корейскій словарь, 5) М. Пуцилло: опытъ Русско-Корейскаго словаря. Но и эти всѣ труды не даютъ полнаго представленія о корейскомъ народѣ. У г. Сѣрошевскаго есть цѣлыя главы, исключительно этнографическія, напр.: нѣсколько словъ о религіи корейцевъ; кладбища и похоронные обряды; родовые союзы, бракъ, положеніе женщины; корейское платье; народное хозяйство; общество и т. д. Къ очерку приложены два указателя: предметный и алфавитный.

Большимъ достоинствомъ очерка является, наконецъ, то, что онъ весь составленъ по личнымъ наблюденіямъ.

Вл. Б.

Покровскій И. М. *Къ исторіи помѣстнаго и экономическаго быта въ Казанскомъ краѣ, въ половинѣ XVII в.* Казань. 1909.—XIV+107 стр.

Извлеченныя изъ матеріаловъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи акты, приведенные въ сокращенномъ видѣ, характеризуютъ разнообразныя формы землевладѣнія въ Казанскомъ уѣздѣ, „въ важнѣйшій моментъ въ исторіи помѣстнаго землевладѣнія и хозяйственно-экономическаго быта на Руси, сложившагося наканунѣ изданія Уложенія Царя Алексѣя Михайловича“. Условія заселенія Казанскаго края изложены г. Покровскимъ въ введеніи.

В. Х—на.

Пріамурье. *Факты, цыфры, наблюденія.* Собраны на Дальнемъ Востокѣ сотрудниками общеземскихъ организацій. Съ тремя картами. М. 1909. б. 8°. VIII+VII+922 стр. Ц. 2 р.

Эта капитальная, въ высшей степени интересная и прекрасно составленная книга полезна и этнографу. Главное ея содержаніе посвящено, правда, вопросамъ земледѣльческаго и промысловаго хозяйства, но въ ней много мѣста отведено и вопросу о колонизаціи Пріамурья (областей Амурской и Приморской), а также спеціальная глава посвящена быту приамурскихъ крестьянъ.

Вся книга даетъ прекрасное знакомство съ краемъ, благодаря чему и этнографическія детали дѣлаются болѣе осмысленными и интересными. Въ ней много разсыпано свѣдѣній по матеріальной культурѣ: орудія производства, способъ обработки полей, культура луговъ, виды и организація промысловъ, жилище, одежда, семейный бюджетъ и т. д. и т. д. Въ духовной культурѣ авторамъ книги удалось прослѣдить настроеніе и міросозерцаніе молоканскаго населенія.

Въ концѣ книги помѣщенъ обширный перечень литературныхъ „источниковъ“.

Вл. Б.

Газеты и журналы.

American Anthropologist 1909. Vol. 11. № 1.: *Fr. Densmore*: „Scale Formation in Primitive Music“.—*A. F. Chamberlain*: „Some Kutenai Linguistic Material“; небольшие тексты съ переводомъ и съ пространными замѣтками о словообразованіи.—*R. V. Chamberlin*: „Some Plant Names of the Ute Indians“.—*Th. Waterman*: „Analysis of the Mission Indian Creation Story“.—*R. F. Gilder*: „Excavation of Earth-lodge Ruins in Eastern Nebraska“.—*A. Hrdlička*: „Report on the Skeletal Remains“; дополненіе къ предыдущей статьѣ.—*M. R. Harrington*: „Some Unusual Iroquois Specimens“.—*G. Grant Maccurdy*: „Eolithic and Paleolithic Man“.—*G. Grant Maccurdy*: „Anthropology at the Baltimore Meeting“.—„Book Reviews“ (8 рецензій).—„Some New Publication“.—„Foreign Notes“.—„Anthropological Miscellane“.

№ 2. *A. C. Parker*: „Secret Medicine Societies of the Seneca“.—*P. A. Brannon*: „Aboriginal Remains in the Middle Chattahoochee Valley of Alabama and Georgia“.—*C. Lumholtz*: „A Remarkable Ceremonial Vase from Cholula, Mexico“.—*Ch. Peabody*: „A Reconnaissance Trip in Western Texas“.—*V. Stefansson*: The Eskimo Trade Jargon of Herschel Island“.—*A. L. Kroeber*: „California Basketry and the Pomo“.—*A. C. Parker*: „Snow-snake as Played by the Seneca-Iroquois“.—*G. F. Wille*: Some Observations Made in Northwestern South Dakota“.—*A. L. Kroeber*: „The Bannock and Shoshoni Languages“.—*R. H. Mathews*: „The Dhudhuroa Language of Victoria“.—*A. M. T.* „The Putnam Anniversary“.—Book Reviews“ (8 рецензій).—„Some New Publications“.—„Foreign Notes“.—„Anthropological Miscellanea“.

Въ этомъ году въ „American Anthropologist“ отсутствуетъ одинъ изъ цѣнныхъ постоянныхъ отдѣловъ этого журнала за предшествовавшіе годы, а именно систематическій обзоръ новыхъ этно-

графическихъ и антропологическихъ журналовъ, составлявшійся A. F. Chamberlain'омъ.

Anthropos 1909. Band IV. Heft 3—4. *H. Nollen*: „Les différentes classes d'âge dans la société Kaia-kaia“ (изложеніе этой статьи дано выше въ отдѣлѣ „Смѣсь“). *Fassmann*: „Die Gottesverehrung bei den Bantu-Negern“. *A. G. Morice*: „The Great Déné Race“. Начало этой статьи было помѣщено въ томъ же журналѣ за 1906 и 1907 годы; въ настоящей книжкѣ напечатаны главы, посвященныя жилищу и пищѣ. *J. Maes*: „Les Warumbi“. Связный, но очень краткій очеркъ одного изъ мало извѣстныхъ племенъ центральной Африки (на этнографической картѣ Штульмана это племя обозначено подъ именемъ Wilumbi и отнесено къ группѣ „пилотовъ“ смѣшанныхъ съ хамитами“). Въ статьѣ описываются пища, жилище, одежда, ремесла и занятія, семейная жизнь, вѣрованія, искусства, языкъ, танцы, пѣніе и музыка. знанія. *Fr. Wolf*: „Grammatik der Kposo-Sprache“ (сѣверное Того въ западной Африкѣ)! окончаніе статьи, начатой въ 1-мъ выпускѣ журнала за текущій годъ; кромѣ связнаго грамматическаго очерка, даны тексты съ подстрочнымъ нѣмецкимъ переводомъ. *Fr. Wormann*: „Dorf-und Hausanlage bei den Monumbo, Deutsch-Neuguinea“. *Fr. H. Hosten*: „Pahāriā Burial-Customs (British Sikkim); довольно детальное описаніе) *M. Haarpaintner*: „Grammatik der Yaundesprache“ (Камерунъ)! статья не закончена. *Ch. Gilhodes*: „La religion des Katchins“ (Бирма); дополненія къ работѣ того же автора, напечатанной въ томъ же журналѣ въ предыдущемъ году. *F. Graebner*: „Die melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten“. Статья гораздо болѣе широкаго содержанія, чѣмъ можно думать, судя по ея заглавію; авторъ— послѣдовательный ученикъ Ратцеля; онъ относится если не вполнѣ отрицательно, то по крайней мѣрѣ съ значительной долей скептицизма къ „эволюціонной“, какъ онъ называетъ, теоріи Бастіана, объясняющей сходство культурныхъ явленій у различныхъ племенъ однородностью въ основныхъ чертахъ психики человѣка и тѣмъ, что одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія. Въ противоположность этому предположенію о независимыхъ другъ отъ друга, какъ общее правило, сходныхъ явленіяхъ, Гребнеръ развиваетъ свою „культурно-историческую“ точку зрѣнія, придающую очень большое значеніе культурнымъ взаимодѣйствіямъ и позаимствованіямъ даже въ самыя раннія эпохи человѣческой исторіи.

Въ настоящей статьѣ онъ ставитъ себѣ задачей установить извѣстный кругъ и показать его отношеніе къ народностямъ самыхъ разнообразныхъ частей свѣта. Само собою разумѣется, что онъ при этомъ не могъ остаться въ рамкахъ какого-нибудь одного культурнаго явленія, а долженъ былъ привлечь къ сравненію факты, касающіеся самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни; „лукъ" въ концѣ концовъ отступаетъ на задній планъ, передъ матеріальною культурою вообще, передъ нѣкоторыми чертами соціальнаго быта и вѣрованій. Окончаніе статьи помѣщено въ слѣдующей книжкѣ. Приложенныя къ статьѣ карты, имѣющія для нея очень большое значеніе, исполнены, къ сожалѣнію, очень плохо; имъ недостаетъ прежде всего отчетливости. *E. M. v. Hornbostel*: „Wanyamwezi-Gesänge"; общая характеристика пѣсенъ и 12 страницъ нотныхъ записей. *O. Scherer*: „Linguistic travelling notes from Cagayan" (Люсонъ); очень бѣглыя замѣтки и маленькіе словарики двухъ языковъ. *H. Benchat et P. Rivet*: „La langue Jibaro ou Siwora"; Jibaro—народъ, живущій въ восточной части республики Эквадоръ; данъ связный грамматическій очеркъ. *A. Jeremias*: „Vorläufige Antwort auf P. F. X. Kuglers Aufsatz "Auf den Trümmern des Panbabylonismus". „Analecta et Additamenta". „Bibliographie" (10 рецензій). „Zeitschriftenschau".

Heft 5—6. *F. Dufays*: „Lied und Gesang bei Brautwerbung und Hochzeit in Mulera-Ruanda" (восточная Африка). Статья въ рядѣ бытовыхъ картинокъ, написанныхъ съ натуры, даетъ описаніе всего свадебнаго ритуала; пѣсни приведены въ подлинномъ текстѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ; есть и нотныя записи. *A. Bolsius*: „Une légende alfoure"; текстъ, французскій переводъ и грамматическій комментарій. *C. Becker*: „Die Nongkrem-Puja in den Khasi-Bergen" (Ассамъ). Nongkrem самое крупное изъ полунезависимыхъ владѣній Khasi; „Nongkrem-Puja" торжественныя годичныя жертвоприношенія, совершающіяся въ главномъ мѣстечкѣ этого владѣнія, носящемъ то же имя Nongkrem; описанію этихъ жертвоприношеній и посвящена настоящая статья. *E. Cozzi*: „Malattie, morte, funerali nelle montagne d'Albania". *M. Haarpaintner*: „Grammatik der Yaundesprache". *J. Sechefo*: „The twelve Lunar Months among the Basuto" (статья не окончена). *I. Etienne*: „Les Boruns"; небольшая замѣтка о недавно вымершемъ племени въ Бразиліи; приложенъ маленькій словарикъ изъ 27 словъ. *H. Trilles*: „Les lé-

gendes des Bena Kanioka et le Folk-lore Bantou"; статья не законченa; въ настоящемъ выпускѣ, кромѣ небольшого введенія, даны тексты съ французскимъ переводомъ и нотныя записи. *H. Obermaier*: „Ein „insitu" gefundener Faustkeil aus Natal". *L. Peyre*: „Quelques notes sur l'île de Madère". *M. Moszkowski*: „Sagen und Fabeln aus Ost-und Zentralsumatra"; за исключеніемъ 2 пѣсенъ, всѣ остальные тексты даны лишь въ нѣмецкомъ переводѣ. *F. Graebner*: „Die melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten" (окончаніе). *E. M. v. Hornbostel*: „Wanyamwezi-Gesänge"; окончаніе; критическія замѣтки о мелодіи, гармоніи, ритмѣ и т. д. *H. Beuchat* et *P. Rivet*: „La langue Jibaro ou Siwora"; продолженіе; грамматическія и лексикологическія отношенія къ другимъ языкамъ; тексты. *M. Fr. v. Leonhardi*: „Der Mura und die Mura-Mura der Dieri". *C. E. Conant*: „The names of Philippine languages"; въ статьѣ приводится между прочимъ не претендующій на полноту списокъ 52 туземныхъ языковъ Филиппинскихъ языковъ. *G. Schmidt*: „L'origine de l'Idée de Dieu"; печатаніе этой работы въ журналѣ растянулось уже на два полныхъ года и все еще далеко не закончено. „Analecta et Additamenta". „Miscellanea". „Bibliographie" (11 рецензій, въ томъ числѣ рецензія А-Дирра на работы Д. И. Аракчіева „Музыкально-этнографическіе очерки о грузинской народной музыкѣ" и „Народная пѣсня западной Грузіи). „Zeitschriftenschau". „Index".

Journal of the Royal Anthropological Institute Vol. XXXVIII, 1908 July to December. *W. Z. Ripley*: The European Population of the United States". *W. Ridgeway*: „The Origin of the Turkish Crescent". *F. R. Barton*: „Children's Games in British New Guinea". *J. H. Holmes*: „Introductory Notes on the Toys and Games of Elema, Papuan Gulf". *A. C. Haddon*: „Notes on the Children's Games in British New Guinea". *J. Jetté*: „On Ten'a Folk-lore"; обширная работа, содержащая въ себѣ много текстовъ въ подлинникѣ, въ дословномъ переводѣ и въ литературномъ переводѣ; переводы снабжены примѣчаніями. *Br. Z. Seligmann*: „A Devil Ceremony of the Peasant Sinhalese". *A. L. Lewis*: „On some Megalithic Remains in the Neighbourhood of Autun (Sâone et Loire), France, with some Observations on Lines of Standing Stones in Other Places". *A. E. Lawrence* and *J. Hewitt*: „Some Aspects of Spirit Worship amongst the Milano of Sarawak". *H. A. Rose*: „Hindu Betrothal Observances in the Punjab"—*F. G. Parsons*: „Report on the Hythe Crania".

Mark Sykes: „The Kurdish Tribes of the Ottoman Empire"; подробный перечень племенъ съ указаніемъ ихъ приблизительной численности, мѣстожительства, иногда съ бѣглыми характеристиками; авторъ насчитываетъ 306 отдѣльныхъ племенъ. „Miscellanea" (протоколъ засѣданій института за 1908 г. и отчетъ Бюро Антропологіи) „Index".

Man Vol. IX 1909. № 5. *T. A. Joyce*: „Steatite Figures from Sierra Leone". *F. C. Shrubsall*: „A Brief Note on Two Crania and Some Long Bones from Ancient Ruins in Rhodesia". *B. F. M.*: „Possible Traces of Exogamous Divisions in the Nicobar Islands". „Reviews" (10 рецензій) „Anthropological Note".

№ 6. *Nina F. Layard*: The Older Series of Iish Frlint Implements". „Anthropology and the Empire: Deputation to Mr. Asquith". *W. G. Smith*: Palaeolithic Implement found near the British Museum". *J. Roscoe* „Python Worship in Uganda". „Reviews" (3 рецензіи) „Anthropological Note".

№ 7. *A. Thomson*: „Obituary. Daniel John Cunningham" *B. Freire-Marreco*: „Notes on the Hair and Eye Colour of 591 Children of School Age in Surrey". „Reviews" (4 рецензіи).

№ 8. *W. G. Smith*: Dewish „Eoliths" and Elephas meridionalis". *W. L. H. Duckworth*: „Report on Three Skulls of A-Kamba Natives, British East Africa". *J. Roscoe*: „Brief Notes on the Bakene". „Reviews" (4 рецензіи). „Anthropological Notes".

№ 9. *W. M. Flinders Petrie*: „String Nets of the XVII Dynasty". *C. G. Seligmann*: „Note on the „Bandar" Cult of the Kandyan Sinhalese". *A. Lang*: „Exogamy". *H. W. Seton-Karr*: „Some recent Indian Palaeolithic Implements". „Reviews (4 рецензіи". „Anthropoligical Note".

Revue des études ethnographiques et sociologiques. N-os 13 - 15 (1909 Janvier-Mars). *M. Delafosse*: „Le peuple Siéna ou Sénoufo". Окончаніе статьи, печатавшейся въ продолженіе всего предыдущаго года; въ настоящемъ выпускѣ описываются: похороны и культъ мертвыхъ, собственность, права наслѣдства, гражданское судопроизводство, преступленія и проступки и ихъ наказаніе, религія, интеллектуальныя и моральныя свойства. · *O Münsterberg*: „Influences occidentales dans l'art de l'Extrême-Orient". *Fr. J. Bieler*: „Die geistige Kultur der Kaffitscho"; мѣрованія, сказанія, наука, медицина, искусство, игры и танцы, праздники, календарь. „Ana-

lyses" (6 рецензій.) „Notices" (11 рецензій). „Notes bibliographiques". „Sommaires des revues".

N—os 16—12 (1909 Avril-Juin). *P. Guebhard*: Les Peulh du Fouta-Dialon": преданія туземцевъ относительно ихъ происхожденія; подраздѣленіе племенъ; перечень отдѣльныхъ семей или родовъ.

O. Münsterberg: Influences occidentales dans l'art de l'Extrême-Orient". *J. Maes*: „Essai sur les coutumes juridiques des peuplades du Bas-Congo Belge". „Analyses" (5 рецензій). „Notices" (9 рецензій). „Sommaires des revues".

Zeitschrift für Ethnologie. 1909 Heft I. *A. Fischer*: Erfahrungen auf dem Gebiete der Kunst und sonstige Beobachtungen in Ostasien". *F. v. Luschan*: Eisentechnik in Afrika". Основной выводъ автора сводится къ слѣдующему: древніе египтяне ознакомились съ желѣзомъ и его добываніемъ отъ своихъ южныхъ сосѣдей, и первоначальная внутренно-африканская желѣзная техника съ теченіемъ времени передалась черезъ Египетъ въ переднюю Азію и въ западныя средиземноморскія области, а отсюда наконецъ и въ сѣверную Европу. Африка, на которую обыкновенно смотрятъ какъ на оплодотворяемую извнѣ и только воспринимающую часть свѣта, на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, выступаетъ въ качествѣ дающей стороны и притомъ дающей стороны по отношенію къ желѣзной техникѣ, которая имѣетъ самое большое, какое только можно представить, значеніе для культуры и относительно которой мы привыкли думать, что именно она наложила отпечатокъ на нашу современную культуру. *O. Olshausen*: „Eisengewinnung in vorgeschichtlicher Zeit". *H. Grossé*: „Brandgruben bei Dabern und Gross-Bahren im Kreise Luckau". *H. Weiss*: „Die von der Expedition des Herzogs Adolf Friedrich zu Mecklenburg berührten Völkerstämme zwischen Victoria-Nyanza und Kongostaat". Literarische Besprechungen" (3 рецензіи).

Heft II. *A. Maass*: „Durch Zentral-Sumatra". *Kleiweg de Zwaan*: „Die anthropologische Ergebnisse der Sumatra-Reise des Herren A. Maass". *A. Czellitzer*: „Methoden des Familienforschung". *Fr. Noetling*: „Kannte die tasmanische Sprache spezielle Worte zur Bezeichnung der verschiedenen Gebrauchsart der archäolithischen Werkzeuge"? *Ed. Seler*: „Die Tierbilder der mexikanischen und der Maya-Handschriften". *W. McClintock*: „Medizinal und Nutzpflanzen der Schwarzfuss-Indianer". *Ed. Meyer*: „Alte Geschichte und Prähistorie". Мейеръ предупреждаетъ противъ господствующей въ пастоя-

щее время теорія объ европейскомъ происхожденіи индоевропейцевъ и указываетъ, что новыя данныя значительно укрѣпляютъ прежніе взгляды объ ихъ азіатскомъ происхожденіи. „Literarische Besprechungen“ (5 рецензій).

Heft III—IV. *S. Weissenberg*: „Die jemenitischen Juden“. *P. W. Schmidt*: „Die soziologische und religiös-ethische Gruppierung der australischen Stämme“. Авторъ различаетъ четыре послѣдовательныхъ ступени въ развитіи австралійской общественной и религіозной культуры: 1) „нигритская“, древнѣйшая, существовавшая въ Тасманіи и прилежащихъ частяхъ юго-восточной Австраліи: ее характеризуетъ половой тотемизмъ, мужская филіація, территоріальная экзогамія и отсутствіе наслѣдственно-брачнаго тотемизма; изъ австралійскихъ племенъ сюда принадлежатъ, между прочимъ Kurnai и Chepara; 2) „западно-папуасская“ ступень, характеризующаяся территоріальнымъ тотемизмомъ и мужской филіаціей; ея представители: Narrinyeri, Narangga, Yerkla-Mining (всѣ племена, живущія по южному побережью Южной Австраліи); 3) „восточно-папуасская“, характеризуемая двухклассовой системой и материнской филіаціей; религіозныя вѣрованія этой ступени характеризуются противопоставленіемъ солнца и луны, тѣсно связаннымъ съ системой двухъ брачныхъ классовъ; племена, сюда принадлежащія, распадаются на 3 группы: южную съ основной темой миѳологіи противопоставленія сокола и вороны, сѣверную съ темой противопоставленія кенгуру-эму и возникшую изъ смѣшенія ихъ четырехклассовую систему; 4) четвертая ступень представляетъ дальнѣйшую разработку культуры „западно-папуасской“ ступени, произведенную племенами этой ступени, оттѣсненными на сѣверъ; ея характеризуетъ культъ мужскихъ предковъ въ религіи и миѳологіи и subincisio какъ обрядъ посвященія. *A. F. Chamberlain*: „Über Personennamen der Kitonaga-Indianer von Britisch-Kolumbien“. *Ed. Seler*: „Die Tierbilder der mexikanischen und der Maya-Handschriften“ (продолженіе).—*R. Forrer*: „Analysen keltischer Münzen“. *Ed Seler*: „Vorlage einer neu eingegangenen Sammlung von Goldaltertümer aus Costa Rica“ *M. Moszkowski*: „Ost-und zentralsumatranische Gebräuche bei der Ackerbestellung und der Ernte“. *R. Thurnwald*: „Reisebericht aus Buin und Kieta“. *H. Klaatsch*: „Die neuesten Ergebnisse der Paläontol gie des Men-

schen und ihre Bedeutung für das Abstammungsproblemen". „Literarische Besprechungen" (3 рецензіи).

Естествознаніе и Географія. Научно-популярный и педагогическій журналъ, подъ ред. *М. П. Вараввы.* **1908. 3, 4, 5, и 6 7,** *Бояновскій, И.* По Нилу. Очеркъ путешествія зимою 1907 г. (Продолженіе и окончаніе). **3.** Хрон.: О населеніи Тристанада-Куньи. (Метисы французовъ и негровъ). **4. 5.** *Сіязовъ, М.* отъ Омска до Акмоловъ. **4.** Хрон.: Народы средиземноморской области (статистика по статьѣ проф. Геоб. Фишера въ „Internationale Wochenschrift", 1907, сент.). **5.** Хрон.: Населеніе Франціи въ 1906 г. (по подсчету Карла Нейкирха въ „Hettners Geographische Zeitschrift", XIII). Европейская колонизація въ Америку. **6.** Путешествіе въ южную Эѳіопію. (Духзингера и Вестерхольта въ 1906 г. На Дулейнѣ ими встрѣчено племя, устраивающее себѣ жилища на деревьяхъ, а на оз. Стефаніи встрѣчено племя уата-унда, вѣтвь племени борана-галла). **7.** Хрон.: Увеличеніе населенія въ различныхъ странахъ и въ разныя времена (изъ очерка А. Воейкова въ „Geogr Zeitschr". 1907). **10.** *Подозерскій К.* Путешествіе по р. Ваку. Съ картой. (Есть наблюденія изъ быта новоселовъ Уссурійскаго края, гольдовъ и китайцевъ). Хрон.: Манчжуры и китайцы. Число индѣйцевъ въ Сѣв.-Амер. Соед. Штат.—**1909. 5.** *Л., В.* Мусульмане въ Босніи и Герцеговинѣ. (Подробно изложена интересная этнографическая книга Антона Ханги подъ тѣмъ же заглавіемъ; второе изданіе ея похорватски вышло въ 1906 г., а нѣм. переводъ въ 1907 г. Смѣсь: Негритянскія племена Восточн. Африки (по работѣ д-ра Вейле, въ прилож. къ № 1-му „Mitteilungen aus den Deutschen Schutzgebieten", Berl 1908 4⁰. X+140 S.) **8.** *Голубцовъ, Н.* Колонизація о-ва Новой Земли. Хрон.: Распространеніе ислама.

Живая Старина. Період. изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О. **1908. I.** *Добровольскій, В. Н.* Нечистая сила въ народныхъ вѣрованіяхъ (Лѣшій. Водяной. Русалки).—*Даниловъ, В. В.* Малорусская пѣсни XIX вѣка про убійство помѣщика.—*Серженутовскій. А. К.* Очерки Бѣлоруссіи. V. Каутунъ (колтунъ). VI. Запасваніе гауяда.—*Даниловъ, В. А.* Особенности психическаго міра якутовъ Колымскаго округа.—*Зенбицкій, П. Н.* Отрывки изъ наказа Двин-

скому воеводѣ о встрѣчѣ королевича Вольдемара.—*Флоренскій, П.* Фаллическій памятникъ Котахевскаго монастыря.—Отд. II: Памятники языка, пар., словесности.—*Семилуцкая, Л. И.* Народныя пѣсни (Курск. губ.).—*Едемскій, М. Б.* Изъ кокшеньгскихъ преданій: I. Чудь, литва, паны. III. Разбой.—*Анучинъ, В. И.* Дѣдовщина въ Сибири.—*Жаковъ, К. Ѳ.* Зырянскія сказки.—*Виноградовъ, Н. Н.* Заговоры, обереги, молитвы и проч.—Критика. Смѣсь. Хроника. II. *Фасмеръ, М. Р.* Лингвистическія замѣтки по славянскимъ языкамъ.—*Добровольскій, В. Н.* Егорьевъ день въ Смоленской губ.—*Коробка, Н. И.* Малорусская сказка объ убіеніи стариковъ и миѳъ о происхожденіи свиньи у туземцевъ Гервеевыхъ о-вовъ.—*Поповъ, В. Ѳ.* Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ.—*Веселовскій, Н. И.* Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г. *Шимаревъ, В. Ф.* Этюды по исторіи поэтич.стиля и формъ.—Отд. II: продолженіе матеріаловъ г.г. *Едемскаго, Семилуцкой, Жакова* и *Виноградова*.—III. *Даниловъ, В. В.* Малорусская этнографія на XIV Археологическомъ съѣздѣ.—*Абрамовъ, Ив. С.* Первобытныя древности на XIV Археол. съѣздѣ.—*Шишмаревъ,* Этюды и т. д. (продолж.)—*Поповъ* къ вопросу объ общинѣ у зырянъ (продолж.). *Веселовскій,* Поѣздка и т. д. (продолж.).—*Трощанскій, В. Ф.* Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ.—Отд. II: *Абрамовъ И. С.* a) Историч. пѣсни на Волыни, b) Волын. сказка про жаднаго попа и бѣднаго Кирика.—*Межерицкій, П.* Народный театръ въ Стародубѣ. *Васильевъ, В. Н.* Тунгусскія преданія. Приложенія: Виноградовъ: Заговоры и т. д. (прод.). Крит. Библ. Смѣсь. Хрон. Указатель къ „Живой Старинѣ“ за 15 лѣтъ ея существованія.

Землевѣдѣніе Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э., подъ ред. *Д. Н. Анучина.* **1908. Кн. IV.** *Синицкій Л.* Очеркъ исторіи антропогеографическихъ идей. (Гиппократъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Аристотель, Страбонъ.—Боденъ, Монтескье, Тюрго.—Гердеръ, Кантъ, Циммерманъ.—Форстеръ.—Риттеръ, Беръ.—Школа Риттера и Пешель.—Контъ, Кетле, Бокль, Тэнъ.—Современный періодъ). — *Подозерскій, К.* Юговосточный уголъ Манчжуріи. Съ картой и 3 рисунк. въ текстѣ. (Есть наблюденія изъ быта корейцевъ и китайцевъ).

1909. Кн. I и II. *Шульга, И.* Лѣто на островѣ Колгуевѣ (7 рис.) (Есть наблюденія и рисунки изъ быта самоѣдовъ).—I. Русская

археологическая экспедиція въ Центральную Азію.—II. Населеніе Суматры.

Извѣстія Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера 1909. № 2. Что нужно для колонизаціи Мурмана. Составлена по докладной запискѣ арх-го губернатора И. В. Сосновскаго.—**3.** Г. Н. Островъ Новая Земля и его колонизація.—**3, 4, 6 и 9.** *Голубцовъ, Н.*, Вопросъ объ управленіи самоѣдами Архангельской губерніи (по архивнымъ даннымъ).—**3.** Изъ самоѣдской жизни: 1) охота на дикихъ гусей; 2) Промыселъ яицъ крохалей; 3) промыселъ турпаньихъ и гагарьихъ яицъ; 4) уходъ за оленемъ и дрессировка его; 5) самоѣдская лайка и ея служба въ оленьемъ стадѣ; 6. промыселъ песца; отношеніе ижемцевъ-зырянъ къ самоѣдамъ.—**4.** *Каретниковъ, Д. Д.* Судьба русскаго церковнаго зодчества въ Архангельской губерніи—**5.** *Постниковъ, Вс.*, Знахарство, виды его и борьба съ нимъ въ Архангельской губерніи. (По матеріал. Арх. Губ. Врач. Отд. и докладу врача П. А. Кутузова первому съѣзду врачей Арх. губ.). Приведено нѣсколько способовъ лѣченія и заговоровъ.—Положеніе вопроса о колонизаціи Архангельскаго сѣвера.—**7.** *В-ръ*, Изъ области оленев одства.—**8.** *Островская, М.*, Къ вопросу объ исторіи сѣверныхъ крестьянъ.—**11.** *Мелентiевъ, В.*, *свящ.* Изъ путешествія въ Сороцкую Карелію. Путевые наброски. (Не оконч.).—**12.** *Полмышевъ, М.* Переселеніе крестьянъ Арх. губ. на казенныя земли въ предѣлахъ своей губ.—*Журавскій Андрей*, Къ самоѣдскому вопросу.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ XLIV. 1908 Вып. IV. *Барадійнъ, Б. Б.*,—Путешествіе въ Лавранъ. (Буддійскій монастырь на с.-в. окраинѣ Тибета).—**Вып. V.** *Дорогостайскій, В.*, Поѣздка въ сѣверо-западную Монголію.—**Вып. VIII.** *Нордманъ, Н. Н.*, Географическое положеніе погостовъ-округовъ Шелонской пятины по писцовымъ оброчнымъ Новгородскимъ книгамъ 1498 г. (съ двумя картами). — **Выпускъ IX.** *Рожевицъ, Р. Ю.* Поѣздка въ Южную и Среднюю Бухару въ 1906 г. (съ рисунками). При статьѣ помѣщенъ переводъ надписей на гробницѣ Термеза, составленный *В. В. Бартольдомъ*.

Университетскія извѣстія Кіевъ. 1909. 5, 7. 8, 9. *Смирновъ, П.*, Орловскій уѣздъ въ концѣ XVI в. по писцовымъ книгамъ. (Прод.).

Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета 1909. 7—8. *Андер-*

сонъ, В., Романъ Апулея и народныя сказки (Продолж.).—*Покровскій, И.*, Къ исторіи помѣстнаго и экономическаго быта въ Казанскомъ Краѣ въ половинѣ XVII вѣка.

Ученыя Записки Имп. Юрьевскаго Университета 1909 № 5. *Красноженъ, М., проф.*, Проф. Ал-ѣй Степ. Павловъ. Его біографія и учено-литературная дѣятельность (къ 10-лѣтію его кончины).— **№ 7.** *Gross, Karl Konrad*, Die russischen Sekten. (Продолж. въ №№ 8, 9, 10).

Новости этнографической литературы.

Abrahams, Israel. Judaisme. L.: Constable, 1907. Pp. 107. Price 1 s.

Allcroft, A. Hadrian. Farthwork of England: Prehistoric, Roman, Saxon, Danish, Norman and Mediaeval. L.: Macmillan, 1908, Pp. XIX+712. Pr. 18 s.

Aston, W. G. Shinto, the ancient religion of Iapan. L.: Constable, 1907, Pp. 83. Price 1 s.

Balaban, Major, D-r. Przegląd literatury historyi żydów w Polsce. 1899—1907. Lwow. 1908. 8°. 35 (Odbitka z „Kwartalnika historycznego", t. XXXI).

Boas, Franz. Second report of the Eskimo of Baffinland and Hudson bay. From notes collected by captain George Comer, captaine Iames S. Muth, and rev. E. I. Peck. 200 pp. with 6 plates and 98 illustrations of text. (Bull. Am. Mus. Nat. Hist. Vol. XV, p. II). 1907. New-York.

Bondy, G. und Dworsky, F. Zur Geschichte der Iuden in Böhmen, Mähren und Schlesien von 906 bis 1620. Prag. 1906. XII+1149 s.

Chervin, Arthur, D-r. Anthropologie Bolivienne. Mission scientifique G. de Créqui Montfort et E. Sénéchal de la Grange. 3 vol. Paris: 1908. Pp. XL+411; 435; 151.

Eickhoff, Heinrich, D-r. Die Kultur der Pueblos in Arizona und New-Mexico. Mit einer Karte. Stuttgart: 1908, Strecker u. Schröder. 8+78 S. Pr. Mk. 3. 60.

Forrer, R. Urgeschichte des Europäers von der Menschwerdung bis zum Anbruch der Geschichte. Stuttgort. Verlag W. Spemann o. I.

Friederici, Georg, D-r. Die Schiffart der Indianer. Stuttgart: 1907, Strecker u. Schröder. 8°. 130 S. Pr. Mk. 4.

(Van-)Gennep, Arnold. Les rites de passage. Paris: Emile Nourry. 1909. II+288 pp. Pr. 5 fr.

Hagen, B. D-r. Die Orang Kubu auf Sumatra. Veröffentl. a. d.

Städt. Völker-Museum Frankfurt a. M. Bd. II. Fr.-a.-M.: Baer u. C°. XXVII + 269. S. Foliotext, mit 1 Karte, 16 Lichtdrucktafeln, 42 Textabbildungen, Notentexten und Schädeldiagrammen. Preis. Mk. 25.

Hahn, Ed., D-r. Die Entstehung der wirtschaftlichen Arbeit. Heidelberg: 1908. Karl Winters Universitätsbuchhandlung. S. IV+109. 8°. Preis Kart. Mk 2. 50.

Hattersley, C. W. The Baganda at home. With one hundred pictures of life and work in Uganda. L.: Religious Tract Society, 1908. Pp. XVI+227. Pr. 5 s.

Heikel, Axel, O. Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. (Société Finno-Ougrienne. Travaux ethnographiques. IV). Helsing. 1909. 4°. IV+114+IV S.+XXI. Taf.

Hewitt, J. F. Primitive traditional history. James Parker, 1907, 2 vols. Pp. 977, 4 plates.

Hollis, A. C. The Nandi; their language and folk-lore. Oxford: Clarendon Press, 1909. Pp. XL+328. Pr. 16 s.

Jaussens, P. Antonine. Coutumes des Arabes au Pays de Moab. Paris: Libr. V. Lecoffre (J. Gabalda & C°), 1908. VIII+448 pp.. 8°.

Johnson, Walter. Folkmemory, or the continuity of british archaelogy. With illustrations. Oxford: Clarendon Press, 1908. Pp. 416, Pr. 12 s. 6 d.

Lasch, Richard, D-r Der Eid. Seine Enstehung und Beziehung zu Glaube und Brauch der Naturvölker. Eine ethnologische Studie. Stuttgart: 1908, Strecker u. Schröder. 8°. 147 S.

Ling Roth, H. Trading in early days. Halifax: Jorks, 1908, Pp. 45, Pr. 1 s.

Mansikka, V. J. Ensimäisistä Kristiliisistä amuleteista. (Ylipainos Historiallisesta Aikakaus-kirjasta n: o 4, 1909).

Mansikka, V. J. Kleinere Beiträge zur Balder-Lemminkäinen-Frage. Бром. Helsingfors. 8°. 12 стр.

Matsumura, Akira. A gazetteer of ethnology. Tokyo: The Marusen-Kabushiki-Kaisha, 1908, Pp. XIV+495.

Michow, H., D-r. (Nach dem Russischen des Prof. *D-r Anutschin*). Zur Geschichte der Bekanntschaft mit Sibirien vor Jermak. Alte russische Erzählung „über die unbekannten Völker der Ostgegend". Mit 14 Abbildungen im Texte und 2 Karten beilagen. (Aus B. XI „der Mitteil. d. Anthr. Gesell. in Wien").

Mitteilungen des Gesamtarchivs der deutschen Juden, herausgegeben von *D-r Eugen Täubler*. Erster Jahrgang. Leipzig. 1909. IV+116.

Müller-Lyer F. D-r. Phasen der Kultur und Richtungslinien des Fortschritts. Soziologische Ueberblicke. München. J. F. Lehmanns Verlag o. J.

Musil, Alois. Arabia Petraea III. Ethnologischer Reisebericht. Mit 62 Abbildungen im Text. Wien 1908, Kais. Ak. d. Wiss. in Komission bei A. Hölder. 550 S. 8°.

(Van-) Overbergh, Cyr. Les Basonges (État ind. du Congo). Collection de Monographies ethnographiques, vol. III. Bruxelles: 1908. XVI+504+2 tables et 2 cartes. Pr. 10 fr.

Pennel, T. L. Among the wild tribes of the Afghan frontier. L.: Seeley, 1909, Pp. 324, Pr. 16 s.

Radloff, W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. (Зап. И. А. Наукъ по истор.-фил. отд., VIII серія, № 7, стр. 1—86).

Reinisch, Leo. Das persönliche Fürwort und die Verbalflexion in den chamito-semitischen Sprachen. Kaiserliche Akademie der Wissenschaften: Schriften der Sprachenkomission, Band I. Wien. 1909. 327 S.

Rhamm, K. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slavischen Alterthumskunde. Abteilung I, Die Grosshufen der Nordgermanen. Braunschweig, 1905, 853 S. Abteilung II, Urzeitliche Bauernhöfe im Uebergang von Saal zu Fletz und Stube. 1908. 152 Abbild. im Text. 1117 S. 8°.

Rohrbach, Paul. Um Bagdad und Babylon. Vom Schauplatz deutscher Arbeit und Zukunft im Orient. Berlin. 1909 IX+110.

(Le-) Roy, A. La religion des primitifs. Paris: Gabriel Beauchesne et C-ie. 1909. VIII+518 pp. 8°. Pr. 4 fr.

Sarasin, Paul, D-r und Sarasin, Fritz, D-r. Ergebnisse naturwissenschaftlicher Forschungen auf Ceylon. Vierter Band: Die Steinzeit auf Ceylon. Wiesbaden: 1908, S. 93.

Sechehaye, Ch. Albert. Programme et méthodes de la linguistique théorique—Psychologie du langage. Paris-Leipzig-Genève. 1908.

Siecke, Ernst. Hermes der Mondgott. Studien zur Aufhellung der Gestalt dieses Gottes. II. Bd., Heft 1 der. Mytholog. Bibliothek. Lpz.: Hinrichs'sche Buchhandlung, 1908. 97 S. 4°. Pr. Mk. 3.

Schipper, I., D-r. Agrarkolonisation der Juden in Polen. Wien 1909.

Spence, Lewis. The mythologies of ancient Mexico and Peru. L.: Constable. 1907. Pp. 80. Pr. 1 s.

Starr, Frederick. A bibliography of Congo languages. University of Chicago, Department of Anthropology, Bulletin V. Chicago: 1908. Pp. 97.

Strehlow, C. Die Aranda und Loritja-Stämme in Zentral-Australien. Veröffentlichungen aus dem Städtischen Völker-Museum, Frankfurt am Main. 2 Theile Fr-furt: Baer, 1907 и 1908. S. Theil I—104, Theil II—84. Pr. 25 Mrk.

Thompson, R. Campbell. Semitic magic: its origins and development. L.: Luzac & C°., 1908. Pp. LXVIII+286. Pr 10 s. 6 d.

Westermark, Edward. The origin and development of the moral ideas. Vol. II. L.: Macmillan & C°, 1908. Pp. XV+852. Price 14 s.

Weule, Karl, D-r, Prof. Negerleben in Ostafrika. Ergebnisse einer ethnologischen Forschungsreise. Mit. 106 Abbildungen, darunter 4 bunte Vollbilder, und 1 Karte. Lpz: F. A. Brockhaus, 1908, 8°. 534 ss. Pr. Mk 10.

Wilde, H. Brussa. Eine Entwickelungsstätte türkischer Architektur in Kleinasien unter den ersten Osmanen. Berlin 1909. 135 стр. in 4° (Beiträge zur Bauwissenschaft, hrsg von C. Gurlitt. Heft. 13).

Адріановъ, А. В. Айравъ въ жизни минусинскаго инородца. (Изъ „Сборника въ честь 70-лѣтія Г. Н. Потанина").

Анненскій, И. Ѳ. Античный миѳъ въ современной французской поэзіи. СПб. 1908. 8°.

Ардашевъ, Н. Н. Татарскія земляныя письма XV вѣка и спорное дѣло XVIII в. о ясашныхъ земляхъ. Съ приложеніемъ „чертежа" и снимковъ „знаменъ". („Записки Моск. Археол. Инст.", т. IV) М. 1909. 4°. 20 стр. и одна таблица въ листъ.

Арсеньевъ, Ю. В. Геральдика. Лекціи, читанныя въ Моск. Археолог. Институтѣ. М. 1908. 298+1 стр.

Атрпетъ. Имаматъ. Страна поклонниковъ имамовъ (персидское духовенство). Историч. изслѣдованіе. Александрополь. 1909. 8°.

Барадійнъ, Б. Б. Цамъ Миларайбы (изъ жизни въ Лавранѣ). [Изъ „Сборн. въ ч. 70-лѣтія Г. Н. Потанина"].

Бартольдъ, В. В. Церемоніалъ при дворѣ узбецкихъ хановъ въ XVII вѣкѣ. (Изъ „Сборника 70-лѣтія Г. Н. Потанина").

Бергъ, М. Текстъ и мелодіи пѣсенъ, пѣтыхъ одной крестьян-

кой изъ села „Высокая гора“ Каз. губ., Каз. у. Казань. 1909. 8°. бр.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Изъ источниковъ народнаго міровоззрѣнія и настроенія. (Изъ „Сборника въ честь 70-лѣтія Г. Н. Потанина“).

Бруцкусъ, Б. Статистика еврейскаго населенія. Вып. III. Распредѣленіе по территоріи, демографическіе и культурные признаки еврейскаго населенія по даннымъ переписи 1897 года (Изд. Евр. Кол. о-ва) СПб. 1909. 62 стр.+VI табл. Ц. 1 р.

Булашевъ, Г. О. Украинскій народъ въ своихъ легендахъ, религіозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ. Вып. I. Космогоническія украинскія народныя воззрѣнія и вѣрованія. Кіевъ 1909. 8°. III+515 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Буличъ, С. К. Нѣсколько финно-славянскихъ музыкально-этнографическихъ параллелей (съ нотными примѣрами). (Изъ „Сб-ка въ честь 70-лѣтія Потанина“).

Буткевичъ, Т. И., прот. Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ. Харьк. 1910. 8°. X+607+XIX стр. Ц. 3 р.

Варсонофій, архим. У новгородскихъ сектантовъ-пашковцевъ на собраніи. 1909. 8°. (Извлечено изъ №№ 1—2, 12 и 19 „Новг. Епарх. Вѣд.“, 1909 г.).

Васильевъ, В. Н. (пересказалъ). Образцы тунгусской народной литературы. 1—5. (Изъ „Сб—ка въ честь 70-лѣтія Потанина“).

Васильевъ, Н. В. Указатель къ онежскимъ былинамъ Гильфердинга. СПб. 1909. 8°. III+118 стр. Изд. Имп. Акад. Наукъ.

Велльгаузенъ, Ю. Введеніе въ исторію Израиля. Переводъ съ нѣм. Н. М. Никольскаго со вступит. статьей и тремя прилож. СПб. 1909. 8°.

Веселовскій, Н. И. Нѣсколько поясненій касательно ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству. (Изъ „Сб-ка къ честь 70-лѣтія Потанина“).

Владыкинъ, Б. В. Къ характеристикѣ современнаго быта абиссинцевъ и ихъ императора Менелика II. (Изъ „Извѣстій“ И. Р. Г. О., т. XLIII, стр. 159—180). СПб. 1908. 8°.

Вульфсонъ, Э. С. (составила) Персы въ ихъ прошломъ и настоящемъ. М. 1909 г. 8°. 186+1 стр. Съ иллюстр. Изд. (популярн.) А. С. Панафидиной. Ц. 75 коп.

Вульфсонъ, Э. С. Эсты, ихъ жизнь и нравы. М. 1908. 8 мал., 74+1 стр. Изд. (популярн.) А. С. Панафидиной. Ц. 15 коп.

Вульфсонъ. Э. С. (составила). Черногорія и черногорцы. М. 1909. 8⁰. 160+1 стр. Съ Иллюстр. Изд. (популярное) А. С. Панафидиной. Ц. 60 коп.

Вульфсонъ, Э. С. Какъ живутъ сарты. М. 1908. 8⁰ мал., 117+1 стр. Съ Иллюстр. Изд. (популярное) А. С. Панафидиной. Ц. 30 коп.

Гартевельдъ В. Н. Пѣсни каторжанъ, записанныя (имъ). М. 12⁰. бр.

Геттнеръ, А. и Безчинскій, А. Россія. Культурно-политическая географія. Пер. съ нѣм., съ дополн. „Азіатской Россіи" подъ ред. А. Безчинскаго, съ 10-ью рисунк. М. 1908., изд. Ю. Лепковскаго. Ц. 2 руб. (См. обстоятельную рецензію въ „Землевѣдѣніи", 1908, IV).

Гетце, В. Ф., Карѣевъ Б. П. и Масловскій, С. Д. (составили, подъ ред. С. Д. Масловскаго) Библіографія Афганистана. СПб. 1908. XVI+122 стр. („Сборникъ Средне-азіатскаго Отдѣла Общества Востоковѣдѣнія, вып. II").

Глаголевъ, С., проф. Греческая религія Ч. I. Вѣрованія. Сергіевъ Посадъ. 1909. 8⁰. 1+267 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Гнатюкъ, Володимир. Етнографічні матеріали з Угорської Руси. Казки, легенди, новелї, историчні спомини з Банату. („Етн. збірник наук. товар. ім. Шевченка, т. XXV). Льв. 1909. 8⁰. XXI+248 стр.

Голомбіевскій, А. А. и Ардашевъ, Н. Н. Приказныя земскія, таможенныя, губныя, судовыя избы Московскаго государства. Обзоръ документовъ XVI—XVII в.в. въ дѣлахъ XVIII в., переданныхъ въ Моск. Архивъ М. Ю. изъ упраздненныхъ въ 1864 г. учрежденій. Вып. I. („Записки Моск. Археол. Института", т. IV). М. 1909. 4⁰. 86 стр.

Городцовъ, В. А. (на правахъ рукописи). Первобытная археологія. Курсъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. М. 1908. 8⁰. I+416 стр.

Горсей, сэръ Джеромъ. Записки о Московіи XVI вѣка. Переводъ съ англ. Н. А. Бѣлозерской. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Костомарова. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1909. 4⁰.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е. Бѣлокурая раса въ Средней Азіи. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Диваевъ, А. А. (перевелъ). Примѣты киргизовъ во время путешествія. (Изъ Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Доржіевъ, Агванъ. Ло-гун-чъэ-бо. (одинъ изъ религіозныхъ обычаевъ въ Лхасѣ). (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина).

Дружининъ, В. Г. Нѣсколько неизвѣстныхъ литературныхъ памятниковъ изъ сборника XVI вѣка. СПб. 1909. 8°. 117 стр. (Изд. Имп. Археогр. Коммисіи).

Дунинъ-Гаркавичъ, А. Этнографическій составъ населенія Тобольской губерніи въ 1904 году. Тоб. 1908.

Еврейская Старина. Трехмѣсячникъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества. Изд. подъ ред. С. М. Дубнова. Томъ I. СПб. 8°.

Еврейская энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ. Подъ общей редакціей *д-ра Каценельсона и бар. Д. Г. Гинцбурга.* Томъ II. Алмогады — Арабскій языкъ. СПб. 1908 (?). 960 столбц.

Жамцарано, Ц. Ж. Онгоны агинскихъ бурятъ. Съ 3 таблиц. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина).

Знаменскій С. Античные миѳы о превращеніяхъ въ художественной обработкѣ римскаго поэта. Этюдъ о метаморфозахъ Овидія (Отт. изъ № 5 „Богосл. Вѣстника" за 1909 г.). Сергіевъ посадъ 1909. 8°. 6р.

Ильинскій, Г. А. Нѣсколько конъюктуръ къ легендѣ о св. Вячеславѣ. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Іомудскій, Н. Н. Присяга у закаспійскихъ туркменъ (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина).

Іохельсонъ, В. И. Этнологическія проблемы на сѣверныхъ берегахъ Тихого Океана. (Изъ „Извѣстій" И. Р. Г. О., т. XLIII, стр. 63—92) СПб. 1908. 8°.

Казнаковъ, А. Н. Монгольское огниво и способъ обдѣлки кремня. Съ 3-мя рисунками. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Каптеревъ, Н. Ѳ., проф. Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ. Т. I. Серг. Пос. 1909. 8°. V+525 стр. Ц. 3 р.

Катановъ, Н. Ѳ. Преданія присаянскихъ племенъ о прежнихъ дѣлахъ и людяхъ. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Катановъ, Н. Общество исторіи, археологіи и этнографіи за 30 лѣтъ (изъ XXIV т. „Извѣст." о-ва). Каз. 1908. 8°.

Клеменцъ, Д. А. Замѣтки къ маршруту Чапъ-чупя. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Клоддъ, Э. Эволюція человѣчества въ письменахъ. Исторія алфавита. СПб. 1908.

Ковалевскій, Максимъ. Соціологія. Томъ I. Соціологія и Конкретныя науки объ обществѣ. Историческій очеркъ развитія соціологіи. СПб. 1910. 8° IX+300 Ц. 1 р. 50. [Гл. IV: Этнографія и соціологія, стр. 81—109].

Кондаковъ, Н. П. Македонія. Археологическое путешествіе. Съ 12 табл. фототипій, 1 цвѣтной автотип. и 194 рис. въ текстѣ. Изд. Отд. Русс. яз. и словесн. Имп. А. Н. СПб. 1909. 4°.

Коршъ, Ѳ. Е. О нѣкоторыхъ бытовыхъ словахъ, заимствованныхъ древними славянами изъ такъ называемыхъ урало-алтайскихъ языковъ. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Крачковскій, И. Ю. Арабская версія легенды о Таласcіонѣ (изъ „Сб-ка 70 лѣтія Потанина").

Крымскій, А. Исторія Персіи, ея литературы и дервишской теософіи. Новое изданіе, переработанное совмѣстно съ *К. Фрейтаномъ.* [I. Критико-библіографическій обзоръ источниковъ и пособій по политической и литературной исторіи Персіи. II. Политическое возрожденіе Персіи, покоренной арабами]. („Труды по Востоковѣдѣнію, изд. Лаз. Инст. Вост. Яз.", вып. XVI, № 1). М. 1909. 8°. IV+61 стр. Ц. 75 к.

Крымскій, А. Исторія Турціи и ея литературы отъ расцвѣта до начала упадка. (Труды по Востоковѣдѣнію, изд. Лаз. Инст. Вост. Яз., вып. XIX, № 1-й). М. 1910. 8°. VIII+164 стр. Ц. 1 50 к.

Кузнецова-Ярилова, А. А. (записала) Два разсказа о шаманахъ. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Лаврентьевъ, К. В. Географія Вятской губерніи. (Родиновѣдѣніе), съ приложеніемъ карты Вятской губерніи. Изданіе 5 е, исправл. и дополн. Вятка. 1909. 8°. 122+II стр. Ц. 40 коп. (На картѣ имѣются этнографич. данныя).

Лаппо Д. Е. О значеніи мѣстныхъ музеевъ. („Изв. Красноярск. подъотдѣла" И. Р. Г. О., т. II, вып. 5, стр. 161—190). Кр. 1909. 8°.

Левицкій, О. И. Черты семейнаго быта въ Юго-Западной Руси въ XVII—XVIII вв. Предисловіе къ III т. VIII части „Архива югозап. Россіи". Кіевъ 1909. 4°.

Малиновскій, І. А. Начальная страница изъ исторіи смертной казни (Кровавая месть). (Изъ Сб-ка 70-лѣтія Потанина).

Мансикка, В. Представители злого начала въ русскихъ заговорахъ. СПб. 1909. 8°. 28 стр. (Изъ „Жив. Старины").

Марковъ, А. В., Масловъ, А. Л. и Богословскій, Б. А. Матеріалы, собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 года. Часть II. Терскій берегъ Бѣлаго моря. 1) Духовные стихи. 2) Былины и историческія пѣсни. 3) Лирическія пѣсни и причитанія. М. 1909. 4°. 117 стр. съ рисунк. въ текстѣ и+13 стр. нотъ+II стр.

Мартиновичъ, Н. Н. (записалъ и перевелъ). Турецкая сказка „объ угадчикѣ поневолѣ". (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Миллеръ, Вс. Датскій комиссаръ какъ герой русской былины. Къ печорской старинѣ о Петрѣ Великомъ и Бутманѣ Колывановичѣ. („Вѣстникъ Европы", 1909, октябрь, стр. 680—698).

Миллеръ Вс. Ѳ. О нѣкоторыхъ былинныхъ именахъ. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Мисирковъ, К. П. Южно-славянскія эпическія сказанія о женитьбѣ короля Волкашина въ связи съ вопросомъ о причинахъ популярности короля Марка среди южныхъ славянъ. Од. 1909. 4° бр.

Могилянскій, Н. Этнографія и ея задачи. (По поводу одной книги). СПб. 8° бр.

Областной пинкосъ. Ваада главныхъ еврейскихъ общинъ Литвы. Собраніе постановленій и рѣшеній Ваада (Сейма) отъ 1623 до 1761 г. Печатано съ рукописной копіи, хранящейся въ г. Гроднѣ, съ дополненіями и варіантами по спискамъ городовъ Бреста и Вильны. Текстъ съ рус. переводомъ д-ра *І. И. Тувима*, подъ ред., съ предисл. и примѣч. *С. М. Дубнова.* СПб. 1909. 8°. (См. „Евр. Старина", приложенія).

Ольденбургъ, О. Ѳ. Отзвукъ мотива изъ Валтасара въ Олонецкой сказкѣ. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Остроумовъ, Н. П. (перевелъ). Приключенія царевича Сопабура. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Очировъ, Б. Д.: см. Шагдаровъ.

Памятники древнерусскаго искусства. Изданіе Импер. Академіи Художествъ. Таблицы, текстъ, рисунки. СПб. 1908—09. in-f. Fasc. 2.

Пантусовъ, Н. Н. Мусульманскіе мазары въ г. Учь-Турфанѣ и окрестностяхъ его (въ Китайскихъ предѣлахъ). Съ 4-мя таблицами. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Пантюховъ, И. И., д-ръ. Значеніе антропологическихъ типовъ въ русской исторіи. Кіевъ. 1909. 8⁰. бр.

Пекарскій, Э. К. (перевелъ). Изъ преданій о жизни якутовъ до встрѣчи ихъ съ русскими. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Писаревскій, Григорій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVII вѣкѣ. По неизданнымъ архивнымъ документамъ. („Записки Моск. Археол. Института, т. V"). М. 1909. 8⁰. XI+340+84 стр. Ц. 4 руб.

Покровскій, А. М. Древнія церковныя мелодіи и ихъ гармонизація. Краткій историч. очеркъ. Новгор. 1909. 8⁰ бр.

Покровскій, И. М. Къ исторіи помѣстнаго и экономическаго быта въ Казанскомъ Краѣ въ половинѣ XVII вѣка. Каз. 1909. 4⁰.

Рагозинъ, А. В. По Зондскимъ островамъ. („Историч. Вѣстникъ", 1909).

Рамстедтъ, Г. І. Этимологія имени Ойратъ. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Ровинскій, П. А. Изъ Нерчинска въ Китай съ караваномъ въ 1871—72 г.г. Путевой дневникъ. Съ картою. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Рождественскій, Т. С. Памятники старообрядческой поэзіи. Съ 8-ью таблицами рисунковъ. („Записки Моск. Археол. Инст., т. VI) М. 1910. 8⁰. 192 стр.

Романовъ, Н. И. (по правахъ рукописи). Исторія итальянскаго искусства. [Первая половина XV вѣка]. Курсъ лекцій, читанныхъ въ Моск. Археолог. Институтѣ. М. 1909. 8⁰. 2+250 стр.+Таблицы фототипій. (къ сожалѣнію, по имѣвшемуся въ редакціи экземпляру, трудно судить, сколько должно быть этихъ таблицъ).

Рудневъ, А. Д. Мелодіи монгольскихъ племенъ (съ рисункомъ и нотами). (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Савеловъ, Л. М. (на правахъ рукописи) Лекціи по Русской генеалогіи, читанныя въ Моск. Археол. Институтѣ. Первое полугодіе. Второе полугодіе. М. 1908—1909. 8⁰ 115 и 154+3 стр.

Самойловичъ, А. Н. Изъ туркменской старины. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія *Григорія Николаевича Потанина.* Съ портретомъ, 7 отдѣльными рисунками въ текстѣ, нотами и картой. СПб. 1909. Ц. 2 р. 50 к. („Записки" И. Р. Г. О. отдѣленію этнографіи, т. XXXIV).

Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды. Сборникъ статей подъ ред. *И. Е. Мельника*. (Въ сборникѣ статья *Д. А. Клеменца*: Населеніе Сибири).

Сиденснеръ, А. Описаніе мурманскаго побережья. Изд. Главн. Гидрогр. Управл. Морск. Министер. СПб. 1909. 8°.

Синицкій, Л. Очеркъ исторіи антропогеографическихъ идей. М. 1908. 8°. 108 ст. (изъ „Землевѣдѣнія", 1908, IV).

Сказка о Камар-з-Заманѣ изъ 1001 ночи. (Пособія для студентовъ). Издано подъ ред. *М. О. Аттая*. [На араб. яз.]). („Труды по Востоковѣдѣнію, изд. Лаз. Инст. Вост. Яз., Вып. XXVII).

Сперанскій, М. Н. Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. IV. Аристотелевы врата или тайная тайныхъ. СПб. 1909. 4°.

Сперанскій, М. Н. Сербское Житіе литовскихъ мучениковъ. Изд. Им. О-ва Ист. и Древ. М. 1909. 4°.

Старинные волости и станы въ Костромской сторонѣ. Матеріалы для историкогеографическаго словаря Костромской губ. Съ предисл. *Ан. Титова*. 1909. 4°.

Тахтаревъ, Н. М. Очерки по исторіи первобытной культуры. Съ предисл. М. М. Ковалевскаго М. 1907. 8°. XIV+231 стр. Съ рис. въ текстѣ.

Титовъ, Ан. См.: Старинные волости и станы.

Толмачевъ, И. П. Замѣтка по поводу „Образцовъ тунгусской народной литературы" въ пересказѣ В. И. Васильева. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Трощанскій, В. Ф. и Пекарскій, Э. Н. I. Любовь и бракъ у якутовъ. II. Изъ якутской старины. (Къ матеріаламъ по якутскому обычному праву). СПб. 1909. 8°. 18 стр. (Изъ „Жив. Стар.").

Труды Псковскаго Археологическаго Общества. 1906—1907—1908. Псковъ. 8°.

Тураевъ, Б. А. Свитокъ оправданія. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Тыжновъ, Ин. И. Изъ алтайскихъ этюдовъ. Чолышманская долина. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина").

Успенскій, А. И. Очерки по исторіи русскаго искусства. Изъ лекцій, читанныхъ въ Москов. Археол. Институтѣ въ 1908/9 акад. году. Томъ первый. Русская живопись до XV вѣка включительно. М. 1910. 8°. VI+471+LXXI стр. съ многочисленными фототипіями и рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ.

Успенскій, Ѳ. И. О вновь открытыхъ мозаикахъ въ церкви св. Димитрія въ Солуни (Отд. отт. Изъ „Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. XIV) Софія. 1909.

Фасмеръ, М. Р. Шапка земли греческой. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина“).

Харлампович, К. В. Къ вопросу о погребальныхъ маскахъ и куклахъ у западно-сибирскихъ инородцевъ. („Изв. О-ва Ист., Арх. и Эти. при Каз. Унив.“, XXIII, 6, стр. 472—482). Каз. 1908. [Въ предыдущей книгѣ „Э. О.“ ошибочно было напечатано „мѣстахъ“, вм. „маскахъ“].

Хейнъ, И. А. Дневникъ полевской экспедиціи, снаряженной И. В. Асташевымъ въ систему р. Нижней Тунгузки въ 1896. Составлено на основаніи матеріаловъ И. А. Хейна. Съ предисловіемъ и подъ ред. *А. В. Адріанова* („Изв. Краснояр. Подъотдѣла И. Р. Г. О. т. III, вып. 5, стр. IX+1—160. Съ картой). Кр. 1909. 8°.

Черняевъ, Л. Н. (пересказалъ). Кзыл-кепчъ. Киргизская легенда. (Изъ „Сб-ка 70-лѣтія Потанина“.

Шагдаронъ, С.-Д. и Очировъ, Б. Д. Игры и увеселенія агинскихъ бурятъ. (Изъ „Сб-ка въ честь 70-лѣтія Г. Н. Потанина“).

Шурцъ, Г. Исторія первобытной культуры. Переводъ Э. Пименовой и М. Негресвулъ Изданіе А. Я. Острогорскаго. СПб. 1910. 8°. VIII+888 стр. съ рис. въ текстѣ, ц. въ англ. картонажѣ 3 р. 60 коп.

Энгель, Ю. (обработалъ). Еврейскія народныя пѣсни. Вып. 1-й. (См. здѣсь: хронику).

Ярошенко, В. Г. Украинская сказка въ фонетической транскрипціи. (Изв. отд. р. яз. и слов., 1909, XIV, кн. 1, стр. 237—240).

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при Отдѣлѣ Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1908—1909 академическій годъ.

Предсѣдателемъ **Этнографическаго Отдѣла** былъ *почетный членъ Вс. Ѳ. Миллеръ* (безсмѣнно съ 15 декабря 1881 года), товарищемъ предсѣдателя—*непремѣнный членъ Н. А. Янчукъ*, секретаремъ—*непремѣнный членъ В. В. Богдановъ*, библіотекаремъ—*дѣйствительный членъ Е. Н. Елеонская*.

Въ отчетномъ году Этнографическій отдѣлъ имѣлъ 9 засѣданій, изъ нихъ два публичныхъ, соединенныхъ съ засѣданіемъ Музыкально-Этнографической Комиссіи, остальные 7 закрытыя. На нихъ были сдѣланы 12-ю лицами слѣдующіе 16 докладовъ:

1. *А. Е. Грузинскій*—Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ.
2. *Е. Н. Елонская*—Сказки Архангельской губерніи.
3. *С. К. Кузнецовъ*—Черемисская секта „кугу-сорта“.
4. *А. Н. Максимовъ*—Брачные классы австралійцевъ.
5. *А. В. Марковъ* (два сообщенія)—а) Былины о гибели богатырей (съ экскурсомъ о бабѣ-ягѣ). б) Отчетъ о лѣтней поѣздкѣ въ Пермскую и Архангельскую губерніи.
6. *А. Л. Масловъ*—Изъ поѣздки въ Бѣлоруссію съ музыкально-этнографическими цѣлями.
7. *В. Ѳ. Миллеръ* (три сообщенія)—а) Къ пѣснямъ о взятіи Казани. б) Къ сказкамъ объ Иванѣ Грозномъ. в) Старина о Бутманѣ Колывановичѣ.
8. *В. Н. Налимовъ*—Отчетъ о лѣтней поѣздкѣ къ инъвенскимъ пермякамъ.
9. *В. Е. Романовскій*—Хевсуры. Этнографическій очеркъ.
10. *Е. М. Соколовъ* (два сообщенія)—а) Народные обряды, вѣро-

ванія и творчество въ Бѣлозерскомъ краѣ. б) Остатки былинъ и историческихъ пѣсенъ въ Новгородской губ.

11. *В. Н. Харузина*—О путешествіи Коха въ Бразилію.

12. *Я. В. Шестаковъ*—Жертвоприношенія христіанъ-инородцевъ Ильвенскаго края.

Въ отчетномъ году продолжалъ выходить журналъ „Этнографическое Обозрѣніе", вступившій съ 1909 годъ въ 21-й годъ изданія, подъ редакціей *Вс. Θ. Миллера, Н. А. Янчука и В. В. Богданова.*

Музыкально-Этнографическая Комиссія, состоящая при Этнографическомъ Отдѣлѣ, имѣла предсѣдателемъ непр. чл. Н. А. Янчука, товарищемъ предсѣдателя непр. чл. А. Т. Гречанинова, секретарями д. чл. А. Л. Маслова и д. ч. Д. И. Аракчіева, библіотекаремъ д. ч. В. В. Пасхалова и казначеемъ непр. чл. А. В. Маркова.—Комиссія имѣла въ отчетномъ году 8 засѣданій, 6 закрытыхъ и 2 публичныхъ, совмѣстно съ Этнографическимъ Отдѣломъ, изъ коихъ одно было посвящено чествованію памяти умершаго члена Комиссіи композитора Н. А. Римскаго-Корсакова.

Въ засѣданіяхъ было сдѣлано 8 сообщеній слѣдующими лицами:

А. Анохинъ—О музыкальномъ творчествѣ Алтайцевъ.

Д. И. Аракчіевъ а) Изъ поѣздки на Кавказъ съ музыкально-этнографической цѣлью. б) Восточные мотивы въ произведеніяхъ Н. А. Римскаго-Корсакова.

В. Н. Гартевельдъ—Пѣсни ссыльно-каторжныхъ и сибирскихъ инородцевъ.

Н. А. Карасевъ—Римскій-Корсаковъ и народное теченіе въ русской музыкѣ.

Н. И. Компанейскій—Характерныя черты русскихъ пѣсенъ церковныхъ и мірскихъ.

А. Л. Масловъ—а) Изъ поѣздки въ Бѣлоруссію съ музыкально-этнографическою цѣлью. б) Русская народная пѣсня въ произведеніяхъ Римскаго-Корсакова.

Всѣ означенные доклады иллюстрировались музыкальными номерами, вокальными, инструментальными и фонографомъ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ членовъ давали въ закрытыхъ засѣданіяхъ отчеты о присылаемыхъ въ комиссію музыкальныхъ записяхъ и другихъ работахъ въ этой области. Въ отчетномъ году Комиссія

имѣла сношенія и съ заграничнымъ музыкальнымъ міромъ, приннявъ участіе своими изданіями и представительствомъ на музыкальной выставкѣ въ Ротердамѣ и на Вѣнскомъ конгрессѣ международнаго Музыкальнаго Общества.

Изъ новыхъ изданій Комиссіи заканчивается печатаніемъ II-й томъ „Трудовъ" около 30 печ. листовъ, въ который вошли матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки Бѣломорья, Кавказа, Дона, Якутскаго края и др. областей, а также библіографическіе обзоры и протоколы засѣданій съ приложеніями.

Подготовляются къ изданію дальнѣйшіе выпуски III-го тома, издающагося членомъ Отдѣла Н. Д. Самаринымъ подъ его же редакціей, при ближайшемъ участіи Н. Д. Кашкина. Въ январѣ текущаго года, вслѣдствіе ходатайства Комиссіи передъ министромъ финансовъ, ей отпущено 2.000 р. на изданіе IV-го тома „Трудовъ", который будетъ весь посвященъ „Опытамъ гармонизаціи и художественной обработки народныхъ мотивовъ». Съ весны уже приступлено къ печатанію этого тома и значительная часть доставленныхъ членами работъ уже награвирована. Благодаря этому изданію увидятъ наконецъ свѣтъ и тѣ художественно-музыкальные труды членовъ Комиссіи, которые въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ приготовлялись для этнографическихъ концертовъ, нѣкоторыя же композиціи написаны спеціально для этого изданія, не удаляясь отъ этнографической почвы.

Для школьнаго употребленія Комиссія напечатала въ отчетномъ году 2-й выпускъ своего „Школьнаго Сборника русс. нар. пѣсенъ" (для старшаго возраста), который на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ.

Научныя поѣздки съ этнографическими цѣлями совершили слѣдующіе члены общества, Этн. Отдѣла и Муз. Этн. Комиссіи:

1. *Владимиръ Александровичъ Гордлевскій* продолжалъ свои изслѣдованія по языку и фольклору турецкаго населенія Оттоманской имперіи.

2. *Ал-ръ Ник. Джаваховъ* ѣздилъ въ Кутаисскую губ. для продолженія своего изслѣдованія по антропологіи и этнографіи мѣстныхъ племенъ.

3. *Георгій Өедор. Жорданія* дѣлалъ этнографическія наблюденія и изслѣдованія въ Тифлисской губерніи, въ такъ называемой Карталиніи, гдѣ имъ собраны свѣдѣнія о нормахъ обычнаго пра-

во, записаны произведенія народнаго творчества—сказки, пѣсни, пословицы, загадки и т. д.,—сняты фотографическіе снимки съ типовъ населенія, предметовъ ихъ быта и достопримѣчательныхъ памятниковъ страны.

4. *Вл. Ил. Іохельсона*, находящійся въ Камчатской экспедиціи, снаряженной на средства Рябушинскаго, производилъ работы на островахъ Уналашкѣ, Атту, Аткѣ и нѣкоторыхъ мелкихъ островахъ. Теперь предстоитъ зимовка на Уманкѣ. Изслѣдованіе алеутовъ сдѣлано имъ полное во всѣхъ отношеніяхъ, произведены въ высшей степени интересныя археологическія раскопки, собраны весьма обширные матеріалы по языку и фольклору; собрана коллекція до 900 номеровъ въ томъ числѣ 39 череповъ и болѣе 400 предметовъ изъ раскоповъ; измѣрено болѣе 100 человѣкъ.

5. *Бор. Мих. Житковъ* зимою 1909 года возвратился изъ большой экспедиціи на полуостровъ Ямалъ, снаряженной подъ его руководствомъ Имп. Русс. Геогр. О-омъ. Имъ изслѣдованы природа и жители полуострова, вывезены обширныя коллекціи этнографическія, антропологическія и естественно-историческія. Коллекціи по этнографіи и антропологіи ямальскихъ самоѣдовъ пожертвованы Антропологическому Музею Москов. Университета, по зоологіи—зоологическому Музею того же Унив-та.

6. *Александръ Ивановичъ Колмогоровъ* ѣздилъ на Уралъ для антропологич., этнографич. и географич. изслѣдованій и наблюденій. Имъ, между прочимъ, посѣщены и обслѣдованы Симскія пещеры, а также сдѣланы находки предметовъ каменнаго періода.

7. *Ипполитъ Мих. Крашенинниковъ* ѣздилъ въ Забайкальскую область и въ Манчжурію для географич. и этнографич. изслѣдованій и наблюденій.

8 *Ал-ѣй Влад. Марковъ* ѣздилъ съ этнографическими цѣлями въ Пермскую и Архангельскую губерніи. Въ Пермской губ. онъ собралъ свѣдѣнія о бытованіи былинной традиціи на Уралѣ. Въ Архангельской губ. имъ записано нѣсколько былинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя дополняютъ какъ его собственное собраніе, такъ и собранія другихъ собирателей новыми интересными варіантами Всего въ поѣздку 1909 г. г-мъ Марковымъ записано 40 былинъ, 50 „стиховъ“ и 10 лирическихъ пѣсенъ, а также собраны діалектологическіе матеріалы по говорамъ Поморья.

Въ западной части Архангельской губ., въ Поморьѣ и на Ко-

рельскомъ берегу, онъ нашелъ 24 былинныхъ сюжета. Въ сравнительной свѣжести былинная традиція сохранилась въ д. Гриднѣ, на Корельскомъ берегу; Поморье характеризуется, наоборотъ, значительнымъ ея упадкомъ. Среди былинъ преобладаютъ богатырскія и былины типа фабліо; историческія пѣсни встрѣчаются крайне рѣдко. Изъ новыхъ записей наибольшею своеобразностью отличаются слѣдующіе сюжеты: Щелканъ Задудентьевичъ, Царь Савулъ и его сынъ, Потыкъ, Князь Романъ и Марья Юрьевна. Духовные стихи записаны въ Перми и въ Поморьѣ, какъ отъ мѣстныхъ крестьянъ, такъ и отъ захожихъ каликъ изъ Каргопольскаго у. Олон. губ. Изъ стиховъ одни поются по памяти и не отличаются пѣвцами отъ былинъ—стихи болѣе народнаго характера, другіе поются по т. н. „стиховникамъ", т.-е. рукописнымъ сборникамъ—стихи почти исключительно литературнаго происхожденія.

Вас. Петр. Налимовъ въ теченіе одного мѣсяца производилъ, совмѣстно съ финскимъ ученымъ Тальгреномъ, археологическія изысканія по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ, гл. обр., въ предѣлахъ Казанской губ. Затѣмъ $2^1/_2$ мѣсяца онъ единолично занимался этнографическими изслѣдованіями и собираніемъ матеріаловъ по быту и вѣрованіямъ пермяковъ, обитающихъ по рѣкѣ Иньвѣ и ея притокамъ въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Имъ собранъ обширный матеріалъ по семейному и общественному быту пермяковъ, сдѣланы записи по свадебному ритуалу; собраны свѣдѣнія о многихъ обрядахъ и переживаніяхъ языческаго культа, сдѣланы наблюденія по пермяцкому языку въ связи съ діалектологіей зырянскаго языка.

9. *Бор. Матв. Соколовъ* ѣздилъ, въ сопровожденіи брата Ю. М. Соколова, съ этнографической и діалектологической цѣлями въ Кирилловскій у. Новгородской губ. Имъ записано около 25 №№ былинъ и историческихъ пѣсенъ, отъ 32-хъ сказочниковъ—100 №№ сказокъ, подробно записанъ свадебный ритуалъ, свадебныя пѣсни, примѣты, присказки, загадки, причитанія, до 40 заговоровъ, собрана коллекція женскихъ головныхъ уборовъ (шлыки, кокошники, короны, сборники и пр.), образцовъ вышивокъ, концовъ полотенецъ, игрушекъ и проч. Съ построекъ и типовъ населенія сняты фотографіи. По діалектологіи собраны матеріалы о гово-

рахъ Кирилловскаго у. Новгородской губ., и отчасти Весьегонскаго у. Тверской губ.

10. *Ал-ръ Солом. Хахановъ* ѣздилъ въ Кутаискую и Тифлисскую губернiи для этногр. изслѣдованiй картвельскихъ племенъ.

Юбилей Василія Осиповича Ключевскаго. 5-го декабря 1909 года исполнилось 30 лѣтъ профессорской дѣятельности Вас. Ос. Ключевскаго. Академія наукъ, университеты, ученыя учрежденія и общества и множество благодарныхъ учениковъ привѣтствовали въ этотъ день знаменитаго автора „Боярской думы" и „Лекцій".

Вас. Ос. въ качествѣ профессора первоначально сталъ читать лекціи въ Московской Духовной Академіи (1879), а потомъ и въ Московскомъ Университетѣ. Изъ ученыхъ обществъ онъ наибольшее участіе принималъ въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, избравшемъ его своимъ предсѣдателемъ.

Изъ его ученыхъ трудовъ назовемъ: „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ" (1871), „Боярская дума" (1882, доктор. диссертація), „Русскій рубль XVI—XVIII ст. въ отношеніи къ нынѣшнему" (1884), „Происхожденіе крѣпостного права" (1885), „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ Государствѣ" (1886), «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи (1886), „Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси" (1890—92), наконецъ его „лекціи", вышедшія въ послѣдніе годы печатнымъ курсомъ пока въ 4-хъ томахъ. На дняхъ выйдетъ юбилейный сборникъ статей учениковъ Вас. Осиповича; тамъ, между прочимъ, будетъ помѣщенъ и подробный указатель его ученыхъ трудовъ.

---

† **Карлъ Крумбахеръ** на-дняхъ скоропостижно скончался въ Мюнхенѣ всего на 53-мъ году жизни. Имя этого знаменитаго нѣмецкаго византиниста давно уже не менѣе извѣстно въ Россіи, чѣмъ въ самой Германіи. Въ тепломъ письмѣ, посвященномъ его памяти, французскій другъ Густавъ Шлумбергеръ такъ его характеризуетъ:

„Крумбахеръ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ умовъ нашего времени и до того рьяный труженикъ, что жизнью заплатилъ

за постоянное чрезмѣрное напряженіе въ работѣ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ,—можно сказать, главнѣйшимъ,—возродителемъ занятій византійской исторіей, литературой и филологіей въ Европѣ,—занятій, которыя съ конца XVII вѣка находились въ забросѣ совершенно скандальномъ и необъяснимомъ, если принять въ расчетъ, что дѣло тутъ идетъ о десятивѣковой исторіи доброй половины всего міра, извѣстнаго въ Средніе вѣка.

Крумбахеръ обладалъ огромной эрудиціей. Этотъ свѣтскій бенедиктинецъ за свою слишкомъ короткую жизнь, проведенную большею частью въ Мюнхенѣ, выполнилъ почти невѣроятное количество работы. Капитальнымъ его произведеніемъ является извѣстная «Исторія византійской литературы», гдѣ впервые кратко были изложены всѣ произведенія византійскихъ авторовъ, къ какой бы области они ни относились. На каждаго изъ этихъ сотенъ писателей, рукописные труды которыхъ по большей части покоятся въ архивной пыли, Крумбахеру приходилось тратить недѣли тщательныхъ разысканій. Теперь, послѣ появленія этого неоцѣненнаго пособія, каждый изъ современныхъ историковъ Византіи шутя можетъ восходить къ первоисточникамъ, которые ему нужны.

А замѣчательная *Byzantinische Zeitschrift*, которую Крумбахеръ основалъ въ Мюнхенѣ въ 1892 году! Покойный самъ въ теченіе 17-ти лѣтъ составлялъ тамъ весь библіографическій отдѣлъ, сдѣлавъ изъ своего журнала совершенно незамѣнимое пособіе. Этотъ колоссальный трудъ, отъ котораго онъ не отрывался даже тогда, когда болѣзнь держала уже его въ когтяхъ, и сократилъ, конечно, дни нашего друга».

Какъ принималъ Крумбахеръ русскихъ молодыхъ ученыхъ, пріѣзжавшихъ работать въ Мюнхенъ, объ этомъ, вѣроятно, не одинъ изъ нихъ сочтетъ еще своимъ долгомъ разсказать русскому обществу съ благодарнымъ чувствомъ. Замѣтимъ въ заключеніе что „свѣтскій бенедиктинецъ“ былъ монахомъ лишь по изумительному своему трудолюбію. Оставивъ рабочій столъ, Крумбахеръ не держалъ себя нисколько аскетомъ и педантомъ. Напротивъ, это былъ на рѣдкость веселый и разносторонній собесѣдникъ и товарищъ.

(*Рус. Вѣд. 1909, № 293*).

† **Профессоръ Отто Доннеръ** скончался 4-го сентября 1909 г. (родился въ 1835 г.). Первый секретарь, а потомъ и председатель Финно-угорскаго Общества, живая летопись этого о-ва, онъ оказалъ огромныя услуги стране и науке. Съ 1865 г. онъ посвящаетъ свои силы финно-угроведенiю и печатаетъ рядъ работъ, какъ-то, статьи о Калевале, сборникъ лапландскихъ песенъ, очеркъ исторiи финно-угроведенiя, сравнительный словарь финноугорскихъ языковъ и т. д. Онъ принималъ также живое участiе въ организацiи экспедицiй въ Саянскiя горы и въ долину Орхона.

Отто Доннеръ былъ не только ученый, но и смелый общественный деятель Финляндiи.

---

† **С. В. Смоленскiй.** 20 iюля с. г. въ г. Василь-Сурске Нижегородской губ. скончался, на 61 году, известный изследователь древнерусскаго церковнаго пенiя, приватъ-доцентъ СПБ. университета Степанъ Васильевичъ Смоленскiй, бывшiй профессоръ Московской консерваторiи по каеедре исторiи церковной музыки и директоръ Синодальнаго училища, потомъ Придворной Певческой Капеллы.

После проф. Д. В. Разумовскаго, автора „Исторiи церковнаго пенiя въ Россiи", имя С—го считалось единственнымъ авторитетомъ въ области русской церковно-певческой этнографiи. На протяженiи многихъ летъ (отъ скромной должности учителя пенiя въ Казани до профессорской каеедры въ Москве и СПБ.) С—iй явилъ себя неутомимымъ работникомъ въ излюбленной имъ научной области и выпустилъ въ светъ целый рядъ ценныхъ трудовъ, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманiе: „Общiй очеркъ историческаго и музыкальнаго значенiя певческихъ рукописей Соловецкой библiотеки и Азбуки Александра Мезенца". „Александръ Мезенецъ. Азбука знаменнаго пенiя", „О собранiи русскихъ древне-певческихъ рукописей въ Моск. Синодальномъ училищъ, „О древне-русскихъ певческихъ потацiяхъ" и другiе труды, издававшiеся въ последнее время О-вомъ Люб Др. Писменности.

Уже изданiе „Азбуки Мезенца" (1887 г.), съ объяснительной статьей и примечанiями, выдвинуло С—го въ ряды виднейшихъ нашихъ изследователей. Высказанные въ этомъ труде, едва ли не впервые, взгляды на самобытность древнихъ русскихъ церков-

ныхъ мелодій послѣдовательно проведены С—скимъ во всѣхъ позднѣйшихъ работахъ. Говоря о самобытности духовно-музыкальнаго пѣснотворчества, онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ неоднократно касался и свѣтскихъ народныхъ пѣсенъ, мелодическій складъ которыхъ имѣетъ тѣснѣйшую связь съ мелодическимъ складомъ древнихъ церковныхъ пѣснопѣній. Выясненію кореннаго вопроса о происхожденіи древнихъ крюковыхъ нотацій и церковныхъ мелодій посвящены были послѣдніе годы почтеннаго ученаго, но результаты этихъ работъ, послѣ интересной экспедиціи на Аѳонъ, остались пока неизвѣстными, такъ какъ внезапная смерть оставила работы не оконченными.

Заслуживаютъ быть отмѣченными труды С—го по основанію единственной въ своемъ родѣ библіотеки церковно-пѣвческихъ рукописей при Синодальномъ училищѣ. Для этой библіотеки имъ собрано рукописей свыше двухъ тысячъ номеровъ, краткое описаніе коихъ сдѣлано собирателемъ, но детальное изученіе ихъ ожидаетъ своихъ изслѣдователей, такъ какъ многія изъ рукописей представляютъ интересъ еще и для историка литературы, и для этнографа.

А. М.

---

† **Е. Ролланъ** (Eugène Rolland) (1846—1909) въ этомъ году скончался. Онъ извѣстенъ своими фольклорными работами, какъ-то: Faune populaire de la France, Recueil de chansons populaires, Flore populaire de la France. Ролланъ въ 1877 году былъ однимъ изъ основателей журнала: „Mélusine“. (Larousse mensuel).

---

† **М. А. Олѣховскій** 11 декабря послѣ тяжкой болѣзни скончался въ г. Полтавѣ. Онъ былъ завѣдующимъ мѣстнымъ естественно-историческимъ и этнографическимъ земскимъ музеемъ. Своимъ возникновеніемъ и своимъ развитіемъ полтавскій музей почти всецѣло обязанъ Михаилу Александровичу.

Покойный отдалъ любимому дѣлу всѣ свои силы. Со времени открытія музея, съ 1891 года, и до самой смерти М. А—ча музей былъ тѣмъ центральнымъ пунктомъ, къ которому сходились и вокругъ котораго группировались всѣ жизненные интересы покой-

наго. Если въ настоящее время музей является однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ учрежденій полтавскаго земства, если онъ теперь завоевалъ безспорное право на всеобщее вниманіе, то въ первые годы его жизни приходилось съ большимъ трудомъ отстаивать его существованіе, приходилось пережить немало тяжелыхъ огорченій въ этой борьбѣ съ человѣческимъ непониманіемъ. И особенно трудно и мучительно тяжело это было для М. А., человѣка необычайной чуткости и деликатности, необыкновенно мягкаго и рѣшительно неприспособленнаго для жизненной борьбы. Несмотря на всѣ огорченія, М. А. никогда не складывалъ рукъ, онъ глубоко вѣрилъ въ любимое имъ дѣло, работалъ сверхъ силъ, постоянно расширяя и умножая задачи музея.

На послѣднемъ земскомъ собраніи рѣшено устроить для музея спеціальное зданіе, и, очевидно, для него теперь обезпечено прочное и достойное существованіе. А творца его, вложившаго въ это дѣло всѣ муки своей чистой души, всѣ порывы преданнаго сердца, всю горечь сомнѣній и колебаній, Полтава провожаетъ послѣднимъ „прости". Миръ праху твоему, рѣдкій труженикъ на нивѣ земской, вѣрный сынъ полтавщины, кристально чистый человѣкъ! („Рус. Вѣд.", 1909, № 288).

Рефераты по этнографіи въ подсекціи этнографіи XII-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей заявлены слѣдующими лицами: *В. В. Бартольдъ.* О происхожденіи кайтаковъ (въ Дагестанѣ); *В. Г. Богоразъ.* Психологія шаманизма у народовъ Сѣв.-вост. Азіи; *В. Н. Васильевъ.* Поѣздка къ карагасамъ въ 1908 г.; *Ѳ. К. Волковъ.* а) О результатахъ раскопки въ 1909 г. палеолитической стоянки въ с. Мезинѣ Черниговской губерніи, Кролевецкаго уѣзда; b) Интересный армянскій фетишъ и его происхожденіе; *Д. К. Зеленинъ.* Бесермяне, загадочный народецъ Вятской губерніи; *Н. В. Кириловъ.* Опытъ новой систематизаціи нѣкоторыхъ элементовъ этнографіи; *Д. А. Клеменцъ.* а) О развитіи осѣдлости въ связи съ земледѣліемъ у монгольскихъ племенъ; b) О вліяніи буддизма и христіанства на шаманизмъ среди монгольскихъ племенъ; *Ѳ. Е. Коршъ.* Классификація турецкихъ племенъ; *С. А. Котляревскій.* Заслуги Л. Гумпловича передъ этнографіей; *С. К. Кузнецовъ.* Успѣхи этнологіи въ дѣлѣ изученія инородцевъ Пово-

ложья за послѣдніе 30 лѣтъ; *К. С. Кузьминскій*. Новое о балканскихъ болгарахъ; *А. Н. Максимовъ*. Современное положеніе этнографіи и ея успѣхи; *А. А. Миллеръ*. Изображенія людей и животныхъ на тканяхъ и коврахъ Кавказа; *В. Ѳ. Миллеръ*. Этнографическій интересъ кавказскаго языковѣдѣнія въ настоящее время; *Н. Ѳ. Сумцовъ*. а) Утилитарныя цѣли этнографіи; b) Правда и вымыселъ въ фольклорѣ; в) Медицина и народныя суевѣрія; г) Народно-лѣчебныя травы; *Г. А. Халатьянцъ*. По исторіи армянской этнографіи; *В. Н. Харузина*. Роль дѣтей въ религіозно-обрядовой жизни; *А. С. Хахановъ*. Культъ очага у картвельскихъ племенъ; *Л. Я. Штернбергъ* а) Объединеніе работъ по этнографіи Россіи; b) Къ методологіи орнамента: орнаментъ изъ оленьяго волоса и иглъ дикобраза.

Выставка игрушекъ, открытая 1-го ноября въ помѣщеніи кустарнаго музея Московскаго Земства, обратила на себя всеобщее вниманіе и съ большимъ, серьезнымъ интересомъ посѣщалась какъ дѣтьми, такъ и взрослой публикой. Это была вполнѣ этнографическая, научно-продуманная выставка. Инициаторъ и устроитель ея художникъ Ник. Дм. Бартрамъ издалъ по этому поводу маленькую брошюрку объ игрушкахъ, гдѣ, между прочимъ, говоритъ: „Періодъ игръ и игрушекъ—подготовительный классъ къ жизни. Игрушка—радость ребенка—способствуетъ творчеству и наблюдательности. Для многихъ дѣтей игрушка часто играетъ роль большую, чѣмъ книга, такъ какъ, играя, ребенокъ творитъ болѣе самостоятельно". „Міръ игрушекъ—ихъ происхожденіе и исторія, при внимательномъ изученіи, долженъ стать чрезвычайно любопытной и оригинальной страницей въ исторіи русской культуры вообще, и въ исторіи русскаго народнаго искусства въ частности". „Нетронутый и богатый матеріалъ дадутъ игрушки этнографу, помогая въ изученіи особенностей быта народовъ, освѣщая новыя положенія въ происхожденіи формъ народнаго творчества". Игрушка народная, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію г. Бартрама, является и живымъ источникомъ для творчества кустаря-игрушечника. „Примитивность народной игрушки близка и понятна ребенку болѣе, чѣмъ тщательно продуманный кунстштюкъ города". Въ этомъ отношеніи интересны какъ народныя игрушки старинныя, такъ

и новыя. Авторъ заканчиваетъ мыслью о созданіи музея русской игрушки, который служилъ бы источникомъ для дальнѣйшаго развитія игрушечнаго дѣла въ Россіи и матеріаломъ для его изученія". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ доставлять ему (Москва, Кустарный Музей, Н. Д. Бартрамъ) свѣдѣнія: 1) Въ какой мѣстности Россіи и какія работаются игрушки, какъ давно, способъ работы; 2) вліяніе и связь обычаевъ, костюма, животнаго и растительнаго міра, мѣстнаго орнамента и т. д. съ формами игрушекъ; 3) когда устраиваются ярмарки игрушекъ и пряниковъ, преданія о ярмаркахъ; 4) прислать (хотя бы для снятія копіи) подлинныя старинныя и современныя игрушки, пряники, рисунки съ нихъ, фотографіи.

Всѣ эти идеи о народной игрушкѣ и программы собиранія ихъ легли и въ основу подбора тѣхъ коллекцій, которыми можно было любоваться на выставкѣ. Здѣсь и старыя игрушки, и куклы, одѣтыя по указанію И. Е. Забѣлина, интересныя по своему реализму игрушки, скопированныя съ этнографическихъ группъ Румянцовскаго Музея кустарями по указанію Н. Д. Бартрама, богатая коллекція куколъ и пряниковъ, носящая на себѣ слѣды бытовыхъ и мѣстныхъ особенностей, напр., коллекція, присланная Арханг. О-вомъ изученія русскаго сѣвера.

Интересный отдѣлъ игрушекъ представляютъ тѣ, которыя, помысли и подъ руководствомъ Н. Д. Бартрама, исполнены кустарями со старинныхъ русскихъ лубковъ. Здѣсь инціаторомъ, какъ онъ намъ объяснялъ, руководила идея объ общности народнаго вкуса и художественнаго пониманія какъ у мастеровъ лубка, такъ и у кустарей. И дѣйствительно, результаты получились поразительные: огромная группа: „Какъ мыши кота хоронили", „Соловей разбойникъ", старинный царскій возокъ, а также группы на темы къ баснямъ Крылова и народныхъ сказокъ выполнены съ изумительнымъ художественнымъ вниманіемъ.

Признавая первую попытку такого серьезнаго и цѣннаго научно-педагогическаго предпріятія вполнѣ удавшейся, остается пожелать дальнѣйшаго успѣха какъ русской народной игрушкѣ, такъ и ея изслѣдователямъ и распространителямъ.

На Туркестанской Сельскохозяйственной Промышленной и Научной Выставкѣ, открывшейся осенью 1909 года въ г. Ташкентѣ, по

случаю 25-лѣтія Туркестанскаго Общества сельскаго хозяйства, между прочимъ, присуждены почетные дипломы и золотыя медали за научныя заслуги по этнографіи слѣдующимъ лицамъ и учрежденіямъ: 1) *Николаю Петровичу Остроумову*—„за его выдающіеся научные труды въ области изученія этнографіи, исторіи, культуры и религіи сартовъ и археологіи Туркестанскаго края, а также за труды по исторіи Востока и по изученію народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ" (почетный дипломъ), 2) *Асхабадскому Музею*—„за чрезвычайно интересныя коллекціи по зоологіи и этнографіи Закаспійской области, собранныя музеемъ" (почетный дипломъ), 3) *Абубекру Ахмеджановичу Диваеву*—«за его весьма цѣнныя въ научномъ отношеніи и всестороннія этнографическія изслѣдованія быта киргизъ" (большая золотая медаль), 4) *Полковнику Ягелло*—„за его сочиненія по востоковѣдѣнію и особенно за капитальный научный трудъ подъ заглавіемъ: „Полный персидско-арабско-русскій словарь", являющійся однимъ изъ лучшихъ словарей на русскомъ языкѣ" (большая золотая медаль) [1]), 5) *Полковнику Михайлову*—„за изданіе имъ весьма интересныхъ и цѣнныхъ этнографическихъ картъ Средней Азіи и Закаспійской области" (большая золотая медаль).

(„Вѣстникъ Турк. С.-Х. и Науч. Выст").

Награды Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1909 году за труды по этнографіи присуждены: 1) *Николаю Евгеніевичу Ончукову*—„за составленный имъ и изданный въ „Запискахъ" Общества сборникъ „Сѣверныя сказки" (большая золотая медаль за труды по этнографіи и статистикѣ), 2) *Отцу Мартемьяну Сосипатровичу Мартеміанову*, по отзыву Б. М. Житкова, „за службу его въ экспедиціи на Ялъ-Малъ переводчикомъ и за ревностную помощь, оказанную имъ экспедиціи" (мал. серебр. медаль), 3) *П. Н. Привалову*—„за докладъ въ Обществѣ и за распространеніе древней русской пѣсни и древнихъ музыкальныхъ инструментовъ" (мал. серебр. медаль), 4) *И. Н. Зенбицкому* за статьи въ „Живой Старинѣ" (мал. серебр. медаль); кромѣ того, 5) *Бор. Мих. Житкову*, въ своей экспедиціи на Ялъ-Малъ изслѣдовавшему,

---

[1]) См. здѣсь рецензію на его словарь.

между прочимъ, и бытъ самоѣдовъ,—„за его работы по географіи Ялъ-Мала"—денежная премія имени Н. М. Пржевальскаго.

Якутскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, объ открытіи котораго ходатайствуетъ якутскій губернаторъ, будетъ, по постановленію Совѣта Общества, открыть въ Якутскѣ, послѣ разрѣшенія этого вопроса въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Бѣлорусскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества проектируется учредить въ г. Витебскѣ. Проектъ положенія Отдѣла уже внесенъ въ Совѣтъ Географическаго Общества, и Совѣтъ согласился на учрежденіе Отдѣла; осталось только ждать разрѣшенія отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Еврейское Историко-Этнографическое Общество въ ноябрѣ 1908 года открыло свое существованіе въ Петербургѣ. На учредительномъ собраніи г. Дубновъ произнесъ программную рѣчь. Указавъ на заслуги еврейскаго Запада въ еврейской исторіографіи („Orient" Фюрста; „Wissenschaftliche Zeitschrift" А. Гейгера; „Monatsschrift" Франкля-Греца; „Société des études juives" во Франціи (1879) съ его „Revue des études juives"; „Historische Commission für Geschichte der Juden in Deutschland (1885) съ его 5-ю томами „Zeitschrift f. Gesch. d. Jud. in Deutschland", а также „Quellen" и „Regesten"; англо-еврейское историческое о—во съ его трехмѣсячникомъ „Jewish Quarterly Review"; Американское „Jewish Historical Society" съ его ежегодникомъ „Publications"), г. Дубновъ отмѣтилъ пробѣлъ такой дѣятельности въ Россіи, гдѣ были одни только попытки: Бершадскій „Русско-еврейскіе архивы", 1881—82 и 1903, изд. „О-ва распространенія просвѣщенія между евреями", его же и другія монографіи. Въ 1891 г. была сдѣлана самимъ г. Дубновымъ попытка организовать еврейское историческое общество, но безрезультатно. Но на его же призывы, стали поступать матеріалы въ одесское отдѣленіе „О-ва просвѣщенія" и періодически печататься въ „Историческихъ Сообщеніяхъ" („Восходъ", 1893—96). Тогда же и въ Петербургѣ организовалась „Историко-

Этнографическая Коммсія" при „О-вѣ распространенія просвѣщенія между евреями", издавшая I-ый томъ „Регестъ и Надписей" (1899 г.; II-ой готовится къ печати) и продолженіе „Русско-еврейскаго Архива" Бершадскаго (III томъ, 1903 г.).

Историко-Этнографическое общество стоитъ теперь передъ задачами собиранія этнограф. матеріаловъ (въ государств., обществ. и частн. архивахъ, въ живой народной массѣ, въ ея запасѣ обычаевъ, преданій, пѣсенъ), изданія матеріаловъ, начатыхъ „Регестами" и „Русск.-евр. Архивомъ", изданія новой серіи архивныхъ актовъ, преимущественно „пинкосовъ" еврейскихъ общинъ, изданія періодическаго трехмѣсячника, отдѣльныхъ историческихъ и этнографическихъ трудовъ по еврейству, созданія Центральнаго Архива и Музея. Далѣе г. Дубновъ указалъ на утѣшительные симптомы пробужденія еврейской научной мысли въ Россіи: появилась идея изданія Еврейской Энциклопедіи, дѣлается попытка открытія Высшихъ Курсовъ Еврейскаго Знанія, выдвигается „Общество Любителей древне-еврейскаго языка", появляется „Еврейское Литературное Общество".

Наконецъ, вновь открывшееся Ист.-Этн. Евр. О—во издало I-й томъ своего трехмѣсячника „Еврейская Старина", рецензія на который помѣщена въ этой же книгѣ „Этнографическаго Обозрѣнія".

Еврейскія народныя пѣсни въ музыкальной обработкѣ Ю. Энгеля недавно вышли 1-мъ выпускомъ. Въ немъ содержится 10 пѣсенъ для одного голоса съ фортеп., съ текстами еврейскимъ, нѣмецкимъ и русскимъ, а именно: „Аврамъ" (дума); „Ты прости" (свадебн.); „Ахъ, тяжко мнѣ" (солдатск., со скрипкой и фп.); „Однажды съ милымъ" (любовн.); „Красавица Рахиль" (любовн.); „Грустить душа" (любовн.); „Дитя въ люлькѣ" (семейн.); „Если бъ далъ мнѣ царь" (колыбельн.); „Былъ бы я раввинъ" (бытов.); „Какъ кто поетъ" (шуточн.) Складъ изданія въ музыкальномъ магазинѣ Юргенсона въ Москвѣ.

Финно-угорская топографія. Профессоръ Э. Н. Сетяля поднялъ въ Финно-угорскомъ обществѣ вопросъ о собираніи названій мѣстъ, когда-либо занятыхъ финно-угорскими племенами. Такъ

какъ подобная задача не по силамъ одному обществу, то онъ предложилъ войти въ соглашеніе съ различными русскими учеными обществами.

Къ вопросу о финно-литовско-латышскихъ параллеляхъ. Доцентъ Гельсингфорскаго университета А. Р. Піеми получилъ трехлѣтнюю командировку въ Лифляндскую, Курляндскую, Ковенскую, Сувалкскую, Виленскую и Витебскую губерніи для изученія связи между финскимъ и литовско-латышскимъ фольклоромъ.

Къ археологіи сѣвернаго уральскаго тракта изъ Европы въ Азію. На засѣданіи Финскаго археологическаго общества м—ръ А. М. Тальгренъ прочелъ докладъ о соприкосновеніи, въ бронзовый вѣкъ, между землями, входившими въ бассейнъ Балтійскаго моря, и Уральскимъ трактомъ. Культура бронзоваго вѣка, центръ которой находился въ области слiянія Оки и Камы, (нынѣшнія губерніи Казанская и Вятская), отличается, по своему типу, отъ скандинавской культуры бронзоваго вѣка, вліяніе которой простиралось вдоль береговъ Балтійскаго моря. Ея остатки сохранились какъ въ Финляндіи (на западъ отъ Гельсингфорса), такъ въ Прибалтійскихъ провинціяхъ и въ области Великаго Новгорода. Границы восточной культуры бронзоваго вѣка начинаются нѣсколько восточнѣе Нижняго Новгорода. Однако кое-какія находки встрѣчаются и къ западу отъ него въ области рѣкъ Оки и Волги, а также въ Финляндіи. Съ другой стороны, западная (скандинавская) культура бронзоваго вѣка проникала вплоть до Камскихъ трактовъ. Остается только открытымъ вопросъ о причинахъ, вліявшихъ на такое широкое распространеніе скандинавской культуры.

Къ изученію колдовства Въ фольклорный архивъ, при „Шведскомъ литературномъ обществѣ", поступила отъ проф. А. О. Фреудентâля, т. наз. „черная книга", принадлежавшая знахарю въ Мунсала. *Вл. Г.*

Къ вопросу о бѣсоодержимости въ современной деревнѣ—подъ этимъ заглавіемъ прочелъ рефератъ 5-го декабря, въ засѣданіи московскаго психологическаго Общества прив.-доц. д-ръ М. Ю. Лахтинъ. Наблюденія надъ современной бѣсоодержимостью были произведены имъ въ с. Телепневѣ Звенигородскаго уѣзда, недалеко отъ Москвы, надъ пятью крестьянками. Мѣстный священникъ

вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія прихожанъ о томъ, что въ больныхъ дѣйствительно вселился бѣсъ; въ населеніи распространено мнѣніе, что большое количество бѣсноватыхъ появилось послѣ забастовокъ. У трехъ больныхъ референтомъ обнаружены признаки истерическаго психоза. У четвертой бѣсоодержимость развилась на почвѣ сифилитическаго страданія. Референтъ видитъ единственное средство противъ болѣзни въ психическомъ воздѣйствіи на больного. Въ продолжительныхъ преніяхъ, послѣдовавшихъ послѣ реферата, принимали участіе, кромѣ докладчика, Д. Г. Коноваловъ, П. П. Соколовъ и проф. Л. М. Лопатинъ. Д. Г. Коноваловъ указалъ, что въ литературѣ попадаются случаи бѣсоодержимости, которые трудно отнести къ разряду болѣзней истерическаго происхожденія. Нѣкоторые случаи можно объяснить душевными заболѣваніями, напримѣръ, у параноиковъ. Точно также бывали случаи, когда не обнаруживалось въ заболѣваніяхъ и сексуальнаго фактора. П. П. Соколовъ находилъ, что въ основѣ истеріи лежитъ эмоціональный элементъ. Л. М. Лопатинъ замѣтилъ, что если стать на точку зрѣнія говорившихъ, то придется объясненіе религіознаго процесса человѣчества свести къ истеріи: въ зародышѣ находятся параноики, а въ центрѣ—истеричные. Врядъ ли можно дать такой категорическій отвѣтъ. Къ истеричнымъ въ такомъ случаѣ придется отнести Магомета и другихъ вождей религіозныхъ движеній. М. Ю. Лахтинъ отмѣчаетъ разность взглядовъ въ этой области: напр., Жанна д'Аркъ причислена католической церковью къ святымъ; нѣкоторые ученые считаютъ ее великимъ человѣкомъ, а психіатръ проф. Гириъ видитъ въ ней истеричку. Во всякомъ случаѣ, въ данное время медицина склонна смотрѣть на значительную часть сектантства какъ на явленія патологическаго происхожденія. Л. М. Лопатинъ видитъ въ этомъ нѣкоторую аналогію съ теоріей, которая считаетъ, что геній граничитъ съ помѣшательствомъ. Въ заключеніе всѣ участвовавшіе въ преніяхъ признали важнымъ и желательнымъ изученіе явленій, подобныхъ описаннымъ въ рефератѣ М. Ю. Лахтина.

(*„Рус. Вѣд.“, 1909, № 281*).

Иллюстрація калужскихъ костюмовъ Дашковскаго Этногр. Музея обогатилась четырьмя прекрасно исполненными въ краскахъ рисунками г-жи Р. Е. Кедриной. На двухъ изображены полные одѣ-

тые женскіе костюмы Жиздринскаго уѣзда (прівѣска, селезни, пупки, занавѣска, рубашка, наплёва, онучи, лапти) и козельскаго уѣзда (прівѣска, подзатыльникъ, селезни, сукня, рубашка, онучи и лапти). На другихъ двухъ рисункахъ изображены старый и новый женскіе костюмы с. Ильинскаго Калужской губ., Козельскаго уѣзда.

Одно изъ старинныхъ обрядовыхъ печеній поступило этой осенью въ Дашковскій Этнографическій музей отъ кр. д. Сельково Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Ярослав. губ. Дарьи Алексѣевны Яковлевой, это — „благословенный кулича", свадебный хлѣбъ, который печетъ мать невѣсты, и которымъ она ее благословляетъ: благословляя, кладетъ хлѣбъ на голову; хлѣбъ этотъ испеченъ, по просьбѣ Яковлевой, ея матерью, старухой 88 лѣтъ. Теперь такіе хлѣбы уже выходятъ изъ употребленія. Форма этого хлѣба напоминаетъ вѣнокъ, усаженный крендельками (б. м., бутонами цвѣтовъ), деревцами и какими-то гребешками. Къ сожалѣнію, названія этого орнамента не сообщены.

Новое изданіе по этнографіи—узоровъ средне-азіатскихъ ковровъ вышло въ 1908 г. въ Экспедиціи заготовл. госуд. бумагъ въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ „Ковровыя издѣлія Средней Азіи. Изъ собранія, составленнаго А. А. Боголюбовымъ", въ размѣрѣ больш. листа, два выпуска. Изданіе состоитъ изъ русскаго и французскаго (параллельнаго) текста и 43 таблицъ рисунковъ, прекрасно исполненныхъ въ краскахъ, и въ томъ числѣ нѣсколько таблицъ фототипій. Кромѣ того, къ альбому приложена „Этнографическая и ковровая карта Средней Азіи", сост. Ф. Михайловымъ подъ ред. А. Боголюбова.

Авторъ текста, онъ же собиратель коллекціи (находящейся теперь въ Русск. Музеѣ Александра III въ Спб.) и инпціаторъ ея изданія, нынѣ уже покойный, задался цѣлью разрѣшить нѣкоторые этнографическіе вопросы, возбужденные въ немъ, при составленіи подъ его редакціей, брошюры кап. Ф. А. Михайлова: „Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь", Асхабадъ. 1900. Именно, вопросъ о происхожденіи туркменской части населенія

области и взаимной связи населяющихъ ее племенъ, онъ думалъ освѣтить, за недостаткомъ историческихъ и фольклорныхъ данныхъ, данными матеріальной культуры. Для этого имъ подобраны типы орнамента ковровъ, дано имъ описаніе, но для заключеній пока не имѣется достаточныхъ основаній.

Авторъ указываетъ на установившееся мнѣніе западныхъ ученыхъ, что родиной ковроваго производства слѣдуетъ признать страны древнѣйшихъ цивилизацій — египетской и ассирійской. Считаясь съ работами Георга Бервуда (Birdwood-Easter Carpets), Шаврова („ковровое производство въ Малой Азіи"), Ригля (Riegl-Altorientalische Teppiche, 1891) и др., онъ думаетъ, что родиной ковроваго производства, м. б., со временемъ придется признать и не Египетъ съ Ассиріей.

На картѣ г. Михайлова обозначено распространеніе слѣдующихъ племенъ: теке, сарыки, салоры, гоклапы, эрсари, іомуды, огурджали, игдыръ, абдалъ, чаудоры, ходжа, киргизы, узбеки, каракалпаки, таджики, сарты, шихи, карадашли, нирсли, арбачи, ата, нухурли, мурчали, алп-эли, арабы, авганцы.

Одно изъ справочныхъ изданій по Кавказу даетъ цѣнное указаніе и для этнографа, а именно: „Кавказскій Календарь на 1909 г. Издано по распоряженію Намѣстника, подъ ред. В. В. Стратонова. Годъ LXIV. стр. X+951+IV+1037+72, съ картой Кавказа въ масштабѣ 20 верстъ въ дюймѣ. Обстоятельная рецензія на это изданіе напечатано въ „Землевѣдѣніи", 1909, II. Въ календарѣ имѣется алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Кавказа съ указаніемъ числа жителей и преобладающаго состава населенія, статистическія данныя о пространствѣ и населеніи Кавказа по уѣздамъ, участкамъ и городамъ, распредѣленіе населенія Закавказья по сельскимъ обществамъ и народностямъ, распредѣленіе населенія Кавказа по родному языку и по вѣроисповѣданіямъ, по группамъ занятій, краткая этнологическая классификація кавказскихъ народовъ и проч., а также списокъ главныхъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ „Кавк. календарѣ" за всѣ 63 года.

По изслѣдованію корелъ Архангельской губерніи выпѣшнимъ лѣтомъ работалъ *А. А. Каменевъ*, съ денежной субсидіей отъ Имп. Русск. Геогр. О-ва.

О населеніи по рѣкамъ Зеѣ, Буреѣ Селемджѣ и Амгуни можно найти нѣкоторыя цѣнныя свѣдѣнія въ „Матеріалахъ для опис. русск. рѣкъ и исторіи улучшенія ихъ судоходныхъ условій", вып. XII. „Рѣка Зея". Вып. XIII Р. Амгунь. Вып. XIV Р. Бурея. Вып. XV Р. Селемджа. (Изд. Управл. Внутр. Водн. Путей и шосс. дорогъ). Между прочимъ, описаны населенные пункты, виды промышленности, составъ населенія и проч.

По матеріальной культурѣ китайцевъ на Сунгари и отчасти по ихъ вѣрованіямъ и исторіи, можно найти въ „Матеріалахъ для описанія русскихъ рѣкъ и исторіи улучшенія ихъ судоходства. Вып. XX. Очеркъ рѣки Сунгари. Сост. *В. Родевичъ*. Въ книгѣ много хорошо исполненныхъ фототипій; напр.: туземное кладбище, деревянные гроба съ покойниками, виды кумирень, бурханы, фанзы, гольдъ-рыболовъ и др.

Изъ Монголіи возвратилась экспедиція Г. І. д-ра Рамстеда и магистра С. Пяльсп. Они были командированы въ Зап. Монголію по иниціативѣ, нынѣ уже покойнаго, сенатора проф. О. Доннера, отъ финляндскаго отдѣленія международной ассоціаціи по изученію Средней и Восточной Азіи. Имѣлось въ виду пополнить недостаточныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ монгольскихъ памятникахъ старины. Ганъ, извѣстный датскій ученый, открывшій ключъ къ чтенію орхонскихъ письменъ, д-ръ Вильгельмъ Томсенъ оставили нѣкоторые вопросы въ чтеніи этихъ письменъ открытыми. Д-ръ Рамстедъ рѣшилъ доизслѣдовать орхонскія письменности, кромѣ того, поставили себѣ задачей собрать возможно бо́льшій матеріалъ по монгольскому эпосу (прежнее его собраніе, какъ извѣстно, было выкрадено изъ поѣзда Сибир. дороги и пропало безвозвратно), а также лингвистическій и фольклорный матеріалы. Все это онъ и собиралъ въ пути, г. Пяльсп велъ археологическій дневникъ и фотографировалъ.

Экспедиція прибыла въ Ургу и оттуда отправилась къ западу въ монастырь Хандо-вана, гдѣ помѣщены развалины на р. Хануголъ, описанныя Д. А. Клеменцомъ. Далѣе они шли черезъ м-ри Дзаинъ-гегена, Ламынъ-гегена къ м-рю Сайнъ-Нойна, одного изъ четырехъ „властителей" Халхи (Сѣв. Монголіи). Далѣе они

проникли въ княжество Дече-Рабданъ-гуна и перейдя черезъ р. Оргинъ-голъ, направились почти по прямой линіи обратно на Ургу.

Недалеко отъ Орхона, въ мѣстности Шинэ-усъ, нми открытъ неизвѣстный до сихъ поръ памятникъ съ большой надписью: строки въ 3 см. ширины, всего 45½ строкъ, въ каждой отъ 100 до 120 буквенныхъ знаковъ; можно думать, что памятникъ этотъ написанъ орхонскимъ письмомъ, а не уйгурскимъ. Найдено и много другихъ писаницъ. Монгольскій словарь обогатился въ собраніи д-ра Раметеда огромнымъ матеріаломъ и при этомъ массой старинныхъ нарѣченій. Д-ръ Раметедъ привезъ съ собой также большую коллекцію тамгъ, по которымъ приходитъ къ заключенію, что должно было существовать особое изобразительное письмо, остатки котораго сохранились въ этихъ тамгахъ.

(Изъ писемъ къ г-ну Рудневу: „Русск. Вѣд., 1909, № 280).

Изъ культурной жизни Турціи. По иниціативѣ султана Мехмеда V въ Константинополѣ образована комиссія, на которую возложена задача—написать исторію Турціи. Комиссія, подъ предсѣдательствомъ государственнаго исторіографа, Абд-ур-рахманъ Шерефъбея, насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ выдающихся османскихъ ученыхъ и публицистовъ, какъ-то: Неджибъ Асымъ (одинъ изъ немногихъ османцевъ, слѣдящихъ за успѣхами туркологіи за границей), А. Тевхидъ-бей (составитель каталога сельджукскихъ монетъ, хранящихся въ Константинопольскомъ музеѣ), Кароліди (авторъ историческихъ трудовъ на греч. яз.), Д. Келекіянъ (главный сотрудникъ газеты „Сабаh") и др.. Пока выработанъ планъ работы, которая должна обнимать исторію Турціи со всѣхъ сторонъ; въ нее войдетъ описаніе взаимоотношеній правительства и народа; описаніе культурной и экономической жизни, законы и военная организація, литература и религія. Задуманный трудъ раздѣленъ будетъ на четыре періода: первый—отъ вторженія турокъ въ Малую Азію до пораженія Баязида I Йылдырыма подъ Ангорой (въ 1402 году), второй — до султана Мехмеда II (завоевателя Константинополя), третій, періодъ политическаго расцвѣта—отъ Мехмеда II до Селима II (1451—1566), четвертый—переходная эпоха,—отъ Селима II до нашихъ дней. Въ распоряженіе

коммесіи предоставлены всѣ рукописные матеріалы, хранящіеся въ Сералѣ и другихъ библіотекахъ; кромѣ того, будетъ привлечена вся европейская литература. Для того, чтобы колоссальная по своимъ размѣрамъ задача поскорѣе была доведена до конца, каждый періодъ исторіи порученъ четыремъ лицамъ. И, несмотря на это, трудъ будетъ законченъ не ранѣе, какъ черезъ десять лѣтъ.

—Вскорѣ послѣ возстановленія въ Турціи конституціи, въ Константинополѣ было основано „Турецкое общество" (**Тӯрк дернеі**). Въ программу „Турецкаго общества" входитъ изученіе османцевъ и другихъ турецкихъ народовъ въ археологическомъ, историческомъ, литературномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Кромѣ того, „Общество" признаетъ своевременнымъ поднять вопросъ объ упрощеніи османскаго языка и очищеніи его отъ иностраннаго лексикальнаго балласта. Впервые, такимъ образомъ, османцы проявляютъ научный интересъ къ туркамъ. „Турецкое Общество" издаетъ съ мая мѣсяца періодическій органъ, выходящій подъ тѣмъ-же заглавіемъ „**Тӯрк дернеі**".

Число членовъ „Турецкаго Общества", находящагося подъ покровительствомъ наслѣдника престола, Юсуфа Изз-уд-дина, доходитъ до 50.

Вл. Г.

Рукописи Миклуха-Маклая, какъ извѣстно, обрабатываемыя для печати академикомъ Дм. Ник. Анучинымъ, имѣются еще въ рукахъ г. Кутукова (изъ Рязани), который, въ письмѣ въ Рус. Геогр. О-во, предлагаетъ ихъ пріобрѣсти вмѣстѣ съ собраніемъ другихъ рукописей и книгъ.

Племена къ востоку и сѣверо-востоку отъ озера Чадъ въ 1906 году были посѣщены экспедиціей Бордо (Bordeaux). Краткая замѣтка объ этомъ дана въ „Землевѣдѣніи", 1909, II. Эта часть Сахары въ 1871 г. была посѣщена Нахтигалемъ, въ 1904—06 г.г. Манженомъ и въ 1907 Гоклеромъ. Западная часть страны Эннеди, пройденной экспедиціей Бордо, по его словамъ, заселена племенами, по наружности и языку близкими къ тиббу; въ восточной половинѣ обитаютъ „она" (ана?), или накаcса, говорящіе на особомъ языкѣ, болѣе осѣдлые.

Населеніе Суматры недавно обслѣдовано бреславскимъ проф. Фольцемъ во время его путешествія па о-ва Зондскаго архипелага и описано въ его очеркѣ. (См. Globus 1909, 1—2 и „Землевѣдѣніе", 1909, 2). Народы Суматры, по его опредѣленію, составляютъ слѣдующія племена: 1) языческіе внутренніе народы—кубу и баттаки, 2) магометанскіе внутренніе народы—алласы и гайоп, 3) магометанскіе береговые малайцы, т. е. менангка атьехи, и бушмалайцы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 г.

Годъ XV. | на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ | Годъ XV.

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ и ГЕОГРАФІЯ“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля) книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ **ОДОВРЕНЪ** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ **ОДОВРЕНЪ** за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) аквариумъ и террариумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ были помѣщены статьи: Н. Я. Ашинфіева, А. П. Артари, проф. П. Бахметьева, Л. И. Бородовскаго, проф. А. Ѳ. Брандта, В. В. Богданова, П. Вольногорскаго, Н. Н. Вакуловскаго, проф. С. П. Глазенапа, М. И. Голенкина, проф. А. С. Догеля, М. И. Демкова, Л. Н. Елагина, В. Е. Жадовскаго, Б. М. Житкова В. Заленскаго, проф. Н. Ю. Зографа, Н. Ф. Золотницкаго, проф. Н. Ф. Кащенка, проф. Н. И. Кузнецова, проф. И. А. Каблукова, проф. Н. М. Кулагина, проф. Г. А. Кожевникова, М. А. Кожевниковой, проф. А. Н. Краснова, М. Э. Мендельсона, С. П. Меча, Г. А. Надсона, А. М. Никольскаго, Н. Д. Носилова, проф. А. П. Павлова, А. Н. Рождественскаго, проф. В. В. Сапожникова, Н. А. Сатунина, Н. Н. Сентъ-Илера, М. М. Сіязова, Ѳ. Н. Талієва, проф. К. А. Тимирязева, проф. А. А. Тихомирова, П. Р. Фрейберга, проф. В. М. Шимкевича, П. Ю. Шмидта и нѣкоторыя другія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 коп.; безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 р. 50 к.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

КОНТОРА-РЕДАКЦІЯ: Москва, Донская, домъ Даниловой, кв. № 4.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., предсѣдателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучина*), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на 1910 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Старое зданіе Университета, Географическій Музей, Секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ",

ИЗДАНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей предсѣдателя Отдѣленія *проф. Д. Н. Анучина*. Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору географической литературы и т. д.

Выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкой—6 руб. Прежніе экземпляры продаются по 5 руб. за годъ.

Принимается подписка на 1910 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій Музей, Географическое Отдѣленіе Общества Естествознанія.

„Этнографическое Обозрѣніе,“

журналъ, издаваемый Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ,

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ѳ. Миллера**, Товарища Предсѣдателя **Н. А. Янчука** и Секретаря **В. В. Богданова**.

Изданіе посвящено одному изъ важныхъ отдѣловъ нашего **отечествовѣдѣнія**—изученію духовнаго и матеріальнаго быта многочисленныхъ народностей Россіи: оригинальныя статьи, изслѣдованія, матеріалы, критика, библіографія, смѣсь, хроника, вопросы и отвѣты, корреспонденціи и иллюстраціи посвящены историческимъ, до-историческимъ и географическимъ свѣдѣніямъ объ изучаемыхъ народностяхъ, ихъ вѣрованіямъ, обрядамъ, нравамъ, творчеству (словесному, музыкальному и др.), языку, правовымъ отношеніямъ, внѣшнему образу жизни, а также другимъ вопросамъ этнографіи и внѣшней культуры.

Выходитъ четыре раза въ годъ, въ необязательные сроки, книжками около 10 листовъ каждая, въ форматѣ больш. 8°.

Цѣна годовому изданію 6 р. съ доставкой и пересылкой.

За границу 7 руб. съ пересылкой.

Отдѣльно книжка 1 р. 50 к. съ перес., за границу 1 р. 75 к. По той же цѣнѣ—экземпляры съ 1905 года. По особой цѣнѣ продаются №№ за прежніе годы. Немногіе оставшіеся полные экземпляры журнала за все время его существованія, а именно: книги I—LXXIX (1889—1908 гг.), продаются за 500 руб.

Книжнымъ магазинамъ уступка 20 коп. съ годового экземпляра.

☛ **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ РЕКОМЕНДОВАНО для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.**

Обращаться *въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“: Москва, Политехническій музей.*